

90-е: личности
в истории

СЕРГЕЙ ШАХРАЙ

КАК Я НАПИСАЛ КОНСТИТУЦИЮ
ЭПОХИ ЕЛЬЦИНА И ПУТИНА

СЕРГЕЙ ШАХРАЙ

КАК Я НАПИСАЛ
КОНСТИТУЦИЮ
ЭПОХИ ЕЛЬЦИНА И ПУТИНА

12+

СЕРИЯ

90-е: личности в истории

Шахрай С.

Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина / Сергей Шахрай. — М.: Синдбад, 2021. : ил.

ISBN 978-5-00131-390-8

Эта книга открывает серию «90-е: личности в истории». Ее автор — государственный советник по правовой политике, вице-премьер и министр российского правительства в 1990-х, депутат парламента четырех созывов, создатель Партии российского единства и согласия, заслуженный юрист России, профессор Сергей Шахрай. Мемуары охватывают не только девяностые — время политического взлета автора, но и многие события, случившиеся до и после этого переломного десятилетия в истории страны. Шахрай-юрист профессионально внимателен к фактам. Но его книга — не сухое перечисление имен-дат-событий, а воспоминания, полные драматизма и страстей, пронизанные духом того времени. Автор без прикрас пишет о своей политической карьере, честно оценивает обстоятельства и собственные поступки, стараясь извлечь из прошлого уроки для будущего. Мемуары Сергея Шахрая населены множеством ярких личностей: Борис Ельцин, Анатолий Собчак, Сергей Алексеев, Виктор Черномырдин, Евгений Примаков, Юрий Лужков, Михаил Мишустин, Жак Ширак, принц Чарльз и многие другие современники появляются на страницах не как персонажи парадных портретов, но как живые люди со своими достоинствами и недостатками. Писать мемуары о «горячих» девяностых — непростая задача. Автор понимает это и рассчитывает на читателя, который готов увидеть не черно-белую картину, а многоцветную и объемную реальность новейшей истории своей страны.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма

«Корпус Права» **Korpus Prava**

© С.М. Шахрай

© Фонд «Президентский Центр Б.Н. Ельцина»

© Издательство «Синдбад»

12+

ПЕРВЫЙ ЗАКОН НОВОЙ РОССИИ

Про то, что 1990-е были «лихими», твердят сегодня все, даже те, кто родился в 2000-х. Даже те, кто относят себя к демократам и либералам, как-то уклоняются от разговоров о первых годах новой России. Считают их чем-то вроде «скелета в шкафу» российской демократии. Дескать, тогда было время «черновой» истории, а теперь, начиная с рубежа веков, ее пишут набело.

Правду говорят, что в нашей политике слишком много от психологии. Может быть, именно стремление забыть о неоднозначных событиях 1990-х сделало нашу политическую элиту такой противоречивой и комплексующей. А от комплексов нельзя убежать. С ними можно и нужно справиться, но единственным способом — беспристрастно проанализировав случившееся. Ведь наша «черновая» история никуда не исчезла.

Остались и мы — депутаты первого российского парламента. Кто-то всерьез называет депутатскую генерацию 1990 года цветом российской политической элиты. Кто-то до сих пор посмеивается над нашим политическим донкихотством. Но сами к себе мы относимся гораздо строже.

Мы гордимся тем, что сумели немало сделать. Сокрушаемся потому, что могли бы сделать и больше. До сих пор остро переживаем свои ошибки и неудачи. И продолжаем спорить о том поистине судьбоносном времени. Не потому, что отстали от жизни. А потому, что граница между новой и старой Россией по-прежнему пролегает через наш депутатский корпус. Пролегает через нас.

Как известно, самые первые выборы народных депутатов РСФСР состоялись в два тура — 4 и 18 марта 1990 года. Это были первые и пока единственные в истории России выборы, проведенные целиком по мажоритарной системе: на тот момент уже не было «квот КПСС» (сколько конкретно депутатов из рабочих, интеллигентов и колхозниц избирать), но еще не было нынешних партийных списков. Поэтому за каждым из народных депутатов стояли сотни тысяч, а то и больше избирателей. За мной, например, было миллион триста тысяч жителей двенадцати подмосковных городов. Это накладывало очень большую ответственность и одновременно окрыляло.

Главное впечатление, оставшееся от первого российского парламента, — это двойственность. Он был внутренне противоречив, и действовал тоже противоречиво. В итоге именно эти противоречия определили его судьбу.

С одной стороны, в парламент впервые в истории влилась мощная демократическая волна. Но при этом реальное представительство коммунистов на съезде стало еще больше, чем в советские времена: свыше 87% депутатов были членами КПСС. И я в том числе.

Еще противоречие: наш первый российский парламент был наделен всеми законодательными, распорядительными и контрольными

функциями сразу. Но при всем при том должен был обеспечить реформу политической власти и с самого себя начать процесс реального разделения властей.

Именно этот парламент проголосовал за введение поста президента в России, но одновременно упорно пытался сохранить всевластие Советов.

Противоречие за противоречием!

Однако, вспоминая кровавые трагедии в Прибалтике и Средней Азии, Нагорный Карабах и Абхазию, нельзя не признать, что именно Съезд народных депутатов РСФСР стал тем инструментом, который в течение трех лет позволял, насколько это было возможно, отводить Россию от пропасти гражданского противостояния и войны. Именно благодаря съезду удалось, несмотря на издержки, достаточно спокойно, без потрясений вывести страну из системы монопольного правления КПСС. Удалось пусть коряво, но внедрить основные принципы демократии и разделения властей.

Лично я горд тем, что уже на Первом съезде у нас получилось утвердить систему электронного голосования, которая гарантировала избирателям открытый доступ к информации о позиции и результатах работы каждого депутата.

Съезд народных депутатов РСФСР стал также своеобразной «колыбелью» для отечественной многопартийности. В конце 1992 года, после решения о запрете одновременного членства депутатов в нескольких фракциях, официально были зарегистрированы 14 депутатских групп и фракций самого разного политического толка. Однако за пределы тепличной атмосферы парламента процесс отечественного партийного строительства не вышел. Разные политические объединения, быстро набиравшие вес в «песочнице» Кремлевского Дворца съездов, не смогли укорениться в реальной ситуации. Выборы декабря 1993-го это подтвердили.

Вспоминая историю первого российского парламента, так и хочется поделить страницу пополам и начать вписывать в две колонки плюсы и минусы. Не удивлюсь, если у представителей демократического крыла и левой оппозиции оценки реальных событий будут зеркально противоположными. Но, как ни странно, у каждого из нас итоговая плюсовая сумма будет больше.

У меня тоже есть свой гамбургский счет к съезду. Трудно переоценить роль первого российского парламента в создании правовых основ нового Российского государства, его политического и экономического устройства. Но самых главных, ключевых событий, на мой взгляд, было три.

Первое началось 12 июня 1990 года, когда съезд принял Декларацию о государственном суверенитете России, и закончилось 31 марта 1992 года принятием Федеративного договора. Что бы ни говорили любители

альтернативной истории, но для всех, кто знает факты, очевидно, что, не будь этой Декларации, сегодня не было бы и России. Безусловно, Декларация о суверенитете РСФСР и Беловежские соглашения — звенья одного исторического процесса. Безусловно, в случившемся не последнюю роль сыграло противостояние российской и союзной партийной номенклатуры. Но кто виноват в том, что союзное руководство, вместо того чтобы всерьез озаботиться состоянием государства, которое к концу 1980-х подошло к критической черте, вместо того чтобы обратиться к людям и честно рассказать о проблемах, погрузилось в политические интриги? Рост авторитета РСФСР показался опасным ЦК КПСС, и была сделана ставка на так называемый план автономизации. Если бы он был выполнен, то не только РСФСР развалилась бы, невосполнимую потерю понес бы и Советский Союз: ведь без единой России — своего стенового хребта — он распался бы моментально и, главное, без каких-либо перспектив на возрождение общего государства в будущем. В таких условиях Декларация о суверенитете РСФСР была не только попыткой сохранить целостность России, но и давала реальный шанс построить обновленный Союз.

Второе важное событие — это принятие закона о референдуме. Признание прямого волеизъявления народа «последней инстанцией» в решении особо важных государственных вопросов стало не просто переворотом в мировоззрении. На практике референдум стал очень эффективным инструментом, который помогал стране выйти из самых острых и опасных ситуаций.

Третьим, исключительным по своему значению решением было создание Конституционного суда.

Практически до конца 1980-х функции конституционного надзора и контроля выполняли партийные органы через Верховный Совет. Идея создания специального государственного института, контролирующего соблюдение Конституции, — Комитета конституционного надзора СССР — была, помнится, выдвинута Михаилом Горбачёвым на XIX Всесоюзной конференции КПСС в июне 1988 года. В Конституции РСФСР аналогичная норма появилась в октябре 1989-го. Формирование Комитета конституционного надзора РСФСР было отнесено к ведению Съезда народных депутатов РСФСР.

Однако Борис Ельцин сразу после избрания председателем Верховного Совета РСФСР заявил, что создавать надо не комитет, а именно Конституционный суд, и предложил внести соответствующие поправки в Конституцию. На Втором съезде, в декабре 1990 года, эти поправки были приняты, началась подготовка закона о Конституционном суде.

В то время я был председателем Комитета по законодательству. И наш комитет не только разработал законопроект, но и рассмотрел, обсудил всех кандидатов на посты будущих конституционных судей. Однако левое большинство упорно «валило» принятие закона, поскольку, согласно логике коммунистов, столько сил положить на создание

Конституционного суда мог только человек, который готовит «под себя» место его председателя. Пришлось, как говорится, пойти коллегам навстречу и официально заявить, что я заранее снимаю свою кандидатуру с любых постов в Конституционном суде.

Как ни странно, это сработало.

Уже в июне 1991 года Верховный Совет принял доработанный проект закона, 12 июля 1991 года Закон о Конституционном суде РСФСР утвердил Пятый съезд народных депутатов, а в октябре избрал 13 из 15 судей.

Правда, как известно, первые годы работы Конституционного суда оказались не только противоречивыми, но и по-своему трагическими. Суд был задуман как инструмент строительства правового государства и укрепления политической стабильности, но тем не менее не смог удержать нейтралитет и «пошел в политику». Весной 1993-го он осудил мартовские решения президента Ельцина о введении «особого порядка управления» и фактически предложил отправить его в отставку. Тогда для импичмента не хватило 72-х голосов. Политический конфликт между парламентом и президентом — двумя всенародно избранными властями, грозивший вылиться в кровавое противостояние, разрядил апрельский референдум. А через полгода, в сентябре 1993-го, именно действия Конституционного суда, который в экстренном порядке признал неконституционным указ № 1400, стали последней каплей, столкнувшей политическую ситуацию с точки и без того крайне неустойчивого равновесия.

Но, несмотря на такую «загогулину» в российской конституционной истории, я по-прежнему уверен, что создание съездом Конституционного суда было абсолютно правильным и своевременным решением. Переболев «детской болезнью игры в политику», этот орган не просто занял подобающее место в системе разделения властей, но стал одной из несущих опор нового государственного здания.

Депутаты проделали огромную работу по строительству законодательных основ новой государственности и создали правовые условия для экономических преобразований. Законы о собственности (1990), о земельной реформе (1990), о банках и банковской деятельности (1990), о предприятиях и предпринимательской деятельности (1990), о крестьянском (фермерском) хозяйстве (1990), о плате за землю (1991), о приватизации государственных и муниципальных предприятий (1991), об основах налоговой системы (1991), о денежной системе (1992), о валютном регулировании и валютном контроле (1992) и многие-многие другие — это всё наш депутатский корпус 1990–1993 годов.

Но самым первым стал закон о референдуме.

И убедил Ельцина принять этот закон я.

Нас свела кремлевская лестница

Тут настало самое время рассказать о том, как я познакомился с Борисом Николаевичем Ельциным. Нас свела парадная лестница в Кремле. Я это запомнил на всю жизнь. И теперь в любой момент могу сказать, как и где это случилось. А если пустят, то и показать это историческое место. Вот только с точностью до ступеньки, увы, не определю.

Познакомились мы только во время Первого съезда народных депутатов РСФСР, который шел больше месяца — с 16 мая по 22 июня 1990 года. Это был буквально следующий день после избрания Бориса Николаевича председателем Верховного Совета РСФСР. Конкуренция за этот пост была очень жестокая. Команде Ельцина удалось вырвать победу только в третьем, заключительном туре голосования. И то голоса на съезде разделились почти пополам.^[4]

А когда Ельцин стал председателем, сразу возник вопрос о структуре управления Верховным Советом и о формировании комитетов.

У меня же буквально накануне открытия съезда — 12 мая — вышла большая статья в «Известиях». В ней я поставил вопрос ребром: что надо сделать, чтобы Первый съезд народных депутатов РСФСР, в отличие от союзного, оказался не «коллекцией выборщиков, инструментом в руках прежней административно-командной системы», а «полновластным органом суверенной, экономически сильной республики, органом, способным принять решения, с которых и должно начаться возрождение России». И сам же дал на него ответы^[5].

Кому-то из ельцинской команды эта статья попала на глаза. Кажется, Геннадий Бурбулис⁴ потом говорил, что они ее «с карандашом» перечитывали.

Наверное, из-за этой статьи меня с Ельциным и познакомили. Не помню точно, кто это был. Потому что лестница и есть лестница.

— Борис Николаевич, вот тот самый Сергей Михайлович, которого мы хотели вам представить, — а дальше, мол, такой-то и такой-то, известен тем-то и тем-то и очень хорошо разбирается в интересующем вас вопросе.

— Да, я знаю, смотрел.

Фактически одной фразой. Мол, всё понял, запомнил, буду иметь в виду.

Ну, он такой... Умел показать, кто тут главный.

На этом все и завершилось. Никаких там: «они с первого взгляда понравились друг другу и жили долго и счастливо». Просто короткая встреча, короткая фраза. Но вот ведь — запомнилось.

И только позже, когда мы встретились, чтобы непосредственно обсудить направления будущей работы Верховного Совета, я предложил Борису Николаевичу свою программу. Но это случилось уже после того, как меня на съезде избрали председателем Комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству и по должности я вошел в Президиум Верховного Совета РСФСР, который тоже возглавлял Ельцин.

В то время была целая парламентская пирамида: согласно Конституции, съезд собирался на очередные заседания один раз в год, между съездами постоянно работал Верховный Совет, а работу Верховного Совета организовывал Президиум. Вот там-то я и оказался.

Кстати, в первом Президиуме Верховного Совета РСФСР было много ярких личностей: Владимир Исаков⁵, Сергей Филатов⁶, Николай Травкин⁷, Александр Руцкой⁸, Екатерина Лахова⁹, Сергей Ковалёв¹⁰, Асламбек Аслаханов¹¹, Сергей Степашин¹², еще десятки имен, которые вошли в историю современной России. Со многими из них судьба долго вела меня то параллельными, то встречными курсами, а порой ставила нас по разные стороны баррикад.

К слову, с Сергеем Вадимовичем Степашиным, который входил в этот Президиум от Комитета по вопросам обороны и безопасности, мы познакомились ещё раньше. На первом съезде мы — вновь избранные депутаты, сначала двигались поодиночке и хаотично, как частицы при броуновском движении, а потом начали искать себе союзников, потому что, как известно, один в поле не воин. И очень быстро нашли друг друга. Сергей Степашин, Дмитрий Волкогонов¹³ и я познакомились, пообщались, оценили друг друга, что называется «сошлись во мнениях» и создали, современным языком говоря, фракцию под названием «Левый центр». Вот с тех пор мы с Сергеем Вадимовичем и движемся, если не рука об руку, то на расстоянии видимости.

Итак, историческая встреча на лестнице, избрание меня председателем комитета, мои предложения Ельцину по первоочередным задачам для Верховного Совета РСФСР.

Что за предложения?

Да все очень просто. Это был список первоочередных законов.

Ельцин его внимательно прочел и заметно удивился.

А первым будет закон о референдуме

Борису Николаевичу показалось весьма странным, что первым в перечне законов, которые срочно требуется разработать и принять, у меня значился закон о референдуме. По его представлениям, первоочередными законами должны быть, к примеру, закон о собственности, о земле, о партиях, о средствах массовой информации. Всё, о чем велись яростные споры, что было на слуху, что являлось предметом дискуссий всех СМИ, всех депутатов. Но закон о референдуме... Я даже думаю, не все знали, что это за слово такое иностранное. Шучу, конечно. Но если серьезно, то на тот момент про закон о референдуме никто даже не задумывался. И Ельцин тоже. Вряд ли он тогда догадывался, какую огромную роль сыграет этот закон в его судьбе. И не однажды сыграет.

Я сегодня горжусь тем, что именно тогда — на этой встрече — я убедил Бориса Николаевича, что стране, народу и ему лично абсолютно необходим закон о референдуме.

Почему?

Я по рождению терский казак. И возможно, именно поэтому у меня где-то на генетическом уровне, где-то глубоко внутри сидит страх гражданской войны. О чем это я? Да о том, что гражданская война для России — это бездна, это гибель сотен тысяч и даже миллионов людей. Гражданская война, как свидетельствует история, огромная беда для любой страны, но в России почему-то она всегда в таких-то формах проходит, что гибнут миллионы.

Кстати, я думаю, что и мою семью она стороной не обошла. Я ни от бабушки, ни от отца, которого долго пытал, так точно и не узнал, кем был мой родной дед Александр и что с ним стало. На все мои вопросы отвечали одной фразой: «Отчего умер, спрашиваешь? А от воспаления легких умер. В 28 лет». Это в 1922–1923 годах? Едва ли. Тогда молодые мужчины в своей постели не умирали.

И этот самый страх гражданской войны меня заставлял всё время искать механизмы, чтобы избежать кровопролития. В итоге родилась устойчивая формула: пусть противники лучше идут к избирательным урнам, чем на баррикады.

Что такое референдум?

Это всенародное голосование по наиболее важным и сложным вопросам. А тогда, в те самые годы, наиболее важным и сложным было всё, за что ни возмись. И страна бурлила почти так же, как несколько десятилетий назад, когда встал «проклятием заклеянный, весь мир голодных и рабов» и в порыве снес всё, что стояло у него на пути. И это самое бурление могло очень плохо закончиться. Если время от времени не выпускать пар из «политического котла», то он может взорваться.

Вдобавок в стране был жесточайший экономический кризис. Еще с конца 1980-х все говорили об экономических реформах. Но союзное руководство стало перемены тормозить, и республики решили спастись от окончательного краха поодиночке. Собственно, Россия потому и пошла на решительные шаги, что дольше ждать «милостей от природы», вернее от союзного центра, было просто некогда. Экономическая команда Ельцина стала готовить свою стратегию реформ. Но никто не задумывался об их политической защите. Не будучи специалистом в экономике, я тем не менее понимал, что перемены будут радикальными. А в такой ситуации возможно всякое. Тем более что расклад сил в обществе был совсем не очевидным.

Все хотели перемен. Но вот по части того, какими должны быть реформы, какими методами их проводить и кто их возглавит, согласия не было. Мне было очевидно, что по любому из десятка пунктов плана реформ общество могло в одно мгновение расколоться и взорваться,

поскольку и демократы, и коммунисты свято верили, что именно за ними стоит народное большинство.

А раз так, то политические противники, уверенные в поддержке общества, могли пойти на резкие шаги и опасно раскачать ситуацию.

В таких условиях идеальным решением вопроса становился референдум. Он устраивал все политические силы, на него все соглашались. Почему? Да потому, что каждый из противников был уверен в своей победе. И в каком-то смысле уже неважно, как в итоге решается тот или иной вопрос. Важно то, что благодаря референдуму происходил сброс пара из котла, а паровоз ехал себе дальше к пункту назначения.

У меня эта картина очень четко была выстроена, разложена по полочкам. Поэтому я, в ответ на недоуменный взгляд Ельцина, и сказал: «Нам нужно защитить реформы. Политическое столкновение, и не одно, неизбежно. Поэтому нам надо иметь такой инструмент, который поможет эти столкновения предотвратить». В итоге я его довольно быстро убедил.

И убедил именно потому, что Ельцин тоже был абсолютно уверен, что за ним — большинство и что люди обязательно его поддержат. И именно прямое обращение к народу, именно референдум — это его инструмент.

И, как потом показала история, Борис Николаевич не ошибся.

Закон о референдуме спас политическую и экономическую систему новой России и не раз давал президенту время для маневра, для того, чтобы собраться с силами и духом.

Именно так, я не оговорился: чтобы собраться с духом.

Многие считали, что Ельцин очень решительный и всегда уверенный в себе человек. Он, собственно, так и выглядел на публике. Помнится, именно поэтому Борис Немцов всё время его царем величал. Считал очень сильным, способным играть своей командой, как пешками: ставить одним мановением руки туда, куда считает нужным, использовать, перетасовывать, приближать, отдалять. Как сегодня говорят: рулить. Я с Немцовым на эту тему потом не раз спорил.

Лично я уверен, что по природе своей Борис Николаевич не был ни решительным, ни безрассудно смелым человеком. Он был скорее осторожным и прагматичным.

На мой взгляд, Ельцин становился «тем самым» Ельциным — настоящим тигром — только в критической ситуации. Особенно если всё происходило публично. А еще — если его загнали в угол и остался только один выход — идти на прорыв.

Но вот если возникали варианты, то он зависал, прямо как какой-нибудь очень медленный компьютер. А когда заканчивался очередной кризис, то вообще можно было несколько месяцев убить на то, чтобы какое-то решение дальше двинуть. Острая нужда прошла, и Борис Николаевич уже не спешил что-то делать. Много раз я это видел.

Но, повторю, в данном случае он почувствовал, что прямое обращение к народу — это его инструмент, и взял на вооружение мой список законопроектов.

Так что, когда все депутаты после Первого съезда разъехались, я собрал в команду нескольких экспертов и на госдаче в Архангельском месяца за полтора написал закон «О референдуме»[\[6\]](#).

Как сейчас помню, номер у этой дачи был 15, и она стала просто легендарной. Там столько ключевых для новой России документов было написано. Мне эту дачу никто не выделял, я сам себе ее организовал. Сразу после выборов в депутаты я попал в комиссию по подготовке Первого съезда. Раньше всем и всегда заправлял аппарат, а депутаты РСФСР решили, что хватит быть марионетками, надо разбираться, как работает вся эта внутренняя машинерия. Когда меня включили в эту комиссию, то я стал ходить по всем кабинетам, расспрашивать людей. Сейчас бы сказал, что я что-то вроде аудита пытался провести в «старом» Верховном Совете РСФСР и его Управлении делами — ХозУ. И я очень четко понял, что реальная власть именно там, где хозяйственные дела — все эти дачи, гаражи, транспорт, гостиницы и так далее.

И обладая этим бесценным опытом, в итоге дачу для работы я организовал сам. Надо же было себя и экспертов отключить от внешнего мира, чтобы не дергали нас звонками и встречами. Чтобы только сидеть и писать. Ну и автономия определенная должна была быть — залы для совещаний, комнаты для работы, для отдыха. Вот я и выбрал такое решение.

Фактически тогда мы написали первый закон новой России. Он начинался буквально теми словами, какими я объяснял идею Ельцину:

«Референдум РСФСР (всероссийский референдум) — всенародное голосование по наиболее важным вопросам государственной и общественной жизни Республики. Решения, принятые всероссийским референдумом, обладают высшей юридической силой, в каком-либо утверждении не нуждаются и обязательны для применения на всей территории РСФСР».

Как референдумы спасли Россию

Я всегда считал и считаю этот закон главным для смены политической системы и выигрыша всей ситуации.

Когда в сентябре 1990 года я убеждал Верховный Совет РСФСР в необходимости срочно принять закон о референдуме, я показывал, как этот механизм поможет выйти из паралича власти, который случился из-за конфликта между союзным и республиканским парламентами. Я говорил: «Над всеми парламентами есть высший судья — народ. Откладывая проект закона о референдуме, мы отнимаем у себя одну из немногих возможностей нормального, цивилизованного выхода из

конфликта — без конфронтации, без гражданской войны. А именно путем обращения к народу, вынесения вопроса на всенародное голосование».

И последующие события показали, что это решение было правильным. При наличии примерно равного соотношения сил демократов и недемократов каждая из сторон считала, что на выборах или на референдуме победит именно она. В итоге эта политическая иллюзия и своевременное обращение к механизму всенародного референдума несколько раз спасали страну от гражданской войны.

Во-первых, это история с законом о введении поста президента России[7]. Горбачёв и союзный центр никогда бы по доброй воле не дали России шанс создать пост президента. А расклад сил на съезде российских депутатов тоже был не самый благоприятный. Тут могло сработать и сработало только прямое обращение к народу, о том, что в такой сложной, многонациональной, разрываемой противоречиями стране необходим сильный, избираемый населением и пользующийся его поддержкой лидер. Чем не вопрос референдума? Да отличный вопрос!

Во-вторых, это апрель 1993 года. Знаменитый референдум «Да-Да-Нет-Да»[8]. Это был самый разгар конфликта, когда депутаты попытались объявить Ельцину импичмент.

Я хорошо помню эту ночь. Идет голосование. Стоит гнетущая тишина. Все, кто с яростью только что кричал «Долой!», по-моему, сами испугались, что проголосовали за отстранение Ельцина. Потому как ситуация тут же обросла слухами: сейчас придут вооруженные ребята и всех депутатов прямо в зале повяжут. В общем, перепугались своей храбрости народные избранники. И когда комиссия объявила, что импичмент не прошел, что для отстранения не хватило нескольких десятков голосов, по-моему, все дружно вздохнули с облегчением: «Ффуух, пронесло!»[9]

Но после ночи всегда приходит утро, а после застолья — похмелье. Буквально на следующий день возник вопрос: а что дальше делать? Импичмент не прошел, но проблемы и противостояние остались. Поскольку я человек миролюбивый и не склочный, то у меня возникла идея, что нам надо не бороться с депутатами, а предложить политическую комбинацию в виде референдума.

С этим неожиданно согласились все. И... начался большой и длинный торг о вопросах референдума. Хасбулатов¹⁴ с командой сначала хотели поставить только один вопрос: о доверии правительству Гайдара. Потом добавили: о доверии президенту и об одобрении социально-экономической политики правительства. В общем, уже не помню как, но в итоге на референдум пошли четыре вопроса: о доверии президенту, об одобрении социально-экономической политики президента и правительства, а также о необходимости досрочных выборов, соответственно, президента и народных депутатов.

Тогда-то и родилась эта знаменитая формула, которую наши сторонники стали скандировать повсюду: доверие к президенту — да; одобрение политики правительства — да; досрочные выборы президента — нет; досрочные выборы депутатов — да.

Сам референдум был назначен на 25 апреля. Я им особо не занимался, потому что мы с Сергеем Сергеевичем Алексеевым¹⁵ к этой дате спешили закончить проект президентской Конституции. Потому как Ельцин должен был тем самым символически сказать народу: «Я обращаюсь к вам не просто с вопросом о том, любите вы меня или не любите, а предлагаю вам свою программу обустройства России в виде нового Основного закона».

Референдум дал тот результат, на который мы рассчитывали. Единственное, о чем я до сих пор жалею, — что итоги голосования не были использованы так, как я предлагал. А предлагал я осуществить «нулевой вариант»: через месяц пойти на одновременные досрочные выборы и президента, то бишь Ельцина, и депутатов.

В целом мы тогда выиграли. Морально выиграли, политически тоже. За досрочные выборы президента высказалось 49,49% участников референдума, а за досрочные выборы народных депутатов — 67,16%.

Но Конституционный суд сделал удивительный кульбит. Он заявил буквально следующее: хотя подавляющее большинство участников референдума выступили за досрочные выборы депутатов, это решение принимать во внимание не надо. Потому что, по мнению судей, считать голоса надо не от числа участников референдума, а от общего количества избирателей. А при таком подсчете до пятидесяти процентов от списка всех избирателей результат не дотягивает. То есть референдум состоялся, воля народа проявлена, но она не имеет юридического значения.

Тем самым Конституционный суд дал противникам президента основания думать, что они тоже не проиграли, а значит, двойственность ситуации сохранилась.

Так вот, я посчитал, что при таком положении дел окончательно снять проблему может только игра на опережение. А потому надо срочно результат референдума материализовать в политические решения, в Конституцию, в выборы, в должности.

Я предложил Борису Николаевичу примерную схему для выступления: «Чтобы не повторять ситуацию, не погружаться дальше в кризис, предлагаю в июне провести одновременные выборы. Давайте перевернем эту страницу, прекратим конфликт и одновременно выберем парламент и президента. И тогда все политические силы, президент и парламент, действуя как одна команда, поведут корабль по имени Россия в светлое будущее».

Если бы он так сделал, то после этих выборов мы бы получили предельно чистую картинку: новая политическая ситуация, новая Конституция,

новая власть и избиратели как высший источник власти, которые сами приняли на референдуме такое решение.

Но меня с моим предложением чуть не затоптали: да ты что, какие могут быть сомнения? Народ третий раз за два года оказал доверие президенту, все полномочия ему люди дали, на референдуме победили. Зачем переизбирать Ельцина? Вот депутатов, конечно, надо бы переизбрать. А Бориса Николаевича — ни-ни, не трогать.

Я в ответ и Ельцину, и членам Президентского совета сказал: «Не получится только депутатов переизбирать, потому что по Конституции именно они на съезде назначают дату выборов. Что же они, самоубийцы? Сами подпишут себе смертный приговор? Здесь можно добиться успеха, только если сказать: давайте я уйду и вы уходите, мы с вами вместе честно уходим и назначаем единые выборы».

Вот на такое предложение президента ни морально, ни политически депутаты не могли бы возразить.

И как я ни объяснял коллегам, что по факту после решения Конституционного суда мы получили настоящее двоевластие и что всё это добром не кончится, меня не услышали. Или не хотели слушать. В итоге так и случилось.

Позже Ельцин все-таки пошел на «нулевой вариант». 1 октября 1993 года мы привезли на переговоры в Свято-Данилов монастырь его согласие на одновременные досрочные выборы президента и нового двухпалатного парламента. От Верховного Совета делегацию тогда возглавлял Юрий Воронин. Так вот он «не довез» эту информацию до депутатов в Белом доме^[10]. Они вдвоем с Русланом Хасбулатовым скрыли, что Борис Николаевич предложил одновременные перевыборы. Наверное, уже чувствовали себя победителями...

Ну и если на то пошло, собственно, и действующая Конституция принята всенародным голосованием. Хотя были разные варианты. Был вариант — созвать Конституционное собрание, был вариант — создать какую-то ассамблею или — «додавить» съезд, чтобы он принял Конституцию. В итоге победил вариант со всенародным голосованием. Что я до сих пор считаю очень важным и очень правильным.

К моему огромному сожалению, потом этот институт — референдум — тихо заснул. В 1995 году, после того как приняли новый вариант закона, организовать и провести референдум стало страшно сложно. Но я уверен, что на новом этапе развития страны и ее политической системы этот механизм возродится и еще не раз будет использован во благо народа России.

Черный Белый дом

А если возвращаться к 1993-му, то мне по-прежнему горько оттого, что реальную возможность не свернуть в октябрь, которую давал

референдум, политики, причем с обеих сторон, упустили. И как следствие, история с первым российским парламентом завершилась совсем печально.

Сейчас уже даже не верится, что такое было в Москве. Вся эта стрельба болванками по верхним этажам Белого дома... Кстати, что интересно, ни один депутат ни одной царапины не получил. А вот среди их сторонников, которые почти две недели вокруг здания митинговали, да еще мэрию с Останкинским телецентром захватывали, жертвы были. Были потери в этих столкновениях и среди наших военнослужащих — Минобороны и МВД. Причем люди гибли не только 4 октября, но и раньше.

Начал об этом писать, и сразу воспоминания нахлынули. Стоит перед глазами этот почерневший Белый дом...

Сначала такой паралич был, шок психологический колоссальный. Потом была создана комиссия, проведено расследование, состоялся суд. Суд был справедливый.

После все депутаты вернулись постепенно кто куда. И это тоже правильно. И когда я и пять, и десять, и пятнадцать лет спустя встречал Николая Ивановича Рыжкова, или Анатолия Ивановича Лукьянова¹⁶, или секретарей обкомов, я понимал, что, видимо, в этом была историческая роль президента Ельцина: он не тронул ни одного бывшего номенклатурного лидера. Физически и политически не тронул. И это тоже стало хорошим противоядием от гражданского противостояния и гражданской войны.

А ведь были горячие головы... У нас чуть что, так готовы повесить на первой осине. Причем неважно — демократы, коммунисты, монархисты, — абсолютно одинаковая реакция. Помню, как и депутат Челноков¹⁷, и правозащитник Пономарёв¹⁸, и священник Якунин¹⁹ требовали сурово расправиться с врагами демократии.

Мудрый был Борис Николаевич. Никого не послушал. Сам решил всё, по совести.

Закончил наш первый российский парламент плохо, а ведь как хорошо начинал. Сколько всего сделал!

Про законы для экономических реформ я уже говорил. А ведь еще были акты, которые впервые законодательно закрепили гарантии прав и свобод человека и гражданина. Все законы и не перечислить, но вот хотя бы основные: о свободе вероисповедания (1990), о СМИ (1991), о реабилитации жертв политических репрессий (1991), о гражданстве РСФСР (1991), о языках народов Российской Федерации (1991), о праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации (1993).

Или вот — законы, благодаря которым мы смогли на обломках союзных органов создать новую систему обеспечения национальной безопасности

России: о чрезвычайном положении (1991), о милиции (1991), о внешней разведке (1992), о федеральных органах госбезопасности (1992), об обороне (1992), о безопасности (1992), о внутренних войсках МВД (1992).

Перечислять можно еще долго. Но нельзя не признать, что тот же самый депутатский корпус сделал принимаемые законы половинчатыми, а политические решения противоречивыми. Перефразируя известную ленинскую формулу, двигался по принципу: «шаг назад, два шага вперед».

История не терпит сослагательного наклонения. Но скольких проблем и сегодняшних трагедий мы бы избежали, если бы съезд и Верховный Совет поступили в начале 1990-х чуть-чуть по-другому.

Если бы Верховный Совет согласился ввести чрезвычайное положение в Чечне в 1991-м, когда у мятежного Дудаева было всего полторы сотни боевиков, не было бы сгоревших танков на грозненской площади. Минутка в декабре 1994-го, не было бы капитуляции в Хасавюрте в 1996-м и взрывов жилых домов в центре России в 1999-м.

Если бы демократическое крыло съезда и оппозиция не пытались решать вопрос о власти путем внесения противоречивых поправок в действовавшую тогда Конституцию РСФСР, вряд ли мы бы увидели в новейшей истории России ситуацию почти классического двоевластия со всеми вытекающими из этого обстоятельства трагическими последствиями.

Даже когда противостояние властей стало перерастать в горячую фазу, еще оставались пути мирного разрешения конфликта. Если бы депутатский корпус и президент договорились о модели одновременного досрочного переизбрания парламента и главы государства, то трагедии октября 1993-го просто не случилось бы.

Эйфория начала 1990-х, живая поддержка народа, пьянящее ощущение избранности и права руководить страной в режиме «ручного управления» породили у депутатов ощущение вседозволенности и безнаказанности. Если в 1990–1991 годах первый российский парламент был символом свободы и демократии, передовым отрядом российского общества, то уже к началу 1993-го он, измученный внутренними противоречиями и амбициями, потерял последнее представление о реалиях жизни.

Сколько в трагическом финале первого российского парламента было объективного и сколько субъективного? Можно спорить до бесконечности. Но очевидно одно — он сыграл ключевую роль в истории современной России.

Еще один Борис

В начале моей депутатской карьеры состоялось мое знакомство еще с одним Борисом — Немцовым.

Шел 1990 год. Закончилась сессия. Мой комитет был расположен на третьем этаже того самого Белого дома — на Краснопресненской набережной. Жарко, макушка лета, конец июня или начало июля. И тут неожиданно заваливается в мой кабинет молодой, красивый парень. Кудрявый такой, в сандалиях и белых штанах. Эти штаны меня поразили: у нас народ что снаружи, что внутри был на все пуговицы застегнут. А этот...

Потом он в таком же вольном прикиде — белых штанах и сандалиях — придет ко мне в штаб по выборам Ельцина. Тоже летом дело было. Только в 1996-м.

А в 1990-м Борис мне прямо с порога говорит:

— Сергей Михайлович! — Он меня уже знал в лицо; на съезде, на политических тусовках вместе мелькали, общались, что-то обсуждали, группировались. — Я хочу к тебе в Комитет по законодательству. Пришел записаться.

— Неожиданно, — говорю. — Извини, Борис Ефимович, ты же это... не юрист. Ты кто — физик или математик?

— Ну, физик вообще-то.

— И что тебе, скажи на милость, в Комитете по законодательству делать?

— Я пришел писать закон о земле. — И смотрит на меня так внимательно, держит паузу.

Я тоже молчу. Тогда он продолжает:

— Мне другие законы совсем не интересны. У меня есть соображения по закону о земле. Я, как и ты, прошел сложнейшую избирательную кампанию, где об этом всегда люди говорили. Потому я знаю, что, по их мнению, там должно быть. А как это «что» надо в законе изложить — ты же мне и поможешь. Как юрист.

Я понял, что энергии у него хоть отбавляй, желание имеется, мозги на месте. И решил: надо брать. В комитет я его прямо сразу и записал, а на первом же заседании назначил ответственным за подготовку проекта закона о земле. Так началась наша совместная работа.

И надо сказать, что мой комитет, особенно в первые годы, Борис посещал довольно регулярно. Почему? Да потому, что он понимал значение Комитета по законодательству. Он, как и я, твердо считал, что в любом парламенте есть только два по-настоящему важных комитета: по бюджету и по законодательству. Все остальные, безусловно, тоже важны, но больше с точки зрения профессиональной экспертизы, подготовки документов. Но только эти два комитета — локомотивы парламентской деятельности. А нынешний парламент этого до сих пор не понял.

Кстати, в этом он весь — Борис Немцов: «Я пришел написать вам закон о земле». Именно то, что он пришел с конкретным вопросом, думаю, тогда и поразило меня, и привлекло мое внимание. Человек пришел не с фантазиями какими-нибудь, не с лирикой на общую тему, а с четким пониманием того, что хочет. Уверен, что он всегда точно знал, чего хочет. И когда подписи Ельцину принес против войны в Чечне, и когда подал в отставку после того, как президент отстранил все правительство младореформаторов, а его не уволил. И когда ушел «на улицу» — в жесткую оппозицию.

А над законом о земле он и в самом деле серьезно работал. Вел этот законопроект в комитете добросовестно: сам что-то писал, экспертов собирал, обсуждения совместные проводил. Этот его проект мы потом обсуждали на заседаниях комитета. Но в те времена решение не было найдено, и закон о земле завис надолго.

Ведь земельный вопрос для России был по своей сути примерно таким же, как дискуссия о выносе тела Ленина из Мавзолея: не столько юридическим и экономическим, сколько политическим и психологическим. Для либералов — надо землю скорее пустить в оборот, чтобы пользу приносила. А для коммунистов — землю-матушку продавать принципиально нельзя. Это — святое, даже если все там заброшено и разрушено.

К закону о земле как совместному проекту мы с Немцовым больше не возвращались. А вот каждого по отдельности эта тема еще долго не оставляла.

Немцов, как я понимаю, с земельным вопросом столкнулся, когда стал губернатором. Хотя его Нижегородская область не сельскохозяйственная, разных проблем с землей хватало. И в этих спорах он всегда исходил из тех взглядов, которые пытался в самом начале своей деятельности в законе провести. Кстати, именно работа губернатором сделала его более жестким и прагматичным: он понял, что теория всегда отличается от практики. Особенно у нас в России.

Что касается меня, то наши комитетские наработки уже гораздо позже, году в девяносто седьмом, очень дажегодились. Тогда произошел очередной кризис: чтобы придать еще один стимул экономике, начать реально развивать сельское хозяйство и фермерство, надо было дать гарантии людям и распространить оборот земель не только на дачные участки. А коммунисты опять резко выступили против частной собственности на землю сельскохозяйственного назначения. Целый демарш устроили в Думе.

Президент Ельцин потребовал создать очередную рабочую группу по подготовке проектов соответствующих законов. Меня назначил руководителем. И конечно, я в первый же день достал все свои архивные папочки, в том числе наши наработки с Немцовым. Кое-что из них действительно пригодились. Потом мне Ельцин поручил организовать первый круглый стол по проблемам земельной реформы в Российской

Федерации и попробовать договориться с коммунистами. Но дело шло туго, потому что там, где на первом месте идеология, разум и логика не действуют.

А вот с Немцовым можно было легко договариваться, потому что он как раз очень уважал формальную логику. Его заносило частенько, он иногда витал в облаках, но если было четко показано, что дважды два четыре, то он не оспаривал, соглашался.

Мне кажется, у нас была какая-то взаимная симпатия, очень долго, на всех этапах. Светлый был человек, открытый, добрый. Так глянешь не слишком внимательно: внешне — просто Остап Бендер с этими вечными белыми штанами. А на самом деле он очень серьезный был и глубокий. И гораздо более рациональный, чем казался. В политике он себя чувствовал как рыба в воде. А все эти внешние атрибуты в стиле «рубаха-парень» — совершенно наносное.

Предполагаю, что, как человек думающий, он наверняка часто сомневался, колебался, а потому — ошибался. Но, кстати, свои ошибки он признавал очень тяжело. Вернее, просто предпочитал их забывать.

Вспомнил о нашей работе с Немцовым, и сразу в глазах эти страшные кадры: Борис, лежащий на этом мосту, в самом центре Москвы, с видом на Кремль, убитый выстрелами в спину. Так подло: не лицом к лицу, а в спину...

Кто мог подумать, что это может произойти?

Уже несколько лет нет Бориса. А вспоминается постоянно: молодой, энергичный, живой, с вечной улыбкой на лице. Самый молодой губернатор, страшно популярный младореформатор, оболганный вице-премьер, несостоявшийся преемник, лидер Союза правых сил, оппозиционный политик...

А для меня навсегда — Боря Немцов из моего Комитета по законодательству...

ПАРЛАМЕНТА У НАС И НЕТ

Чтобы завершить историю о моем романе с парламентом, должен я в заключение заявить одну парадоксальную вещь. Если смотреть на ситуацию без романтического флера, то, в принципе, нормального парламента у нас никогда не было, да и сейчас нет. Конечно, формально-то он есть, но если разобраться по существу, то это не парламент.

Примерно до 1998 года собрание депутатов, которые заседали сначала в Доме Советов на Краснопресненской набережной, а потом в здании на Охотном Ряду, было не парламентом, а неким местом, площадкой, где сталкивались политические и экономические интересы. И в этом месте часть проблем и вопросов решалась. Поэтому значение Верховного Совета, а затем и Государственной думы было намного выше, чем сейчас.

Депутатам ведь тогда не просто спускали законы для одобрения, а бюджет для утверждения. Правительство было вынуждено ходить в Госдуму и доказывать свою позицию, администрация президента тоже была вынуждена с депутатами считаться. Почему? Да, собственно, потому, что расклад голосов в первых Думах всегда был не в пользу президента и правительства. Мы хоть чему-то тогда научились демократическому: искусству компромисса, искусству диалога, искусству политической борьбы.

А что сейчас? Сейчас парламент, как тот бронепоезд из революционной песни, «стоит на запасном пути». Штампует законы. Как кто-то хорошо сказал: если две ветви власти во всем согласны друг с другом, то одна из них явно лишняя. Правда, иногда депутаты сами какие-то такие зажигательные инициативы придумывают, что нервно вздрагивает не только общественность, но и президентская администрация.

Плохо ли, что парламент во всем нынче согласен с президентом и правительством? Нисколько. Это не страшно. Просто в современной России иначе быть не может.

Почему?

Да потому, что в стране сегодня по факту нет многопартийной системы, нет политической конкуренции. А посему нынешняя Дума ничего не решает. Как сказал в свое время спикер Госдумы Грызлов²⁰: «Парламент — не место для дискуссий». И был прав. О чем дискутировать, если практически все вопросы решаются в Администрации Президента, какие-то — в правительстве, а парламент только оформляет эти решения: политические, экономические?

Это не в обиду парламенту сказано. Просто факт. И это надо понять.

Более того, еще раз повторю: такое положение дел — это совсем не страшно. Как только в стране возникнет реальная политическая конкуренция и многопартийная система, то сразу выяснится, что парламенту есть что делать, а его функции можно и нужно расширять.

Пока же наши депутаты своими руками на протяжении десяти лет дружно отказывались и продолжают отказываться от своих полномочий. Они передали все финансовые и бюджетные полномочия правительству, практически полностью ушли из сферы контроля за бюджетом и ряда других важных областей, совсем перестали дискутировать по принципиальным вопросам. Хотя, конечно, оппонентам дают высказаться, даже специально приглашают. Но, по-моему, эксперты перестали туда ходить: какой смысл что-то объяснять и доказывать, если дискуссии стали просто формальностью? Дескать, положено решение пообсуждать — пообсуждали. Но оно не изменилось ни на йоту, потому как уже было принято в другом месте.

А раз депутаты теперь у нас стали своего рода политической виньеткой, то и уровень депутатского корпуса заметно снизился. Дельные люди,

серьезные, профессиональные, уважающие себя просто не хотят садиться в депутатское кресло. Им там тесно и некомфортно. И делать нечего.

Как я тоже партию строил

Вот я твержу, что многопартийности у нас нет. Но ведь по факту организаций-то много. С одной стороны, имеется самая главная и, что называется, самая любимая партия — «Единая Россия». С другой стороны — есть еще несколько партий, тихо существующих рядом с главной и нужных исключительно для красоты и демонстрации того, что у нас все как у людей: настоящая политическая свобода и демократия. Хочешь — иди к Зюганову²¹, хочешь — к Жириновскому, а хочешь — сливайся в едином порыве со всеми единороссами. Давным-давно такая система сложилась. Но это не партии, а части системы. И ничего в ней не меняется. Почему-то отпала охота у людей свои партии создавать.

А вот в начале 1990-х партии и разные политические объединения росли как грибы после дождя. Не отказал себе в таком удовольствии и я. Создал-таки вместе с соратниками собственную партию, которую мы назвали Партией российского единства и согласия.

Собственно, наше решение было реакцией на октябрьские события 1993 года, то есть на контрреволюцию. Сижу вот, перелистываю научные статьи, где историки и политологи уверенно объясняют читателям — и мне в том числе, — что за организацию я создал, да с какой целью, да на какой идеологической платформе.

Удивительное возникает чувство: вроде вот он я, еще тут. Почему бы не спросить — а как это было? А зачем мы это делали? Но ведь не спросят, потому как свидетельства живых участников не вписываются в стройную картину в головах исследователей. Мешают «сложившейся научной позиции».

Если вернуться к фактам, то лично у меня не было иллюзии, что у нас получится партия в классическом понимании. Мы хотели создать некую структуру, которая в условиях психологического шока и душевного «разброда» после октябрьских событий консолидирует часть политической элиты на основе программы государственнического толка. Я считал в той ситуации крайне необходимым политическое объединение разумных профессионалов, не потерявших веру в будущее и желание работать для государства.

Мы арендовали четыре автобуса, собрали ярких и интересных людей и отправились в Великий Новгород создавать партию. Учредительный съезд проходил 16–17 октября 1993 года и собрал больше 160 делегатов из 53 регионов.

Назвать решили: Партия российского единства и согласия (ПРЕС). Почему так? Да потому, что страна опять чуть не развалилась, опять

стояла на пороге гражданской войны. Причем ситуация была даже более опасная, чем в 1991 году. Отсюда и возникли все эти нужные и правильные слова: «единство», «согласие», «российская».

Такую и политическую декларацию приняли: «В единстве и согласии — к обновленной России».

Идеи эти привлекли и объединили очень разных людей, которые в те времена были не просто на слуху, но, прямо скажем, хорошо известны: экономический вице-премьер Александр Шохин²², заместитель министра по делам национальностей и региональной политике Рамазан Абдулатипов²³, министр юстиции Юрий Калмыков²⁴, глава администрации Новгородской области Михаил Прусак²⁵, министр труда Георгий Меликьян²⁶, Александр Котенков²⁷...

Хочу сказать, что все мои видные однопартийцы потом оказались востребованными. И в правительстве у нас много министров было из Партии российского единства и согласия. Если быть точным, то, включая меня, шесть человек. А на выборах 1993 года мы получили около семи процентов голосов^[11] по общефедеральному списку, да еще несколько членов ПРЕС по мажоритарным округам прошли. Поэтому 13 января 1994 года мы зарегистрировали в Госдуме фракцию в составе 30 человек (первоначально — 33). Это серьезно. Серьезно еще и потому, что, как оказалось, у нашей фракции есть «золотая акция», то есть при противостоянии коммунистов и демократов наши голоса были решающими. И этим мы активно пользовались.

Делали свое дело. Работали. И работали серьезно. Занимались законотворчеством. А вот главной своей заслугой, заслугой нашей фракции я считаю политическую амнистию участникам событий октября 1993 года.

Про политическую амнистию

Тут я бы хотел сделать маленькое отступление. Когда мы с Сергеем Сергеевичем Алексеевым писали проект Конституции 1993 года, отдельно обсуждали сюжет с амнистией. Разумеется, не конкретно этот — с фамилиями, а некий теоретический случай, который мог возникнуть в силу ряда причин. Так вот. Согласно Конституции, за президентом записано право помилования. Этот акт всегда индивидуальный: глава государства может помиловать своим решением конкретного человека. А вот институт амнистии — это совсем другое, поскольку подразумевает освобождение некой группы лиц. Причем акт об амнистии — документ такого уровня, который не требует согласия или подписи президента, а является прерогативой российского парламента. И мы при написании Конституции этот инструмент закладывали как своеобразный клапан для сброса напряжения: неважно, коммунисты у власти или демократы, но должна быть возможность независимо от главы государства выпустить пар. Ну, чисто с точки зрения государственной логики и

управления, должны же быть какие-то страховочные механизмы, дополнительные контуры системы безопасности.

Поскольку я всегда понимал события 1993 года как эпизод гражданской войны, в которой нет ни правых, ни виноватых, то остро ощущал, что силовое разрешение конфликта в пользу президентской стороны на самом деле никакая не победа. Напротив, напряженность будет только расти, особенно если начнутся суды, преследования, люстрации. Никакими судами гражданскую войну не прекратить. Прекратить может только примирение и прощение.

Именно поэтому я продвигал идею политической амнистии.

Другой мой аргумент исходил из нашей российской истории и психологии. Я твердил президентским соратникам, что если зачинщиков «октябрьского путча» не освободить, то они в глазах общественности медленно, но верно из преступников станут героями. Ведь у нас в России страшно любят всяческих «сидельцев», жалеют их, что ли. А потому чем дольше сидят по тюрьмам Руцкой, Хасбулатов, Ачалов, Макашов²⁸ и прочие граждане, тем больше риск, что на них будет сделана ставка в политической игре. Обязательно найдутся те, кто позовет народ брать штурмом «Матросскую Тишину», дабы на руках вынести оттуда страдальцев и посадить в Кремль. И обязательно найдутся те, кто на этот зов откликнется. А кукловоды, устроившие очередную кровавую бучу, будут потихоньку рулить за спиной своих политических марионеток.

В общем, очень мне не нравилась ситуация, и я сделал всё от меня зависящее, чтобы продвинуть политическую амнистию. Вместе с депутатской группой «Женщины России» мы инициировали процесс и набрали нужное количество голосов. Против проголосовали, помнится, чуть больше 60 человек. Среди них — соратники Ельцина и мои коллеги Геннадий Бурбулис, Егор Гайдар, Михаил Полторанин²⁹, Борис Фёдоров³⁰, Григорий Явлинский. Уже 26 февраля 1994 года Руцкого, Хасбулатова, Ачалова, Макашова и иже с ними выпустили из-под стражи.

А когда ельцинские «оппоненты» вышли из тюрьмы, про них в итоге все просто забыли. Например, профессор Руслан Хасбулатов вернулся к преподаванию экономики. Руцкой со своей «Державой» попробовал пройти в Думу, но не преодолел пятипроцентный барьер. Снялся с президентских выборов 1996 года в пользу Зюганова. Написал много книг, защитил докторскую. Правда, Борис Николаевич, видимо, все-таки питал к нему слабость — не стал препятствовать избранию губернатором Курской области в 1996 году. Помнится, выборы эти шли с большим шумом и треском, с кучей судебных исков, но все-таки состоялись. А вот в 2000-м году второй раз войти в эту реку не удалось — Руцкого со скандалом от выборов отстранили. Его политическая карьера на том и закончилась.

В общем, февральской амнистией 1994 года риск новой гражданской войны в России был загашен до последнего уголька. А что я в итоге получил?

Борис Николаевич на очень повышенных тонах (сначала через Коржакова, а потом и лично) заявил, что я «отпустил его врагов». И как я ни повторял свои политические резоны, для него это дело было слишком личным. Думаю, что в тот момент президент на меня сильно обиделся, и, как мне кажется, навсегда.

Правда, мы с ним еще долго работали вместе, и помочь с выборами в 1996 году он меня лично позвал. Но вот какой-то теплоты, искры в отношениях уже не было.

А я все равно считаю, что политическая амнистия — и есть главное достижение фракции ПРЕС в Государственной думе I созыва. Хотя помимо этого мы еще много других нужных и дельных законов приняли. А исходили при этом из моей любимой формулы: социальная экономика, федеративное устройство и местное самоуправление.

Кстати, мы вместе с Николаем Травкиным — депутатом от Демократической партии России и «по совместительству» главой администрации Шаховского района Московской области — в свое время выступили за Европейскую хартию местного самоуправления.

Борис Немцов, пока не стал губернатором, нас тоже поддерживал. А как стал, то сразу начал повторять: «Местное самоуправление — это потом! Серега, ты не понимаешь, какое может быть местное самоуправление, если у тебя нет денег!» Я ему в ответ: «Раз денег нет, значит, дай людям свободу. Пусть занимаются местными делами под свою ответственность». А он мне снова: «Может, ты и прав, но местное самоуправление лучше потом!» А вот Травкин всегда меня поддерживал в этом вопросе. И на уровне философии в том числе. Местное самоуправление — это же особая идеология, совершенно иной подход к организации жизни и решению проблем людей. Это — своя власть, которая «на расстоянии вытянутой руки».

Я, кстати, до сих пор горжусь тем, что вместе с одним из создателей ПРЕС, видным историком и на тот момент президентом фонда «Политика» Вячеславом Никоновым³¹ написал одну очень важную брошюру под названием «Консервативный манифест», которая стала идеологической основой для ПРЕС. В конце 1990-х эта книжица куда-то надолго исчезла, а теперь вот странным образом возникла из небытия в интернете, и теперь ее можно легко найти и прочесть. Собственно, недавно я ее нашел, перечитал и подумал, что она совершенно не устарела. Идеология консерватизма стала только еще более востребованной.

Так что, если говорить о «больших результатах» ПРЕС, то кроме политической амнистии нам в актив надо еще записать первую редакцию федерального закона о местном самоуправлении, создание

в Госдуме Комитета по местному самоуправлению и Комитета по делам Содружества Независимых Государств.

Помнится, партией власти с 1991 года журналисты называли «Демократический выбор России». Потом так стали называть и ПРЕС, и все последующие организации государственнической ориентации.

Оглядываясь назад, можно сказать, что в 1993 году сам собой получился этакий прототип, самые первые наброски двухпартийной системы — сильно справа «Выбор России», у центра — мы. Власть себя стала чувствовать покрепче, ведь понятно, что на двух ногах стоять всегда удобнее, чем на одной.

Но вслух о проекте двухпартийной системы заговорили только в 1995 году. Кстати, движение «Наш дом — Россия» создавалось по образу и подобию ПРЕС, просто наши консервативные идеи частично пересказали своими словами. А вот как получилось это знаменитое: «Черномырдин справа, Рыбкин слева, Ельцин посередине», расскажу чуть поподробнее.

Как Ельцин хотел ввести многопартийность, ему предложили две партии, но опять получилась КПСС

История с первым проектом создания двухпартийной системы оказалась политическим курьезом. Нет, в основе всё было очень серьезно, красиво и эффективно. Но сценарий испортил сам Борис Николаевич — не из вредности, а просто так вышло.

Дело в том, что он, как истинный, природный демократ, очень хотел многопартийности. Но Ельцин же одновременно был начальником, управленцем. А потому с той же силой всякое несистемное, бесконтрольное «гуляй-поле» не выносил. Мучился.

Что же касается меня, то я и в то время, и сегодня твердо уверен, что России много партий не надо — достаточно создать двухпартийную систему по примеру Европы и США. А еще лучше, как иногда говорят политологи, было бы иметь две с половиной партии. То есть партию власти, системную оппозицию и что-нибудь миленькое, симпатичное, политически безобидное, но яркое, вроде партии зеленых. Как говорится: чисто для баланса.

И вот когда в Госдуме I созыва председателем стал Иван Петрович Рыбкин — из Аграрной партии России, формально левый, близкий к КПРФ, но по взглядам — европейский социал-демократ, умный и достаточно гибкий, я решил, что можно сделать нормальную двухпартийную систему.

Прежде чем нести эту идею исстрадавшемуся по многопартийности Ельцину, мы со товарищи положили всё на бумагу, материализовали

в проект. Предполагалось, что правую «партию власти» возглавит Виктор Степанович Черномырдин — как председатель правительства, а левую партию, «партию оппозиции», — Иван Рыбкин.

Почему именно эти двое? Потому что в нашей стране построить партию с нуля невозможно. Нужно быть уже «кем-то», чтобы в короткий срок реально выстроить партийный механизм. Нужны фигуры, за которыми стоят даже не большие деньги, а серьезные государственные структуры. Иными словами, нужны политические тяжеловесы.

Поскольку парламентские выборы 1995 года приближались, времени на размышления и болтовню фактически не осталось. Провели переговоры с Черномырдиным и Рыбкиным. Получили от обоих принципиальное добро. И я отправился с этим вопросом к тому, кто все решал. К Борису Николаевичу Ельцину.

Президенту конструкция страшно понравилась. Он начал задавать массу вопросов, покрутил всё и так, и этак, рассмотрел со всех сторон, влез во все детали, разве что на зуб не попробовал. Как говорится, во все темные углы заглянул: не завалилось ли там чего неправильного. Как он ни пробовал на излом, получалась стабильная, нормально функционирующая система, похожая на то, что имелось во всех цивилизованных странах.

В результате идеальность модели ее и погубила: Борис Николаевич так загорелся проектом, что полностью проигнорировал мою последнюю фразу. А просьба у меня к президенту была только одна: «Борис Николаевич, проект надо запустить, но вслух об этом ничего не говорить — нигде, никому и никогда».

Но уже на следующий день, выступая по телевизору, Борис Николаевич (тот самый, который поклялся молчать), громко — на всю страну — заявил: «А мы тут создаем два политических объединения: партию Черномырдина — справа, а партию Рыбкина — слева. Будет у нас двухпартийная система, цивилизованный парламент...» Да еще пояснил специально для особо непонятливых, что двухпартийная система позволит «обрубить экстремистов с флангов» и создать в Думе «здоровый центр».

В общем, всё открыто рассказал, как на духу. Хорошее качество — открытость. Но на отличном проекте был поставлен крест.

Нет, конечно, проект покатился дальше — «Наш дом — Россия» и Блок Ивана Рыбкина пошли на выборы и получили места. Но от модели с реальной двухпартийной системой ничего не осталось. Как печально говаривал Виктор Степанович Черномырдин, оглядывая дело рук своих: «Какую партию ни возьмемся строить — все у нас КПСС получается».

Да и сама идея российской многопартийности так и не реализована до сих пор. По названиям партий много, а по факту — не партии. И в отсутствие партий и нормальной политической конкуренции наши

политическая ситуация, политический климат и атмосфера приобретают довольно причудливые черты.

Но неужели же у нас так всё безнадежно?

Думаю, что шансы, конечно, есть.

Понятно, что реальная многопартийность не может возникнуть в один день и сразу. Ни по указу, ни даже путем записи в Конституцию. Опыт также показал, что даже с самыми продвинутыми «проектными технологиями» многопартийность сверху у нас тоже не получается.

Есть только один путь: правовые стимулы и время.

Один из наиболее эффективных стимулов, способных помочь рождению реальной многопартийности, — это избирательное законодательство. Именно поэтому мы с Сергеем Сергеевичем Алексеевым записали в Конституции, что половина Государственной думы избирается по партийным спискам, а половина — по мажоритарным округам.

Выборы в парламент страны, общенациональные выборы по партийным спискам — это был реальный шаг в сторону многопартийности. А еще мы зафиксировали в самом первом законе о выборах президента, что кандидатура президента может выдвигаться только от всероссийской партии. Да, это ограничивает права трудовых коллективов, профсоюзов, групп граждан, но, если мы хотим многопартийности и политической системы, функционирующей на основе конкуренции, это просто необходимо было записать.

И кстати, есть еще один стимул, который, если будет реализован, окажется наиболее эффективным. Это переход к модели правительства парламентского большинства. Такая модель абсолютно не требует менять Конституцию. Достаточно, если президент введет политическую традицию, по которой будет предлагать на пост премьера кандидатуру от получившей на выборах большинство партии или коалиции партий. Просто надо дописать в федеральный конституционный закон о правительстве и в регламент Государственной думы зеркальные строчки о том, что глава государства представляет в Государственную думу для утверждения на пост председателя правительства кандидатуру от победившей на выборах партии.

Уверен, что если мы попробуем реализовать эту норму, то через пару-тройку циклов выборов в Госдуму уже не останется иной возможности стать премьером, как привести к победе свою партию. И тогда сработает обратная связь: партия становится механизмом ответственности за своего кандидата, за его платформу, за успех экономической программы. Потому что если политика премьера окажется неудачной, то вместе с ним из парламента уходит и партия. А значит, объявляются новые выборы.

Так что короткая фраза из нескольких юридических терминов вполне способна родить новую политическую систему. Но возможно, что

мы просто не успеем с многопартийностью, потому что на дворе цифровая революция, и депутаты (не персонально, конечно, а как институт) скоро вымрут, как мамонты. То есть они не нужны будут в их привычном статусе — как представители, голосующие от имени граждан. Практически все решения граждане смогут принимать сами — на референдумах, как в Швейцарии.

СССР: А НЕ ПОРА ЛИ НАПИСАТЬ НОВУЮ КОНСТИТУЦИЮ?

У каждого человека не одна, а много жизней. И каждая — со своей траекторией и цепью событий. Посмотришь в Википедию: российский государственный деятель, ученый-правовед, доктор юридических наук, профессор, один из авторов Конституции Российской Федерации, председатель того, министр сего, декан этого...

А плюс к тому ведь еще и сын, отец, друг и товарищ... И это всё — я.

С какой точки ни начни, обязательно сюжет начнет ветвиться, расходиться в стороны, как могучее дерево или река. А порой будет возвращаться к началу, закольцовываться. Какие-то истории, начавшиеся десятилетия назад, могут пропасть надолго. А потом — внезапно возвращаются. Одни — чтобы закончиться навсегда, закрыться. А другие — чтобы пойти на новый виток развития.

Среди таких историй, которые сопровождают меня всю жизнь (вернее, все мои многочисленные и, надеюсь, еще не завершившиеся жизни), есть три самые важные, огромные и вечные — это Конституция, Беловежье и Северный Кавказ.

Начну с самой главной — с Конституции, а об остальных чуть позже.

Вопрос «А не пора ли нам написать новую Конституцию?» я задал себе, как только увидел, что в Советском Союзе активно готовятся политические реформы. Почему я так решил? Да потому, что понимал, что никакие политические реформы не осуществляются без их юридической основы. А Конституция и есть юридическая основа любых реформ.

Нужно сказать, что эта идея пришла в голову, как оказалось, не мне одному. В Институте государства и права Академии наук СССР, в аппарате ЦК КПСС, в юридическом отделе Совмина СССР, в Секретариате Верховного Совета СССР началась работа, создавались различные экспертные группы...

А после того, как прошел Первый съезд народных депутатов СССР, работу над новой союзной Конституцией было решено как-то упорядочить и централизовать. И в январе 1990 года Президиум Верховного Совета СССР создал рабочую группу по подготовке материалов к проекту Конституции СССР [\[12\]](#). Так в один прекрасный

момент собралась группа людей — специалистов и единомышленников, настоящих профессионалов, которая официально занялась написанием нового Основного Закона страны^[13].

Писали проект Конституции лучшие советские юристы под началом академика Владимира Николаевича Кудрявцева³². Он и сам был не руководителем от науки, а прекрасным ученым и высокочлассным юристом. В советский период юристов такого фундаментального, энциклопедического уровня, на мой взгляд, было всего двое: пожалуй, сам Кудрявцев да мой будущий соавтор по проекту российской Конституции Сергей Сергеевич Алексеев.

Помимо этих энциклопедистов в рабочую группу входили замечательные ученые-философы Джангир Аббасович Керимов³³ и Борис Николаевич Топорнин³⁴. А еще были не менее классные специалисты, но уже в предметных областях. Такие, как Олег Емельянович Кутафин³⁵ — прекрасный специалист в области конституционного, или, как тогда говорили, государственного права.

Со многими членами этой рабочей группы я был хорошо знаком. Помимо уже упомянутых Топорнина и Кутафина, это были доктора юридических наук Георгий Васильевич Барабашев³⁶, Константин Филиппович Шеремет³⁷, Евгений Иванович Колюшин³⁸. С Костей Лубенченко, тогда — не только доцентом юрфака МГУ, но еще и заместителем председателя Комитета Верховного Совета СССР по законодательству, мы просто дружили...

Когда я пересматриваю составы рабочих групп сегодняшнего дня и тридцатилетней давности, то невольно вздыхаю: да, вот это был калибр, масштаб личности, уровень юридической квалификации! Какое имя в списке ни возьми, это ведь целая история! И я горд, что с тех времен я долгие годы тесно работал со всеми этими удивительными людьми: и с Владимиром Александровичем Тумановым³⁹ — будущим председателем Конституционного суда Российской Федерации, и с Николаем Васильевичем Фёдоровым⁴⁰, который потом стал президентом Чувашской Республики, российским министром и зампредом Совета Федерации, и с Саламбеком Наибовичем Хаджиевым⁴¹ — членом-корреспондентом, а затем академиком, маститым нефтехимиком, первым и единственным министром СССР чеченского происхождения, а в самые трудные годы чеченского кризиса — председателем правительства национального возрождения Чечни.

Неудивительно, что с таким мощным составом экспертов проект новой Конституции СССР был создан быстро. И это был сильный проект. Академик Кудрявцев уже в июле 1990 года представил документ Председателю Верховного Совета СССР Анатолию Ивановичу Лукьянову. Тот его направил Президенту СССР Горбачёву, который предложил учесть результаты переговоров по созданию Союзного договора. А в декабре 1990 года Кудрявцев сообщил СМИ, что подготовка первоначального варианта проекта Конституции СССР завершена

и новый Союзный договор, который подпишут союзные республики, составит основную ее часть [\[14\]](#). Но, увы, дальше дело не пошло. Проект так и остался проектом, в новую Конституцию воплотиться не успел.

А жаль. Думаю, многих политических и правовых проблем удалось бы избежать стране, если бы бюрократическая машина крутилась быстрее, и новую Конституцию СССР приняли бы в 1989 году или хотя бы в 1990-м. Но здесь, как всегда бывает в нашей стране, судьба сделала неожиданный зигзаг. Противники Горбачёва пошли на переворот, СССР приказал долго жить, а я занялся новой Конституцией России.

Немного конституционной мифологии: миф о Собчаке

Чем дальше в прошлое уходит история создания новой российской Конституции, тем больше стираются детали. Уходят люди, уходит память, подлинные документы покрываются пылью на архивных полках. Но зато пышным цветом начинают цвести разного рода мифы и околоисторические фантазии. В 1990-е СМИ и политические оппоненты твердили, что российская Конституция была написана на Западе. А в начале нулевых, когда сам президент Путин сказал, что действующий Основной закон его вполне устраивает, как на дрожжах стал расти список российских авторов. И одним из главных создателей Конституции 1993 года стали называть Анатолия Собчака [42](#).

Анатолий Александрович действительно писал конституцию, но не ту, которая была принята. Причиной этой исторической путаницы стал, как ни странно, мой соавтор — Сергей Сергеевич Алексеев.

Когда Ельцин поручил мне и Алексееву писать «президентский проект» Конституции, его часто спрашивали, почему он выбрал именно Сергея Сергеевича (про меня было понятно — я был официальным представителем президента в Конституционной комиссии, которую создал Съезд народных депутатов РСФСР). Так вот, отвечая журналистам, Ельцин всегда подчеркивал, что уважает Алексеева как «нейтрального профессионала».

И мой старший коллега был действительно нейтрален и абсолютно профессионален. Ради успеха общего дела Сергей Сергеевич спокойно отказался от собственных амбиций. Когда началась работа над окончательным текстом Конституции, он сразу же заявил о необходимости отложить все личные проекты в сторону и относиться к ним лишь как к источнику тех или иных идей, формулировок. А ведь это были не просто прекраснодушные призывы. Он говорил в том числе и о своем собственном проекте, который написал в 1992 году вместе с тогдашним мэром Санкт-Петербурга Собчаком и другими коллегами из Российского движения демократических реформ. Многим юристам в те времена, да и сейчас подобный подход к собственным наработкам дается с большим трудом, или не дается совсем.

В общем, участие Сергея Сергеевича в работе над двумя конституционными проектами — «Алексеева — Собчака» (опубликован 27 марта 1992 года) и «Алексеева — Шахрая» («президентский» проект, опубликован весной 1993 года) привело к какой-то аберрации в исторической памяти и рождению устойчивого мифа о том, что автором действующей российской Конституции является Собчак.

Чтобы раз и навсегда прояснить эту ситуацию, запишу тут для потомков несколько фактов, подтвержденных документально.

Итак, как я уже писал, «проект Алексеева — Собчака» был создан в начале 1992 года^[15]. Делалось это по решению Политсовета Российского движения демократических реформ, председателем которого на тот момент был первый мэр Москвы Гавриил Харитонович Попов⁴³. Помимо Алексеева и Собчака в разработке принимали участие бывший председатель Комитета Верховного Совета СССР по законодательству (он же будущий российский министр юстиции) Юрий Хамзатович Калмыков и директор Исследовательского центра частного права при Президенте РФ Станислав Антонович Хохлов⁴⁴.

В этом проекте были очень детально проработаны сюжеты, посвященные основным правам и свободам граждан России. А принцип разделения властей декларировался так: «Умеренность, упорядоченность и действенность государственной власти в Российской Федерации обеспечивается разделением законодательной, исполнительной и судебной властей, федеративным построением государства, разделением государственной власти и муниципального самоуправления, а также всенародным избранием главы государства — Президента Российской Федерации, воплощающего единство российской государственности и обеспечивающего незыблемость конституционного строя, согласованную деятельность всех подразделений государства»^[16].

Проект предполагал асимметричную модель федеративного устройства: конституционно закреплялись три «уровня» статуса территориальных образований — республики, губернии и автономные национальные сообщества с различным объемом прав и полномочий. Для разграничения полномочий между Федерацией и республиками предполагалось заключение федеративных договоров.

По своему «конституционному дизайну» проект сильно диссонировал с традициями советских конституций. Например, авторы использовали непривычное понятие «органический закон», предлагали упразднить Конституционный суд, передав его функции Верховному суду, придумали Государственный совет при Совете министров РФ, который должен был стать органом административной юстиции.

Что касается нашего, «президентского» проекта («проект Алексеева — Шахрая»), который и стал Конституцией Российской Федерации, то он был готов в апреле 1993 года. Президент Ельцин официально заявил о завершении работы над «своим» проектом 14 апреля 1993 года на брифинге для СМИ. А сам документ был официально опубликован 30

апреля в газете «Известия» и затем еще 5 мая 1993 года — в «Московской правде»^[17].

Как писал позднее сам Сергей Сергеевич Алексеев, «президентский» конституционный проект «в противовес официальному просоветскому варианту, в апреле 1993 года в ходе референдума о доверии Президенту и в последующие месяцы стал своего рода идейной платформой в борьбе с коммуно-советской идеологией и практикой»^[18].

В работе над нашим совместным проектом Сергей Сергеевич широко использовал свои идеи о «Конституции Человека». Его концепция Основного закона, который «ставит человека, с его высоким статусом и неотъемлемыми правами, над властью»^[19], полностью соответствовала подходам президентской команды и самого Ельцина.

Ключевым элементом нашего проекта стал полный отказ от «вертикали Советов» и выведение Президента Российской Федерации из классической системы разделения властей. Последнее решение — это не наше изобретение. Фактически в модели президента, стоящего над всеми ветвями власти, нашли воплощение взгляды великого русского реформатора и законодателя Михаила Михайловича Сперанского⁴⁵ на «оптимальную для России» конструкцию государственной власти и на роль главы государства.

Как известно, для окончательной доработки своего проекта президент Ельцин созвал в июне 1993 года Конституционное совещание, куда вошли представители федеральных и региональных органов власти, местного самоуправления, политических партий, общественных организаций, производственных союзов, представителей науки и культуры. Анатолий Собчак вместе с Виктором Шейнисом⁴⁶ был назначен координатором группы представителей политических партий, профсоюзных, молодежных, иных общественных организаций, массовых движений и конфессий.

Тем не менее во время работы Конституционного совещания Собчак активно выступал против «президентского» проекта. В начале августа 1993 года он даже инициировал собрание депутатов всех уровней города Санкт-Петербурга и Ленинградской области (более 400 депутатов, представители 32 партий и общественных организаций), которое заявило, что «президентский» проект страдает множеством недостатков и требует доработки. В качестве недостатков были названы «неприемлемый способ формирования верхней палаты парламента, несбалансированность взаимоотношений президента и законодательной власти»^[20]. Такой же позиции Собчак придерживался и на заседании Президентского совета, последовательно выступая против «проекта Алексеева — Шахрая».

В отличие от Анатолия Александровича мой соратник Сергей Сергеевич Алексеев обладал уникальной способностью смотреть далеко за горизонт текущих событий и, оставаясь «на стороне» исключительно одной лишь науки, мог удивительно точно и глубоко оценивать не только

юридический, но и политический смысл бурных событий 1990-х годов. Конечной целью работы над новым Основным законом он считал не закрепление интересов каких-то политических сил, а скорейшее восстановление общественного согласия. Он подчеркивал, что проект Конституции — это «возрождение и единение России, ее народа, конец тоталитарного режима». Он был уверен, что мы пишем документ для каждого человека, а не для власти, и часто повторял: «Пусть каждый россиянин поймет и скажет: "Это моя Конституция!" Только тогда она будет принята народом».

В апреле 1993 года, выступая перед членами Конституционного совещания, Сергей Сергеевич просто и образно сформулировал суть новой конституционной концепции президента России. Он объяснил, что эта концепция исходит из пяти принципиальных позиций: «первая — права человека, вторая — твердая стабильная власть, третья — экономическая свобода на основе закона, четвертая — правосудие, пятая — действительная федерация».

Особенно беспокоило Сергея Сергеевича состояние дел в области федеративных отношений. В начале 1990-х годов он открыто заявлял с самых высоких трибун: «Надо прекратить лгать друг другу. У нас не было и нет федерации. Сейчас в России есть унитарное государство с вкраплениями федерализма. Настоящая федерация будет только тогда, когда субъекты федерации получают возможность сами решать все свои проблемы». Эта принципиальная позиция во многом нашла отражение в новой модели федерализма, закрепленного в действующей Конституции России. И именно эти вопросы вызывали самую негативную реакцию Руслана Имрановича Хасбулатова, который часто переходил на личности в критике «президентского проекта» Основного Закона: «Сергей Алексеев, бывший председатель Комитета конституционного надзора союзного парламента, содействовавший своим бездействием развалу Союза, органически не способен содействовать укреплению единства России» [\[21\]](#).

Будучи убежденным защитником идеи безусловного главенства прав и свобод человека, Алексеев всегда настаивал на необходимости «твердой стабильной власти». Он считал, что «именно этот пункт Конституции призван прекратить вакханалию безвластия, от которой устали россияне».

Последовательно воплощая в конституционных установлениях новую для постсоветской действительности концепцию разделения и баланса властей, Сергей Сергеевич подчеркивал, что каждая ветвь должна заниматься своим делом, не претендуя на прерогативы другой: «Президентское начало нужно выделить как главенствующее, при этом остаются сильный парламент и сильное независимое правительство».

Впоследствии, когда политический накал начала 1990-х стал уходить в прошлое, Алексеев, как всякий настоящий ученый, постоянно анализировал события, связанные с разработкой новой российской

Конституции, вновь и вновь оценивал возможные альтернативы и упущенные шансы, размышлял о видимых ему «недочетах» итогового документа и непредсказуемых «изгибах» истории. Но, несмотря на все это, итоговая оценка, которую Алексеев-теоретик «поставил» результатам труда Алексеева-практика, звучит так: «В целом, при всех минусах, огрехах, недоработках, это основательный конституционный документ, который по праву стал основой государственно-правового развития России»[\[22\]](#).

И я, спустя все эти годы, по-прежнему готов подписаться под каждым словом своего старшего коллеги и соавтора.

Сколько слов в Конституции написал Ельцин?

Еще один миф касается роли самого Ельцина в написании Конституции. И сейчас я скажу «страшную» вещь: роль Бориса Николаевича в создании этого текста — минимальная. В данном случае он поступил так, как и должен поступать настоящий, уважающий себя президент. Он отдал всё в руки профессионалов и доверился их квалификации.

Безусловно, он обсуждал ключевые моменты конструкции — соглашался или отвергал. Но он не ставил перед нами таких задач, как использование, к примеру, американской или французской модели, когда в первой президент стоит во главе исполнительной власти, а во второй имеется президент и сильное правительство. Ельцин к тому же вообще не трогал тему федеративного устройства.

Единственное, на чем он заострил свое внимание, так это на вопросе полномочий и места парламента в системе власти. И тут я его понимаю. Уж очень «достал» Ельцина тогдашний Верховный Совет во главе с Русланом Хасбулатовым. И Ельцин попросил нас только об одном: сделать так, чтобы был баланс сил. Он хотел, чтобы у действующего президента в руках имелся инструмент для защиты реформ от своеволия парламентариев.

Здесь я его полностью поддержал.

Это же классика политологии: диктатура парламента хуже диктатуры президента.

Почему?

Да потому, что тогдашний парламент представлял собой концентрированную толпу. Ту самую толпу, которая, почувствовав власть, уже не знает границ, которая подвержена переменчивым настроениям и в любой момент готова перейти к отсечению голов даже без гильотины.

Поэтому Борис Николаевич постоянно твердил, что должен быть баланс, должны быть рамки, должно быть право президента в случае

возникновения конфликтных ситуаций и жесткого противостояния распустить парламент и назначить новые выборы.

А в самом тексте, когда тот был готов, Борис Николаевич поправил своей рукой где слово, где два. Всего десятка полтора правок. Самая длинная его фраза: что Совет Федерации и Госдума I созыва работают два года: с 1993-го по 1995-й. То есть он считал парламент, сформированный в 1993 году, временным, переходным, и специально это закрепил в Конституции.

Эти страницы рукописи проекта Конституции с автографом Президента России я бережно храню до сих пор.

Причем с одной его правкой я по-прежнему категорически не согласен. Я всегда стоял на позиции, что члены правительства могут быть депутатами Думы. Но Борис Николаевич пошел на чистоту принципа — разделение властей, так разделение. И всё ближайшее окружение его поддержало.

В итоге победил Ельцин. И с того момента если человек стал министром, то должен сложить депутатский мандат, а если стал депутатом, то уходи из правительства. Какое-то такое абстрактно идеальное, на мой взгляд, разграничение исполнительной и законодательной власти получилось. И я до сих пор считаю, что эта «чистота принципа» — от лукавого.

Правда, под моим давлением Ельцин все-таки сделал маленькую уступку и своей рукой вписал, что первый Совет Федерации и Государственная дума избираются на два года и в эти первые два года министры могут быть депутатами. То есть Борис Николаевич тем самым сказал: «Ладно, в переходный период пусть будет по-твоему. Но потом, чтобы все “совместители” разошлись по своим квартирам — кто в депутаты, кто в министры».

И я должен сказать, что мы все страдали от такого ограничения в начале девяностых. Потому что все нормальные, умные, профессиональные люди любыми способами уходили к президенту или в правительство, а в депутатах оставались злые, агрессивные, обиженные, завистливые. Казалось, что кто-то из вредности специально собрал и усадил в думские кресла только тех, кто имел одно-единственное желание — показать президенту и «всем этим в розовых штанишках» кузькину мать. То есть даже не на политическом, а на эмоциональном уровне был заложен очень личностный, а потому неразрешимый конфликт между парламентом и правительством.

КАК Я ПИСАЛ «ЕЛЬЦИНСКУЮ» КОНСТИТУЦИЮ

Часто спрашивают: как так вышло, что Ельцин именно меня позвал писать Конституцию?

Мне приходится каждый раз объяснять, что так вопрос не стоял. До того как Борис Николаевич дал свое поручение, была целая история, растянувшаяся на три года.

Может быть, чуть повторяюсь, но это важно.

Еще на первом съезде РСФСР в 1990 году депутаты практически сразу приняли решение готовить проект новой Конституции и создали конституционную комиссию во главе с Ельциным, который тогда был Председателем Верховного Совета. Поскольку в Верховном Совете РСФСР я стал председателем Комитета по законодательству, то в этом качестве естественно оказался вовлечен в работу конституционной комиссии. Имел честь и тексты писать, и, кстати, отбирать кандидатов в первый состав российского Конституционного суда.

Но на тот момент моя работа над новой Конституцией шла хотя и активно, но как бы фоном, потому что на первом месте стояли проблемы с оформлением новой политической власти и, особенно, с экономикой, дела в которой обстояли просто катастрофически. Еще с середины 1980-х в СССР сочинялись разные экономические программы, но реальных подвижек не было, потому что союзное руководство действовало вразнобой.

Потом Ельцин сказал, что России надоело дожидаться, когда СССР раскачается, а потому мы начинаем свои реформы самостоятельно. Маститые партийные экономисты вдруг разом исчезли с горизонта. Остались только Гайдар с командой, готовые что-то делать на практике. Но они позиционировали себя во власти как узкие специалисты, занимались только экономическими вопросами. А в той ситуации реформы нуждались в первую очередь в политической и юридической защите.

В результате всё лето 1990 года у меня прошло под знаком работы над первоочередными законами, обеспечивающими политическую безопасность реформам. Главным из них был закон о референдуме.

Следующий шаг, который на тот момент надо было прописать законодательно, — это институт президента. Для нашей страны и наших традиций институт единоличного главы государства был, есть и будет исключительно важным. Мы с коллегами сразу решили, что обязательно нужны всенародные выборы президента. Кстати, Горбачёв проиграл политическую власть именно потому, что не рискнул пойти на прямые президентские выборы. Его избирали депутаты, а не весь народ. Поэтому в определенный момент он выглядел менее легитимным, чем Ельцин.

В результате в апреле 1991 года был принят Закон РСФСР «О Президенте РСФСР», на его основании в мае были внесены поправки в тогдашнюю Конституцию. Они серьезно меняли конфигурацию власти в стране.

Закон, честно скажу, получился неплохой, но не идеальный. Прежде всего потому, что мне, как говорится, «под давлением обстоятельств» пришлось вписать туда раздел о вице-президенте. Я с самого начала считал эту затею не просто неудачной, но опасной.

Но сюжет о вице-президенте появился с подачи самого Бориса Николаевича, которого я не смог переубедить.

В то время он был с делегацией во Франции, позвонил мне поздно ночью накануне слушаний в Верховном Совете: «Впишите в закон о президенте пост вице-президента». Говорю: «Борис Николаевич, этого нельзя делать». Он свое: «Так надо, вписывайте». Я посмотрел состав делегации, а там вторым лицом был Геннадий Бурбулис, и понял, что в Париже обсуждался вице-президент по фамилии Бурбулис. Короче, вписал я этого вице-президента в закон, но Бурбулис им всё равно не стал. Когда начали готовиться к президентским выборам, то поняли, что в пару к Ельцину вице-президентом нужна фигура более понятная избирателям, которая голоса плюсует, а не отбирает. Таким кандидатом оказался Александр Руцкой — молодой коммунист, военный летчик, этакий красавец с усами. На тот момент казалось, что это хороший выбор. Но потом история повернулась к нам совсем не лицом.

Я уверен, да и весь советский и российский опыт говорит, что для нашего менталитета и традиции институт вице-президента — это путь в пропасть. Вице-президент Янаев в 1991 году предал президента Горбачёва, возглавив переворот. Вице-президент Руцкой в 1993 году сделал то же самое. Ну и зачем нам постоянно наступать на одни и те же грабли?

Есть же нормальная схема: в ситуации, когда президент не возглавляет исполнительную власть, а является главой государства — стоит над всеми ветвями власти, вице-президентом де-факто является премьер. И во всех случаях, когда глава государства не может исполнять свои функции, его обязанности, согласно Конституции, исполняет премьер.

Но это — так, ответвление от темы.

А по теме должен сказать, что, несмотря на загруженность работой, свой проект Конституции я начал писать в том же 1990 году, а закончил в апреле 1992 года. Он был опубликован в нескольких газетах и стал известен как «вариант ноль». Если коротко суммировать, то это была президентско-парламентская Конституция.

Естественно, я эту модель продвигал и в Конституционной комиссии. Эта комиссия внесла огромный вклад в разработку Основного Закона, там заседали лучшие юристы страны, лучшие специалисты. Но при всех этих плюсах был один существенный минус: конца-краю дискуссиям не было видно. В ноябре 1991 года комиссия вообще получила статус постоянно действующей, со всеми прилагаемыми к этому статусу привилегиями: кабинетами, автомобилями, денежным содержанием. То есть для того,

чтобы члены комиссии продолжали хорошо жить, нужно, чтобы сохранялась проблема, ради решения которой комиссия была создана.

Так что неудивительно, что работа шла все медленнее и медленнее, а заседания превратились в площадку для борьбы между чисто парламентской (а точнее, «советской» моделью с вертикалью Советов), которую продавливал Руслан Хасбулатов, и чисто президентской, которую, соответственно, двигала ельцинская команда. За всеми этими теоретическими дебатами стояли очень практические вопросы: кто кому подчиняется и кто будет контролировать российское правительство.

Пока юристы спорили, политический кризис резко нарастал: многократно перелицованная Конституция РСФСР (более четырех сотен поправок!) стала сама источником конфликтов. В ней накопилось столько взаимоисключающих положений, что любой из политических оппонентов мог одинаково убедительно и вполне конституционно обосновать свою позицию.

Ситуация очевидным образом становилась тупиковой.

Конституционный процесс вышел на финишную прямую только после резкого обострения политического кризиса: депутаты попробовали отстранить Ельцина от должности. Попытка не удалась. И тогда возникла идея вынести спор президента и парламента на референдум, который запомнился всем по формуле «Да-Да-Нет-Да».

Когда стали готовиться к референдуму, Борис Николаевич и позвал меня с Алексеевым, как нынче бы сказали, в свой «конституционный проект». Сергей Сергеевич считался ключевым юристом еще в Верховном Совете СССР. Меня Ельцин тоже считал юристом не рядовым. Вот нам обоим он и предложил срочно подготовить окончательный текст Конституции, чтобы, как он сказал, «не идти к людям с пустыми руками». То есть идея заключалась в том, чтобы президент пошел на референдум с чем-то вроде «плана будущего» для страны. Он хотел не просто поставить вопрос о доверии себе, но и показать людям, а что будет потом.

Три карты — это у Пушкина в «Пиковой даме», а у нас — три листа бумаги

Как мы работали с Алексеевым?

Мы сразу договорились, что оба откладываем свои личные проекты в сторону. Потому что к тому моменту уже не было речи о написании классической конституции. Нам надо было решать с помощью текста нового Основного Закона нетривиальную политическую задачу.

Дело в том, что обычно в истории конституции принимаются, чтобы закрепить согласие элит по поводу новой системы власти и принципов отношений, оформить так называемый «общественный договор». А у нас никакого согласия и близко не было: кризис по всем направлениям,

общество расколото. Противостояние элит вылилось, как я это называю, в «эпизод гражданской войны» в октябре 1993 года. И хорошо, что этот «эпизод» ограничился Москвой.

Поэтому мы решили идти «от противного»: раз конституция не могла быть продуктом общественного согласия, то надо сделать так, чтобы общественное согласие стало результатом принятия Конституции.

Наши с Сергеем Сергеевичем споры и разговоры на эту тему в итоге вылились в написание всего трех листов текста.

На *первом листе* мы договорились записать «точки согласия» — принципиальные вопросы, которые к тому времени уже перестали быть яблоком раздора. По ним в обществе был либо полный консенсус, либо их поддерживало большинство.

Например, ни коммунисты, ни демократы — никто не спорил против таких позиций, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» или что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ».

Абсолютно все были согласны, что Россия — это федеративное правовое государство.

Никто уже не выступал против разделения властей. Всем на собственном опыте было понятно, что такое разделение необходимо.

Было полное согласие и по поводу многообразия — политического, идеологического, форм собственности.

Все, даже российские коммунисты, нахлебавшись всевластия КПСС и споров на тему шестой статьи Конституции СССР[23], выступали за многопартийность.

За прошедшие десятилетия все были по уши сыты одной идеологией. А потому у нас появилась статья тринадцатая, которая гласила, что у нас должно быть идеологическое многообразие и никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной для всех. То есть все были согласны, что государственная идеология запрещена и что это не предмет конституционного регулирования.

Вопрос о частной собственности тоже к тому времени перестал быть дискуссионным. Конечно, оставались нерешенными более тонкие, практические вопросы — о собственности на землю, о формах приватизации, — но положение о том, что собственность в новой России может быть как частной, так и государственной, уже не являлось предметом спора.

Полное согласие было по формулировке, что Россия — это светское государство. Никто даже и не думал, что страна должна стать православным, теократическим или атеистическим государством. Именно — светским, где церковь отделена от государства, нет

обязательной религии, но есть свобода вероисповедания, как и право быть атеистом.

И еще одну позицию мы записали на этот лист (правда, исключительно по настоянию Сергея Сергеевича, за что я перед ним снимаю шляпу) — это формулировка: «Российская Федерация — социальное государство». Я, нужно сказать, тогда яростно возражал Алексееву, все твердил, что «это не юридическая, не конституционная терминология». А он мне в ответ: «Сергей, мы выходим из коммунизма, мы живем с теми людьми, которые нашу страну создавали, живут в ней. И сейчас не сказать о том, что социальный характер хотя бы как цель является ориентиром для всего государства, будет нашей с тобой огромной ошибкой».

Поэтому и появилась седьмая статья Конституции РФ, установившая социальный характер нашего государства.

Кстати, впоследствии именно она стала любимой статьей конституционных судей, потому что всегда позволяла, будь то дело черныбыльцев или дела, связанные с какими-нибудь другими социальными выплатами, пенсиями, пособиями, трактовать ситуацию через эту самую седьмую статью: да, рыночная экономика, да, частная собственность, но государство также имеет конституционную обязанность сохранять социальный мир и выполнять обязательства социального характера.

Все эти вещи были абсолютно понятны, общеприняты и стали первой точкой для «наращивания согласия» между всеми политическими силами. Но я горжусь тем, что мы с Сергеем Сергеевичем придумали изложить эти «заповеди» в первом разделе Конституции под названием «Основы конституционного строя». Причем защитили этот раздел так, что изменить его можно только путем референдума или путем созыва специального Конституционного собрания.

Заполнить *вторую страничку* нашего «конституционного плана» было еще легче: называлась она «Права и свободы человека».

Писал ее в основном Сергей Сергеевич, поскольку он этими вопросами занимался давно и профессионально — и как ученый, и как политик. Более того, в его совместном с Собчаком проекте Конституции именно раздел о правах и свободах был хорошо разработан, прописан, как говорится, «от и до». Тот текст был выполнен в авторском формате, но по сути речь шла о Всеобщей декларации прав и свобод человека. В общем, благодаря Сергею Сергеевичу у нас фактически сразу был готов второй раздел «президентской» Конституции.

Единственный вопрос, который мы долго с ним обсуждали, — это как правильно сформулировать и объяснять потом людям, что впервые в нашей истории в Конституцию записывается доктрина естественного происхождения прав человека. Смысл ее в том, что мы имеем права не потому, что получили их от государства, а в силу того, что они принадлежат нам от рождения.

Нужно сказать, что это очень важная вещь! И до сих пор не все ее понимают. А понять надо, потому что при таком подходе меняется весь ракурс отношений человека и государства. Надо твердо знать, что это не государство нас благодетельствовало, даровав права. А мы — многонациональный российский народ — создали это государство. Не человек для государства, а государство для человека. У нас есть неотъемлемые права, которые принадлежат нам по факту принадлежности к роду человеческому. Это и называется доктриной естественного происхождения прав человека.

Что означает такой переворот на практике? Очень многое. Как только в Конституцию была включена такая доктрина, то сразу оказалось, что государство уже не вправе по своей воле лишить человека гражданства и родины, как в свое время лишили гражданства Солженицына⁴⁷, Войновича⁴⁸, Вишневскую и Ростроповича⁴⁹ и многих других.

Кроме того, в нашей Конституции записаны и права, которые являются, по сути, правоотношениями гражданина и государства. Право и обязанность служить в армии, право избирать и быть избранным — эти права не ваши и не мои лично, это грани наших отношений с государством. И эти права связаны с гражданством, то есть с нашим российским статусом. Если ты не гражданин России, ты не можешь избирать и быть избранным. Если ты не гражданин России, ты не обязан и не должен служить в нашей армии.

Часть прав связана с социальными гарантиями. Но здесь мы отстаивали модель, что трудовые, социальные и личные права не должны быть связаны с гражданством. Поэтому, если иностранец живет и работает в России, он должен получать такую же зарплату и возможности социальной защиты, как российский гражданин.

Что же касается *третьей страницы*, то написать ее было самой сложной задачей. Потому что речь шла о механизме осуществления государственной власти, а именно о схеме взаимодействия и балансе сил в «бермудском треугольнике»: парламент — президент — правительство. В тогдашней политической ситуации, когда ветви власти были в жестком противостоянии, нам нужно было создать какой-то инструмент «принуждения к согласию».

И самый главный вопрос: куда в этой схеме поставить президента?

Мы нашли выход.

Во-первых, мы отошли от классического разделения властей и вынесли президента «за рамки», вернее, поставили «над» ними: российский президент, как глава государства и арбитр, не входит ни в одну из ветвей власти. Кстати, он в нашей Конституции не один такой. Центральный банк, прокуратура, Счетная палата, уполномоченный по правам человека, Центральная избирательная комиссия — это тоже государственные органы «вне» механической схемы разделения властей, с особым статусом и компетенцией.

Во-вторых, мы решили, что Конституция должна отвечать не на вопрос, кто, в случае чего, виноват, а на вопрос — что делать?

Поэтому на третий листок мы записали алгоритмы и типовые процедуры: что надо делать, если возникнет конфликт — между парламентом и правительством, между президентом и парламентом, между центром и регионами, между ветвями власти внутри региона и так далее.

И это, как я считаю, самая главная наша находка. Потому что она гарантирует политическую и общественную стабильность. Неважно, кто конкретно будет президентом, председателем правительства, главой региона — фамилии можно менять, но вот процедуры остаются стандартными.

Если, к примеру, поссорились правительство и парламент, то оба этих органа могут или попробовать найти консенсус самостоятельно, или обратиться в Конституционный суд, или призвать президента в качестве арбитра. А что в этом случае может сделать президент? Он может также обратиться в Конституционный суд, может созвать согласительную комиссию, может сформировать новое правительство или назначить досрочные выборы парламента. Существует целый набор процедурных правил, которые никак не окрашены политически.

Если возник конфликт центра и регионов, то можно опять-таки обратиться в Конституционный суд, либо создать согласительную комиссию, либо в исключительных случаях ввести войска. Последнее называется «федеральное вмешательство» и существует во всех федеративных государствах. Правда, прямо в нашей Конституции про введение войск записано не было. Но в 1995 году Конституционный суд рассмотрел такую ситуацию и де-юре легализовал концепцию скрытых полномочий президента, указав, что это не только право, но и обязанность главы государства: применить все силы и средства, чтобы сохранить территориальное единство страны. Еще один механизм, который позволяет учесть политические перемены без изменения конституционных принципов, — это нормы, в которых указано, что конкретные детали устройства и функционирования государственного механизма регулируются специальными законами. Жизнь ведь не стоит на месте, постоянно совершенствуются общественно-политические и социально-экономические отношения, и каждый раз править Основной Закон в соответствии с текущей конъюнктурой — не просто неразумно, но и опасно.

Надо сказать, что в нашей с Сергеем Сергеевичем модели у стоящего «вне» и «над» системой разделения властей президента не было права издавать указы, обладающие силой закона, то есть указы нормативно-правового характера. «Наш» президент мог только назначать председателя правительства и министров, послов и судей, присваивать гражданство, миловать и награждать. Такие акты юристы называют индивидуальными и распорядительными, поскольку они не создают для

нас общих правил поведения, не обязывают всех что-то делать или не делать.

Свою концепцию мы с Алексеевым в шутку называли *российской версией британской королевы*.

Но в ходе одного из обсуждений Борис Николаевич даже не стал этот момент дискутировать, а жестко сказал, что ситуация в стране такова, что обязательно надо вписать в Конституцию право президента издавать указы, которые обладают силой закона. Ельцин считал, что без этого при оппозиционном парламенте, бесконечно вставляющем ему и правительству палки в колеса и не принимающем никаких важных для развития страны решений, он обойтись не сможет. Просто не сможет делать дело, ради которого стал президентом страны.

И, как показала история, он был прав. Примерно до второй половины 1990-х Ельцину пришлось издавать свои указы, имеющие силу закона, чтобы продолжать реформы, строить новую экономику и государство. Понятно, что парламент был против.

В конце концов дело дошло до Конституционного суда. И в 1996 году, прямо в день моего рождения — 30 апреля, Конституционный суд вынес исторический вердикт, подтвердивший право президента издавать указы нормативного характера. Но, конечно, не по всем вопросам, какие душа захочет, а только если нужно что-то урегулировать, а закона нет. Тогда издается указ, имеющий силу этого самого отсутствующего закона.

При этом Конституционный суд поставил два ограничения. Первое — в самом указе должен быть установлен период, на который он принимается, то есть указ должен носить временный характер. И второе (пусть это звучит немножко декларативно и лозунгово, но все-таки имеет огромное юридическое значение) — указы не могут противоречить Конституции. То есть для якобы ничем не ограниченной президентской воли, выраженной в указе, на самом деле имеется как ограничение сверху — текст Конституции, так и ограничение снизу — временный характер акта (на период отсутствия закона).

Принимая такое постановление, Конституционный суд совершенно не собирался делать Ельцину какой-то подарок. Наоборот, этим решением суд заставил Государственную думу заниматься тем, чем она должна заниматься, а именно — принимать законы. Я это называю — принуждение к законотворчеству.

То, что в Конституцию записали за президентом право принимать нормативные указы, конечно, серьезно повлияло на нашу с Сергеем Сергеевичем первоначальную модель. Потому что президент, обладающий правом издавать нормативные указы с силой закона, — это уже никакая не «британская королева».

Но, думаю, всё, что случилось, — было к лучшему!

Есть в этом что-то политико-эротическое...

Очень много мучились мы с Сергеем Сергеевичем с сюжетом о роли парламента. Ему Борис Николаевич уделял тогда особое внимание. Что совершенно естественно, если вспомнить, как буйные парламентарии отравляли президенту жизнь своей яростной и при этом часто весьма бестолковой оппозиционностью.

Надо сказать, что у нас совсем не было дискуссии о том, что парламент должен состоять из двух палат. Все прекрасно понимали, что наличие верхней палаты — это отражение федеративного устройства страны. С нижней палатой тоже все было ясно. Государственная дума отражает общество в целом, его социально-политические характеристики. И наличие двух этих палат — верхней и нижней — это основа нашей конструкции.

Вот, опять попался в психологическую ловушку! Пишу — «верхняя», «нижняя», а на самом деле по Конституции нет у нас ни верхней, ни нижней, а только две равноправные палаты. У нас, кстати, и Сената никакого нет. Но тем не менее на обывательском уровне мы все — и депутаты, и министры, и граждане — постоянно говорим о Сенате и сенаторах.

И тут сразу вспоминается смешная история: когда небезызвестный Геннадий Эдуардович Бурбулис стал сенатором, то есть членом Совета Федерации, он создал с собой во главе некую комиссию по методологии, по статусу и прочим системным штукам. И эта комиссия родила документ с феерическим названием — что-то вроде «О природе мандата члена Совета Федерации». Мне страшно понравилась эта формулировка: «о природе мандата члена». И нравится до сих пор. Есть в ней что-то политико-эротическое...

Однако вернемся к серьезным вопросам. Что касается способа формирования Совета Федерации, то мы с Сергеем Сергеевичем исходили из того, что в Совете Федерации должны быть первые лица исполнительной власти. Мы их привычно величаем губернаторами, хотя, как известно, губерний в стране тоже не имеется.

Но тут сразу возникает одна проблема. Понятно, что первое лицо исполнительной власти региона не может на постоянной основе заседать в Москве. Он же за целый регион в ответе — за свою «губернию». Ему надо работать на месте. Но и законы утверждать тоже надо. Поэтому пришлось решать эту дилемму.

А решили мы ее опять-таки через алгоритмы и процедуры.

Государственная дума в трех чтениях принимает окончательно закон, после чего передает его в Совет Федерации на утверждение. А задача сенаторов — сказать «да» либо «нет». Если «нет», то создается

согласительная комиссия и закон уходит в Государственную думу на доработку. Мы были уверены, что один раз в две недели принимать решения в Совете Федерации, чтобы высказать свои «да» или «нет» по законам, этого вполне достаточно. И мало кто знает, что мы с Сергеем Сергеевичем заложили в Конституцию пункт о возможности принятия закона, как говорится, по умолчанию, то есть без рассмотрения и обсуждения его Советом Федерации. Если верхняя палата, получив закон, в течение 14 дней не скажет «да» или «нет», то он считается принятым и уходит автоматически на подпись президенту. То есть, если члены Совета Федерации считают, что присланный Государственной думой на одобрение закон хороший, понятный, то зачем им собираться в Москве? Они и не собираются. И такой закон через две недели автоматически отправляется на подпись президенту.

Чтобы избежать ситуации политического манипулирования, мы в Конституции зафиксировали те законы, для рассмотрения и одобрения которых членам Совета Федерации надо собраться обязательно. Это законы о бюджете, федеральных налогах и сборах, в области финансового, валютного, кредитного, таможенного регулирования, денежной эмиссии, а также вопросы войны и мира, статуса и защиты государственной границы, ратификации и денонсации международных договоров. Такие знаковые для страны законы не могут быть приняты «по умолчанию».

Еще для обеспечения баланса властей очень важно, что мы распределили между палатами кадровые полномочия. Например, всё, что связано с экономикой и финансами, решает Государственная дума, потому что она принимает окончательный бюджет. Собственно, поэтому председателей Правительства, Центрального банка и Счетной палаты утверждает именно Государственная дума.

Поскольку депутаты нижней палаты являются народными избранниками и выражают интересы всего общества, своих избирателей, они утверждают в должности уполномоченного по правам человека.

А вот назначение генерального прокурора, его заместителей, судей Конституционного и Верховного суда, заместителя председателя Счетной палаты — это прерогатива Совета Федерации. Потому что именно верхняя палата стоит на страже государственной целостности и безопасности. У нее также имеется право отрешить президента от должности. Это очень серьезные полномочия.

Нужно сказать, что мы с Сергеем Сергеевичем огромное внимание уделяли принципу «двух ключей», когда какой-то исключительно важный для государства и общества вопрос не мог быть решен какой-то одной ветвью власти в одиночку.

Что представляет собой принцип «двух ключей»? Суть проста: кандидатуру на пост предлагает президент, но утверждает ее парламент. В результате возникает ситуация, что в одиночку президент не может ни назначить, ни отстранить кого-то только по своей воле. Так же и

парламент. Он тоже не может в одиночку отстранить или назначить кого хочет. Поэтому приходится искать согласия.

И такой механизм, с одной стороны, вынуждает ветви власти взаимодействовать, а с другой стороны, порождает пусть и относительную, но все-таки независимость тех же судей и прокуроров. Если тебя в конце концов выбрали и утвердили, то ты весь свой срок полномочий, если не преступил закон и не попался на чем-то недостойном, спокойно делаешь свое дело, и работаешь при этом автономно. Поэтому принцип «двух ключей» — важная штука, которая является гарантией независимости этих высших должностных лиц.

Что из всего этого остается важным сегодня?

Прежде всего, неклассическая схема разделения властей, при которой, помимо президента, существуют пять конституционных институтов, пять государственных органов, не входящих ни в одну ветвь власти. Это — прокуратура, Центральный банк, Счетная палата, Центральная избирательная комиссия и Уполномоченный по правам человека.

И замечу — несмотря на страдания конституционных теоретиков, на практике такая схема себя полностью оправдала. Вот, например, бесконечно возникает идея передать Центральный банк правительству. Ох, случись такое, представляю себе, как весь Минфин бы от радости руки потирал. И какое счастье, что по Конституции этого сделать нельзя!

Тем более что такой опыт уже был: в свое время Хасбулатов подчинил Центральный банк Верховному Совету. К чему это привело? К дикой инфляции и финансовым безобразиям.

И еще одна особая проблема. Это — местное самоуправление.

Мы с Сергеем Сергеевичем долго по этому вопросу спорили. В итоге в Конституции в статье двенадцатой записали, в общем-то, понятную и обязательную норму, взятую из Европейской хартии местного самоуправления^[24], которая гласит, что местное самоуправление отделено от государственной власти. Буквально это звучит так: «Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти».

Если этих слов не написать, то местного самоуправления не будет даже на бумаге.

В Европейской хартии записано, и мы в нашей Конституции это продублировали, что местное самоуправление — это осуществление публичной власти в интересах местного населения под свою ответственность и за свои деньги. Если нет хотя бы одного из этих элементов, то не надо создавать в Урюпинске (не в обиду Урюпинску будь сказано) местное самоуправление. Если у тебя нет своего имущества,

своих налогов и реальной возможности что-то делать для населения, то местное самоуправление — это чистая профанация.

Почему?

Да потому, что когда мы создаем местное самоуправление директивно, то, чтобы оно реально работало, надо будет передать деньги из бюджета на местный уровень — либо из бюджета федерального, либо из регионального. Но если это деньги «от дяди», по том и кровью не заработанные, то что с ними делают в любой стране, а не только в России? Правильно. Разворовывают.

А вот когда это твои кровные денежки, то налогоплательщики изберут такого старосту, который воровать не посмеет. Да он и сам воровать не будет, потому что это и его деньги тоже.

Если следовать такому принципу, то получается, что сейчас максимум процентов двадцать территории страны может иметь реальное местное самоуправление, не больше.

И это хорошо. Не надо спешить с созданием местного самоуправления. Пусть оно будет только в этих самодостаточных регионах. А там, где нет собственных средств, то это никакое не самоуправление, а просто нижнее — районное, поселковое, сельское — звено государственной власти. Поэтому я считаю, что до сегодняшнего дня идеи, зафиксированные в нашей Конституции по этой теме, — это норма на вырост. Ну и ничего страшного. Когда-нибудь пригодится — дорастем.

Конституция — не инструкция для газовой горелки

А еще мне часто задают вопрос: чего вы в свою Конституцию не записали?

Обычно я на него в шутку отвечал, что мы с Сергеем Сергеевичем не записали, что брак — это союз мужчины и женщины, заключенный по любви.

Но оказывается, что в нынешние времена эта шутка перестала быть шуткой. Собеседники теперь всерьез допытываются: «А почему не записали? Разве это не надо прописывать в Конституции?». Я отвечаю: «Мы не записали, потому что посчитали любовь неконституционной материей. Ведь речь идет о личных и интимных отношениях между двумя — мужчиной и женщиной. А теперь, глядя на то, что с институтом семьи в мире и в стране происходит, думаю, что, может быть, надо было сразу написать пару строк на эту тему».

Подобная норма давно записана в Конституции Болгарии, в 2013 году появилась по результатам референдума в Конституции Хорватии. А с 2020 года есть и у нас.

Болгары записали про «добровольный союз», хорваты — про «жизненное единение» (životna zajednica), у нас — просто «союз» мужчины и женщины. А вот слов «по любви» там все-таки нет.

Любовь — штука такая, что ни в одну конституцию не впишешь...

А вписать, кстати, ох, сколько всего разного предлагали.

К тому времени, как мы с Алексеевым занялись проектом, уже почти два года поправки в Конституцию были формой политической борьбы. Я уже писал, что их примерно штук четыреста приняли. Текст действующей Конституции разбухал как на дрожжах. Одно противоречило другому... И при всем том жизнь за окном менялась так быстро, что все эти поправки устаревали чуть ли не в момент их принятия.

Поэтому, занимаясь новой Конституцией, мы с Сергеем Сергеевичем исходили из того, что ее текст должен быть очень компактным, рамочным. Мы решили, что построим фундамент, стены и крышу нового государства, защитим здание от землетрясений и прочих угроз, но не будем предписывать, где окна и двери вырубать, какого цвета обои клеить и какую мебель ставить.

Мы считали, что Конституция — это не инструкция для газовой горелки, в которой всё давно размечено, каждая деталька подробно описана. Она должна быть одновременно и базой для сохранения стабильности, и инструментом для развития. Ведь мы же строим совсем новое общество и новую российскую государственность. Ситуация меняется каждый день. Будь ты хоть ста пядей во лбу, всё равно невозможно предугадать, как пойдет политическое творчество, какие из моделей приживутся, какие — нет, какие возникнут политические традиции...

То есть нужно было сделать так, чтобы Конституция не теряла своей актуальности, могла настраиваться на запросы времени, но притом не отходила от базовых принципов и основ. Задача сложная, но мы придумали необходимый для этого механизм.

А именно — создали два конституционных института.

Первый — это институт конституционных законов.

Звучит сложно, но на деле все просто и однозначно.

Если возникла какая-то проблема или новшество уровня Конституции, то не надо из-за этого менять всю Конституцию целиком: давайте примем федеральный конституционный закон. Часть таких законов прямо поименована в Конституции, записана как бы на вырост, потому что в 1993 году было представление о принципиальных вещах, но никто не мог заранее знать все детали: как должен работать на практике тот или иной институт. Это уже прерогатива законодателя — взять за основу конституционные принципы и расписать все правила, урегулировать соответствующие отношения.

А если потребуются какие-то еще конституционные законы, то их можно принять, основываясь на положениях 76-й статьи Конституции,

в которой указано, что по «предметам ведения» Российской Федерации (то есть по вопросам, входящим в федеральную компетенцию) принимаются не только федеральные, но и федеральные конституционные законы. То есть список проблем «конституционного уровня», который можно урегулировать конституционным законом, совершенно не ограничивается тем перечнем, что прямо поименован в Конституции.

Так что если жизнь подбросила нам какую-то новую задачку, если что-то не решается, то сначала надо попробовать написать конституционный закон. Зачем сразу поправку? Все равно ведь без закона эта поправка не заработает!

И тем более — зачем сразу новую Конституцию? Не надо. Воспользуйтесь существующим механизмом.

А второй институт, помогающий сохранить жизнеспособность Конституции, это — Конституционный суд.

Я всегда считал и считаю, что у нашей Конституции должен быть свой ангел-хранитель. Это моя формула, моя идея, и я на ней настаивал. Этот ангел-хранитель — Конституционный суд. И его существование является очень принципиальным моментом. Представьте себе, что мы взяли бы и объединили Конституционный суд с судом Верховным. Что из этого получится? Только то, что в таком случае можно просто взять и выбросить Конституцию на помойку. Потому что она не будет работать.

Наш Конституционный суд может отменить любой указ президента, любой закон парламента, любой акт любого уровня власти — региональной, муниципальной и так далее. Конституционный суд может толковать Конституцию, то есть, не являясь законодателем, дать такое разъяснение смысла и статей Конституции, что в итоге появляется новый закон, новая конституционная материя. Получается, что полномочия у этого института колоссальные. И ответственность, кстати, тоже. Ведь решение Конституционного суда обязательно и обжалованию не подлежит: нравится оно кому-то или не нравится, но это — последнее слово.

У исследователей конституционализма есть одно очень трудновыговариваемое понятие, но я просто обязан его тут упомянуть, потому что наша голова так устроена — если нечто трудно произносится, то легко запоминается. Понятие это — контрмажоритарный институт. Суть в том, что демократию иногда нужно защищать от нее самой. При демократии решения принимаются большинством — парламентом, который представляет все население страны, референдумом, который сам — воплощенное большинство и так далее. Но не факт, что принятые решения всегда являются полезными человеку, обществу и государству только потому, что за них проголосовало большинство.

На такой случай у демократического государства должна быть «холодная голова», которая способна выступить против позиции большинства. И не просто выступить, но законно отменить такое опасное решение.

Так вот, Конституционный суд и есть такой контрмэжоритарный институт. Он у нас прописан в Конституции в стопроцентном виде.

И кстати, то, что мы именно Конституционному суду отдали такую большую власть ради защиты Конституции, это не просто наша фантазия, а еще и дань российским историческим традициям. Потому что мы — единственная в мире страна, в которой сам конституционализм имеет в своей исторической основе судебную власть. Весь мир, все цивилизованные страны шли от самодержавия к демократической республике через конституционную монархию. И как они это делали? Да очень просто: через парламент. Возьмем Великобританию, возьмем Францию, да любую европейскую страну — именно парламент становился инструментом преобразования государства.

А Россия снова пошла своим путем. Конституционная монархия в нашей стране началась со становления не парламента, а именно судебной ветви власти, которая возникла на сорок лет раньше законодательной. Когда император Александр II задумывал свою судебную реформу, которую впоследствии стали называть Великой, он вряд ли предвидел все ее последствия. В смутные времена он пытался сохранить самодержавие, откупившись «небольшим» элементом Конституции — введением относительно независимой судебной власти и суда присяжных.

А на самом деле это решение стало настоящей революцией, потому что в недрах абсолютизма был заложен один из краеугольных камней новой политической системы, основанной на принципе разделения властей. И то, что именно судебные органы намного опередили в своем развитии парламентские институты, было очень хорошо для России. Потому что идея справедливости, возможности суда правого, милостивого и равного для всех не просто овладела умами, но и была подтверждена на практике. А это уже создавало необходимую атмосферу, необходимые условия для перемен.

То есть с Судебной реформы 1864 года у нас начался конституционализм не в теории, а на практике, и были заложены основы будущего парламентаризма. И та же история почти зеркально повторилась в 1990-х годах, когда главным источником благоприятных правовых условий для становления новой российской государственности и экономики стал отнюдь не парламент, а Конституционный суд.

Так что наш Конституционный суд — это не придуманная Алексеевым и Шахраем случайная схема, а знание и учет российской исторической традиции, природы нашего общества и менталитета. А главное — наличие такого института нас уже не один раз за прошедшие годы спасало и, надеюсь, еще не один раз спасет.

Вспомнить хотя бы, как во времена кризиса неплатежей суд разъяснял законодателям, что нельзя обязанность платить налоги ставить выше обязанности выплачивать работникам вознаграждение за их труд, поскольку это — равновеликие конституционные ценности[25]. Защищал права россиян, уехавших за границу, на получение пенсий[26] и права чернобыльцев на получение полагающихся выплат. Конституционный суд неоднократно разрешал острые споры между регионами и федеральным центром, между парламентом и правительством. А в известном постановлении по «чеченскому делу» защитил право президента использовать все свои полномочия для защиты государственной целостности России[27]. Конституционный суд — это уникальный орган. И я горжусь, что в свое время президент Ельцин именно мне поручил выступить перед депутатами с обоснованием закона о создании суда.

Звонящая пустота безвластия

Почему споры о каких-то конституционных материях, моделях и схемах вдруг доходят до такого ожесточения, что вменяемые вроде бы люди, с которыми мы вместе начинали, вдруг хватаются за оружие и призывают бомбить Кремль?

Как в наше цивилизованное время можно дойти до такой грани, за которой — только хаос и кровь?

Это было ранним утром 3 октября 1993 года. Я сидел на ступеньках у входа в здание, где располагался мой кремлевский кабинет — бывший кабинет маршала Ворошилова⁵⁰ в первом корпусе Кремля (напротив Царь-пушки, чуть по диагонали), и молча смотрел, как начинается новый день...

Я сидел и думал о том, что будет со страной и со всеми нами. А события последнего времени не добавляли мне ни малейшего оптимизма. Только что, прямо на моих глазах, произошел полный провал переговоров в Свято-Даниловом монастыре, где патриарх Алексий II пытался найти компромисс между конфликтующими сторонами и куда делегация Ельцина приехала с письмом от президента. Борис Николаевич, понимая всю сложность и опасность ситуации, предлагал Руцкому, Хасбулатову и их сторонникам провести одновременные досрочные выборы, свои — президентские и депутатские. Но они отказались.

Накануне я провел бессонную ночь в своем кабинете. Да и как тут заснешь, когда перед тобой фактически стоит вопрос жизни и смерти, решается — быть или не быть новой России. Город был брошен на произвол судьбы, нигде не было видно ни военных, ни милиции, которые должны были обеспечивать порядок. Казалось, что Москва вдруг стала полностью беззащитной.

Сию один, не видно привычных постовых Службы охраны президента, никаких обходов, никакого движения, никакой жизни. Ничего. Только

я и вороны, которые стаей кружат над одной из башен. Было полное ощущение, что Кремль всеми покинут и сейчас должны войти войска противника.

Этот самый момент и мое внутреннее состояние запомнились мне на всю жизнь. Прямо как фотография в памяти отпечаталась.

Потом, когда всё уже было в прошлом, я не раз пытался рассказывать своим детям, знакомым, друзьям об этом моем настроении. О том, как сидел и всем своим существом, почти физически, ощущал это наступившее утро безвластия. Точка. Пустота. Безвременье. Все исчезло. Паровоз по имени «Россия» затормозил и встал.

На эти мои романтические эмоции один из моих сыновей однажды сказал: «Ну, так раз ты там был один, что же ты не взял власть в свои руки, если Кремль был пуст?»

Практичные все-таки люди эта наша молодежь!

Я тогда ему ответил — брать было нечего. Безвластие.

А потом, когда наваждение рассеялось, часы истории снова затикали, стрелки закрутились, время полетело.

В центре Москвы началась открытая смута. Боевики-баркашовцы[28] захватили мэрию. Макашов с гранатометами и пулеметами на грузовиках отправился штурмовать «Останкино». Ситуация перешла в фазу гражданской войны.

Где-то в три часа пополудни на Ивановской площади сел вертолет с президентом. Ельцин снова был в Кремле, на своем рабочем месте. Начались встречные действия: подписан указ о снятии Руцкого, к Москве стали подтягиваться войска, отбили «Останкино», восстановили телевизионное вещание. Посреди ночи президент поехал в Министерство обороны — обсудить штурм. Грачев потребовал письменный приказ. Ельцин, говорят, на секунду застыл и как ножом отрезал: «Вы его получите».

Рано утром, еще до рассвета, Сосковец⁵¹ попробовал еще раз договориться с Верховным Советом — сдать оружие и решить дело без стрельбы. Но вооруженные депутаты[29] и защитники, опьяненные кровью и событиями прошлого дня, ничего не хотели слышать. Примерно через час начался штурм. Операция шла до самого вечера — с перерывом на то, чтобы вывести из горящего здания гражданских и женщин.

Октябрьский путч был подавлен.

Но вот это пустое кремлевское утро, эта звенящая пустота безвластия... Пожалуй, это было еще страшнее, чем почерневшие стены Белого дома.

«Призрак Учредилки» и реалии «двойной легитимации»

Есть такая не раз повторенная академическая позиция, что всей этой октябрьской смуты можно было бы избежать, если бы Конституцию принимали Учредительным собранием. Дескать, действующая Конституция потому плоха, что Ельцин буквально «на штыках протолкнул» свой вариант. Странно, если «ельцинская» Конституция настолько плоха, то почему же она так долго — уже почти три десятилетия — работает без Бориса Николаевича?

Я на это всегда говорю и академикам, и студентам: не верьте эмоциям, читайте документы, изучайте историю! Президентский вариант 1993 года вобрал в себя все лучшие находки всех сторон. И Конституционное совещание, обсуждавшее итоговый текст, представляло все слои и все политические силы страны. В тексте Конституции изложены позиции, по поводу которых ни у кого нет расхождений во взглядах — ни у белых, ни у красных, ни у демократов, ни у коммунистов. Это и есть точки согласия, это и есть основа для общественного согласия и примирения.

Но мне часто говорят: нет, процедура была не та. А давайте соберем опять Учредительное собрание и примем пусть даже похожую по сути Конституцию, но другим путем — не всенародным голосованием, а Учредительным собранием.

И вот здесь я всегда говорил и буду настаивать, что ответ на такие предложения должен быть один — резкое, категорическое «нет!».

И это несмотря на то, что призрак Учредительного собрания бродит по России уже больше ста лет.

Несмотря на то что в начале 1990-х предложения о созыве Учредительного собрания не раз обсуждались, Россия абсолютно правильно не пошла по этому пути. Когда формировалось Конституционное совещание для доработки проекта Конституции, оно конструировалось именно как структура представительная, хотя и с «совещательными» полномочиями: его пять палат были сформированы по региональному, производственному, политическому, социально-общественному и другим критериям. В публичном пространстве начала 1990-х Конституционное совещание не позиционировалось в качестве «прообраза» Учредительного собрания. Однако в рамках закрытого политического дискурса не исключалось, что при определенном развитии событий оно могло бы быть провозглашено Учредительным. Обстоятельства, к счастью, сложились так, что в итоге был выбран механизм всенародного голосования о проекте Конституции, в котором были изложены основы новой власти и государства.

Таким образом, фактически современная российская власть учла опыт революции 1917 года, но при этом использовала оба механизма (учредительный и конституционный) для преодоления разрыва преемственности и легитимации власти. В результате на базе принятой всенародным голосованием Конституции был избран новый парламент — высший представительный и законодательный орган,

а затем и все другие органы государственной власти. Именно такой подход позволил придать максимальную легитимность новой власти и новому государственному строю.

Тем не менее в начале 1990-х годов с левого и правого флангов раздавалась критика, что новая Конституция была принята «неправильно», а потому политические оппоненты делали выводы о нелегитимности президентской власти и новой российской государственности в целом. Хотя эти позиции не соответствовали действительности ни по факту, ни с точки зрения правовой доктрины, но надо было что-то делать, давать какие-то аргументы, чтобы снизить уровень конфликта.

Тогда я обосновал и ввел в оборот конструкцию так называемой «двойной» или «длящейся» легитимации власти.

Первый этап легитимации — всенародное голосование и принятая Конституция, второй — добровольное участие политических оппонентов в общенациональных выборах парламента и президента. Из этих двух шагов следует очевидный вывод: «Если вы лично и ваша партия согласились принять участие в выборах по этой Конституции, по установленным ею правилам, то, значит, вы своими практическими действиями де-факто и де-юре признали новый Основной Закон и установленный им порядок». Таким образом, современная российская власть получила легитимность путем использования механизма всенародного голосования по новой Конституции и неоднократного проведения на этой основе последующих общенациональных выборов для формирования федеральных органов власти.

В качестве еще одного примера практического использования модели «двойной легитимации» можно привести известную историю с возвращением Татарстана в конституционное поле России.

Я всегда говорил и говорю, что договор с Татарстаном 1994 года надо ценить и изучать, потому что он спас Россию от серьезного конфликта. Почему?

Потому что сначала республика не подписала Федеративный договор, потом фактически отказалась проводить референдум о новой Конституции в 1993 году и участвовать в выборах в Федеральное Собрание. А Конституция Татарстана от 6 ноября 1992 года очень сильно не соответствовала Конституции федеральной. Вдобавок делегация республики день и ночь дежурила в Венецианской комиссии Совета Европы, ожидая признания своей Конституции конституцией независимого государства.

Но когда после почти трех лет тяжелейших переговоров и включения в новую Конституцию России специальной нормы, позволявшей это сделать (статья 11), мы подписали с Татарстаном договор в феврале 1994 года и решили все острейшие проблемы, в республике сразу прошли выборы в федеральный парламент. Тогда избрали Фарид

Мухаметшина⁵² и Минтимера Шаймиева⁵³ в Совет Федерации и пять депутатов в Государственную думу. А по международному праву и по конституционному праву проведение выборов на территории республики в федеральный парламент по правилам, установленным федеральным законодательством, — это де-факто и де-юре признание общенационального суверенитета и федеральной Конституции.

Поэтому я говорю, что этот договор спас и Россию, и Татарстан. А вот Чеченская Республика в те годы пошла по другому пути. Результат всем хорошо известен.

Кстати, руководству Татарстана хватило мудрости конвертировать полномочия, полученные по договору, в экономические преобразования, в качество жизни населения республики. После этого Татарстан даже своих госслужащих в Москву и другие регионы активно экспортировал!

Но на начальном этапе задор самостийности был высок.

«У КОГО РУКИ ЧЕШУТСЯ — ЧЕШИТЕ В ДРУГОМ МЕСТЕ»

Когда я слышу об очередной, ну очень срочной необходимости поправить действующую Конституцию, немедля вспоминается перл незабвенного Виктора Степановича Черномырдина: «У кого руки чешутся — чешите в другом месте...» Абсолютно прав!

Все кому не лень пишут новую Конституцию. Причем буквально с 12 декабря 1993 года. Наверное, это у нас такая черта характера — не размениваться на мелочи, сразу браться за большое, в глобальном масштабе.

Чуть что: «Даешь новую Конституцию!» С одной стороны, в правовом плане мы совершенно нигилистическое государство. С другой стороны, у нас какая-то святая вера в то, что с помощью перемены букв в тексте Конституции можно изменить нашу жизнь. Плохая погода, муж к соседке ушел, лампочка в подъезде перегорела — надо переписать Конституцию. Вот каждый раз хочется спросить: «А для начала лампочку ввернуть не пробовали?»

Особенно такие приступы по части поправить Конституцию обостряются с каждым новым президентским циклом. Помнится, я долго не мог найти поддержку своему проекту по празднованию двадцатилетия Конституции. Мне твердили: ну куда ты торопишься, а вдруг президент Конституцию поменяет? Весь 2012 год выжидали, что Путин скажет. А когда президент ничего не поменял, так потом сразу несколько оргкомитетов по празднованию появились.

Даже Председатель Конституционного суда Валерий Дмитриевич Зорькин⁵⁴ последние годы твердил о «точечных поправках». А ведь ему по должности нужно защищать Конституцию в том виде, как она есть.

По его мнению, система власти оказалась не сбалансирована — как между законодательной и исполнительной ветвями, так и между центром и регионами. Вдобавок президентская администрация сильно влияет на правительство.

Диагноз-то он поставил, может, и правильный, а вот рецепты предложил неправильные. В действующей Конституции имеются все необходимые инструменты и лекарства для лечения любых «болезней». Если кто-то считает, что президентская администрация сегодня вместо правительства рулит, то примите федеральный конституционный закон об администрации. Он предусмотрен Конституцией. Когда принимается такого рода акт, то это ведь не только фиксация фактических полномочий. Это скорее не повышение статуса, а его ограничение. Создание баланса прав и ответственности, создание четких границ, правил и процедур.

Или взять федеральный конституционный закон о правительстве. Не меняя ни одной буквы в Конституции, у нас можно с воскресенья на понедельник создать правительство парламентского большинства. Просто ввести новую политическую традицию, новый конституционный обычай, когда, начиная с ближайших парламентских выборов, президент будет представлять кандидатуры на должность премьера только от той партии, которая получит большинство мест. Или от коалиции, которая в сумме дает большинство.

И чтобы это сработало, поправлять ничего в Конституции не надо. Достаточно внести точечные изменения в закон о правительстве и в регламент Государственной думы.

Я постоянно повторяю одно: прежде чем менять и править, нашу уже существующую Конституцию надо по-настоящему реализовать. Там заложены все необходимые инструменты для решения самых актуальных задач. И для новых политических традиций. И для объединения субъектов федерации, и для принятия новых.

Возвращение Крыма и Севастополя, образование Пермского края и так далее — всё ведь сделано по лекалам, которые прямо имеются в Конституции.

Зачем создавать турбулентность и хаос, ломая Конституцию? Ради чего? Ради новых задач? Изучите сначала, что имеется в действующем Основном Законе. Можно все задачи, которые назрели, решать с помощью имеющихся механизмов и решений Конституционного суда.

Я хочу, чтобы все поняли, что наша Конституция — это живой организм. Это образ желаемого будущего. И не надо в базовый текст тащить разные мелочи.

Если мы не каждый день соблюдаем библейские заповеди, это же не означает, что надо каждый раз Библию переписывать. Это означает, что нам надо над собой работать.

Что значит — Конституция как живой организм?

Вот есть основной текст — 137 статей. Есть больше 90 федеральных конституционных законов, прямо предусмотренных Конституцией. Есть больше сотни решений Конституционного суда, которые имеют отношение к трактовке либо самого текста Конституции, либо разъясняют правовые позиции Конституционного суда. Таким образом, наш Основной Закон живет и постоянно развивается. Его надо видеть во всей этой совокупности.

Я точно знаю, что любое заявление о подготовке новой Конституции — это политический риск. Особенно если налицо какой-то социальный или экономический кризис. Ведь в то время, когда Конституционное собрание будет готовить новый текст, страна фактически окажется без надежной власти. Если ситуация стабильная, то, возможно, никто этого не заметит. Сидят юристы и чего-то там пишут. Но если какие-то потрясения, то никому бы не пожелал жить в такое время.

В чем была ошибка Горбачёва? Переписывание основ государства происходило в период тяжелейшего социально-экономического кризиса. Ново-Огаревский процесс и Союзный договор — это все равно, что бороться одновременно с пожаром и потопом путем замены фундамента дома. Это была полная катастрофа.

Но тем не менее 2020 год оказался для неприкосновенности Конституции последним.

Политическая конкуренция по неосторожности

Смотрю я сегодня на новенький конституционный томик, как говорится, «издание дополненное и исправленное», и думаю: ну чем же моя прежняя Конституция помешала?

Хорошо, пусть будет не моя, а наша. Та самая, которую я писал и по которой мы все эти годы жили. Вот честно: зачем ее понадобилось перекраивать? Не понимаю.

Каким политическим процессам она помешала — тоже понимаю не очень. Ведь все новшества вполне можно было урегулировать имеющимися конституционными инструментами.

Поначалу, когда Владимир Путин заявил, что назрела настолько настоятельная необходимость поправок в Конституцию, что нельзя медлить ни секунды, некоторые горячие головы начали даже кричать о конституционном перевороте. А теперь, когда поправки приняли,

то вроде бы ничто и не перевернулось. Всё в порядке, всё стабильно. Зачем же это было сделано?

То, что теперь какие-то балансы восстановлены, даже обсуждать нет смысла. Есть еще не менее зазорное объяснение, что вся суматоха была ради того, чтобы в этом лесу поправок запрятать один-единственный листик — обнуление президентских сроков.

А мне кажется, что этот пункт тут совсем не главный.

У адептов «классической демократии» западного толка к России много претензий: дескать, нет у нас ни нормальной многопартийности, ни свободных и независимых СМИ, ни институтов гражданского общества, ни реальной политической конкуренции. А если и есть, то все какое-то неправильное. Даже Конституция какая-то «странная» — больше четверти века стоит практически нетронутая, одна из самых долгоживущих демократических конституций в мире.

Но вдруг сам глава государства инициирует конституционную реформу, глубинный смысл которой практически никому не ясен, но участвовать хотели все — от академиков до балерин. И как со всякой революцией (по факту речь идет не о «точечном изменении» Конституции, а о по-настоящему революционных переменах), главная проблема заключается не в том, чтобы победить. Главная проблема — а что теперь с этой победой делать? Вернее, какая реальность возникает за дымом от победных салютов всенародного голосования?

Готовы ли мы к тому, что в результате этих многочисленных точечных «инъекций» в Основной Закон Россия сделает большой скачок к цивилизации западного образца? И первым, самым наглядным эффектом такой трансформации станет жесткая политическая конкуренция. Причем не привычные подковерные интриги за влияние, а открытая, институционализированная, подлинно политическая борьба, которая многократно усилится в случае снижения активности лидера или выбора неудачного варианта транзита.

Возможно, что на деле так и было задумано. Лидер намеренно создал большое количество параллельных государственных или полугосударственных структур, в которых разные «группы по интересам» отложат свои яйца. А потом драконы вылупятся и начнут борьбу друг с другом. Вернее, начнется эпоха подлинной политической конкуренции.

Но скорее всего, такой задумки не было. Политическая конкуренция в России, как жизнь во Вселенной, зародится не преднамеренно, а случайно. По неосторожности.

Впрочем, это очень по-нашему. В России всё начинается не так, как везде. Не по общим лекалам, а по своим собственным. Если снова вспомнить историю XVIII–XIX веков, когда весь цивилизованный мир увлекся идеями конституционной монархии, Россия пошла своим, кружным, путем. Причем перемены, по историческим меркам,

произошли практически мгновенно и совсем не так, как ожидалось. В той же Англии реальные подвижки в сторону конституционной монархии начались еще в XIII веке, когда возник первый парламент, и сама монархия существует до сих пор. А в России самодержавие испугалось даже тени ограничения полновластия и развалилось менее чем за полвека (если считать с 1860-х), похоронив вместе с собой Великую Россию.

Вот и сейчас реальные перемены могут оказаться очень быстрыми и совсем неожиданными.

Да, борьба разных групп и отдельных персонажей за свои интересы и против друг друга есть и сейчас. Но эта конкуренция не политическая. Потому что, как правило, она происходит не в публичной сфере, а «за сценой», и по большей части — чужими руками. Все эти утечки в СМИ, вбросы и хайпы — лишь далекие отголоски неполитической борьбы за внимание лидера, за доступ к телу, за свое экономическое усиление, за ослабление противников...

Эта борьба не облечена в институциональные формы (партии, фракции, профсоюзы, организации гражданского общества) и открытые процедуры. Пока есть индивидуальный доступ к лидеру, то нет смысла тратить ресурсы на такие сложные способы обеспечить свой интерес.

Но теперь конституционные поправки приняты, и всё может очень быстро измениться. Подковерная борьба и интриги обретут политические формы и процедуры. Одни группировки «окопаются» в Государственном совете, вторые и третьи — в Совете Федерации и в Государственной думе, четвертые — в Совете безопасности. Для пятых политическим плацдармом станет правительство. Даже Конституционный суд получает значимое политическое влияние. Резко возрастет роль контрольно-надзорных и следственных органов — прокуратуры, Следственного комитета, Счетной палаты, потому что в результате конституционной реформы изменились их роль и статус, порядок формирования, система взаимодействия с другими государственными институтами и, что особенно важно, с главой государства.

Понятно, что сейчас трудно предсказать, как в итоге разложится институциональный пасьянс. Возможны разные комбинации. Одна группировка может контролировать несколько институтов, другая — получит в свое распоряжение единственный, но очень влиятельный орган. Но очевидно, что в такой ситуации для каждой из конкурирующих групп открывается большое поле именно политических возможностей для реализации и защиты их интересов. Одновременно это означает, что внезапно окажется по-настоящему важной роль партий (и особенно — парламентских фракций) и самого законодательного процесса.

Возможно, что, как и в 2000 году, когда с приходом на пост президента Владимир Путин «равноудалил» олигархов от власти, накануне транзита

он производил профилактическое равноудаление от властных вершин конкурирующих группировок.

Может быть, именно в этом состоит замысел лидера? Если так, то с политической точки зрения план можно считать почти гениальным.

Почему почти?

Именно потому, что подлинная политическая конкуренция окажется для всех неожиданностью. Поскольку она возникнет «по неосторожности», как непредусмотренный риск, то процесс станет неконтролируемым, а формы борьбы — предельно нецивилизованными. Тем более — в условиях грядущего транзита, который, со всей очевидностью, будет происходить быстро.

Что в сухом остатке?

Конституционные поправки вместо стабилизации системы выпускают на волю джинна политической конкуренции, которая будет происходить в формах, совсем нежелательных для их авторов.

Вместо укрепления единства власти, олицетворением которой является сильный глава государства, конституционная реформа привела к ее разрыхлению, потере ясного облика.

Уверения разработчиков, что «перепутывание» ветвей власти в некий аморфный конгломерат обеспечивает ее единство, является абстрактным теоретизированием, поскольку слом системы сдержек и противовесов в сочетании с институционализацией групп интересов и приданием их конкуренции политических форм с неизбежностью ведет к неконтролируемому разгону реактора.

Особенно разрыхление единства власти опасно в многонациональном федеративном государстве: когда власть фактически слабеет, а в центре происходят непонятные процессы, регионы начинают оукликиваться, чтобы пережить смутные времена. В результате расцветает сепаратизм, тем более что обид у региональных элит уже накопилось сверх меры. Причем тихий, молчаливый сепаратизм в подобной ситуации намного опаснее громких заявлений и резких шагов.

Примеров, насколько опасно нарушение принципа единства власти (неважно, путем раздвоения или неверно понятого омоноличивания), в российской истории немало. Достаточно вспомнить, какой трагедией заканчивались все попытки введения института вице-президента в СССР (Геннадий Янаев и его участие в ГКЧП) и в новой России (Александр Руцкой и попытка вооруженного мятежа в 1993 году). Или как противостояние законодательной и президентской ветвей власти поставило страну на грань гражданской войны. А совсем недавно мы отмечали столетие Февральской и Октябрьской революций, которые бы не случились, если бы не борьба монархии с парламентаризмом.

Сегодняшние конституционные поправки создают условия для разбалансирования системы власти и утраты ее единства — не формального, а фактического. Поправка о заместителе Председателя Совета безопасности воспроизводит по сути институт вице-президента. Конституируются новые центры власти без четко ограниченных полномочий (Государственный совет). Закладываются институциональные и правовые условия для политической конкуренции внутри системы власти.

Безусловно, летом 2020 года, когда принимались поправки в Конституцию, позиции президента Путина как верховного арбитра и его исключительный личный авторитет были гарантией того, что указанные выше риски не обернутся реальностью. Однако конституционные новшества не просто переплетают все ветви власти в аморфное, несбалансированное образование, но и погружают в него президента, фактически — спускают с олимпа. Вдобавок речь идет о перераспределении части полномочий главы государства в пользу Государственной думы или Совета Федерации.

В общем и целом вывод один: риски, что в результате конституционных поправок что-то пойдет не так, чрезвычайно велики. А в отсутствие реальной многопартийности, свободных и независимых СМИ, гражданского общества, политических традиций и политической культуры они возрастают многократно.

Со всей очевидностью, принятыми поправками дело не ограничится. Потребуется еще не один пакет изменений. При отсутствии хоть какой-то системы сдержек и противовесов разгон реактора пойдет дальше. А поскольку энергетика людей практически израсходована, вряд ли кто сможет остановить возможный коллапс. К сожалению, всё это очень напоминает запущенный Горбачёвым процесс перестройки и демократизации, который без необходимых страховочных механизмов вышел из-под контроля своего создателя и привел к развалу СССР.

МОЯ НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ БУДЕТ ЦИФРОВОЙ

В общем, пока другие правят мою Конституцию, я решил написать новую — цифровую.

Ведь мы уже давно живем в тотально цифровом мире. Просто это еще до конца не поняли и — тем более — не урегулировали. Мы пока не успеваем создавать какие-то рамки для «дикого цифрового капитализма», для защиты прав и свобод виртуальной личности, для обеспечения суверенитета государств в киберпространстве. Идет своего рода бег наперегонки между цифровым миром и обычным миром: кто кого контролирует, кто кем управляет. И пока обычный мир проигрывает.

Технологии — они ни хороши, ни плохи. Вопрос в том, как их использовать. Лично я считаю, что многие информационные технологии — Big Data, облачные технологии, блокчейн, смарт-контракты и другие — открывают окно возможностей для повышения эффективности государственного управления. Чуть позже расскажу, как еще тридцать лет назад внедрение в общем-то несложной системы электронного голосования на съездах народных депутатов СССР и РСФСР радикально изменило политическую систему страны.

А сейчас акцентирую — мы страшно опаздываем с наведением порядка в цифровом мире, и надо срочно писать для него конституцию!

С чего начать?

Очевидно, что в виртуальном мире, как и в реальном, должны соблюдаться основные конституционные права и свободы человека и гражданина, включая право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; на свободу и личную неприкосновенность; на равенство всех перед законом и судом и так далее. Если пофантазировать, то даже статья, гарантирующая неприкосновенность жилища, может найти свое «виртуальное выражение» применительно к сетевым аккаунтам или персональным сайтам цифровой личности.

В цифровом мире, как и в мире реальном, одной из важнейших является проблема соотношения прав личности, общества и государства, а также иерархии интересов в этом «треугольнике». Понятно, что от того, какой, образно говоря, «угол» будет стоять на вершине, такой виртуальный политический режим будет функционировать в глобальном цифровом мире, либо его суверенной части, которую национальные правительства пытаются «выгородить» своими защитными файерволами.

Не зря европейский «Общий регламент по защите данных»^[30] требует «вернуть контроль гражданам над их персональными данными». А в Китае, где во главу угла поставлены интересы государства, процесс пошел по пути создания тотальной цифровой системы регулирования — не только жизни общества в целом, но и жизни буквально каждого. Теперь граждане борются за «лайки» от государства для поддержания индивидуального социального рейтинга на должном уровне, иначе не видать им выезда за границу, продвижения на руководящие должности, образования в хороших университетах, обедов в приличных ресторанах и прочих «социальных бонусов». Причем выстраивается система тотальной «круговой поруки», при которой будут невозможны никакие «цветные революции» и даже минимальная критика в адрес правительства, поскольку за любое критическое высказывание рейтинговые баллы будут сниматься не только у того, кто показал себя оппозиционером, но и у всех, кто находится с этим гражданином даже в самом отдаленном виртуальном контакте.

Но если китайское руководство открыто заявляет о своих намерениях и действиях, то корпорации, использующие цифровые технологии, делают это тайно, но не менее масштабно. Мы уже привыкли к назойливой целевой рекламе, для создания которой без нашего ведома используется персональная информация (включая содержание поисковых запросов). Мы привычно ставим фильтры на компьютерный спам и уже перестали удивляться очередным новостям об утечках банковской информации или налоговых баз данных.

Все эти события далеко не безобидны. Хотя цифровизация и цифровые технологии сами по себе этически нейтральны, вопрос в том, для каких целей и в чьих интересах они используются. А это уже сфера правового регулирования.

К примеру, цифровые защищенные деньги — это удобно. Однако анонимность этого инструмента и «иммунитет» в отношении юрисдикции конкретных государств недопустимы, поскольку в результате будет создана очередная финансовая пирамида, население потеряет деньги, а государство — суверенитет. Эти риски должны быть исключены на правовом и программном уровне.

Распределенные сети также полезны и очень эффективны. Однако операторы этих систем должны быть подконтрольны, а достоверность циркулирующей информации должна быть гарантирована.

В общем, нравится нам это или нет, но тотальную цифровизацию общества и всех его систем, включая личную жизнь, уже невозможно остановить. Конечно, можно пойти по пути луддитов, которые пытались остановить прогресс, уничтожая станки и машины. Но в итоге они проиграли. Поэтому сегодня вместо того, чтобы противостоять объективному развитию событий, надо ускоренными темпами создавать механизмы защиты личности, ее базовых прав и свобод, и в том числе конституционных, в новой тотальной цифровой среде.

В принципе, подобные попытки были. Французы пытались написать что-то вроде Всеобщей декларации прав человека для цифрового мира. Но дело даже до дискуссий не дошло.

Поэтому, я уверен, именно Россия должна стать первопроходцем и написать первую в мире «Цифровую Конституцию». Я постоянно над этим думаю, потому что задача очень непростая. Настоящий вызов и для теории, и для практики.

Во-первых, есть множество нерешенных вопросов, которые носят даже не теоретико-правовой, а философский характер.

Например, как соотносятся права виртуальной и реальной личности? Каким может быть «базовый набор» прав и свобод виртуальной личности и виртуального гражданина? Как их определить применительно к цифровой реальности? Поскольку цифровой мир не имеет границ, то каким образом можно добиться хотя бы минимального единства в представлениях о системе ценностей и

их иерархии или о соотношении свободы и безопасности? Ведь то, что в одной традиции представляется всеобщим благом, в другой понимается как вселенское зло. Таких сущностных вопросов множество.

Безусловно, можно ограничиться «Цифровой Конституцией», действующей в рамках российского сегмента интернета. Однако даже в российском обществе представления и ожидания людей в отношении цифрового мира очень различны. А что уж говорить о различиях в интересах и подходах общества и государства?

Во-вторых, есть множество вопросов к технологической стороне реализации «Цифровой Конституции». Каким образом, какими технологическими средствами конституционные права и свободы могут быть гарантированы в цифровом пространстве? На сегодняшний день технологии чаще используются для фактического нарушения этих прав, чем для их гарантий.

Не менее важно обеспечить правовыми и технологическими средствами гарантии раскрытия данных о владельцах сетевых ресурсов и дать возможности внешнего контроля со стороны общества за деятельностью цифровых корпораций. В сложившейся на сегодняшний день ситуации возник явный дисбаланс: об обычных цифровых гражданах известно буквально всё, а о «цифровых магнатах» неизвестно практически ничего.

Одна из ключевых задач: дать гражданам возможность по первому запросу получать сведения о том, какие операции на текущий момент производятся с их персональной информацией; каким образом и с какими целями она накапливается, обрабатывается и передается. Причем важно получать ответы не «в общем и целом», а в режиме реального времени: что происходит в текущий момент с персональными данными человека, кто и как ими пользуется?

Для решения всех этих проблем потребуется совместная работа ученых самых разных специальностей, включая компьютерщиков.

Уверен, давно настало время не просто фантазировать на тему «Цифровой Конституции», но формулировать конкретные идеи и предложения. У России есть все необходимое, чтобы не только первой в мире создать собственную суверенную «Цифровую Конституцию», но и стать инициатором международной конвенции о гарантиях и защите прав человека в цифровом мире, к которой должны присоединиться все страны — члены ООН.

Как простенький цифровой алгоритм изменил политическую систему в СССР

Вот, написал я, что мы можем не успеть с нормальной многопартийностью и нормальным парламентом, потому как на дворе цифровая революция и депутатский институт исчезнет, как мамонты с лица земли, и понял, что надо бы объяснить поподробнее.

О чем это я?

Для начала, пожалуй, вернусь немножко назад и расскажу, как электронная система голосования изменила политическую систему СССР, а потом и России.

Дело было в 1989 году.

Я тогда постоянно продвигал идею, что право должно стать той областью гуманитарного знания, которая подлежит алгоритмизированию и автоматизации. Поскольку я был руководителем лаборатории правовой информатики и кибернетики в МГУ, то, кажется, с подачи Константина Лубенченко, Анатолий Лукьянов пригласил меня в аппарат Верховного Совета СССР. И там я вместе с ленинградскими программистами стал создавать для Съезда народных депутатов СССР и союзного парламента первую в стране систему электронного голосования. Потом аналогичный проект мы делали для Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР.

В работе съезда участвовали 2250 делегатов, времена единогласного одобрения остались в прошлом, а считать голоса вручную, по головам, было очень неудобно. Вдобавок постоянно бы возникал вопрос: а кто считал и честно ли считали? И поскольку бесконечно вставала тема доверия к результатам голосования и точности подсчета голосов, то мы придумали решить проблему с помощью современных технологий. И тогда руководство КПСС приняло решение о создании для Съезда народных депутатов СССР электронной системы голосования. В те времена компьютерам еще верили больше, чем самим себе.

То, что случилось потом, можно назвать «электронной революцией». Неожиданно для всех, включая меня, наша элементарная с технической, программной, алгоритмической точек зрения система произвела настоящий политический переворот. Думаю, что если бы те, кто в СССР решил внедрить идею электронного подсчета голосов, понимали, к чему это приведет, то депутаты голосовали бы до сих пор поднятием рук или бюллетеней.

В основе придуманной нами системы голосования лежала интересная идея. Смысл ее состоял в том, что норма права, норма закона, если к ней относиться профессионально, — это очень жесткая логическая конструкция. Юристы знают, что в ней имеется всего три элемента: гипотеза, диспозиция, санкция. И все они связаны между собой логическими функциями. Получается, что профессиональный юридический язык — едва ли не единственный язык, поддающийся алгоритму.

Исходя из этой позиции, я создал в МГУ лабораторию, а потом и обучающую экспертную программу. А человек, которому политбюро ЦК КПСС поручило создать электронную систему голосования, — Анатолий Иванович Лукьянов — вскоре стал председателем Верховного Совета СССР. Он в свое время заканчивал юрфак МГУ и, конечно,

числился у нас в почетных членах, появлялся иногда на кафедре, на каких-то больших факультетских мероприятиях. В общем, он узнал, что при кафедре государственного права и строительства уже не первый год работает лаборатория правовой информатики и кибернетики, и пригласил меня.

Так или иначе, была создана команда, куда вошли программисты и математики из Ленинграда во главе с Александром Евгеньевичем Коршуновым и я. Мне поручили написать юридическую часть алгоритма голосования на съезде. То есть специалисты-электронщики должны были определить, какая нужна техника, какое быстродействие, какой процессор, какая защита... А мне надо было сформулировать и поставить им задачу: с какой целью и как должно работать на съезде все это «железо» и программы.

Это как раз была моя работа — к тому времени я уже, что называется, собаку съел, занимаясь изучением организации работы парламентов в сложных, то есть федеративных, государствах, где есть две палаты со своими регламентами, система взаимодействия между ними, особенности движения документов в законодательном процессе и так далее. Это была моя профессия. И задача моя состояла в том, чтобы описать русским языком (не математическим), как проходит процесс голосования: по каким вопросам требуется тайное, по каким — открытое, как считать голоса: от общего списка или от участвовавших в голосовании, как проводить тестовое голосование, какова роль ведущего голосование. И так далее.

Немного забегаю вперед, скажу, что, когда мы эту систему создали, я почти год сидел за спиной, точнее сбоку, с левой стороны Президиума Верховного Совета СССР (потому что рядом со мной сидел Александр Коршунов или кто-то из технарей, которые отвечали за то, чтобы система не сбоила) и следил за тем, чтобы был правильно выбран режим голосования с юридической точки зрения, с точки зрения Конституции и регламента.

А дальше... Дальше шла работа по созданию этого самого алгоритма. Как сейчас помню, нам выделили небольшое помещение на третьем этаже в здании, где была приемная Президиума Верховного Совета СССР и размещался его аппарат. Так вот, все поверхности в этой комнате покрывали огромные склеенные листы ватмана, на которых мы старательно отрисовывали наши схемы. Сама по себе это была страшно интересная работа.

В итоге система была создана. После чего у каждого делегата на столе появилось четыре кнопки: «за», «против», «воздержался» и «не голосовал». Но последняя кнопка оказалась не очень-то и нужна. Режим «не голосовал» фиксировался автоматически.

После первого же голосования оказалось, что эпохе «одобрямс», когда две тысячи человек дружно поднимали руки, а председательствующий говорил «Решение принято единогласно!», пришел конец. Почему?

Да потому что благодаря электронной системе каждый голос перестал быть безымянным. Теперь вся страна практически мгновенно могла узнать, кто конкретно, как и за что либо против чего голосует.

Результаты голосования стали персональными, публичными и доступными общественности едва ли не в режиме реального времени. Мои ровесники помнят, как во время работы съезда каждый день в стране начинался с того, что в газетах публиковались, а в теленовостях показывались на весь экран таблицы, где напротив фамилий депутатов стояли голосования: «за» — плюс, «против» — минус, «не голосовал» или «воздержался» — нолик. И вся страна, все люди знали, какой вопрос накануне обсуждался и как конкретно проголосовал тот самый Иван Петрович, которому они отдали свой голос: за или против собственности на землю, за или против отмены всевластия КПСС...

Ведь заседания съездов транслировались в прямом эфире — по радио и телевидению. И можно было видеть прохожих, которые застывали перед витринами магазинов, торгующих телевизорами, потому что экраны «показывали съезд».

И тут депутаты осознали, что теперь они зависят не от указаний партии, а от своих избирателей. Потому что им рано или поздно придется ехать в свои округа, отчитываться перед избирателями о проделанной работе и объяснять, почему проголосовал не так, как люди хотели. В конце концов, ведь потом придется переизбираться, а это уже серьезно. И оказалось, что партийный билет в кармане — совсем не главный документ. Главное — это мнение тех, кто отдал тебе свой голос, чьи интересы ты представляешь.

И это при том, что среди депутатов подавляющее большинство были коммунисты. Тем не менее голосовали они не по указке партии, не в соответствии с партийной дисциплиной, а по совести — так, как от них ждали избиратели. Коммунисты проголосовали и за многопартийность, и за частную собственность, и за свободу мысли...

Именно поэтому я считаю, что самая элементарная, самая тривиальная электронная система голосования взяла и в одно мгновение поменяла политическую систему страны.

Разве нет?

Вся власть — блокчейну!

А теперь из прошлого — прямая параллель с днем сегодняшним.

По историческим меркам вчера мы легли спать в нормальном мире, а сегодня проснулись в тотально цифровом. Настолько стремительно новые технологии меняют всё вокруг, причем не только наш быт и привычки, но также институты государства и государственного управления. Мы просто этого не замечаем, увлеченные удобствами новых цифровых сервисов, красотой гаджетов и услужливостью ботов.

Но давайте нырнем на минуточку из ласкового цифрового океана, оглядимся и попробуем понять, как изменится в будущем, вернее, как меняется уже сегодня не только наша обычная жизнь, но все процессы в политике и управлении.

Как известно, в России количество интернет-пользователей по разным данным составляет почти 80% населения. То есть четыре пятых населения уже охвачены интернетом и соцсетями. Сегодня наша страна находится на восьмом месте в мире по проникновению интернета. А это значит, что цифровая трансформация политической системы уже происходит.

Каким образом?

Тема слишком обширная, поэтому изложу только несколько позиций, которые представляются мне важными. И первая из них — рост прямой демократии.

Мы все знаем, что в маленькой Швейцарии чуть ли не каждую неделю проходит референдум по любому вопросу, который затрагивает больше чем трех человек: поднять или снизить налоги, построить ли мост через речку, поставить ли новый светофор и так далее. А в нынешних условиях, когда повсюду интернет, так и вообще можно голосовать каждый день, не выходя из дому.

Нравится это кому-то или нет, но в данном случае мы видим реальное, прямое народовластие. К которому и нам надо стремиться. Мне постоянно возражают: сравнили — где маленькая Швейцария и где необъятная Россия. Там легко референдум организовать. А в России — от Москвы до самых до окраин — сложно, накладно, да и ни к чему. Люди сами голосовать по каждой мелочи не захотят.

Проводить референдумы у нас в стране — это очень дорогое удовольствие. Вот, к примеру, расходы на референдум 2020 года за поправки в Конституцию Центральная избирательная комиссия оценила примерно в 14 миллиардов рублей, а независимые аналитики говорят о 30 миллиардах. Если подумать, то это годовой бюджет целой республики, вроде Хакасии, Тывы или Ингушетии. Так что, когда примерно к 1996 году острота политического кризиса сошла на нет, референдумами у нас больше не «злоупотребляют».

Но буквально год-два назад достигла своей зрелости такая информационная технология, как блокчейн. В чем, не вдаваясь в детали и лишние подробности, состоит ее смысл? В том, что блокчейн — это своеобразный электронный дневник, в котором содержится вся цепочка блоков данных, связанных с какой-нибудь информацией, например о финансовых сделках. Блоки так устроены, что попытка изменить информацию в одном из них потребует изменений во всей цепочке. Но это тоже невозможно, потому что копии такого дневника хранятся на множестве случайно выбранных компьютеров по всему миру.

Применительно к системе голосования важно то, что использование технологии блокчейна помогает хранить в неизменном виде информацию о том, как голосовал конкретный человек. И никто и никак не сможет «подправить» волеизъявление голосующего. Любая попытка исказить результаты — бессмысленна и просто невозможна.

А это значит, что такая система дает избирателю гарантии, что его «цифровую волю» никто не сможет проигнорировать или подтасовать. То есть использование технологий блокчейна рождает доверие к результатам голосования. А значит, что технологически мы готовы к тому, чтобы решать важнейшие вопросы, касающиеся интересов общества и государства, путем референдума с использованием интернета и новейших технологий. Для начала совсем не обязательно проводить общенациональное голосование. Это может быть референдум городской или любого другого территориального образования. Кстати, в сентябре 2019 года выборы в Москве впервые прошли с использованием технологии блокчейна. В экспериментальном режиме, но тем не менее. А 1 июля 2020 года та же Москва и Нижний Новгород использовали электронные (дистанционные) технологии при голосовании по поправкам в Конституцию. А в сентябре 2021-го эта технология была применена на федеральном уровне — на выборах в Госдуму.

Что из этого следует?

А то, что с внедрением блокчейн-технологий нам уже не нужно делегировать свои полномочия депутатам — можно по всем важнейшим вопросам голосовать самим. Референдумы в онлайн-режиме можно проводить чуть ли не каждый день и без особых затрат. Так возникает совсем другая система выражения и канализации интересов — политических, экономических, финансовых. То есть информационные технологии снова изменяют политическую систему, снижая роль парламента и выводя на первый план механизмы прямой демократии. И тогда вторая статья нашей Конституции, где черным по белому написано, что власть принадлежит народу, который осуществляет ее непосредственно или через своих представителей, совсем по-другому заиграет.

А если перейти к практике, то начать бы я, конечно, предложил с местного самоуправления, с региональных референдумов. Можно даже представить себе цифровые митинги с лозунгом вроде: «Вся власть — блокчейну!» Примерно так, как в свое время звучало: «Вся власть — Советам!»

Мне могут резонно возразить, что вряд ли так скоро это случится, потому что депутаты будут против. Кто бы сомневался!

Но история показывает, что развитие идет по спирали. И то, что было забыто на одном витке, вернется на следующем. Можно сказать, что в своем нынешнем виде парламент будет не нужен. Как минимум отмирают его законотворческие функции. А завтра, на новом витке, мы имеем шанс вернуть этот институт к тому, ради чего он был создан

в 1265 году в Англии. Самый ранний английский парламент не писал законы и не принимал их. Он контролировал, куда идут деньги, собранные с граждан государством в лице короля с помощью налогов, контролировал деньги и казну королевского правительства. И я твердо убежден — это именно то, чем надо сегодня заняться нашим народным избранникам. Потому что именно эта функция — контроль за исполнительной властью от лица граждан — является важнейшей для современного общества. Для того, чтобы национальные проекты достигали поставленных целей. Для того, чтобы государственный бюджет расходовался мудро и эффективно. А развитие технологий поможет усилить объем, глубину и качество парламентского контроля. Я уже говорил, что движение финансов уже сейчас можно контролировать в режиме реального времени. Просто эти функции разбросаны по разным ведомствам. Если их соединить с мониторингом реализации проектов, с оценкой эффективности результатов, то у парламента в руках будет самый мощный инструмент власти.

Что же касается законотворчества, то писать тексты законов должны профессионалы. Парламент может их только обсуждать, а потом выносить на всенародное голосование, на референдум, основанный на той же технологии блокчейна.

Кстати, я совсем не случайно затронул здесь эту животрепещущую тему. Именно этим я сейчас занимаюсь на своем факультете — в Высшей школе государственного аудита МГУ. Мы даже создали специальный центр. И я постараюсь сделать все, чтобы в этом вопросе моя страна, выражаясь словами из песни Юрия Визбора, оказалась, как и в области балета, «впереди планеты всей». Шутки шутками, но тема эта на самом деле очень даже серьезная. Самое печальное (и я это прекрасно понимаю), что сопротивление идее будет возрастать, как только люди во власти поймут, что результатом будет другая политическая система, в которой их сильно потеснят с занимаемых позиций. Ну, ничего. Когда люди поймут, что могут сами решать все вопросы, причем опять же в привычной для себя среде — в интернете, в сетях, все станет по-другому! Скажете — фантазии?

Нет, не фантазии, каким бы удивительным это ни казалось. Это реальные знания, логика и строгий математический расчет. Конечно, в цифровом мире имеются свои проблемы. Хотя бы та, что он в принципе не знает границ. Ну не может цифровое общество остановиться на границе России и Украины или Калининградской области и Польши. Цифровые технологии по сути своей глобальны, как бы мы ни «выгораживали» в киберпространстве свои границы. Поэтому, чтобы найти решение данной проблемы, потребуется совершенно другая система международного права.

В общем, отмахнуться от того, что диктует время, нельзя. Поэтому у власти имеется только один путь: возглавить процесс цифровой модернизации политической системы. Если она этого не сделает или,

напротив, попытается противодействовать запретам, то рано или поздно проиграет. Поэтому я рассчитываю на здравый смысл наших политиков.

И партии у нас тоже будут цифровые

Помимо роста прямой демократии, цифровая трансформация уже ведет к тому, что в политической системе будет сильно меняться роль партий. Я тут долго доказывал, что полноценная многопартийная система у нас так и не сложилась, потому что действующие партии — это еще не партии в полном смысле слова. Или, наоборот, уже не партии.

Как и КПСС, которая никогда не представляла интересов общества, а всегда была главной, центральной частью механизма государственной власти, элементом государства, наши российские партии тоже постоянно хотят стать частью не политической, а государственной системы, причем встраиваются не со стороны общества, а со стороны государства.

Совсем недавно мне на глаза попалась такая цитата: «...Кадры партии — это командный состав партии, а так как наша партия стоит у власти, они являются также командным составом руководящих государственных органов». Знакомо? А ведь это сказано не про наши дни, и не про «Единую Россию». Это слова Иосифа Виссарионовича Сталина из отчетного доклада о работе ЦК ВКП(б) на XVIII съезде партии 10 марта 1939 года.

Вполне возможно, что именно из-за цифровой трансформации мы так и не увидим в России настоящих, нормальных, хороших партий. Потому что цифровая трансформация сделает их ненужными.

Чем это можно доказать? Есть некий набор функций, видов деятельности, которые делают партию партией. Что происходит с ними сегодня? Как они меняются в цифровом мире?

Вот, к примеру, важный функциональный блок внутренних партийных дел — набор в партию членов, создание административно-кадрового костяка аппарата, обучение новых партийцев. Очевидно, что все эти дела стремительно уходят в интернет, в виртуальное пространство.

Современная партия начинает обретать сетевую структуру как сетевое сообщество. При этом социальные сети «общего пользования» и мессенджеры могут дополняться собственными партийными интернет-ресурсами и мобильными приложениям, используемыми для координации в рамках конкретных задач.

Еще одна группа дел, без которой партия не может существовать, — формирование и пополнение партийной кассы. Кто-то из классиков финансовой науки иронически заметил, что цивилизация — это та стадия развития человечества, начиная с которой уже ничего невозможно организовать без финансирования. И очевидно, что цифровые технологии дают огромные возможности для аккумуляции

средств, сбора партийных взносов и пожертвований, получения финансирования для реализации проектов. Это и платежные интернет-системы, и краудфандинговые платформы, и куча других вариантов. Это удобно и перспективно.

Но здесь, конечно, «цифровым партиям» придется помнить об обеспечении чистоты и национальной принадлежности поступлений и внимательно следить за этим. Сегодня не только банки, но и современные партии должны знать «своего клиента». Знать, кто несет им свои деньги. Потому что, условно говоря, один «грязный рубль» может испортить не только репутацию, но и поставить под вопрос само существование партии. Такие случаи уже были.

Как известно, наше законодательство прямо запрещает политическую деятельность, финансируемую из-за рубежа. И кстати, не только в России, но и в других странах мы также видим ситуации, когда из-за ненадлежащего источника финансирования рушатся партийные карьеры и сами партии.

В цифровом обществе партиям больше не нужны дорогостоящие офисы и общественные приемные по всей стране, оргтехника, мебель, карандаши и бумага. Всё можно организовать в виртуальном пространстве. А если потребуются физические помещения под решение конкретных задач, то они быстро арендуются на короткий срок через мобильные приложения или предоставляются самими членами партии, в том регионе, где это нужно. Фактически сегодня «офисом» партии может стать каждый подключенный к интернету сторонник с ноутбуком.

А есть еще и внешние функции, внешний контур деятельности партий.

Первый блок «внешних задач» — анализ политических и идеологических предпочтений граждан, подготовка идеологической платформы (программы) партии. Отбор и рекрутирование лидеров общественного мнения, в том числе в регионах, взаимодействие с региональными и местными элитами. Изготовление и распространение агитационных материалов. Очевидно, что современный цифровой мир предоставляет огромные новые возможности сбора и анализа открытых данных. Есть, конечно, проблема проверки их точности и репрезентативности, но это уже вопрос работы с инструментарием.

Кроме того, огромные возможности открывает так называемый «интеллектуальный краудсорсинг» — привлечение к решению тех или иных проблем инновационной, креативной деятельности самого широкого круга лиц, применения их творческих способностей, знаний и опыта для поддержки партии. Фактически политическая партия превращается в цифровую нейросеть, генерирующую идеи, тексты, образы.

Кардинально меняется технология изготовления и распространения агитационных материалов. Теперь не надо печатать листовки, агитационные плакаты и развозить их по стране. Сами активисты

скачивают материалы в электронном виде, распечатывают и распространяют.

Как известно, переход к цифровому телевидению полностью перевернул манеру того, как люди получают видеoinформацию, смотрят новости. Интернет побеждает телевидение по охвату аудитории. Вместо фонового просмотра федеральных каналов, по которым показывают в основном ток-шоу да споры экспертов про мировую политику, население окунулось в YouTube-каналы. Главный интервьюер в России теперь не Владимир Познер с Первого телеканала, а Юрий Дудь из интернета.

Второй блок партийных дел, ориентированных «вовне», — организация и проведение избирательных кампаний, партийных мероприятий, других коммуникаций с гражданами.

Очевидно, что все эти задачи могут быть решены с помощью современных цифровых технологий.

И наконец, ключевая партийная функция — взаимодействие с властью, сотрудничество, оппонирование и общественный контроль.

Уверен: никогда прежде, в доцифровую эпоху, контроль за чиновниками, соответствием их расходов и образа жизни декларируемым доходам, не был так доступен для широкого круга интересующихся. Сегодня родственники чиновников сами выкладывают в своих социальных сетях информацию о своей личной жизни, фотографии. В большинстве демократических стран через интернет доступны все базы данных собственников недвижимости, реестров собственников юридических лиц и прочее.

Любая ошибка чиновника, любой глупый поступок, любая некорректная фраза, брошенная в микрофон, который забыли выключить, любая ошибка молодости, которая всплыла в соцсетях, теперь моментально оказываются в эпицентре общественного внимания. Пусть на очень короткий момент, но об этом узнают все.

Думаю, на этом пока хватит. Очевидно, что цифровые технологии дают не только возможности для самоорганизации граждан, но и фактически «отменяют» прежние, доцифровые партии. Если, конечно, они сами не приступят к цифровой трансформации.

Нужно новое цифровое законодательство

Я написал здесь только про два крупных изменения в политической системе: про то, что сейчас у нас уже начали действовать цифровые референдумы и что скоро появятся цифровые партии. Но этого уже достаточно для того, чтобы понять, что реальные события развиваются, а правовое регулирование запаздывает.

Со всей очевидностью стоит вопрос о необходимости нового законодательства.

Например, для юридического оформления новой роли и функций парламента нужно принять так и не принятый Федеральный конституционный закон «О Федеральном Собрании Российской Федерации». Нужен и Федеральный конституционный закон «О референдуме».

Очень серьезно предстоит переделать блок избирательного законодательства. А в том, что касается правового регулирования партийной деятельности в цифровом обществе, все придется писать с нуля. Потому что речь идет не только о защите публичных интересов, о защите интересов государства, но в первую очередь о защите прав и свобод граждан в киберпространстве, о новых, цифровых формах взаимодействия цифрового общества с политическими и государственными институтами: с парламентом, правительством, судами.

Возможно, развитие технологий искусственного интеллекта приведет к тому, что у нас будет не только цифровое правительство, но и цифровой премьер. Еще есть проекты, когда стандартные, массовые судебные дела будут разрешать роботы-боты. Так и до цифрового судопроизводства недалеко.

Но есть и риски. Например, один из сильных трендов в политико-правовом регулировании в современном цифровом мире — это рост запретов. Психологически это понятно. Поскольку процессы в цифровом обществе развиваются намного быстрее, чем мы успеваем их понять и правильно урегулировать, то первая реакция — запретить.

Получается, что публичное право с его принципом «запрещено всё, что прямо не разрешено законом», всё время расширяется в сферу киберпространства. Но это происходит не потому, что такое регулирование реально эффективно либо оно действительно может создать в киберпространстве должный порядок. Нет, это просто такая человеческая реакция.

А на деле — чем больше запретов, тем больше это стимулирует консолидацию людей в цифровом пространстве. И одновременно — все запреты связаны с огромным расходом бюджетных средств на технологии, на аппаратное обеспечение. Лично я считаю, что новые процессы надо не запрещать, а возглавлять. Как я уже отмечал, есть такой принцип: если не можешь чему-то противостоять, то надо возглавить.

Раз уж я заговорил о грядущих переменах, то самое время вспомнить, что цифровая революция с огромной скоростью связывает всех и вся, а значит — дает шанс на восстановление державы, распавшейся в 1991-м. Понятно, что не в том виде, как было. В другом составе, на других принципах, на иной основе — технологической. Просто надо этим заниматься. Взять вот китайцев. Их «Один пояс, один путь». Они же не просто проект реализуют, а предлагают всем участникам единую цифровую платформу, общие стандарты, принципы, технологии. И в

виртуальном мире уже кристаллизуется, развивается, расширяется новая огромная интеграция. А там и до реальной рукой подать.

То же самое — и с нашим «постсоветским пространством». В 1991-м мы не дали стране развалиться до состояния протоплазмы, когда вообще не было бы того, что хоть как-то можно соединять. Да, геополитическую катастрофу мы предотвратили ценой геополитической трагедии. Но с той самой минуты, когда были подписаны Беловежские соглашения, началось обратное движение — к реинтеграции.

Опишу всю эту историю подробно, потому что Беловежье и новый Союз — не просто факт биографии, а неразрывная часть нашей судьбы и нашего общего завтра.

ФАКТЫ, ФАКТЫ И ЕЩЕ РАЗ ФАКТЫ

Каждый год в начале декабря ко мне поступают десятки просьб от журналистов дать комментарии, рассказать, как все было на самом деле. И каждый раз разговор идет как будто с нуля, как будто ничего не было сказано, не было написано. Одни и те же вопросы. И, что самое странное: одни и те же мифы. Кто их в общественное сознание забил?

Есть один довольно циничный афоризм, что историю всегда пишут победители. А у нас в России, похоже, все истории написали проигравшие. Потому что победителям писать было некогда — надо было работать, страну спасать. А после, когда время появилось, подлинные факты были уже погребены под валом эмоций, интерпретаций, мифов. Помнится, как-то я издал сборник документов про распад СССР, где не было вообще ни слова от себя, только официальные документы: опубликованные законы, декларации, правовые акты СССР, союзных республик, регионов.

Просто я расположил их по хронологии. А в итоге получил вал критики. Маститые историки и правоведы написали, что всё это неправда. Дескать, не могло таких актов быть. Потому что по этим документам получается, что СССР не мог не развалиться. Выходит, что если реальные документы противоречат сложившейся в головах картине и разного рода мифам, то, как говаривал товарищ Вышинский, их надо «отложить в сторону»?

Что случилось 8 декабря 1991 года?

Знаете, какой миф я считаю самым удивительным? Тот, что СССР развалился именно 8 декабря 1991 года.

Документы свидетельствуют, что на момент подписания Беловежских соглашений в составе СССР оставались только две республики из пятнадцати — Россия и Казахстан.

Все остальные союзные республики провозгласили независимость и ушли из Союза до даты Беловежья. Достаточно посмотреть на календарь государственных праздников стран СНГ: Грузия празднует независимость 9 апреля, Украина — 24 августа, Узбекистан — 1 сентября, Таджикистан — 9 сентября, Туркменистан — 27 октября... Прибалтика вообще уже отметила тридцатилетие свободы от СССР.

Все эти государства возникли до 8 декабря 1991 года. Тогда резонно возникает вопрос: что в этот день можно было развалить?

В Вискулях мы просто констатировали факт смерти СССР и выписали соответствующее свидетельство. Пока врач ехал по вызову, больной умер. В такой ситуации обвинять врача в смерти — просто нонсенс.

Но справка о смерти нужна, без нее нельзя похоронить, нельзя вступить в наследство. Поэтому те государства, которые в 1922 году учредили СССР (а это момент принципиальный и политически, и юридически), зафиксировали тот факт, что Союза больше не существует. Но эта констатация содержится только в первой строке преамбулы большого документа, который, кстати, называется не «Соглашение о прекращении существования СССР», а «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств».

Так что в Вискулях юридически и фактически был остановлен распад СССР и создана база, ядро для новой интеграции. А 21 декабря в Алма-Ате к этому ядру присоединились другие бывшие союзные республики.

Ничто не предвещало?

Ну, позиция, что накануне распада СССР был крепок, как никогда, и «ничто не предвещало», — это вообще из области ненаучных галлюцинаций. Причин было множество, назову только несколько из них — самые, на мой взгляд, серьезные.

Первая причина — экономико-политическая. В течение десятилетий из каждого рубля произведенной в СССР продукции 88 копеек уходило на производство и закупку вооружения. Союз ССР не выдержал гонки вооружений экономически. Важнейшим фактором экономического краха стала и «комбинация» США с арабскими странами, опустившими цену нефти до 8–9 долларов за баррель (практически ниже или на грани себестоимости ее добычи в СССР). А когда в сложной ситуации Запад (Германия в том числе) отказал президенту Горбачёву в кредитах, экономика ядерной державы окончательно рухнула.

Вторая причина, как мина замедленного действия, десятки лет дремала в уже не раз упомянутой мною статье советских конституций, которая давала союзным республикам право на свободный выход из состава

СССР. Я тут пока эту причину только назову, а позже остановлюсь на этом поподробнее. Горбачёв понимал опасность этой статьи, но на практике, как говорится, что-то пошло не так. Да еще эстонцы ему голову замутили — это вообще будет отдельная история. А помимо этой «мины» были еще и произвольно скроенные границы, и пререселение целых народов... В результате кровавые межнациональные конфликты заполыхали по всей стране.

Третья причина распада — «информационный вирус» зависти, в полную силу проявивший себя в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Не выдержав испытания жесточайшим кризисом, сосед стал отгораживаться от соседа, надеясь выжить в одиночку. В Тбилиси и Вильнюсе говорили: «Хватит работать на Москву», на Урале требовали прекратить кормить республики Средней Азии. Прибалты, объявив о независимости, тем не менее придумывали разного рода экономические соглашения по принципу, как говорило руководство СССР, чтобы «корова паслась на нашей стороне, а молоко доилось на той стороне»[\[31\]](#).

Четвертая — так называемый «план автономизации» и его последствия. В начале 1990-х годов, когда политика перестройки дала сбой, с политическим и экономическим ослаблением центра власть «протекла» на нижние этажи — в союзные и автономные республики. В процессе соперничества Ельцина и Горбачёва за политическое лидерство слабость президента СССР становилась всё очевиднее. И не только из-за личных характеристик, но прежде всего по юридическим причинам. Дело в том, что Горбачёв был избран на пост президента всего лишь Съездом народных депутатов, тогда как Ельцин — прямым волеизъявлением населения. То есть положение Горбачёва было гораздо менее легитимным и авторитетным, чем любого из президентов союзных республик.

Тем не менее на стороне Горбачёва всё еще действовал бюрократический аппарат и имелся опыт политических интриг. В недрах ЦК КПСС появился на свет так называемый «план автономизации». Для того чтобы ослабить Россию и новое российское руководство, была запущена инициатива, согласно которой предлагалось поднять статус автономий в составе РСФСР до статуса союзных республик. Мотив был такой: дескать, вместо федерации из 15 союзных республик с правом свободного выхода надо создать более прочное объединение из 35 республик (15 союзных плюс 20 автономных), но уже без права на сецессию. Верховный Совет СССР принял соответствующие законы от 10-го и 26 апреля 1990 года[\[32\]](#). И «план автономизации» был запущен.

Если бы он был реализован до конца, то в итоге карта РСФСР оказалась бы похожей на кусок сыра с огромными дырами: Россия потеряла бы 51% территории со всеми стратегическими ресурсами и почти 20 миллионов населения. То есть речь фактически шла об угрозе распада РСФСР. Понимая это, Съезд народных депутатов РСФСР

подавляющим большинством голосов (907 — за, 13 — против и 9 — воздержавшихся) принял 12 июня 1990 г. Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики [\[33\]](#).

Вопреки расхожему мнению, в этой декларации нет ни слова о выходе РСФСР из состава СССР. Напротив, РСФСР четко заявляла, что собирается и впредь оставаться составной частью обновленного Союза.

«План автономизации» и наша Декларация о государственном суверенитете — это исключительно важные для понимания всей нашей современной истории сюжеты, а потому я про них расскажу подробнее чуть дальше.

Пятая причина — распад Коммунистической партии Советского Союза. В тогдашней политической ситуации, когда интриги уже начались внутри союзного руководства, огромный монолит КПСС просто не выдержал и пошел трещинами. Сейчас почти никто не знает и не помнит, что, в отличие от других союзных республик, у РСФСР никогда не было республиканской партийной организации. Когда в июне 1990 года Полозков [55](#) с Зюгановым создали российскую компартию — КП РСФСР, противопоставив ее союзному руководству в самый критический момент, они забили осиновый кол в сердце КПСС и приблизили смерть Союза ССР.

И наконец, шестая причина — попытка государственного переворота в августе 1991 года. Чтобы сместить Горбачёва с постов генерального секретаря КПСС и Президента СССР, реакционное крыло КПСС и партийный аппарат готовили на сентябрь 1991 года проведение внеочередного съезда КПСС и Съезда народных депутатов СССР.

Зная об этом, Михаил Сергеевич обратился за поддержкой к лидерам союзных республик, пообещав им радикально расширить полномочия и форсированно — уже в августе 1991 года — подписать новый Союзный договор. Чтобы не допустить этого, оппоненты Горбачёва предприняли попытку государственного переворота, которая в истории осталась под названием «ГКЧП» (Государственный комитет по чрезвычайному положению). Многие до сих пор уверены, что гэкачеписты действовали ради сохранения СССР.

Однако их действия стали последней каплей, перевесившей чашу истории в сторону распада Советского Союза.

ГКЧП родился в недрах центрального партийного аппарата, втянул в свой заговор партийные организации на местах. А поскольку переворот не удался, то ни о какой внутренней реформе КПСС уже не было речи. Все развалилось. Ну и, соответственно, возможности для поэтапной реформы Союзного государства тоже приказали долго жить — республиканские элиты в одну секунду побежали прочь от политически обанкротившегося центра.

После провала путча организации КПСС в республиках и регионах оказались в подвешенном состоянии — где-то их деятельность была приостановлена, где-то вообще прекращена. Начался и дележ собственности, принадлежавшей партийным структурам. Зная об этом, Горбачёв 24 августа 1991 года поручил Советам народных депутатов взять под охрану имущество КПСС и «принять меры по трудоустройству и социальному обеспечению работников тех партийных комитетов, которые прекращают свою деятельность»[\[34\]](#). В тот же день он выступил с заявлением о сложении с себя полномочий Генерального секретаря ЦК КПСС, призвал ЦК КПСС «принять трудное, но честное решение о самороспуске», а республиканским компартиям и местным парторганизациям предложил самим решить свою судьбу[\[35\]](#).

В результате всего за три месяца — с конца августа по ноябрь 1991 года — высшие партийные структуры всех союзных республик самораспустились, и КПСС как единая общесоюзная организация перестала существовать. Поскольку партия была «становым хребтом» СССР, то одновременно с распадом структур КПСС разваливалось единое государство.

В августе 1991 года решения о государственной независимости приняли Азербайджан, Белоруссия, Киргизия, Латвия, Молдавия, Узбекистан, Украина и Эстония, в сентябре — Армения и Таджикистан, в октябре — Туркменистан. Еще раньше — в 1990 году и весной 1991 года — Литва и Грузия. Таким образом, к декабрю 1991 года из состава СССР вышли фактически все союзные республики, за исключением, как я уже упоминал, России и Казахстана.

Последнюю точку в этой разрушительной работе поставили результаты украинского референдума 1 декабря, когда абсолютное большинство граждан республики поддержало объявление независимости Украины, и последовавшее за ним 5 декабря решение Верховного Совета Украины о денонсации Договора о создании Союза ССР 1922 года.

Збигнев Бжезинский, бывший помощник президента США Джимми Картера, не раз отмечал, что ключевая роль в распаде СССР на этом этапе отводилась американскими стратегами Украине: «Именно действия Украины — объявление ею независимости в декабре 1991 года, ее настойчивость в ходе важных переговоров в Беловежской Пуще о том, что Советский Союз следует заменить более свободным Содружеством Независимых Государств, и особенно неожиданное навязывание, похожее на переворот, украинского командования над подразделениями Советской армии, размещенными на украинской земле, — помешали СНГ стать просто новым наименованием более федерального СССР. Политическая самостоятельность Украины ошеломила Москву и явилась примером, которому, хотя вначале и не очень уверенно, затем последовали другие советские республики»[\[36\]](#).

Три мужика и ядерная держава

Эту байку я бы назвал самой смешной, если бы все не было так горько.

Мог ли один-единственный документ — Соглашение об образовании Содружества Независимых Государств, пускай и с тремя подписями под ним, развалить ядерную державу с огромной армией и мощными структурами госбезопасности? Да еще тайно?

Нет, конечно. Какая тайна? Какой «сговор за спиной Горбачёва»? Спецслужбы, охранявшие Вискули, исправно всё фиксировали и докладывали президенту СССР. В любую секунду всех нас могли арестовать. Но не арестовали. Была информация, что Горбачёв должен был прислать «Альфу», но тоже обошлось.

А то, что «широкие народные массы» далеко не сразу поняли, что Советский Союз умер, так это вообще, как говорится, вопрос не по адресу. Просто многие исторические факты по разным причинам вообще не попадают в поле зрения современников, либо не осознаются как значимые события. Ну, такая вот есть особенность у общественного сознания.

Общество, например, не заметило, что все структуры управления СССР были ликвидированы на его глазах в ноябре 1991 года. Не было никакой реакции и 8 декабря, когда были подписаны Беловежские соглашения. Люди поняли, что живут в новой реальности, только 21 декабря^[37], узнав об этом из сообщений СМИ. Спасибо корреспондентам «Интерфакса», которые были с нами в Алма-Ате и прокричали на весь мир: «Советского Союза больше нет!» Если бы не журналисты, наверное, до сих пор бы кто-то делал круглые глаза: «А мы и не знали...».

Пропавший документ

Чем дальше в прошлое уходит 1991 год, тем больше появляется «специалистов», которые твердят, что российская делегация приехала в Белоруссию уже с готовым текстом Беловежских соглашений и надо было просто «заломать» остальных на подпись. Очевидцы событий об этом документе ничего не знают (кстати, и подписанный 8 декабря оригинал Беловежских соглашений куда-то исчез из депозитария). А вот те, кого и близко в Вискулях не было, стоят на своем.

На момент приезда в Беловежскую Пуцу у нас не было не только текста, но даже необходимого оборудования. Мы приехали в Минск 7 декабря. В делегации были энергетики, экономисты, финансисты, потому что решать собирались вопросы по поставкам в Белоруссию нефти и газа и другие. А уже из Минска Ельцин и Шушкевич⁵⁶, глава Белоруссии, позвонили президенту Украины Кравчуку⁵⁷. Шушкевич пригласил его вроде как на охоту, но в тот момент из разговоров стало понятно, что началось обсуждение каких-то вопросов, помимо нефти и газа.

Ельцин и Шушкевич поначалу надеялись уговорить Кравчука сохранить Союз хоть в каком-нибудь виде. Ведь, как известно, в свое время Борис

Николаевич не просто сказал «Союзу — быть!», но даже 17 августа 1991 года парафировал проект Союзного договора и планировал его подписать 19 августа. Однако украинский президент не желал даже слышать слово «Союз». Наконец нашли формулу — «Содружество» как способ сосуществования государств в одном экономическом, политическом, военном пространстве.

Окончательно идея оформилась, когда Ельцин, Шушкевич и Кравчук втроем провели переговоры в закрытом режиме. Никакие помощники на эти переговоры допущены не были. Потом они вызвали нас и объявили, что договорились так: СНГ вместо СССР, экономическое пространство — единое, а ядерное оружие — у России. «Идите, — сказали, — оформляйте в виде договора». И мы к утру 8 декабря написали проект документа.

Общий смысл был ясен, но важно было найти для него необходимую юридическую форму. Всё решило то обстоятельство, что в Вискулях собрались три из четырех республик, учредивших СССР в 1922 году: Белоруссия, Россия и Украина. Четвертой была Закавказская Федерация, которая прекратила существование еще в 1936 году. То есть было абсолютно очевидно, что трое из четырех «отцов-основателей» имели полное юридическое право обсуждать судьбу Советского Союза.

В итоге родилась формула соглашения, которая состояла из двух частей. Первое: государства-учредители констатируют факт смерти образованного ими государства — Союза ССР. Второе: Россия, Украина и Белоруссия (опять же в качестве учредителей) объявляют о создании нового объединения — Содружества Независимых Государств.

Текст писался быстро: нам не надо было изобретать велосипед и каждую формулировку продумывать заново, потому что уже два с половиной года в Ново-Огареве эти вопросы обсуждались.

Кроме того, было три делегации экспертов — от каждой из стран. Каждая оформляла указания своих президентов в некий вариант общего документа. Работали в отдельных домиках под охраной, вернее, под надзором 9-го управления КГБ. Всё происходящее фиксировалось и документировалось (это еще раз к вопросу о «тайном заговоре»).

Российский вариант написали мы с Егором Гайдаром. У меня была преамбула и пятая статья, у него — основной текст. Утром свой вариант принесли украинская и белорусская делегации. Мы их стали согласовывать и соединять — буквально построчно. А поскольку в резиденции на месте переговоров даже копировальных машин не было, то печатали документы на обычной печатной машинке — то ли «Оптима», то ли «Прима», а множили через факс. Современной молодежи, наверное, и не объяснишь, что это за технология такая, когда ты в некий аппарат по имени «факс» записываешь страницы обычного формата А4, а он делает копию текста на специальной светочувствительной бумаге, которая выползает из недр этой машинки и свертывается в бесконечный рулон. Кстати, если эти факсы оставить

на солнце, то буквы на свету могли очень быстро пропасть, исчезнуть. Так вот, именно такие свитки с копиями мы передавали президентам в отдельную комнату, а они их возвращали с правками от руки. Часа два эта работа заняла.

В какой-то момент, когда определились с главными формулировками, позвонили президенту Казахстана Назарбаеву⁵⁸, хотели, чтобы он тоже подписал. Было важно опереться на поддержку такого авторитетного лидера. Но он не прилетел.

Есть такая легенда, что Нурсултан Абишевич направлялся в Вискули, но в Москве его перехватил Горбачёв, якобы пообещав пост премьер-министра СССР.

Эта версия мне кажется натянутой, потому что казахский президент — очень опытный политик. И он прекрасно знал, что союзного правительства в тот момент не существовало ни де-факто, ни де-юре: после путча старое ушло в отставку, а новое так и не сформировали. Работал только Межреспубликанский экономический комитет СССР, который возглавлял Иван Силаев⁵⁹. Непонятно, что мог бы возглавить Назарбаев? Это опять же к вопросу о «развале» и «заговоре» — что это за страна, у которой нет правительства?

Думаю, что Нурсултан Абишевич задержался в Москве и не полетел к нам в Вискули по «техническим причинам». Он человек крайне осторожный. Наверное, хотел немного подождать — посмотреть, чем всё это закончится.

Почему в США узнали об этом раньше, чем в Кремле?

Никогда не думал, что из-за того, кто первый подошел к телефону, можно сочинить целую теорию заговора.

Горбачёв до сих пор обижается, что он узнал о распаде СССР вторым — после Буша-старшего. Это правда. Но абсолютная неправда, что ему специально звонили во вторую очередь. Обоим президентам звонили параллельно. Просто Буш первым оказался на связи.

Рассказываю, как было дело.

Так и не дождавшись Назарбаева, Ельцин, Кравчук и Шушкевич подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Подписав соглашение, решили позвонить президенту СССР Горбачёву и президенту США Бушу-старшему.

Шушкевич, как хозяин резиденции (мы же были на его территории), должен был говорить с Горбачёвым, а Ельцину и его команде поручили известить Буша.

У меня осталось в памяти, что телефонисты спецкоммутатора (так мы называли правительственную связь) довольно долго разыскивали

хозяина Кремля. Шушкевичу пришлось еще долго объясняться с помощником Горбачёва, кто беспокоит президента в воскресенье, да по какому такому поводу.

А вот с Белым домом все получилось как-то быстрее. В итоге часть разговора шла параллельно: Ельцин разговаривал с американским президентом, а Шушкевич — с Горбачёвым.

Кстати, у Андрея Козырева⁶⁰ — первого ельцинского министра иностранных дел — есть собственный вариант этой истории. Он уверен, что в Вискулях на тот момент уже не было правительственной связи, а потому он, как человек, говорящий по-английски, начал сам дозваниваться американцам, накручивая диск телефонного аппарата.

Когда в Белом доме наконец сняли трубку, Козырев сообщил, что звонит министр иностранных дел России. На что милый женский голос радостно ответил: «А, это вы, господин Шеварднадзе?»⁶¹ Козыреву пришлось долго объяснять, кто он такой и что у него есть чрезвычайно важное сообщение президенту Бушу. Секретарша переключила его на Госдепартамент, и там началось всё сначала. Дежурный явно думал, что звонит какой-то сумасшедший, потому что по открытой связи толкует что-то про событие мировой важности, про распад СССР, про который, естественно, никто еще не знал.

В конце концов Козырев якобы сказал: «Знаете, я хочу сделать заявление и сообщить, у кого сейчас находится советский ядерный чемоданчик. Вы поймите, это весь мир должно волновать». В итоге Буша все-таки нашли, и Козырев ему сообщил, что Америка может спать спокойно, поскольку ядерный чемоданчик остается в руках России. А потом уже Буш разговаривал с Ельциным.

Когда Горбачёв понял, что произошло, он первым делом позвонил министру обороны СССР маршалу Шапошникову, потом обзвонил всех командующих военными округами, просил поддержки. Нельзя сказать, что он открыто настаивал на применении силы. Михаил Сергеевич, как всегда, говорил неконкретно: мол, мужики, давайте что-то делать, страна разваливается. Но военные ему в поддержке отказали.

Всё это было очень похоже на ситуацию накануне революции 1917 года в России. Тогда к Николаю II приехала делегация Государственной думы с предложением отречься от престола, и он примерно с этими же словами звонил из ставки Верховного главнокомандующего своим военным, но все ему сказали: «Отрекайтесь!»

Спустя 74 года Горбачёв слышал по сути тот же ответ. Никто не собирался внутри страны применять силу.

**Нам удалось избежать геополитической
катастрофы ценой геополитической
трагедии**

Меня еще часто спрашивают, что я чувствовал в те дни. Многим хочется видеть в тех, кто выписал «свидетельство о смерти СССР», этих бесчувственных роботов, а то и циничных могильщиков. Наверное, психологически людям так легче.

Это очень по-человечески — в опасной и сложной ситуации сначала ничего не делать, снять с себя ответственность, дескать: «А что я могу?» А потом, когда кто-то эту ответственность на себя возьмет, «разрулит» как может ситуацию, начать обвинять его во всех смертных грехах, указывать на «очевидные ошибки», «упущенные возможности», «более эффективные варианты».

Где же вы все были, дорогие мои умники и умницы, в тот момент, когда надо было действовать?

Из Минска в Москву мы возвращались в очень противоречивом настроении. С одной стороны, все понимали, что сделали исторически важное дело — удалось остановить неконтролируемый распад страны, предотвратить развитие ситуации по «югославскому сценарию»: избежать возникновения кровавых межнациональных военных конфликтов между частями одного государства. Это сейчас мало кто помнит, а ведь звонки этого кошмарного спектакля уже звенели тогда по всей территории страны — в Нагорном Карабахе и Приднестровье, в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.

Но одновременно было ощущение огромной, невосполнимой утраты и тревоги. Ведь нам удалось избежать геополитической катастрофы ценой геополитической трагедии.

Еще, видимо, чтоб добавить черных красок, постоянно обвиняют беловежские делегации в том, что там все дружно без просыпу водку пили. Полная ложь. Не верите мне — расспросите охранников или журналистов, которых в Вискулях тоже было предостаточно.

Те, кто действительно присутствовал при этих исторических событиях, как один подтверждают: атмосфера во все дни была предельно рабочая. В комнату, где с документами сидели Шушкевич, Ельцин и Кравчук, если что и носили, так это кофе. Только потом, когда всё закончилось, все звонки были сделаны, за прощальным ужином по традиции приняли по сто грамм.

Точку в юридическом оформлении распада СССР поставили Верховные Советы России, Украины и Белоруссии, которые практически единогласно ратифицировали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Вскоре к СНГ на правах соучредителей присоединилось большинство союзных республик. Азербайджанская Республика и Республика Грузия присоединились к СНГ в 1993 году.

24–26 декабря 1991 года факт распада Союза ССР подтвердили палаты Верховного Совета СССР. Депутаты проголосовали за прекращение

полномочий союзных органов государственной власти (кроме Комитета конституционного надзора СССР, который юридически так и не был упразднен).

Однако «бракоразводный» процесс продолжался вплоть до середины 1992 года, когда окончательно были решены проблемы собственности и бюджета бывшего СССР, военные и гуманитарные вопросы. Важным этапом стало признание самостоятельности бывших союзных республик и оформление членства новых независимых государств в Организации Объединенных Наций. Кстати, тут тоже важно помнить о хронологии событий: Белоруссия и Украина были членами ООН еще с 1945 года, Прибалтийские республики вошли туда 17 сентября 1991 года. Россия стала членом ООН не сама по себе, а как правопреемница СССР — в конце декабря 1991 года. Большинство остальных бывших союзных республик получили членство в ООН только 2 марта 1992 года, а Грузия — 31 июля 1992 года.

А С ЭТОГО МЕСТА — ПОПОДРОБНЕЕ...

Как хитрые эстонцы подарили Горбачёву троянского коня

Часто задают вопрос: можно ли было сохранить СССР? Обычно я отвечал — нельзя. Потому что слишком сильны были факторы распада, о которых я написал выше. Но теперь, по прошествии трех десятков лет и после тонны изученных документов, я думаю, что была одна развилка в истории, когда СССР можно было бы спасти. Это было возможно в 1989–1990 годах, если бы Горбачёв не свернул в сторону идеи Союзного договора, которую ему подбросили как троянского коня эстонцы.

Дело в том, что поначалу была мысль (и совершенно правильная!) принять новую Конституцию СССР, которая учитывала бы все происходящие политические и экономические перемены. Единая Конституция для единого государства.

И у Горбачёва был проект такой Конституции.

Но с 1988 года у него в голове засела мысль о формате Союзного договора. Ее принесла эстонская делегация 16 ноября 1988 года.

Разговор шел примерно в таком ключе. В 1940 году Эстонию — как и Литву с Латвией — присоединили к СССР силой, на основании пакта Молотова — Риббентропа. Дескать, все это — исторически, эстетически, политически — было некрасиво, нелегитимно и недемократично.

А вы же у нас, Михаил Сергеевич, демократ. Гласность-перестройка и всё

такое... Давайте, дескать, исправим историческую ошибку и сделаем все как надо.

Горбачёв, конечно, на это клюнул и спросил, как будем исправлять.

А эстонцы предложили: давайте подпишем Союзный договор. И тогда наши отношения станут юридически и политически оформлены. То есть никто ведь не говорил, что «мы уходим». Они предлагали оформить вхождение Эстонии в СССР нормально. Юридически красиво. Дескать, после такого справедливого, демократического, современного договора никто не бросит не то что камня в ваш огород, но даже тени упрека.

Горбачёву тогда всё это страшно понравилось. А кому не понравится? Подпишем, и все будут довольны: и эстонцы, и мы, и вся мировая общественность. А дальше, естественно, за эстонцами последуют и Литва, и Латвия. И тогда фундамент СССР только упрочится. В общем, своя логика и мотивация в этом была.

А потом тему Союзного договора, но уже как основы для реформирования всего государства, подняли депутаты СССР на своем Первом съезде. Я же уже писал, что в те времена наш народ смотрел все выступления всех депутатов, не отрываясь от экранов телевизоров. Ну и сюжет, как говорится, пошел в массы.

Так волею случая проект новой союзной Конституции был выброшен в корзину, а вместо этого начался мучительный Ново-Огаревский процесс, в ходе которого, как перезревшие плоды с дерева, от СССР начали отпадать одна за другой союзные республики.

Здесь надо вспомнить, что самый первый Союзный договор был подписан вошедшими в Союз четырьмя республиками 30 декабря 1922 года. Он полностью текстуально вошел в Конституцию СССР 1924 года, хотя, как ни странно, никто до сих пор не может найти его оригинал. Есть парафированные копии, которые я сам держал в руках, а самого оригинала договора нет. Но в 1936 году текст Союзного договора Сталин из Конституции убрал, заявив при этом, что никаких договоров больше не требуется, поскольку у нас имеется единое централизованное социалистическое государство и напрочь отсутствует национальный вопрос. Тогда Закавказскую Социалистическую Федеративную Республику «раскассировали» на три республики: Грузию, Азербайджан и Армению, а потом пошел процесс присоединения Прибалтийских республик, преобразование Карельской автономной республики в союзную, ну и так далее.

Это всё я пишу к тому, чтобы было понимание, что исторически и юридически Союзный договор почил в бозе еще в 1936 году.

И в 1989 году начинать процесс подписания нового Союзного договора, на мой взгляд, было необоснованно как с правовой и политической, так и с исторической точки зрения.

Если бы продолжился проект с новой Конституцией СССР, то страну можно было бы спасти. Речь ведь шла о преемственности, о

континуитете. А новый Союзный договор фактически означал создание нового государства с нуля и на новых принципах. При этом все участники пытались обставить свое согласие кучей условий, и процесс просто завяз в бесконечных переговорах и согласованиях.

Как решили спасти СССР ценой России

Существует теория, что рано или поздно, достигнув своего пика, распадаются все империи. И СССР не избежал, да и не мог избежать этой участи. Есть убежденность, и это многое объясняет, что все имперские государства, территориально обширные, сложные по этническому и национальному составу, как бы пульсируют: в один период времени крепнут, растут, становятся прочнее, в другой — слабеют, теряют искру, если можно так сказать. И когда центральная власть при Горбачёве в один прекрасный момент перестала быть единой, начала ссориться и агонизировать на глазах у всей страны, то окраины стали отваливаться одна за другой, а союз — рассыпаться.

Но было бы неправильно считать, что всё это произошло из-за особенностей характера Горбачёва, что ослабление империи — это его личная ошибка. Напротив, и сам Горбачёв был опытным политиком, и советники у него были хорошие. И они, уверен, неплохо разбирались в ситуации, видели и понимали, что происходит, искали выход.

Одним из очень близких и сильных советников Горбачёва был Шахназаров-старший⁶² — доктор юридических наук, большой умница, интеллигентнейший человек. Его, Анатолия Ивановича Лукьянова, еще пару-тройку советников, да и самого Горбачёва не могло не беспокоить то обстоятельство, что в Конституции СССР 1977 года имеется статья за номером 72, согласно которой любая союзная республика может в один прекрасный момент собрать вещички и уйти, выйти из Союза^[38]. А когда меняется политический строй, когда страна от тоталитаризма поворачивает к демократии, да еще этот процесс происходит на фоне сложнейшей экономической ситуации, на фоне социальных катаклизмов и откровенного обнищания людей, центральная власть неизбежно слабеет. Понятно, что в такой ситуации у местных партийных царей и царьков возникает соблазн этой самой семьдесят второй статьей законным образом воспользоваться. Возникают так называемые центробежные тенденции. Безусловно, и Горбачёв, и советники, и политбюро ЦК КПСС видели и понимали опасность этой конституционной «мины», заложенной под единством СССР.

И тогда в союзном центре придумали одну юридически непротиворечивую и политически реализуемую модель, с помощью которой, по мнению авторов, можно было убить сразу двух зайцев: и СССР сохранить, и набирающего популярность Ельцина укоротить.

Идея была проста. Сейчас СССР состоит из 15 союзных республик, каждая из которых в любой момент может выйти из его состава по

семьдесят второй статье Конституции СССР. Но ведь имеется еще 20 автономных республик. Они хотя и «на этаж» пониже, но амбиции у них — дай боже! И что важно — 16 из них находятся в составе РСФСР.

Исходя из этих раскладов, предлагался алгоритм: ладно, центр соглашается на новый Союзный договор, но с условием, что помимо 15 республик, у которых есть право свободного выхода, в его подготовке и подписании будут участвовать еще и 20 автономий. При этом автономиям обещано повышение статуса до союзных республик, а в обмен из нового договора должна исчезнуть запись о праве на свободный выход. Вот такой простенький размен, но, разумеется, красиво завернутый в слова о свободе, экономической самостоятельности и повышении статуса.

Такая идея Горбачёву и членам политбюро очень понравилась. Вдобавок получалось, что попутно Ельцин как бы растворялся среди глав 16 автономных республик, которые наравне с ним подписывали бы договор. «По-партийному» решили действовать: чтобы ослабить лидера, надо договориться с его подчиненными. Фактически союзный центр пообещал российским автономиям посадить их с собой за один стол в обмен на предательство Ельцина. Это звучало, конечно, не так жестко, а очень демократично. И называлось «планом автономизации».

Я сам лично в Особой папке ЦК КПСС видел и читал несколько документов на эту тему. Один из них, кстати, докладывал на заседании политбюро Александр Сергеевич Дзасохов⁶³, тоже умнейший человек — опытный дипломат и политик.

Буквально сразу после обсуждения план стали реализовывать в законодательной сфере. 10-го и 26 апреля 1990 года Верховный Совет СССР под председательством Лукьянова принял два внешне очень демократических и справедливых закона, которые начали выравнивать статус и права автономных и союзных республик. И если первым актом резко расширялась экономическая самостоятельность автономий, то второй пошел еще дальше: в нем автономные республики были названы государствами, являющимися субъектами федерации — Союза СССР.

Если бы этот план был реализован до конца, для России настал бы крах, потому что из состава республики в свободное плавание уходили не просто 16 автономий, а, как уже было сказано выше, половина территории почти со всеми стратегическими ресурсами и 20 млн человек населения. После принятия законов буквально сразу начался парад суверенитетов — уже внутри России, который нам откликается до сих пор. А как ему не начаться, если с самого верха, само союзное руководство назвало наши автономии — Татарстан, Башкортостан, Чечено-Ингушетию, Дагестан, Якутию и прочих суверенными государствами?

Причем надо сказать, что, когда в августе 1991 года случился путч, Горбачёва изолировали в Форосе, а Ельцин еще не успел залезть на танк,

чтобы объявить путчистов вне закона, лидеры российских автономий уже сидели в приемной Янаева, который объявил себя новым президентом СССР. Они все приехали за статусом союзных республик. Получить подтверждение, что обещанные «пряники» ГКЧП у них не отберет. Если бы путч не провалился, то уже 21 августа РСФСР могла стать конфедерацией — это в лучшем случае. Или вообще исчезнуть.

Ведь помимо «плана автономизации» у союзного центра в борьбе с новым российским руководством были и другие идеи. Например, 14 июля 1991-го в «Известиях» был опубликован документ в рамках подготовки к сентябрьскому заседанию политбюро и пленума ЦК. Там предлагалось создать на территории РСФСР семь союзных республик. Вместо одной России — семь новых.

Кстати, эта мысль — поделить Россию на несколько крупных регионов — приходила в голову не только союзному руководству, но и западным политикам. Одни аргументировали это необходимостью децентрализации и демократизации политического режима страны. Другие — откровенно говорили о необходимости ослабить Россию, превратить ее в транспортный мост между Западом и Востоком с доступом к ресурсам нашей страны. При этом чаще всего приходилось слышать о том, что делить Россию надо на семь крупных частей, которые бы имели большую экономическую самостоятельность. А Збигнев Бжезинский⁶⁴ пошел дальше всех — предлагал превратить нашу страну в конфедерацию с тремя мегасубъектами: Европейская часть, Сибирская республика и Дальневосточная республика^[39].

И что интересно, ведь в 2000 году федеральных округов поначалу тоже было нарезано семь. Какая-то магическая цифра — красивая, но на практике опасная для нашего федерализма.

Как Россия сломала «план автономизации»

Так что не было у Ельцина другого способа переиграть «план автономизации» и остановить грядущий развал России, как принять 12 июня 1990 года Декларацию о государственном суверенитете РСФСР.

Это сейчас гуляет очередной миф, что из-за этого документа начался распад СССР. А на деле — аберрация памяти и полное незнание документов и фактов.

Начну с того, что не надо смешивать два понятия: суверенитет и независимость, то есть выход из состава СССР. Это два разных акта с разными последствиями. Декларации о суверенитете приняли все союзные республики, кроме Армении, еще до конца 1990 года. А потом пошли их заявления о независимости и фактический развал Союза. Россия никаких актов о независимости не принимала.

В ответ на начавшийся внутрироссийский «парад суверенитетов» нам надо было подтвердить свою территориальную целостность и запретить лидерам автономий любые игры с центром через голову российского руководства.

Мы записали в Декларации пункты о территориальной целостности РСФСР и о том, что все вопросы о повышении статуса автономий должны решаться на основе российских законов. Я тогда и Шахназарову, и всем остальным советникам Горбачёва долго объяснял, что для РСФСР выход автономий — это конец. А без РСФСР неизбежно развалится и Союз. Но в этом мы с ними никак не могли добиться понимания.

Кстати, Борис Николаевич, как человек с опытом партийного и хозяйственного руководства, очень тонко понимал все вопросы и символы, связанные с иерархией, авторитетом, статусами, и четко видел, к чему может привести их нарушение. И для него сюжет с выравниванием статуса автономий до уровня союзных республик был не абстрактно-теоретическим, а очень конкретным: как будем подписывать новый Союзный договор? Будет ли Ельцин ставить подпись наравне с Татарстаном, Башкортостаном, Якутией и так далее или все-таки один — за всю Россию? Понятно, что автономии хотели сесть за общий стол на равных, но тогда можно было ставить крест на авторитете России, на единстве республики и системы власти.

Так что Борис Николаевич своим вопросом — «как подписывать будем?» — защищал целостность России. И Декларацию о суверенитете принял с этой же целью. Он говорил: «Друзья, коллеги, мы — одна республика, мы — одна Россия. Давайте мы с вами хотя бы Россию сохраним».

Принятая 12 июня 1990 года Декларация о суверенитете стала недвусмысленным знаком для автономий, что вопрос о возможном выходе из состава России для них закрыт. В нашей Декларации нет ни слова о выходе России из СССР. Напротив, там черным по белому написано о решимости республики «создать демократическое правовое государство в составе обновленного Союза ССР». И, как я уже тысячу раз писал и говорил, именно Россия вместе с Казахстаном до самого конца оставалась в составе СССР — юридически и фактически.

Не верите мне — почитайте газеты того времени: найдете кучу обвинений в адрес Ельцина, что он слишком держится за сохранение СССР, занимает прогорбачёвскую позицию в вопросе о Союзном договоре. Причем не только демократы, но и прочие депутаты Верховного Совета РСФСР кричали, что Ельцин чересчур лоялен союзному центру, «верен союзническому долгу перед президентом СССР»^[40]. А теперь получается, что картину все рисуют прямо обратно!

Ну и, наконец, последнее.

Наша Декларация о государственном суверенитете была принята не узким кругом ограниченных лиц, а Первым съездом народных депутатов РСФСР, причем подавляющим большинством голосов: за — 907, против — 13, воздержались — 9.

Кстати, хочу напомнить, что съезд состоял отнюдь не из демократов: 920 депутатов были членами КПСС. И эти коммунисты почти единогласно проголосовали в поддержку декларации, потому что на тот момент все четко понимали опасность происходящего.

Так что если придерживаться только фактов, то винить Ельцина в развале СССР — полная глупость. Всё было ровно наоборот. Ельцин, признает это кто-то или нет, сохранил в целости Россию. Этого никто уже не изменит и не перепишет.

И еще он, как мог, пытался сохранить хоть что-то от СССР, чтоб было от чего оттолкнуться для новой интеграции. Не будь его воли и опыта, всё могло бы быть значительно хуже. Так что весь этот страшно живучий миф о том, что Ельцин развалил страну, рано или поздно рассыплется в прах, а правда восторжествует.

И лично я уверен в этом на все сто процентов.

Зачем Ельцин сказал: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить»?

Есть еще такой очень прочный миф, что российские автономии учинили бузу не потому, что союзный центр дал им отмашку, приравняв к государствам, а потому, что Ельцин сам предложил «брать столько суверенитета, сколько смогут проглотить».

Опять-таки, чтоб разобраться, где ложь, а где — правда, не слушайте ничьих мнений, а читайте документы и хроники, сравнивайте даты!

Итак, «план автономизации» был запущен в апреле 1990-го.

12 июня мы приняли Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Там, с одной стороны, четко записали, что РСФСР — это не сумма отдельных единиц, не добровольный союз автономий, а «государство, созданное исторически объединившимися в нем народами». А с другой стороны, подтвердили «необходимость существенного расширения прав» не только автономий, но и всех остальных, как нынче принято говорить, субъектов федерации — краев и областей. То есть поставили автономии «в общий ряд» с другими нашими регионами. И что особенно важно, установили, что конкретные вопросы повышения статуса будут определяться нашими, российскими, а не союзными законами.

Понятно, что руководители национальных автономий остались недовольны — они уже вели себя как президенты и хотели

президентских полномочий. И чуть ли не сразу начали принимать свои декларации о государственном суверенитете: 20 июля — Северная Осетия[41], 9 августа — Карелия[42]. Еще раньше — 3 июля — четыре из пяти автономных областей (Адыгейская, Горно-Алтайская, Карачаево-Черкесская, Хакасская) получили статус республик в составе России.

А параллельно шел процесс последних согласований по поводу нового Союзного договора и порядка его подписания. И тут, надо сказать, Борис Николаевич мучился — стоять на своем, подписывать в одиночку, или все-таки вместе с автономиями.

Я с самого начала работы с Ельциным занимался не только правовыми делами, но и федеративными отношениями, то есть как раз всеми этими проблемами регионов, автономий, национальных конфликтов. И я точно знаю, что Борис Николаевич, в отличие от многих других наших руководителей — и прошлых и нынешних, где-то на уровне интуиции, но очень глубоко понимал главный федеративный принцип: «Единство во множестве». Все-таки не зря он начал демократические реформы.

Однако в том, что касается стратегии и тактики федеративной политики, тут его просто мотало из стороны в сторону. Хотя по ключевым вопросам, от которых в буквальном смысле слова зависело, быть России или не быть, он был абсолютно четок и тверд. И первый такой пример — как раз Декларация о государственном суверенитете РСФСР.

А вот в других ситуациях он мне порой напоминал Ходжу Насреддина. Есть такой анекдот.

Как-то раз один человек уехал в долгое путешествие с торговым караваном, а корову оставил соседу, чтобы тот за оговоренную цену ее кормил и всячески за ней присматривал. По возвращении оказалось, что рогатая красавица не просто жива-здоровая, но еще с приплодом. Хозяин говорит: «Спасибо, сосед, за корову! Давай, води ее ко мне вместе с телянком, раз она его родила». А сосед говорит: «Телянка не отдам. Я обещал тебе корову в целостности и сохранности вернуть, а про телянка мы не договаривались».

Спорили-спорили, чуть не подрались, но так ничего и не решили. Пошли к Ходже Насреддину.

Хозяин коровы рассказал свою историю. Ходжа ему говорит: «Да, ты прав!»

Сосед рассказал свою правду. И ему Ходжа говорит: «Да, ты тоже прав!»

Тут жена Ходжи Насреддина с кухни кричит: «Ходжа, так не бывает, что и этот прав, и этот прав». А Ходжа ей в ответ: «И ты, моя дорогая, права!»

Вот Борис Николаевич порой как тот Ходжа Насреддин действовал: зайдет Шахрай с идеями о том, что нужно сказать главам республик и регионов, — он прав; зайдет его тогдашний советник по межнациональным отношениям Галина Старовойтова⁶⁵ — и она права;

а после всех зайдет госсекретарь Бурбулис — он тоже прав. Это не значит, что он бесконечно свою позицию менял, совсем нет. Просто Ельцин не принимал сразу окончательного решения. Он, как и все остальные политики того периода, выжидал, выбирал линию политической целесообразности.

Так вот, эти его слова: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» — были не случайной импровизацией, а вполне продуманной и политически целесообразной на тот момент формулой.

Автором формулировки является Галина Васильевна Старовойтова, царство ей небесное. Но не надо выдирать цитату из контекста. Она взяла эту модель из теории урегулирования конфликтов. Есть такой известный не только в теории, но и на практике принцип: для того чтобы остановить большой пожар в лесу, надо направить ему навстречу огненную волну.

Фразу свою Ельцин сказал в Казани 6 августа 1990 года — спустя пять месяцев после того, как союзный центр запустил «процесс автономизации», и через две недели после того, как в Ново-Огареве был окончательно согласован текст под названием Договор о Союзе Суверенных Государств. Потом он то же самое повторил в Уфе. Раз наши автономии фактически уходили из РСФСР в объятия союзного центра, значит, надо было дать им столь желанный суверенитет «из рук России». Борис Николаевич сам потом объяснял: а как еще можно было остановить сепаратизм автономий, если у России тогда реально не было никаких рычагов — ни властных, ни экономических?

Хотя, конечно, мы немного опоздали.

Подписание Договора о Союзе Суверенных Государств было намечено на 20 августа 1991 года, а 19-го начался путч.

Путч развалил КПСС, а распад партии добил СССР

Августовский путч 1991 года стал точкой невозврата в судьбе СССР. До этого момента было несколько развилок, когда Союз можно еще было спасти. Но союзный центр каждый раз сворачивал не в ту сторону. В результате осталась одна дорога, которая привела нас в Вискули. А ГКЧП — это была последняя капля, перевесившая чашу весов истории.

Я уверен, что в конце 1980-х возможности для мирной и постепенной трансформации советского режима были. Но только при ясном понимании ключевого условия — реальным и единственным институтом власти в стране была КПСС. Поэтому трансформировать надо было не систему Советов, которые были декоративной оболочкой, не общественные организации, выполняющие роль приводных ремней и винтиков, а саму партию.

Но Горбачёв принял несколько неудачных решений, которые в итоге привели не к трансформации советской системы власти, а к развалу КПСС. Безусловно, он действовал вынужденно, но каждый его шаг сокращал количество дальнейших вариантов. Поэтому то, что начиналось как случайность, закончилось исторической неизбежностью: события стали цепляться одно за другое, и всё посыпалось, как костяшки домино.

Когда Горбачёв понял, что проигрывает борьбу за лидерство внутри КПСС, он не стал тратить время на обновление партии, а фактически ушел из нее, уведя самые лучшие кадры. Лидер коммунистов в свойственной ему манере не стал сражаться с собственным аппаратом, который оказался сильнее, а начал строить параллельную систему. Именно тогда появились пост президента СССР, Президентский совет, другие квазигосударственные структуры. И самые умные, прогрессивные и эффективные перетекали из руководящих органов партии в эти альтернативные институты власти. А в ЦК КПСС и аппарате оставались люди менее компетентные и абсолютно не настроенные на какие-то перемены. То есть партийная «верхушка» интеллектуально деградировала, и это было заметно.

Получилось, что действия Горбачёва не помогали преодолеть существовавшее в СССР раздвоение власти (декоративные Советы — всемогущая КПСС), а, наоборот, только усугубляли его. Стало очевидно, что партия оказалась идейно разобщена. То, что союзный центр начал выносить сор из избы, втягивать рядовых коммунистов в свои «разборки», вообще абсолютно неправильно. В ситуации, когда надо было действовать как единое целое, начались разброд и шатания.

Кроме того, на мой взгляд, Горбачёв зря не допустил создания фракции внутри КПСС. В свое время была такая «Демократическая платформа» в КПСС. Эти люди не собирались уходить из партии, они просто хотели влиять на выработку решений. Если бы руководство компартии согласилось на внутрипартийный диалог и на существование внутрисистемной оппозиции, всё могло бы пойти иначе. Но фракционность была запрещена, и этих думающих, прогрессивных людей партия потеряла. А вместе с ними и шанс на обновление.

Ну и наконец, как я уже говорил, после путча Горбачёв объявил о сложении с себя обязанностей генсека ЦК КПСС и призвал всех честных коммунистов выйти из партии. Что оставалось делать партийцам? Только выполнить указание.

Понятно, что это была эмоциональная реакция Михаила Сергеевича на произошедшее. Но кроме партии другого механизма власти ведь просто не было. Возможно, Горбачёву нужно было, воспользовавшись ситуацией, выместить из руководящих органов КПСС сторонников путчистов и реформировать страну вместе с партией, а не выпрыгивать из нее. А так компартия рухнула и погребла под своими обломками страну.

Но худшее из всего, что могло случиться с КПСС, — это создание Коммунистической партии РСФСР. И Ленин, и Сталин принципиально стояли на позиции: у РСФСР компартии быть не должно. Компартии, как приводные рычаги управления, могут быть во всех союзных республиках, кроме РСФСР. Потому что Россия — это стеновой хребет СССР, и создание отдельной российской компартии означало раскол КПСС, а следовательно, раскол власти и страны.

Поэтому, когда Иван Полосков и Геннадий Зюганов создали-таки компартию РСФСР, они тем самым приготовили большой гвоздь в крышку гроба СССР.

И наконец, самая главная из ошибок Горбачёва, которых можно было избежать, — он не решился пойти на выборы президента СССР всенародным голосованием.

Я думаю, что Михаил Сергеевич зря боялся. Его обязательно бы избрали! Ведь 1987–1989-й — самые яркие годы надежд и ожиданий. «Перемены мы ждем, перемены!»

Я бы сам за него тогда голосовал и других бы агитировал!

Но Горбачёв предпочел пойти на выборы Съездом народных депутатов, стал договорным, слабым лидером. Договорилась элита, несколько группировок — его избрали. Точно так же в любой момент они могли договориться и снять его с должности. К этому, собственно, и шло.

В апреле 1991 года на пленуме ЦК КПСС вопрос о снятии Горбачёва был практически решен, на 3 сентября назначили внеочередной съезд КПСС, а 4 сентября должен был состояться внеочередной Съезд народных депутатов СССР. Предполагалось, что на пленуме ЦК Горбачёва снимут с поста генерального секретаря, а на Съезде народных депутатов СССР — с поста президента СССР.

Понятно, что Михаил Сергеевич не стал ждать, когда друзья-соратники отправят его в отставку. Он резко активизировал переговоры с лидерами четырех союзных республик — РСФСР, Белоруссии, Украины и Казахстана. И в обмен на поддержку пообещал им не только обновленный Союз и новый Союзный договор, но и радикальные изменения системы союзного руководства, прежде всего в силовом и экономическом блоке. Все эти обсуждения записывались КГБ, и Крючков⁶⁶ выкладывал расшифровки бесед на стол коллегам по партии.

Работа над проектом Союзного договора была завершена 23 июля 1991 года. Ельцин его парафировал. Окончательный текст был официально обнародован в газете «Правда» 15 августа, а на 20-е было назначено его официальное подписание. Но накануне начался путч.

Путчисты просто хотели сыграть на опережение — не было никакой святой борьбы за спасение страны. Это была циничная борьба за власть.

Что бы ни говорили члены ГКЧП о своих намерениях, но они не остановили распад СССР, а ускорили его и сделали необратимым.

Почему ни Горбачёв, ни Ельцин не предотвратили путч 1991 года?

Часто спрашивают, почему Горбачёв не сделал ничего, чтобы путч предотвратить? Есть свидетельства, в том числе в уголовном деле о ГКЧП, что по дипломатическим каналам Михаил Сергеевич получал предупреждения о планах Крючкова, но так ничего и не предпринял. Думаю, что Горбачёв к лету 1991 года уже не был тем сильным лидером, который мог что-то предотвратить. В какой-то момент они у него спросили: «Ты с нами?» — «Я не с вами». — «Тогда отойди, не мешай, мы с тобой потом разберемся». И «коллеги» его отодвинули, но не уничтожили.

Что же касается российского руководства, то, хотя сценарий переворота просматривался уже с апреля 1991 года, до последнего момента никто не верил, что он реализуется. И, уж конечно, никто не предвидел конкретные детали — всю эту историю с танками на улицах Москвы, с «Лебединым озером» по телевизору и трясущимися руками Янаева на знаменитой пресс-конференции...

Я сам себя постоянно спрашиваю: было ли ощущение, что произойдет нечто подобное? Ответ: да, пожалуй, что было. Сейчас, с высоты времени, четко видишь все эти процессы и «звоночки». И в экономике, и в политике, и в конкретном раскладе сил на политической арене. А когда ты погружен в гущу событий, то гонишь тревогу прочь: да ну, не может быть! не самоубийцы же они!

Я уже писал, что на 3–4 сентября 1991 года оппоненты Горбачёва наметили целый спектакль по снятию его со всех постов. И хотя многие считали Михаила Сергеевича не в меру интеллигентным, не сильно решительным и чрезмерно мягким политиком, на самом деле таким он никогда не был. Поэтому, прекрасно понимая, что ему грозит, Горбачёв не стал ждать этого самого третьего сентября, а начал активные контрдействия.

Весь конец весны и начало лета, особенно июнь и июль, он потратил на очень активные встречи с лидерами четырех крупнейших республик — Украины, Белоруссии, России и Казахстана. Михаил Сергеевич встретился с Кравчуком, Шушкевичем, Ельциным и Назарбаевым, чтобы в деталях обсудить новое государственное устройство СССР. Фактически его схема предполагала превращение союзного государства в своеобразную конфедерацию.

Думал в таких терминах о новом государстве Михаил Сергеевич или не думал — не знаю. Но ведь он все-таки в МГУ учился, и должен был понимать, что конфедерация — это всегда неустойчивая, переходная

форма. Рано или поздно она либо распадается, либо превращается в более прочное, единое государство — федерацию. Вспомните Швейцарию или США. Но, как бы то ни было, в своей модели Горбачёв предложил сохранить за СССР совсем небольшой объем функций, так сказать только основные полномочия. А то, что особенно интересовало лидеров республик, — собственность и власть — Михаил Сергеевич добровольно передавал на республиканский уровень.

При этом он сразу заявил, что новая конструкция СССР означает и обновление кадров — в новом Союзе не будет его политических оппонентов, включая председателя КГБ СССР Крючкова, министра обороны Язова⁶⁷ и прочих.

Собственно, тем самым летом все договоренности были достигнуты. Ельцин проект Союзного договора честно парафировал, хотя он был не очень, мягко говоря, удачным для РСФСР. Я считал этот документ крайне опасным и в начале июля дал большое интервью «Российской газете», где прямо заявил, что Союзный договор в том виде, как он был написан, попросту уничтожает российскую государственность^[43]. Я пытался объяснить всю неправильность того, чтобы части России — наши автономии — входили в состав обновленного Союза на тех же основаниях, что и целое — сама Россия. Показывал всю вредность положений проекта, который фактически прекращал действие российских законов, потому что, по сути, в нем закреплялось верховенство законов любой республики в составе РСФСР над законами России.

Но Борис Николаевич исходил из того, что бумага бумагой, а если вопрос начальники между собой решили, то надо по этой схеме и действовать.

Что же произошло дальше? А то, что товарищ Крючков и его команда просто не стали ждать, когда их освободят от занимаемых должностей.

Временем «Ч» для них стала дата подписания Договора о Союзе Суверенных Государств. Именно потому, что на 20 августа было назначено подписание, все и ускорилось.

14 августа председатель КГБ СССР потребовал от комитетчиков и военных предоставить ему перечень первоочередных мер экономического, социально-политического и правового характера на случай чрезвычайного положения. На следующий день план мероприятий по введению ЧП был готов^[44]. Тогда же Крючков приказал организовать прослушку телефонных разговоров руководителей СССР и РСФСР. Два следующих дня — 16 и 17 августа — путчисты потратили на обсуждение конкретных шагов — как вводить ЧП и нейтрализовать Горбачёва.

Ельцин в это время был в Казахстане у Назарбаева, где еще раз обсуждал все детали по новому Союзу. Вернулся он оттуда 18 августа. Это было воскресенье.

Совсем поздно вечером я встречал президента в аэропорту. И точно помню, что какого-либо ощущения, что вот на следующее утро начнется путч, у меня точно не было. Хотя, как я сейчас задним умом понимаю, надо было быть менее доверчивыми. Если мы знали и понимали, что после подписания Союзного договора бесследно исчезает власть, которой обладали Крючков, руководство армии, аппарат ЦК КПСС, то можно было предположить, что вряд ли все они будут бездействовать.

Конечно, модель ГКЧП создавалась второпях, была совсем сырая. Но она выстрелила под утро 19 августа, потому что главной задачей путчистов было предотвратить подписание Союзного договора 20 августа. Иначе они потеряли бы всё.

Дальше события развивались по классическому сценарию. Есть такая закономерность, выведенная опытным путем: если кто-то учиняет переворот, но не решает вопрос власти в три дня, тот проигрывает. При этом не совсем ясно, почему не два дня и не четыре, а именно первые семьдесят два часа считаются критическими для решения вопроса о власти. Что в России еще раз с хрестоматийной точностью и подтвердили путчисты в 1991 году.

Что лично я делал в утро переворота?

На следующее утро после прилета Ельцина мы с его помощником Виктором Васильевичем Илюшиным договорились очень рано, чуть ли не в половине седьмого, вместе выехать на работу, чтобы не гонять две машины. Жили мы тогда все довольно плотно, кучкой, и, нужно сказать, очень удачно, в поселке Архангельское. У меня соседями по даче: с одной стороны — Ельцин, с другой — Хасбулатов, совсем рядом — министр печати и массовой информации Полторанин, потом — Егор Гайдар, а дальше — знаменитые шестая и пятнадцатая дачи, где были написаны самые важные документы российских реформ. И вот, собственно, мы с Илюшиным помчались с утрачка на работу.

Уже на Московской кольцевой дороге неожиданно откуда-то выползла направляющаяся в сторону Москвы колонна танков. Мелькнула, прогремела рядом, после чего мы ее обогнали, и она осталась позади. Мы немножко так... озадачились, но почему-то даже мысли не возникло, что это не какие-нибудь летние учения, а попытка государственного переворота.

Потом, когда на Кутузовском проспекте вторую колонну танков обогнали, мы слегка задумались, хотя нас никто не останавливал. А вот когда приехали в Белый дом, совершенно пустой, да еще в кабинете вместо программы новостей слышали знакомые с детства звуки «Лебединого озера», а потом сообщение о создании комитета ГКЧП, то уже всё поняли. Схватили мы с Виктором Васильевичем что было под рукой: по-моему, пишущую машинку, факс, еще что-то, и на этой же машине сначала в центр Москвы вместе с танками приехали, а оттуда — навстречу танковым колоннам — вернулись в Архангельское сразу на дачу Ельцина. Кстати, сколько я сказок на эту тему потом прочел — и

от Хасбулатова, и от Собчака, и от прочих. Все почему-то пишут, что Ельцин сначала страшно испугался и растерялся. Но это далеко от правды. Всё происходило иначе.

Заявляю со всей ответственностью, что Борис Николаевич не был напуган, хотя, может, в душе, как любой нормальный человек, и занервничал. Но виду не показал, собрался с мыслями и сразу попытался понять, что происходит, и получить по максимуму всю имеющуюся информацию. Очень быстро выяснилось, что Архангельское по периметру окружено спецназом КГБ — отрядом «Альфа». По территории этого комплекса маленькая речушка Десна протекала, забор стоял, и возле него в кустах ребята такие крепкие в форме и с оружием уже сидели и ждали команды.

Поэтому мы не стали терять время на то, чтобы пообсуждать, сидя в Архангельском, что к чему, а приняли достаточно на тот момент спонтанное решение — всем немедленно выдвинуться в Белый дом. Теперь, с высоты прошедших лет, я понимаю, что это было правильное решение, потому что команды задержать на даче к тому времени бойцам «Альфы» не поступило, и нашу колонну машин без всяких проблем выпустили из поселка. И это, я теперь уверен, была первая ошибка ГКЧП.

Когда я уже во второй раз за это утро уезжал в Москву, на дорогу к даче, где мы жили, выскочили оба моих мальчишки. Старшему сыну Сергею тогда пять лет было, а младшему Мише всего два годика. И с какими-то перепуганными такими глазенками они меня провожали, и такого никогда в моей жизни не было, поэтому это запомнилось. Как рассказывала потом жена, они ничего не понимали еще, но весь день сидели, как мышата, прижавшись к ней.

Они этого не помнят, а у меня навсегда отпечаталось: яркое солнечное утро, синее небо и два мелких мальчишки на пороге: увижу, не увижу... Признаюсь, было страшно. Чем это всё закончится, никто же тогда не знал.

Юрист с пистолетом и музыкант с автоматом

Дальше прямо в машине по дороге в Белый дом я написал часть обращения Ельцина к народу, в которой дал конституционно-правовую оценку произошедшего. Как-то неожиданно для себя самого в голове практически в одно мгновение по памяти сложились все статьи Конституции, которые однозначно и убедительно доказывали, что в стране совершен государственный переворот. На этой конструкции строились все другие фразы и действия. Именно этот документ, а потом уже и сама декларация были подписаны президентом прямо на танке возле Белого дома.

И вот, я думаю, важным элементом позиции российского руководства в лице Ельцина и поддержавших его соратников была быстрота юридических действий. Хотя к тому моменту ГКЧП перекрыл нам все каналы связи (интернета тогда не было, а телефоны, факсы и все прочее, естественно, оказались для нас недоступны), почему-то по-прежнему действовала фельдсвязь. Видимо, забыли в суматохе. И мы просто с фельдъегерской службой первые указы и первые обращения президента Ельцина к народу России сумели за пару часов по всей стране разослать, на все каналы телевидения.

И это была вторая ошибка ГКЧП и наш второй успех: победа, пусть не полная, но все же, в информационной войне, в информационном противостоянии.

Что было потом? Попытки взять ситуацию под контроль, решить, как будем действовать в данной ситуации. Были совещание за совещанием, подготовка к защите, выдача оружия.

Я сам с пистолетом Макарова ходил, правда, забыл, откуда он взялся. Но очень четко помню, как он у меня в кармане брюк болтался и своей тяжестью этот карман очень неудобно оттягивал. А я бегу куда-то и думаю: «Сейчас споткнусь, и эта штука сама стрельнет мне в ногу. Вот весело будет». Поэтому я так аккуратненько пистолет из кармана вытащил и положил под диван в кабинете.

Шли часы. Ничего не происходило. Все мы ежеминутно ждали штурма, особенно ночью. Готовились к нему.

Каждое правительственное здание, Дом правительства и Верховного Совета на Краснопресненской набережной в том числе, кстати тогда относительно новый, лет за десять до этого построенный, было оборудовано современным бомбоубежищем.

Ельцин принял решение спуститься в бомбоубежище и дал команду, кто должен туда с ним последовать. Помню, как по лестнице Лужков с супругой спускались, как Хасбулатов шел ступенька за ступенькой с потухшей трубкой во рту.

А я, хотя и входил в число «избранных», помчался в кабинет еще за какими-то бумагами, и поэтому в бомбоубежище не попал. Вернулся в подвал, а они изнутри уже дверь закрутили. Как отсек в подводной лодке. Я поскребся тихонько в эту железную дверь, даже постучал немного. Никто меня не услышал. Ну, я постоял, постоял одиноко и вернулся к себе в кабинет.

А там жизнь бьет ключом. Кто-то бегают, кто-то ходит, кто-то разговаривает, кто-то кричит, кто-то спорит, кто-то оружием гремит. Все вокруг бурлит, и толпа уже огромная собралась. Сажу и думаю про себя: «И чего мне теперь делать?»

Сидел, сидел, ничего не придумал, вышел на улицу и растворился в этой толпе. Наверное, это было тогда правильное решение с точки зрения

безопасности. Может быть, на улице было даже более безопасно, чем в бомбоубежище.

Покрутился там, потом вернулся, потом еще раз на улицу вышел, потом снова в Белый дом. И помнится, что где-то со второй на третью ночь я познакомился с Мстиславом Ростроповичем. Сначала мы встретились на первом этаже. Помню, что там еще охрана была. А потом мы с ним сидели где-то на крыше. И Ростропович уже был с автоматом. Такая картина, трогательная и немного нелепая. Сидит на крыше маленький человек, интеллигентный до безумия. Видно, что оружия в руках никогда не держал. А он все-таки держит автомат, потому что намерен защищать свободу.

Я недавно где-то фото его с этим самым автоматом увидел. Странно так было смотреть. А вот в тот день странным всё это не казалось. Ничего такого удивительного. Просто музыкант Ростропович с автоматом, а я, юрист, с пистолетом Макарова. Всё нормально... И, Господи, сколько мы с ним там всего важного и нужного проговорили. Мне кажется, что даже подружились. Потом, кстати, я был у него в гостях в Америке.

Но вот эта бессонная ночь, вооруженный Ростропович, заполненное людьми бомбоубежище, долгое ожидание штурма, страх, просто зримо висящий в воздухе над толпой, ощущаемая всем телом объединяющая нас энергия, энергия решимости, которая заряжает, заводит, заставляет забыть о страхе и чувстве самосохранения... Это останется со мной навсегда.

Кстати, из КПСС я так и не вышел

А потом, 21 августа мы с Руцким, Силаевым, Примаковым, Бакатиным и другими членами российской делегации полетели вызволять Горбачёва из его заточения в Форосе. Садись в Бельбеке. В то время это был военный аэропорт в Крыму.

За несколько часов до нас туда же для переговоров с Михаилом Сергеевичем прибыли практически все заговорщики: Крючков, Язов, Тизяков, Бакланов вместе с Ивашко и Лукьяновым. Горбачёв путчистов принимать отказался. Когда мы прибыли на объект «Заря» в Форосе, они все еще сидели в комнате для гостей. А с российской делегацией долго беседовал, прежде чем отправиться в Москву.

Горбачёв пытался держаться бодро, начал даже раздавать указания. А у меня перед глазами стоит его растерянное лицо, какой-то серо-голубой джемперок... Раиса Максимовна выглядела больной — накануне у нее случился удар. Она очень эмоционально переживала события и, видимо, ждала самого худшего.

В Москву возвращались поздно ночью все вместе, двумя самолетами — на нашем, российском, летели Горбачёв с семьей и Крючков. Его специально поместили на один борт с президентом СССР, чтобы

комитетчики не решили сбить самолет в воздухе. Остальные путчисты отправились на своем, союзном. Кадры, когда Горбачёв во Внукове-2 спускается с трапа, а за ним — семья, обошли весь мир.

Прокуратура СССР уже возбудила уголовное дело против ГКЧП, но не решилась арестовать путчистов прямо на летном поле, поскольку там была куча машин союзного КГБ. Тогда этим занялись российские власти. Степанков объявил о задержании Крючкову, кто-то «разобрал» других фигурантов. А мне велели отвезти министра обороны СССР маршала Язова на одну из подмосковных дач. Хочу вам сказать, что при близком общении он мне очень понравился. Вполне разумный и спокойный человек. Очень по-русски объяснил мне, что думает о Янаеве и о Горбачёве, хотя всегда уверял, что матом ругаться не научился, потому как мат хорош не с людьми, а в колхозе, когда быки не слушаются. А в ту ночь он меня, если честно, удивил и насмешил своим умением художественно применять ненормативную лексику. Почти до утра мы с ним проговорили. Потом я уехал в Москву, на работу. Узнал, что Дмитрия Тимофеевича забрали в какой-то подмосковный следственный изолятор, а через несколько дней отправили в Матросскую Тишину.

В общем, если оценивать события 1991 года с исторической точки зрения, то выходит, что именно путчисты добились СССР. Когда в центре страны, в столице дело дошло до объявления ГКЧП, введения танков и применения силы, то партийные начальники, сидевшие этажом пониже, — секретари республиканских комитетов, союзных и автономных республик — просто взяли и от греха подальше разъехались по местам — в Киев, Алма-Ату, Минск, Тбилиси, Ташкент. А приехав, объявили себя независимыми от этой Москвы, от всей этой демократизации и непредсказуемости. Тем самым местные лидеры попытались защитить свою личную власть и свое немалое имущество, после чего переименовали себя из секретарей КПСС в президенты.

Выходит, что августовский путч привел к результату, прямо противоположному тому, ради чего он затевался: вместо укрепления основ Союзного государства ГКЧП вызвал его ослабление и разрушение. Если до августа 1991 года о независимости объявили только пять из пятнадцати союзных республик (Эстония, Латвия, Литва, Армения и Грузия), то после путча все посыпалось как карточный домик. Первой — уже 24 августа — о независимости заявила Украина, а до конца октября из СССР вышли все остальные, кроме России и Казахстана.

Ну и конечно, повлиял призыв Горбачёва к коммунистам выйти из партии. Ведь другой власти, кроме управленческой машины КПСС, не идеологии, а именно структур КПСС, в стране на тот момент просто не было. Была вертикаль: аппарат ЦК, республика союзная, автономная, областной, краевой комитет партии — и так до каждого райкома, до каждого сельсовета. Все прекрасно понимали, что исполнительная власть, исполкомы, которые сидели рядом со структурами КПСС, представляли собой в лучшем случае хозяйственные придатки к

партийной машине. И когда часть руководства партии последовала за призывом своего генерального секретаря, то всё просто развалилось, система управления страной рухнула в одночасье. Получилось, что Горбачёв вместо того, чтобы выгнать только верхушку, поменять оппозиционеров на преданных себе людей, просто инициировал самоликвидацию партии, развалил всю партийную машину. После чего Верховный Совет СССР 29 августа 1991 года приостановил деятельность КПСС на территории всей страны[45].

И вот что интересно. У всех в головах сидит, что КПСС распустил Ельцин 6 ноября 1991 года своим указом[46]. А Ельцин своим указом просто-напросто последовал за решениями союзного центра, которые случились еще в конце лета. Правда, в первые дни после путча он временно приостановил деятельность КПСС — до решения в суде вопроса о законности ее действий[47]. А 6 ноября 1991 года Ельцин уже просто занялся вопросом о том, что делать дальше с партийной машиной, которая уже юридически и фактически была ликвидирована генсеком Горбачёвым и Верховным Советом СССР.

Получилось, что с ликвидацией партийных структур просто исчез аппарат управления страной. К этому можно по-разному относиться (кто-то ненавидит КПСС до сих пор, кто-то любит), но вот это медицинский факт: если другой структуры управления государством, кроме КПСС, нет, то новая из воздуха не возникнет. И в итоге у нас почти год, если не больше, с организационной точки зрения было полное безвластие. Партийные органы ликвидированы, союзные министерства тихо сидят и выжидают, чем это закончится (я бы такую позицию назвал пассивным саботажем), российских министерств, которые бы по всему спектру вопросов могли заменить собой союзную власть, нет, они просто еще не созданы. Кстати, я хорошо помню, с каким трудом создавались КГБ РСФСР, МВД РСФСР, Банк РСФСР, Минюст РСФСР... Короче, ничего от управленческой системы СССР не осталось, а управленческая система РСФСР еще не родилась. Полный управленческий коллапс.

И вот, при полном отсутствии реальных механизмов управления, нам пришлось, как говорится, с колес вместо СССР включаться во все дела и проблемы — с экономикой, с долгами, с национальными конфликтами, со спасением людей и собственности...

Могло ли такого сценария не быть? Естественно. Но случилось то, что случилось: августовский путч и как его следствие — развал страны на части и развал партийных структур.

Я, кстати, в 2000-х уже как ученый очень серьезно занимался этим периодом. Горжусь тем, что издал академический двухтомник по распаду СССР[48]. Я собрал в нем все имеющиеся документы по данному вопросу и сохранил их в цифровом виде. В этих книгах воссоздана полная хронологическая картина: как уходили из СССР республики, как разваливалась партия, как исчезали союзные органы управления. А еще: как Запад объявлял о признании независимости новых государств

на «постсоветском пространстве» и они получали свое место за столом в Организации Объединенных Наций.

Последний сюжет — с вхождением бывших союзных республик в ООН — напомнил мне одну старую, всеми забытую историю про то, как американский президент фактически поспособствовал укреплению СССР. Сталин хотел после окончания войны увеличить число голосов СССР в ООН и предложил, чтобы все пятнадцать союзных республик стали членами этой организации как суверенные, независимые государства в составе СССР. Рузвельт еще до окончания войны эту попытку хитрого горца очень быстро пресек, сказав, что в таком случае все 50 штатов США тоже станут членами ООН. И тогда ограничились тем, что Белоруссия и Украина, как наиболее пострадавшие от фашистской оккупации, вошли в состав ООН как самостоятельные члены. А ведь если бы Прибалтийские республики или те же Грузия с Арменией стали членами ООН в 1945 году, то вряд ли бы они «дотерпели» в составе Союза ССР до 1990-х.

Да, кстати, а из КПСС я так и не вышел...

Кто кого судил по «делу КПСС»

А в 1992 году состоялся суд «по делу КПСС». В деталях историю эту теперь, наверное, только коммунисты помнят, но, как водится, у них своя точка зрения. А в чем подлинная суть была — политическая, юридическая, — пожалуй, никто и не разъяснит.

Есть опять-таки кочующая из текста в текст байка, что коммунистическую партию разогнал Ельцин, а потом еще и устроил над ней судилище. Не зря, видимо, формулировка такая сложилась: «суд над КПСС».

А ведь все было ровно наоборот: КПСС себя распустила сама, а потом еще и подала в суд на Ельцина. В общем, как в старом анекдоте: то ли он ложечки украл, то ли у него ложечки украли, но осадочек-то остался...

Поэтому думаю, что с этим вопросом — похоронил Ельцин КПСС или не похоронил, — нам стоит серьезно разобраться.

Итак, еще раз повторю даты.

19–21 августа 1991 года — путч.

24 августа Горбачёв призывает коммунистов самораспуститься.

29 августа Верховный Совет СССР принял решение о приостановлении деятельности КПСС на всей территории страны и запретил банкам проводить какие-либо операции по счетам партии.

30 августа президиум Верховного Совета Украины полностью запретил деятельность Коммунистической партии Украины.

31 августа Киргизия приостановила деятельность своей компартии.

7 сентября компартии Армении и Казахстана приняли решение о самороспуске.

10 сентября Латвия запретила деятельность коммунистов.

14 сентября самораспустились коммунисты Азербайджана и Узбекистана...

И далее — везде.

И только 6 ноября 1991 года Ельцин принял свой указ о КПСС и КП РСФСР, из-за которого потом разгорелся весь сыр-бор. Причем, что характерно, не сразу, а только весной 1992 года.

Что же на самом деле произошло?

Для начала должен сказать, что из своей долгой работы рядом с Ельциным я понял, что у него было противоречивое отношение к КПСС. Он, в общем-то, нормально относился к партии как к системе, но очень не любил конкретные партийные структуры и особенно — некоторых партийных товарищей. Например, Борис Николаевич явно питал очень личную нелюбовь к политбюро. При этом особенно не выносил ряд отделов ЦК КПСС: отдел строительства, идеологический отдел, отдел науки — те, в предмете которых он хорошо разбирался, понимал, чем они занимаются. Но при этом он подсознательно понимал, что партия — это не партия в классическом смысле слова, а машина государственного управления. Поэтому он довольно «бережно» (слово «бережно» я, пожалуй, все-таки возьму в кавычки) относился к КПСС как к структуре, но не к людям, в ней работающим. Почему? Да очень просто — жизнь заставила.

И я его по-человечески очень понимаю. В те времена и Михаил Сергеевич Горбачёв, и его центральный аппарат, и московская партийная организация Бориса Николаевича так доставали, что просто все печенки ему выели, как говорят в народе. Но при этом саму структуру Ельцин не трогал. Собственно, и ни одного коммуниста персонально при Ельцине не репрессировали. Даже столь нелюбимый им Михаил Сергеевич остался неприкосновенным: со своим фондом на Ленинградском проспекте и с финансированием, которое позволяло поддерживать и ученых, и экспертов, и просто близких ему людей, с которыми он работал.

Хотя, конечно, вряд ли Борис Николаевич не приложил руку к тому, чтобы Горбачёв и Верховный Совет СССР приняли свои решения против КПСС. Думаю, ему очень не понравилось сидеть в подвале, ожидая, что армия, пришедшая по приказу ГКЧП, начнет штурм. Не зря он потом на балконе Дома Советов (Белого дома) на Краснопресненской набережной подписал указ о приостановке деятельности структур КПСС именно в армии, в вооруженных силах.

Фактически он тем самым заявил, что в силовых структурах не должно быть никакой идеологии. И кстати, это было правильно, потому что у

руководства Вооруженных сил СССР и КГБ СССР всегда были очень непростые отношения с ЦК КПСС, с политбюро и аппаратом ЦК. Очень непростые — это мягко сказано. Верхушка КПСС всегда стремилась поставить силовиков под свое прямое управление, а те этому страшно сопротивлялись.

Если посмотреть нашу советскую историю, то в период, когда министром обороны или председателем КГБ становился очень авторитетный и сильный человек, эти структуры старались выбиться из-под партийного контроля. Единственный момент полной гармонии настал только раз, когда Юрий Владимирович Андропов, председатель КГБ, возглавил КПСС и страну. И вдобавок все силовики друг другу не доверяли. Помнится, на пятом этаже главного здания на Старой площади, где заседало политбюро, стояло знамя СССР. Так вот, у этого знамени всегда дежурили два офицера в разной форме: один из КГБ, другой из МВД. Причем не по очереди, а одновременно. Вроде как «мы вместе», а на самом деле друг за другом присматривали.

Если резюмировать, то гибель партии — «нашего рулевого» — осенью 1991 года не вызвала особых эмоций не только у народа, но и тогдашней военной и силовой элиты. Напротив, многие военачальники и руководители силовых структур порадовались: наконец-то надоевшие партийцы, которые ничего не смыслят в конкретных делах, получили по заслугам.

Так почему же эта тема вдруг выплыла через полгода?

Да потому, что в России начался левый реванш. Его носителем, идеологическим и организационным, стал аппарат российской компартии. Депутаты-коммунисты, господа Зюганов и Полозков, оценив настроения в обществе, связанные с распадом СССР, со сложной экономической ситуацией, с шоковым впечатлением от начатых реформ, подумали, что настало время вернуть власть. Они решили обвинить Ельцина в том, что тот своими указами «убил» КПСС, а значит — нарушил Конституцию СССР. Конечно, меньше всего коммунистов волновала реальная судьба партии. Просто своим демаршем они хотели подвести Ельцина под импичмент.

Нужно сказать, что настроения в обществе, переживающем трудные времена, качнулись в сторону оппозиции. Да и судьи Конституционного суда, которые все как один были членами КПСС, были настроены негативно — и к Ельцину, и к его указам. А посему для нашей стороны была очень велика вероятность дело в суде проиграть.

И вопрос стоял так: либо команда Ельцина защитит в Конституционном суде основные положения указов и Борис Николаевич сохранит свои позиции, либо дело будет проиграно в пух и прах, и это станет основанием для реального импичмента президента.

Коммунисты разработали довольно убедительный алгоритм: дескать, КПСС — это политическая организация, а раз Ельцин распустил

политическую организацию, то тем самым он нарушил конституционные принципы многопартийности и все, какие только есть, демократические права и свободы. Следовательно, пора его отправить с позором в отставку как правителя, нарушившего Основной Закон собственной страны.

Я видел всю ситуацию, наверное, лучше, чем кто-то еще, потому что на тот момент как вице-премьер курировал силовые структуры — и госбезопасность, и МВД. У меня каждый день на столе были оперативные сводки, которые давали точную картину настроений и в регионах, и в элитных кругах, и коллеги-юристы рассказывали о настроениях среди судей Конституционного суда. Поэтому я четко понимал: чтобы не допустить импичмента, требуется выстроить абсолютно безукоризненную тактику защиты.

К суду мы готовились на знаменитой шестой даче в поселке Архангельском, где во времена перестройки академик Абалкин⁶⁸, а затем Григорий Явлинский писали свои экономические программы.

Было много участников, было много эмоций. Я помню эти бессонные ночи, эти бесконечные поиски необходимой конструкции. Но надо отдать должное, президент Ельцин в этот раз не торопил, терпеливо ждал от меня решения. Только, помню, сказал: «Сергей Михайлович, думайте хорошенько. Очень нужны ваши мозги». Думал я, думал, а в результате пришло озарение, которое качнуло в нашу пользу всю ситуацию. Я решил, что нам ни в коем случае не надо судить идеологию.

Но в первый момент меня вообще никто не понял. Потому что кипели страсти, и горячие головы уверяли президента, что в суде нам надо не защищаться, а нападать. Все в один голос требовали превратить процесс в Нюрнбергский трибунал над коммунистической идеологией, над носителями этой идеологии, над Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Берией и всей историей партии. И соответственно, по итогам суда хотели ввести люстрацию, запрет на занятие государственных должностей для коммунистов и так далее. В общем, надеялись раз и навсегда вычистить страну от «метастазов коммунизма», а попутно убрать компартию и коммунистов с политической шахматной доски. Так что я со своим подходом оказался в жутком меньшинстве. Из тех, кто вместе со мной начал работать сначала над концепцией, а потом и над текстами наших выступлений для процесса, можно назвать только Андрея Макарова⁶⁹ и Михаила Федотова⁷⁰. Это люди, которые слышали голос разума. Даже Бурбулис до последнего момента стоял на очень жесткой идеологической и антикоммунистической позиции и со мной никак не соглашался.

Может, кто-то из моих коллег прочитает эти строки и скажет: «Вот кто не дал добить КПСС!» Ну, пусть будет так. Но надо понимать, что ситуация в стране на тот момент была такая, что добились бы мы в этом случае не КПСС, а самих себя вместе с Ельциным и тем большим делом, которое он начал.

Что, на мой взгляд, было не так в идее «суда над коммунизмом»?

Итак, предлагалось осудить советский коммунизм как идеологию, взяв за модель Нюрнбергский процесс. Я же считал, что ни в коем случае нельзя ориентироваться на Нюрнбергский процесс, где был осужден нацизм не только в лице проигравшей Германии и военных преступников, но и как идеология, которая сделала эти преступления возможными. Я считал, что такая аналогия была абсолютно некорректна и даже опасна как с правовой, так и с психологической точки зрения. Потому что граждане страны, спасшей мир от фашистской агрессии, были бы возмущены попыткой поставить знак равенства между нацизмом и компартией, которая была неотделимой частью истории Великой Победы.

И еще. Чисто юридически нацизм судили те, кто не имел к нему отношения, те, кто нацистами не являлся. А кто у нас мог бы с полным правом стать обвинителем коммунизма? Ельцин? Так он сам вышел из недр КПСС. Полстраны хохотало бы. Человек, который сделал всю свою карьеру, человеческую и профессиональную, в недрах партии, с помощью партии, вместе с партией, ну никак не мог быть обвинителем партийной идеологии. Можно обвинять людей, их действия, но не коммунистические идеи. Никто не поверил бы Ельцину и никому другому.

Кроме того, запрещать идеи — это глупость и самоубийство. Так всегда было в нашей истории: если в России что-то усиленно запрещают, именно эта идея очень быстро вызовет интерес, станет любимой, главной и востребованной при следующем цикле политической борьбы.

Плюс были соображения чисто процессуальные и даже, я бы сказал, режиссерского плана. Процесс в суде требует фактов, документов и состязательности. Где мы найдем серьезных адвокатов и юристов, которые могли бы с полным правом нас представлять и защищать? Ведь практически все профессионалы высокого уровня были членами КПСС, включая меня. Разве только среди свидетелей, пострадавших от коммунизма, не было коммунистов. А все остальные участники процесса — судьи, истцы, ответчики — были коммунистами. Это был бы театр абсурда, просто сюрреализм какой-то.

В итоге Ельцин все-таки выбрал мою концепцию защиты. И думаю, потому, что она выглядела беспроблемной. Я исходил из того, что раз все судьи настроены против Ельцина и против его указов, то мы должны представить такую убийственную логику и такого качества документы, что ни один нормальный человек просто не сможет сказать «нет».

Поначалу у меня не все юридически четко складывалось, а потом вдруг как-то разом выкристаллизовалась вся схема. Я просто пошел «по букве» советской Конституции. Что там было написано?

А там было написано, что вся власть в СССР принадлежит народу, который осуществляет ее через Советы народных депутатов, коим подконтрольны и подотчетны все другие государственные органы. А про КПСС сказано, что она — руководящая и направляющая сила. То есть

не власть. Более того, в редакции 1990 года и такой формулировки уже не было[49].

Значит, нам надо было заявить, а потом убедительно доказать, что КПСС (вернее, не вся КПСС, не рядовые коммунисты, а партийная верхушка) присвоила (здесь важен именно термин) себе государственную власть.

Вот если бы в Конституции СССР было записано, что государственная власть принадлежит КПСС, а партия ее осуществляет через Советы, через какие-то другие органы, то юридически было бы всё безупречно. С такой формулировкой нельзя было бы и мысли допустить, что КПСС присвоила себе государственную власть. А без нее получалось, что по Конституции государственная власть — это все-таки Советы народных депутатов, правительство, суды и так далее, а никак не генеральный секретарь ЦК КПСС со товарищи.

То есть в основе моей концепции был всего один тезис: власть записана за Советами, а осуществляет ее коммунистическая партия. И я сказал: нам в суде надо только эту очевидную для всей страны и понятную всем людям вещь поставить во главу угла. Вот это наша генеральная линия, и ее надо доказать. Доказать, кстати, оказалось не так чтобы просто. Потому что одно дело — знать, а другое дело — предъявить документы. И мы где-то месяца два потратили на рассекречивание всех архивов. Главный среди них — это (так и называется) «Особая папка ЦК КПСС», где хранились секретные материалы заседаний политбюро.

И когда мы эти документы откопали, начала почти круглосуточно работать комиссия по их рассекречиванию. Мы нашли решения политбюро ЦК КПСС по финансовым вопросам, по военным вопросам; экономические решения, которые не оформлялись постановлениями Совета министров СССР, даже форму не обретали, хотя бы псевдоюридическую. Партия решала все вопросы государственного уровня, те, которые должны решать парламент, правительство, суды и так далее. И мы по каждой ветви власти выкладывали эти документы: решение политбюро — направить войска в Афганистан; решение политбюро — перечислить деньги коммунистам Анголы (государственные, бюджетные деньги, не взносы членов КПСС); решение политбюро — вынести судебный приговор Буковскому... И было четко видно, что получается присвоение государственной власти партийной верхушкой. Я до сих помню тот шок, то оцепенение от услышанного, что охватило всех присутствующих в зале.

В заключительном слове я специально проводил линию: рядовые коммунисты тут ни при чем. Получается, что их именем прикрывались неприглядные дела партийной верхушки. То есть рядовые партийцы, как и все граждане страны, по сути — потерпевшие. Так нам удалось оторвать массовую базу КПСС от партийной элиты. В результате по всем пунктам ходатайства коммунисты нам проиграли.

В мотивирующей части своего постановления от 30 ноября 1992 года Конституционный суд Российской Федерации написал так:

«Установление того факта, что руководящие структуры КПСС и КП РСФСР осуществляли на практике вопреки действовавшим конституциям государственно-властные функции, означает, что роспуск их правомерен и восстановление недопустимо».

Однако коммунисты до сих пор подают как победу в суде тот пункт, что коммунистическая идеология как идея не стала предметом запрета. Но мы и не ставили перед собой такой задачи. Более того, мы как раз из этого и исходили. Мы подчеркивали, что не отбираем у людей, победивших во Второй мировой войне, идею, ради которой они воевали и гибли, не судим идею, с которой они строили будущее, возрождали страну.

Почему я об этом так подробно пишу? Да потому, что в решении Конституционного суда именно эти наши позиции — идеологию никто не запрещал и не собирается запрещать, первичные организации КПСС ни в чем не виноваты — занимают видное место. Конституционный суд был просто вынужден об этом написать.

А еще товарищи Зюганов, Полозков и иже с ними, конечно, в курсе одной важной детали, но предпочитают помалкивать: не хотят афишировать, что компартия РСФСР не является правопреемницей КПСС.

У меня была такая линия защиты. Давайте мы допустим и согласимся, что КПСС — это все-таки общественная организация, нормальная партия. Тогда возникает вопрос: что говорит законодательство СССР об общественных организациях и партиях? А закон СССР 1989 года говорит, что любая общественная организация, включая партийную, является общесоюзной в том случае, если ее структуры действуют в большинстве союзных республик. Республик в СССР, как известно, пятнадцать. А большинство в этом случае — восемь. Но позвольте, на момент принятия Ельциным указа от 6 ноября 1991 года КПСС уже не имела практически ни одной легально действующей союзно-республиканской организации. И это подтверждается вот такими-то документами.

И я судьям говорил: «Коллеги, вот закон. Вы хотите быть формальными юристами? Так давайте будем формальными юристами». В законе написано «в большинстве», то есть как минимум в восьми. Вот вам таблица, где указано, была ли в союзной республике на момент издания указа партийная организация или нет. А организаций, оказывается, к тому времени и не осталось. Где Верховный Совет запретил, где сами распустились по призыву Михаила Сергеевича.

Ну и где тогда эта организация, которую Ельцин запретил своим неконституционным указом? Нельзя запретить организацию, которой нет. Именно поэтому для судей было легко написать, что раз КПСС уже не было, то КПРФ не является ее правопреемницей. Всё, точка.

А что особенно важно и мне лично как юристу приятно, так это то, что в решении суда записано, что именно неконституционное, незаконное

присвоение власти и стало причиной распада и юридической дисквалификации КПСС. Причем мы не настаивали на такой формулировке — это суд уже сам сделал, и, похоже, с удовольствием. Мол, дорогие коммунисты, вы сами себя похоронили, поэтому не надо валить с больной головы на здоровую.

Кстати, во время этого серьезного суда был один смешной случай.

Против президентской стороны от коммунистов выступали три партийных тяжеловеса — лично товарищ Зюганов Геннадий Андреевич, товарищ Рыбкин Иван Петрович и товарищ Исаков Владимир Борисович. Плюс еще несколько статусных коммунистов изображали античный хор за кулисой. И вот решил этот коллективный разум, что если не можешь противостоять аргументам, значит, надо дискредитировать противника — вырубить ключевую фигуру в президентской команде, то есть меня.

И где-то недели через три после начала слушаний Иван Петрович Рыбкин вышел на трибуну и трагическим голосом провозгласил: «У нас есть информация, что представитель президента Шахрай в нарушение закона скрыл, что имеет дачу, точнее — целое поместье в Зальцбурге, в Австрии. Вот мы и интересуемся, и спрашиваем уважаемых судей, как можно с такими моральными и юридическими качествами участвовать в процессе в Конституционном суде нашей великой Родины?»

И еще паузу такую долгую взял, чтобы сверлить меня скорбным и презрительным взглядом. Ну, думаю, у нас тут уже пошел не суд, а какой-то «Театр» Сомерсета Моэма, вернее антреприза в Вышнем Волочке.

Вдобавок после такого эффектного заявления товарища Рыбкина коммунисты прямо не волну, а цунами в прессе подняли: ну как же, у Шахрая, оказывается, дворец в Зальцбурге. Честно скажу, что сначала я растерялся. Вроде просчитал все ходы и сценарии, но что в итоге придется отдуваться за какую-то мифическую собственность, совершенно не ожидал.

Правда, быстро взял себя в руки, выдохнул и успокоился. А на следующем заседании тоже сделал публичное заявление: «Да, ситуация для меня, конечно, неприятная. Собственности у меня в Австрии нет, но ведь на слово мне никто не поверит. А потому перед лицом суда я торжественно клянусь, что, если Иван Петрович передаст мне ключи от моего дома в Зальцбурге, я немедленно выйду из процесса». И тут Рыбкин завис. Это была уже не театральная пауза Джулии Ламберт, которую, по Сомерсету Моэму, требуется тянуть, а обычное молчание, когда у человека просто нет слов, чтоб ответить.

Суд хмыкнул, а журналисты при всяком удобном случае стали приставать, не передал ли мне Рыбкин ключи от моего австрийского дома. Приходилось их постоянно разочаровывать.

Но параллельно я через нашего посла отправил в муниципалитет Зальцбурга официальный запрос — попросил австрийцев проверить реестры и прислать мне справку, есть ли у гражданина России по имени Сергей Шахрай какая-нибудь недвижимость в их стране. Ждал, надеялся — а вдруг прав Иван Петрович? Может, родственники какие наследство оставили? Но естественно, дома в Зальцбурге у меня не оказалось. О чем бумагу я официальную получил и суду в нужный момент представил.

Времени, конечно, немного потеряли, но суд все равно пришел к логическому концу. Так и выжил указ Ельцина. И сам президент РСФСР, соответственно, тоже. И это была такая точка бифуркации: ведь в тот момент — в зависимости от вынесенного вердикта — страна могла быстро покатиться назад.

Но, знаете, что во всем этом самое удивительное? Что об этом даже никто не думает и за знаковое событие не считает. А это был вопрос принципиальный и судьбоносный для России. Ведь в случае нашего проигрыша импичмент Ельцину был бы гарантирован. Отстранили бы, как в свое время Никиту Хрущёва. Коммунисты хотели реванша, и начинали именно с этой мыслью. Хотели себе всё вернуть, все утраченные блага.

Огромные — для партийной верхушки, приличные — для партноменклатуры рангом пониже. Это и имущество, и посты, и высокая зарплата, и прочие привилегии. Так что союзников у затеи с судом против Ельцина было много. Коммунистов еще оставалось миллионов четырнадцать — целая армия. Хорошо, что из этих миллионов аппарат составлял лишь малый процент, номенклатуру со всеми их служебными пайками.

А на деле номенклатура — это то, что погубило и партию, и страну. Элита выродилась и пожрала самое себя, поскольку не было никакой политической конкуренции. И кстати, такая опасность никуда не исчезла. И опять вспоминаются слова незабвенного Виктора Степановича Черномырдина: «Какую партию у нас ни строй, все равно получается КПСС».

ЯДРО НОВОЙ СБОРКИ

Как Татарстан чуть не стал третьим в союзе России и Беларуси

Страшно подумать, но уже тридцать лет прошло с момента распада СССР. Считай, полжизни без Союза.

Меня постоянно обвиняют, что я чуть ли не лично развалил СССР, хотя было всё ровно наоборот. А после того, как мы остановили полный распад, создав СНГ, я постоянно работал на интеграцию. Еще весной 1992 года я подготовил проект конфедеративного соглашения. В апреле 1994 года он был внесен в Государственную думу, но поддержки не нашел.

Кстати, в Конституцию 1993 года мы с Сергеем Сергеевичем Алексеевым записали статью 79 как основу для будущей реинтеграции. Там написано так: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации». То есть наша Конституция не содержит никаких препятствий даже для восстановления СССР, точнее — для вступления России в новый Союз Государств на территории постсоветского пространства.

А потом возникла идея создать ядро, вокруг которого должна была начаться пересборка, — из России и Беларуси. Спустя пять лет после Беловежских соглашений, 2 апреля 1996 года был подписан Договор об образовании содружества России и Беларуси. А ровно через год — 2 апреля 1997 года был принят договор о Союзе России и Беларуси.

На мой взгляд, историю особых отношений России и Беларуси нельзя рассматривать без отрыва от контекста того времени. Это были первые годы существования Содружества Независимых Государств, когда проявили себя многие возможности и многие проблемы. Это было время, когда самым активным образом обсуждались возможности и шансы реинтеграции на бывшем постсоветском пространстве.

Я помню, как много тогда было дискуссий на этот счет. Причем мнения были порой прямо противоположные.

На одном конце спектра были мечты о восстановлении прежнего СССР практически в полном объеме. На противоположном конце — попытки сделать СНГ еще более аморфным, ни к чему не обязывающим образованием.

Посредине были более приближенные к реалиям варианты, которые многократно обсуждались не только на уровне межгосударственных конференций, но и на уровне глав государств СНГ.

В основном это были модели создания прочного ядра реинтеграции внутри СНГ из нескольких готовых к более тесным взаимоотношениям государств. В числе таких идей можно назвать различные проекты Евроазиатской конфедерации, Славянского союза и так далее. Сейчас мы активно занимаемся другим проектом — Евразийским экономическим союзом. Но смысл тот же — реинтеграция.

В любом случае 1996 год — это было время, когда развеялись многие прежние иллюзии по поводу взаимоотношений с бывшими соседями

по СССР, и одновременно сложились вполне конструктивные общие позиции по вопросам реинтеграции на постсоветском пространстве.

Назову несколько моментов.

Стало очевидно, что в экономической сфере на территории бывшего СССР стали активно восстанавливаться связи — как снизу (завод с заводом, регион с регионом), так и сверху (создание таможенных союзов, заключение и реализация экономических соглашений о развитии межгосударственной интеграции). Чтобы поддержать эти процессы, потребовалось всерьез заняться такими практическими вещами, как, например, сближение принципов правового регулирования в экономике, банковском деле, торговой и таможенной сфере государственных участников.

К началу 1996 года стало абсолютно ясно, что вопрос о создании какого-то нового союза вместо СНГ или отдельно от СНГ является достаточно проблематичным как с организационно-правовой, так и с политической и экономической точек зрения.

Самое главное, стало очевидно, что процесс возможного образования более тесного, чем СНГ, союза государств на территории бывшего СССР будет долговременным, а из-за разной степени готовности государств СНГ к новым отношениям — еще и многоступенчатым. То есть вначале может быть создано ядро новой интеграции, к которому постепенно будут (либо не будут) присоединяться другие государства.

Именно эта модель оказалась ближе всего к реальности. И первую степень к этой новой интеграции создали именно Россия и Беларусь.

Но, как водится, тут же начались критика и сомнения. По большей части речь шла о юридической стороне вопроса: что такое «содружество»? Как это соотносится с национальными конституциями? Как с международным правом? И так далее.

Но наша депутатская группа «Российские регионы» сразу поддержала этот документ и фактически первой поставила вопрос на пленарном заседании Госдумы о его ратификации^[50]. Потому что для меня главным было то, что после этих страшных центробежных тенденций, которые разорвали СССР, Ельцин и Лукашенко сделали первый реальный шаг к более глубокой интеграции.

Так я воспринимал Договор о создании содружества России и Беларуси в 1996 году. И мое мнение не изменилось.

Именно поэтому я самым активным образом включился в подготовку Договора о Союзе России и Беларуси, где мы очень много работали именно над юридической стороной вопроса.

Помнится, был такой сложный момент. Татарстан, который тогда по-прежнему считал себя самостоятельным государством, заявил, что желает быть еще одним полноправным участником Союза. Чтобы республика опять не обиделась и не начала сепаратистские демарши,

надо было как-то очень дипломатично урегулировать этот момент. Как учил Виктор Степанович Черномырдин: так сказать «нет», чтоб тебя потом еще и поблагодарили.

Мы с коллегами немножко поломали голову, а в итоге в статье 7 появилась формулировка, что договор, конечно, открыт для присоединения, но только для государств, являющихся субъектами международного права. Условно говоря, для тех, у кого есть свое место в ООН. Татарстан таковым не был, а потому Договор о Союзе Россия и Беларусь подписали «на двоих».

Потом я еще много лет получал большое удовольствие, когда в наших международных аэропортах проходил паспортный контроль через специальное окно с надписью «Для граждан Союзного государства», ведь это — напоминание о тех далеких днях и моей собственной истории.

Как я заложил правовые основы для возвращения Крыма

Часто спрашивают: почему в Вискулях мы сразу не поставили вопрос о Крыме, не вернули его себе?

А на самом деле, может, я один из немногих, а то и единственный, кто как раз тогда думал об этом, потому что родился в Крыму. Но проблема была в том, что крымские депутаты вместе со всей Украиной проголосовали 1 декабря 1991 года за независимость.

Мне казалось, что при подготовке Соглашения о создании Содружества я заложил очень правильную и полезную для России и Крыма норму в 5-й статье: о том, что границы между новыми государствами признаются, пока они находятся в составе СНГ. Если выходишь из СНГ — границы становятся предметом обсуждения и будущих договоров. Это означало: если Украина уходит из СНГ, только тогда открывается вопрос Крыма и процесс длительных переговоров о его судьбе с Россией (формально Украина до сих пор находится в составе СНГ). Меня, кстати, за это потом украинские националисты чуть не придушили. У них тогда посол был такой радикальный националист, наезжал на меня страшно.

Но к моему глубокому сожалению, буквально через год или полтора между Россией и Украиной был подписан двухсторонний договор, в котором административная граница признавалась государственной, то есть норма, заложенная в Соглашении об СНГ, была быстро похоронена.

Я был тогда глубоко разочарован и предложил два практических варианта решения проблемы. Первый — это подписание договора о разграничении полномочий. На тот момент у нас был тяжелейший конфликт между Москвой и Казанью, и в 1994 году был подписан договор о разграничении полномочий. Смысл простой: никто не делит суверенитеты, не дискутирует о Конституциях, но с помощью предельно

прагматичного документа обеспечивается баланс интересов сторон, прежде всего в социально-экономической сфере. Эта модель разрешения конфликта не индивидуальная, не разовая. Она полностью подходит для урегулирования отношений Испании и Страны басков, Великобритании и Шотландии, других схожих ситуаций, когда часть единой страны заявляет о своем желании выйти из ее состава. Эту же конструкцию я предлагал для Киева и Симферополя, передавал документы через Виктора Степановича Черномырдина, который был нашим послом на Украине. Правда, безрезультатно. Сейчас, мне кажется, такое же «лекарство» могло бы сработать для нормализации отношений Киева и Донецка, Киева и Луганска.

Еще раз повторю свою формулу: суть модели состоит в разграничении полномочий в неконфликтных сферах, представляющих насущные совместные интересы. Неразрешимые на данный момент остро конфликтные вопросы не затрагиваются, откладываются на будущее. Это определяет и содержание и форму соглашения.

Второй сценарий такой: вопрос суверенитета Крыма оставить будущим поколениям, а его территорию объявить свободной экономической зоной или зоной свободной торговли для обеих стран. В начале 1990-х я даже написал типовой закон, предполагавший налоговые и иные преференции на территории Крыма, который мог одобрить как наш Верховный Совет, так и Верховная Рада Украины. Если бы это было сделано, то Крым стал бы не яблоком раздора, а курицей, несущей золотые яйца. Не знаю, почему тогда это не было услышано, а сейчас какой смысл об этом говорить?

Но я уверен, что, когда острота конфликта пройдет, именно эта технология пригодится для примирения. Что бы ни говорили на Западе, референдум о присоединении Крыма к России прошел честно, с «вежливыми людьми» или без, но крымчане голосовали искренне. Это было реальное народное волеизъявление. Тем не менее Украина считает Крым своим. Так давайте будем просто прагматичными: оставим в стороне вопрос о суверенитете, перейдем от глобальной стратегии к тактике реальных дел и снова попробуем превратить Крым в курицу, несущую золотые яйца.

Но, увы, пока это только мои мечты. Насколько я знаю, у нас в стране эту модель сейчас никто всерьез не рассматривает. Видимо, считают, что всё само собой рассосется. Нет, не получится. Само собой ничего не происходит, сами собой такие проблемы не решаются. Ими надо заниматься со всей серьезностью и ответственностью перед будущим.

А если подумать, это же так здорово: «свободная экономическая зона Крым»! Это значит, что мы все вместе делаем деньги. Для Крыма их делаем, для России их делаем, для Украины их делаем. Для всех нас. А где деньги взять? Да хотя бы начать с тех пятнадцати миллиардов долларов, которые китайское правительство в свое время собралось дать Януковичу, но фактически так и не выдало. Вот вам и первые

инвестиции. А там и Евросоюз подтянется, и США. Все просто развивают экономику и делают деньги. Транспортная инфраструктура, туризм, сельское хозяйство, новый Шелковый путь... Да всё, что захочешь. И эти инвестиции никому не помешают. Абсолютно. И люди оценят и будут довольны, потому что это зарплаты, рабочие места, хороший уровень жизни.

Очень хочу, чтобы меня слышали, поэтому повторю: проблему Крыма можно решить с выгодой для всех сторон. И это решение — создание свободной экономической зоны. Но понятно, что политически и психологически предложить эту модель должны не Россия и не Украина, а кто-то третий — авторитетный для обеих сторон.

Если пофантазировать, то почему бы Евросоюзу не сказать: коллеги, давайте вы отложите свои принципиальные разборки лет на пятнадцать, а пока создадим свободную экономическую зону. Мы, Евросоюз, ее профинансируем, а вы — Россия и Украина — примете два зеркальных закона и заключите между собой договор. Есть ненулевой шанс, что и Путин, и Зеленский могли бы обдумать такое предложение и согласиться.

У меня всё уже написано — и модельный закон, и совместный договор. Если дело пойдет, надо будет просто освежить детали. А чтобы националисты и радикалы с обеих сторон не попытались сорвать процесс, нужно всю эту ситуацию решать под международные гарантии. И тогда никто никого не обведет вокруг пальца. Создать оргкомитет, банковскую структуру, схему прохождения счетов. Так потихоньку и поедет застрявшая в тупике телега...

Эх, был бы жив Жак Ширак, я бы ему эту идею подарил.

КАК Я ФЕДЕРАЦИЮ ОБУСТРАИВАЛ

Такая уж моя судьба, что все шишки сыплются на меня: дескать, сначала СССР развалил, потом Россию — со своими договорами о разграничении; старую Конституцию из танков расстрелял, а потом, видимо, все эти танки в Чечню ввел... В общем, если по части экономической «во всем виноват Чубайс⁷¹», то за все остальное, видимо, винить надо Шахрая, включая взятие Казани и беременность императрицы Анны Иоанновны.

А по факту всё ровно наоборот: СНГ на месте СССР создал, Конституцию написал, «парад суверенитетов» в России остановил (в том числе теми самыми договорами), для Чечни политические решения нашел и даже итоги приватизации подвел — только вот какие-то умники в последний момент отсоветовали постановление по этой теме в Госдуме принимать,

а так бы были лишние деньги в бюджете от того, что олигархи поделились бы с народом своей «прибылью, принесенной ветром».

Думаю, что одна из причин во всем виноватить Шахрая — это то, что я часто был против тех решений, за которые многие, включая моих соратников, держались обеими руками. Вроде бы как так: мы вместе в президентской команде, а ты вдруг против, да еще и вслух критикуешь? Где же твоя корпоративная этика?

А я себя членом чиновничьей корпорации никогда не считал. Раз я государственный служащий, значит, служу государству. И если решения несут риски государству — его целостности, его будущему, его стабильности, то я не могу соглашаться и молчать только потому, что коллеги или старшие начальники уже всё решили, а потому «принятое решение не обсуждается».

Нет! Обсуждается!

Как Уральская республика помогла сохранить Свердловскую область и устроить федерацию по территориальному принципу

Так вышло, что в 1992 году я был, пожалуй, чуть ли не единственным, кто выступил против Федеративного договора[\[51\]](#). Причем в буквальном смысле слова — с трибуны.

Напомню, что идея заключения Федеративного договора возникла еще в период подготовки договора о Союзе Суверенных Государств для того, чтобы сдерживать рост сепаратистских настроений российских автономий. Я уже не раз писал, что руководство СССР во главе с Горбачёвым пообещало автономным республикам, что они будут переучреждать новый Союз, подписывать новый Союзный договор наравне с республиками СССР. Это грозило фактическим распадом России.

В ходе Ново-Огаревского процесса российскому руководству удалось добиться решения, что республики в составе РСФСР будут подписывать Союзный договор в рамках единой российской делегации. Но ценой этой уступки стало согласие с требованием автономий принять Федеративный договор как подобие нового Союзного договора внутри России.

По логике, эта договоренность должна была утратить актуальность после распада СССР. Но сепаратистские тенденции внутри России уже набрали огромную инерцию, а поэтому субъекты федерации стали снова требовать заключить Федеративный договор, на этот раз — чтобы переучредить на своих условиях не СССР, а Россию.

Я считаю выступление против Федеративного договора одной из лучших моих речей на пленарных заседаниях в Совете национальностей. Там я поставил вопрос, что называется, ребром: «Нет Союзного договора, он

прекратил действие в 1936 году. Почему надо сейчас подписывать Федеративный договор, причем по отдельности с группами субъектов?»

И когда проект с Федеративным договором все-таки реализовали, то единогласно не получилось. Татарстан этот документ не подписал, Чечня не подписала, а Башкортостан подписал отдельным протоколом, с огромными оговорками. И в итоге получилось, что Федеративный договор не помог удержать единство России, а, наоборот, создал кучу проблем и внутренних противоречий, которые мы потом долго-долго расхлебывали. Федеративный договор настроил одни субъекты федерации против других, обидел края и области, заставил их объединиться против республик и автономий. Вместо укрепления единства — эскалация внутреннего напряжения. И все эти проблемы проявили себя в 1993 году, во время работы Конституционного совещания.

Обсуждался проект Конституции, который подготовили мы с Сергеем Сергеевичем Алексеевым. Работа Конституционного совещания проходила по нескольким группам, или, как мы их называли, палатам. Я вместе с Виктором Николаевичем Степановым⁷² и Анатолием Степановичем Тяжловым⁷³ отвечал за «палату регионов» — группу, куда входили представители органов государственной власти республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга^[52]. И вот у нас ежедневно происходили самые бурные дискуссии по проблемам суверенитета, автономии, по статусу автономных образований внутри краев и областей. В общем, искрило постоянно. Да так, что почти горело. Собирались бесконечно всевозможные рабочие группы и с ночи до утра заседали. Обсуждалась важнейшая тема — знаменитая статья, получившая номер 5 в Конституции Российской Федерации 1993 года, где всё написано про федеративное устройство и статусы республик, краев, областей и прочих, как нынче мы говорим, субъектов Российской Федерации.

Представители автономий к микрофону выходили один за другим. Понятно, что они как-то скоординировали свои действия. Требовали повышения статуса, расширения прав и полномочий.

Как ни странно, особенно активно вели себя представители обычно спокойных субъектов — Северной Осетии, Хакасии, Карелии. А крупняк вроде Татарстана и Башкортостана все больше тихо сидел и наблюдал. Иногда, конечно, их представители тоже выступали, но чинно так, с оглядкой. А вот остальные административные единицы, выделенные на основе национально-территориального принципа, так те просто рубашки на себе рвали в клочья, утверждая, что надо записать в Конституцию право нации на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Это, по их мнению, и был суверенитет, который в нашем родном государстве в главном документе, по которому будет жить страна, должен быть записан.

Но было понятно, что после развала СССР в Конституции никакого права наций на самоопределение, никакого права на сецессию (свободный выход) быть не должно. Как специалист, я был твердо убежден, что в противном случае эта мина замедленного действия обязательно будет взрываться при любом ослаблении центральной власти. Мне казалось, что любой, у кого на глазах только что распался Советский Союз, увидел и понял эту опасность, а потому тему «самоопределения вплоть до отделения» никто поднимать не будет.

Но я ошибся.

К счастью, в этот момент Эдуард Эргартович Россель, губернатор Свердловской области, решил: а чем он со своим огромным регионом хуже, чем национальные республики? На его территорию по площади три Татарстана входит, а если брать Чечню или Кабардино-Балкарию, так целая дюжина. В общем, после очередного заявления одной из кавказских делегаций о том, что в Конституции для республик нужно сохранить суверенитет, особый статус и право свободного выхода, Россель поднял из-за стола свою делегацию и говорит: «Хватит! Мы не хотим больше терпеть этот натиск национальных республик. Мы уезжаем». И уехали.

После чего тут же объявили о создании Уральской республики, ее конституции, губернаторе и так далее. Мы в центре знали, что такие идеи давно ходили в Свердловской области: у Росселя даже были уже напечатаны за рубежом свои уральские франки, говорят миллионов пять, но политически республика была провозглашена 1 июля 1993 года.

Думаю, что Эдуард Эргартович, наблюдая все эти «разборки» в центре, конфликт властей, опасался худшего и готовился в случае чего отгородиться границами Свердловской области. Сказал бы тогда: «Разбирайтесь сами. Все свободны — и я свободен. Я здесь — великий князь Уральской республики. Ко мне без спросу не входите!»

Но по факту он сыграл на руку федеральному центру, потому что его демарш стал отрезвляющим холодным душем для всех участников Конституционного совещания: «Ребята, хватит разводить все эти права на суверенитеты и свободный выход, давайте сохраним Россию». В этом плане история с несостоявшейся Уральской республикой оказалась полезной для всех. В том числе, как ни странно, и для самого Росселя, который всегда был умным человеком. Он сначала пострадал — Ельцин его буквально сразу отстранил от должности главы администрации, а спустя некоторое время восстановил, потому что Борис Николаевич зла на своего земляка не держал — понимал, что просто ситуация так сложилась. А дальше Свердловская область пошла по пути цивилизованного юридического разграничения полномочий, и, кстати, договор с ней от 1996 года получился очень грамотным, сильным документом. Решали чисто экономические вопросы, разумно, четко. Не зря же область всегда была регионом-донором.

А самое главное, что благодаря демаршу Росселя нам удалось решить еще одну проблему — уйти от советской, еще сталинской схемы, в которой субъекты федерации имели разный уровень: самый высокий статус был у национальных республик, чуть пониже — края и области и совсем скромненький — у автономных округов и автономных областей. Мы решили, что названия пусть остаются разные, но статус будет один — равный республикам, в том виде, как он записан в Федеративном договоре. Важно, что так нам удалось уйти от старого, национально-территориального принципа построения федерации. И в итоге родилась пятая статья Конституции, а за ней и шестьдесят шестая, где эти все механизмы были прописаны. И Россия впервые стала федеративным государством, основанным на территориальном принципе.

Как я тайно похоронил Федеративный договор на самом видном месте

Сколько я ни объяснял президенту и его соратникам, что Федеративный договор — палка о двух концах и стратегические риски от него больше, чем сиюминутная политическая выгода, все-таки этот документ был подписан. Мало кто помнит, что Федеративный договор — это не один документ, а целых три. Один договор — отдельно для республик, другой — для краев и областей, а третий — для автономных округов и автономной области. Отличались они, пожалуй, только объемом перечисленных полномочий. Все эти акты были торжественно подписаны в Георгиевском зале Кремля 31 марта 1992 года.

И что характерно, каждая сторона по-своему понимала цель и смысл этого документа. Для федерального центра, как я уже говорил, это был способ хоть как-то приглушить остроту кризиса с внутрироссийским «парадом суверенитетов», чтобы хватило сил заниматься другими кризисами — с Конституцией, экономикой и двоевластием. Для одних региональных руководителей, в основном краев и областей, — договор был способом закрепить новую, отличную от советской систему федеративных отношений в России. Для других — способом реализовать свои претензии на особый статус и даже попытаться стать соучредителями новой Федерации, раз уж не удалось в 1991 году вместе с союзными республиками переучредить Советский Союз.

Депутаты съезда в целом не очень понимали эти тонкости. Для большинства из них Федеративный договор был чем-то вроде инструмента для прекращения «парада суверенитетов», попыткой снизить напряженность и неопределенность в ситуации, когда надо было строить новое государство.

В итоге для подписания Договора за одним столом собрались представители практически всех субъектов Российской Федерации, кроме делегаций Чечни и Татарстана. Увидев это, делегация Башкирии тоже отказалась подписывать договор «как все» и вытребовала себе

специальный протокол. По сути, это был документ конфедеративный или даже сепаратистский. Таким был финал многомесячной дискуссии о Федеративном договоре как документе, призванном оформить новые отношения внутри России.

Я принимал активное участие во всем этом процессе как председатель Комитета по законодательству и член Президиума Верховного Совета РСФСР. И с самых высоких трибун Верховного Совета и съезда пытался убедить всех, что подписывать Федеративный договор не следует, потому что юридически он означает учреждение какого-то нового государства. А Россия — это не вновь созданное образование, она была, есть и будет все той же Россией, которую никто не вправе переучреждать.

Я говорил, что мы, напротив, должны подчеркивать преемственность российской государственности и говорить, что мы остались самими собой, что у нас только меняются некоторые принципы государственного устройства. Но, увы, я со своей позицией остался в меньшинстве.

А Хасбулатов, от которого в процессе решения данного вопроса очень многое зависело, использовал работу над Федеративным договором как способ укрепления своей личной власти. И, нужно отметить, он просто гениально этим воспользовался: привлек на свою сторону и представителей ряда республик, и своих заместителей в президиуме Верховного Совета — приличных и умных людей, которые, не понимая политической и правовой сути происходящего, стали с его подачи апологетами Федеративного договора.

Апофеозом этого всего стало то, что Федеративный договор не просто подписали, но включили как неотъемлемую часть в действующую на тот период Конституцию РСФСР 1978 года. Многие тогда увидели в этом историческую параллель с 1924 годом, когда Договор об образовании СССР тоже был частью первой Конституции СССР. И ситуация стала, как я и предсказывал, стремительно ухудшаться. Вместо того чтобы как-то заморозить конфликт с руководством субъектов, Федеративный договор создал у них впечатление, что — ура! — мы учреждаем с нуля новую Россию. А значит, вправе торговаться с Ельциным и правительством, причем в тот самый момент, когда резко обострились отношения с Верховным Советом. Дескать, хотим — объединимся в Россию, не хотим — не объединимся. Вроде как у нас была феодальная раздробленность, а тут вдруг решили сделать такой подарок центру, но не просто так, а за всякие-разные преференции и политические уступки. На мой взгляд, всё это выглядело как безумие и массовое политическое помешательство.

Потом начался сентябрь 1993-го, и стало, мягко говоря, не до Федеративного договора. А вот когда мы финишировали с проектом ныне действующей Конституции, то обойти этот вопрос или просто не заметить уже было нельзя. И тогда мы с Алексеевым придумали изящный юридический ход, который по факту похоронил Федеративный

договор, как и любые попытки субъектов выломиться из состава России на его основе.

Причем хоронили мы этот акт с Сергеем Сергеевичем торжественно, с почетом и на самом видном месте — в первой главе Конституции под названием «Основы конституционного строя», которая не подлежит изменению и пересмотру. Следуя старой мудрости о том, что листок надежнее всего прятать в лесу, а травинку — в стоге сена, мы записали в часть 3 статьи 11 формулировку о том, что разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов «осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий».

А потом в самом конце Конституции, в «Заключительных и переходных положениях», до которых мало кто дочитывает, указали, что если какие-то нормы Федеративного договора (вернее, всех трех, мы тщательно перечислили их названия) не соответствуют новой Конституции, то в этом случае действуют нормы Конституции Российской Федерации. Но поскольку в Федеративном договоре не осталось норм, соответствующих новой российской Конституции, то по факту он перестал действовать. Остался политическим и историческим артефактом.

Еще мы добавили две вещи. Во-первых, если в Федеративных договорах у субъектов «разного уровня» были разные перечни полномочий, то в Конституции, в ее статьях 71, 72 и 73, мы все унифицировали: сделали так, чтобы у российских субъектов были одинаковые предметы ведения и полномочий — такие, какие были записаны за республиками. То есть полное равенство.

Во-вторых, сделали так, чтобы не было чисто текстуальных совпадений. А это значит, что формулировка о действии Федеративного договора в части, не противоречащей Конституции, на самом деле означает одно: он не действует. Кстати, если идти от обратной логики, то получается, что положения Федеративного договора работают, только если они одинаковы с положениями Конституции. Но если они одинаковы, то зачем, спрашивается, нужен Федеративный договор?

Для верности мы вбили еще один «осиновый кол» в виде упоминания о том, что, помимо Федеративного договора, центр и субъекты могут распределить свои полномочия и «иными договорами». То есть — не в общей массе, а индивидуально. И вот с этого момента у центра появился серьезный инструмент для активной политической игры с регионами, потому как договоры мы смогли использовать, с одной стороны, для умиротворения политических appetitов особо амбициозных президентов и губернаторов, с другой стороны, для решения экономических вопросов — если в казне нет денег, дай больше свободы. Но об этом я подробнее расскажу чуть дальше.

Федерализм вместо денег, или Черномырдинские «50 × 50»

Федерализм — это еще одна тема, которая сопровождает меня всю жизнь и как практика, и как ученого (я даже докторскую диссертацию написал по федерализму) [\[53\]](#). Поэтому смотрю я на состояние дел с федеративными отношениями как бы с двух колоколен сразу: какие возможны модели в теории и какие есть возможности на практике.

Я всегда говорил, что не бывает абстрактного федерализма, абстрактного разграничения полномочий, как говорится, раз и навсегда. В зависимости от ситуации абстракция наполняется тем или иным реальным, конкретным содержанием. Когда федеральная казна пуста — федерализм становится более осязаемым, тогда разграничение полномочий выгодно обеим сторонам. Регион берет себе больше прав, но и, соответственно, больше обязанностей, а центр частично разгружает свои обязательства и свою казну, потому что ему нечем платить за эти обязательства. Но при этом он передает часть ответственности главе региона: ему же с избирателями работать, а значит, объяснять все проблемы — где пенсии, где зарплаты. Это постоянный процесс. Причем отношения между центром и регионами всё время должны обновляться, подстраиваться под решение задач разного уровня. А позиция продавщицы из советского гастронома, которая кричала на очередь «Вас много, а я одна!», давно не актуальна. Хотя, конечно, в последние годы стало модно регионы равнять под одну гребенку. Но я точно знаю, что только адресный, индивидуальный подход к регионам способен вытащить страну из очередных экономических, финансовых, социальных проблем. Сейчас, когда я пишу эти строки, а на дворе 2021 год, я все жду, что очень скоро из-за падения цен на нефть, из-за санкций Запада, из-за утраты доверия между властью и бизнесом лозунг федерализма снова будет взят на вооружение.

Дальше расскажу, почему у нас с федеративными, как и с национальными отношениями не всё было гладко, а сейчас вспомнился короткий эпизод, как наука спасовала перед практикой.

Есть такой суперважный вопрос, как бюджетный федерализм. Если попростому, то это о том, как налоги делить будем между центром и регионами. Понятно, что от этого зависит и экономика, и лояльность руководителей, и возможность вообще хоть чем-то управлять.

Дело было в 1994 году, ситуация аховая: коммунизм так и не построен, развитой социализм в прошлом, а капитализм только зарождается в муках. Финансовой системы нет, налоговой системы пока тоже нет, экономика лежит и почти не дышит. Возникает классический вопрос: как распределять налоги между федерацией, регионами и муниципалитетами, местным самоуправлением?

Кое-как собрали в стране подоходный налог, собрали налог на прибыль. И? Как все эти деньги распределять в сложном федеративном государстве?

Виктор Степанович Черномырдин (а он был тогда премьером) меня спрашивает, что могу предложить. Я ему говорю: «Есть классический пример — федеративная Германия. Треть остается на федеральном уровне, треть отдается землям, то есть субъектам федерации, и треть — на места, для местного самоуправления. Три, три и три». И нужно сказать, опыт показал, что у немцев эффективно всё это работает — не только для экономики, но и для укрепления единства страны.

Но Виктор Степанович решил-таки еще посоветоваться со специалистами. Собрали ученых, экономистов, экспертов всевозможных, провели несколько заседаний. Премьер на них присутствовал, всех нас слушал, какие-то вопросы задавал, сам себе чего-то думал, возможно, еще параллельно с кем-то советовался.

Заседаем, заседаем, заседаем, а согласованного решения все нет, поскольку, как говорится, у двух юристов всегда три мнения.

Вдруг Виктор Степанович останавливает все эти дискуссии и говорит: «Так. Вы меня все окончательно запутали: и так нехорошо, и этак плохо. Давайте попробуем сделать 50 на 50». Я чуть со стула не упал. Говорю: «Как 50 на 50? Экономисты же с цифрами на руках показывают, что так неправильно, ничего не получится!»

А Черномырдину экономисты не указ. Наверное, он интуитивно прочувствовал ситуацию и решил делить не как правильно, а «по справедливости»: половина налогов остается за федерацией, в руках черномырдинского правительства, а половина остается в субъектах. А как они там эти деньги распределяют между своим и местным уровнем, между областным или республиканским центром и муниципалитетами — это уже их проблемы.

И оказалось, что в нашей стране 50 × 50 — это очень эффективное и удачное, отлично работающее решение. Когда президент республики в составе России или губернатор понимал, что пятьдесят копеек с каждого собранного рубля остается в его распоряжении, то у него появлялся смысл работать.

Но потом, после ухода Черномырдина, эту систему поменяли. Сейчас копеек семьдесят, а то и восемьдесят из каждого рубля забирает себе федеральный центр. Почему это случилось? Да просто власть окрепла, отстроилась вертикаль, и экономисты сказали: «У нас тут современный проектный подход, стратегическое управление, а потому мы из центра лучше видим и понимаем, какие средства куда и на что направить». Вдобавок губернаторов, вернее глав субъектов, какое-то время снова стали не избирать, а назначать. Что они могут сказать против?

А для экономики такой подход — беда. Если у сильного отбирают и дают слабому, то у первого теряется стимул для развития, а второй получает

возможность и дальше ничего не делать. На этом бюджетный федерализм в стране и закончился. Но я уверен, что скоро мы вернемся и к нормальному федерализму, и к пропорции 50 × 50, потому что деньги в казне заканчиваются, а социальные проблемы нарастают.

И власть может прийти к мысли, что нужно снова отдать побольше возможностей и денег регионам, но — вместе с ответственностью за ситуацию. То есть мы вам — свободу и чуть больше денег, а вы уж сами расхлебывайте все эти забастовки, проблемы с уровнем зарплаты врачей, шахтеров, учителей, решение всех и всяческих социально-экономических проблем на местах.

Получается, что, отдавая деньги вниз, меняя налоговую систему, власть передает, как ей кажется, и свою ответственность. Но в принципе это правильно, потому что губернатор, борясь за свое место, за свой авторитет, за свою безопасность, за свой регион, начнет работать. Заимев эти деньги, он получит огромные ресурсы (пусть пока не по немецкой модели, потому что у нас никто не понимает, что такое местное самоуправление на самом деле, хотя России и принадлежит авторство создания земств, в 2020 году стукнуло 155 лет Земской реформе) и должен будет серьезно и вдумчиво их тратить, чтобы не потерять свою должность и эффективно решить проблемы возглавляемого им региона. Так что думаю, что черномырдинские «50 × 50» еще не канули окончательно в Лету. Это еще не конец истории. Это только ее начало.

Три модели федерализма

Не только медики, но и я всегда говорю: самое важное — правильно поставить диагноз, иначе все наши стратегии лечения будут бить мимо цели.

Так и с федеративной политикой. У меня постоянно спрашивали и спрашивают, почему наш федерализм какой-то не такой, как у всех. А сегодня этот термин вообще исчез из информационного поля. То есть федерализм как явление в России существует, но говорить о нем как-то стало не принято. Парадокс заключается еще и в том, что слово «централизация» у нас тоже говорить не принято, хотя в намерениях власти построить сильное централизованное государство ничего плохого нет. В мире существует достаточное количество централизованных и при этом вполне демократических государств. В итоге политики и чиновники вынуждены конструировать некий новояз, пытаясь заменить слова «федерализм», «централизация», «реформы» на более нейтральные термины. А это, в свою очередь, окончательно запутывает общественность и создает массу проблем экспертам, когда они пытаются адекватно описать процессы, происходящие в федеративной сфере.

Я неоднократно говорил и повторю еще раз, что современную ситуацию в России невозможно правильно оценить, если не принимать во внимание тот факт, что с начала 1990-х годов в нашей стране

одновременно воплощаются в жизнь и конкурируют между собой не одна, а сразу три модели федерализма.

Первая — это модель кооперативного федерализма. Именно такую модель я закладывал в Конституцию Российской Федерации. Суть ее состоит в развитии отношений координации и сотрудничества между федерацией и ее субъектами, для чего создаются соответствующие условия — и в праве, и в виде разных государственных структур. Главный признак кооперативной модели — это то, что у центра и субъектов есть большая сфера совместного ведения (закреплена в статье 72 Конституции), а также множество механизмов, позволяющих решать споры между различными уровнями власти путем переговоров и согласительных процедур. Еще один признак — это разные способы, позволяющие федерации и ее субъектам совместно осуществлять государственную власть. Это и совместное законотворчество, и координация деятельности органов власти разного уровня, и представители субъектов федерации в федеральном правительстве.

Кооперативную модель федеративных отношений для России мы закрепили в Конституции осознанно. С одной стороны, у нас исторически была тяга к сильному центру, но притом имелось огромное разнообразие на местах. С другой стороны, когда в начале 1990-х годов пошли центробежные процессы, потребовалось повысить статус субъектов и уровень их реального участия в делах федерации, но без права на сепарацию. В реальной федерации составляющие ее субъекты должны быть практически включены в деятельность общего целого. Регионы должны видеть себя в федерации. Только тогда рождаются необходимые правовые условия и стимулы для сотрудничества и кооперации.

Две другие модели — это «параллельный федерализм» и «унитарный федерализм».

Модель параллельного федерализма родилась в головах руководителей ряда российских регионов. Идея была проста: не нужны нам никакие предметы совместного ведения, давайте полностью поделим вопросы, за которые отвечает центр, и те, за которые отвечают субъекты. То есть теряется вообще какой-то повод для взаимодействия, и наша федерация плавно превращается в лучшем случае в конфедерацию, а то и вообще разваливается на удельные княжества.

Что касается модели унитарного федерализма, то это наследие старых советских времен и чиновничьих традиций. Ее двигают главным образом «федералы». Тут всё просто: культ единообразия. Все команды идут сверху, а разные федеративные «бантики» — только камуфляж для прикрытия централизации.

Все эти три модели с самого начала существуют и конкурируют. Причем иногда федеральные власти работают на параллельный федерализм. Например, пытаются до конца разделить полномочия и деньги между всеми уровнями власти. В начале 2000-х было модно проводить

совещания в администрации президента и правительстве России о разграничении полномочий. Было написано немало актов, даже приняты специальные законы. Однако реальная жизнь постоянно подбрасывает федеральному центру и регионам такие проблемы, которые они могут решить не в рамках собственной отдельной компетенции, а только совместными усилиями.

Бывает, что централизацию поддерживают региональные руководители. Это происходит в том случае, если федеральный центр сохранит их персональный статус и полномочия. Например, в свое время практически все губернаторы поддерживали идею быть не выборными, а назначенными из центра, обменяв это на возможность решить проблему своего пребывания у власти в третий, а то и в четвертый раз и свободно рулить местным самоуправлением. Фактически сегодня наше местное самоуправление уже стало местным государственным управлением.

Если исходить из моей концепции трех конкурирующих моделей федерализма, возникают вопросы: какая из трех моделей победила сегодня, закончена ли конкуренция между ними; если процесс не закончен, то какие перспективы — не получился ли на практике вместо одной победившей модели какой-то трехголовый гибрид?

Если рассматривать события последних лет в сфере федеративного строительства, то возникает большой соблазн сказать, что сегодня мы наблюдаем победу унитарного федерализма. То есть победу централизации над федерализмом, над самостоятельностью регионов, над свободой маневра в рамках своих предметов ведения.

Однако более внимательный анализ показывает, что реальной победы унитарного федерализма не произошло. Некоторые потери понесли главы регионов. Их исключили из Совета Федерации и до возвращения системы прямых выборов назначали при участии местных парламентов. Есть факты администрирования, попытки поделить территорию страны на равные по площади и количеству населения части. Однако что касается реальных полномочий субъектов федерации, то они в основном сохранились. Более того, в ходе бюджетной реформы произошло более четкое разграничение полномочий различных уровней власти. Даже договорная практика — один из главных объектов атаки унитаристов — сохранилась и развивается на новом этапе.

При этом речь идет не только о разграничении полномочий между органами власти федерации и ее субъектов по предметам совместного ведения, установленным в статье 72 Конституции. Намного важнее, что наконец стала работать статья 78-я, которая дает возможность органам исполнительной власти федерации передавать право осуществления части своих полномочий в регионы, а органам исполнительной власти субъектов федерации передавать право осуществления части своих полномочий в центр.

Почему я говорю не о передаче полномочий, а о передаче права осуществления полномочий? В чем тут разница?

Чтобы схема стала понятна, можно провести аналогию с отношениями собственника автомобиля и лица, которому собственник выписал доверенность на право вождения. Человек, имеющий доверенность или даже генеральную доверенность, владеет, пользуется автомобилем, может быть, даже извлекает из этого прибыль, но собственником по-прежнему остается то лицо, которое автомобиль приобрело. Аналогично федерация часть своих полномочий на время передает органам исполнительной власти регионов, оставляя за собой «право собственности» на эти полномочия, а также право контролировать качество реализации этих полномочий, но, естественно, передавая в регионы соответствующие финансовые ресурсы, используя межбюджетные трансферты или субсидии для осуществления этих полномочий.

Несмотря на споры «по понятиям», вроде — разваливают договоры и соглашения федерацию или нет, статья 78-я реально работает. Без всяких криков с трибун, без пыли и шума подписываются десятки соглашений между федеральным правительством и правительствами регионов о передаче права осуществления тех или иных полномочий. Это касается, например, сферы борьбы с чрезвычайными ситуациями, управления конкретными хозяйственными объектами, многих других вопросов.

Выходит, что, хотя у нас в целом доминирует психология унитаризма, в том числе и как реакция на попытки региональных властей начала 1990-х годов явочным порядком присвоить себе некоторые полномочия федерального уровня, она не стала единственной. Можно сказать, что федерализм в России не умер, а в значительной мере трансформировался в регионализм. Боле того, субъекты федерации, которые когда-то «на груди рубашку рвали» за самостоятельность и «параллельное существование» с федеральным центром, поняли, насколько перспективен кооперативный федерализм — особенно на фоне ренессанса командно-административных методов управления.

Если давать общие оценки текущему состоянию дел, я бы определил ситуацию так: унитарный федерализм присутствует сегодня главным образом в сфере идеологии и психологии, точнее — в коллективном бессознательном людей, родившихся и выросших в советское время. Параллельный федерализм расцвел в административной сфере. Каждому уровню власти, каждому органу пытаются изначально детально расписать свою компетенцию, свой уровень ответственности, свои возможности. В общем, действуют по правилу: в каждом окопе свой боец. Думаю, тут не обошлось без влияния западного технократизма и всех этих менеджерских технологий. Что же касается кооперативного федерализма, то он живет и здравствует в российской Конституции, в законодательстве и в конкретных, рутинных, практических отношениях центра и регионов. Как только возникают реальные жизненные проблемы и вопросы, то сразу обнаруживается, что только кооперация и

взаимодействие всех уровней являются единственно возможным выходом.

Я считаю, что главная проблема российского федерализма в том, что федерация формально построена, а культуры федерализма у нас нет. К тому же в ситуации, когда нужно что-то быстро строить и решать, — «не до дискуссий». Федеральному центру, который уверен, что ему «сверху видно лучше», очень хочется сократить период неопределенности, поиска компромиссов, перестать тратить время на уговоры. В итоге возобладала старая идея о том, что федеративное государство должно для защиты своих интересов всё больше опираться не на компромиссы, а на элементы принуждения.

Вдобавок у нас практически нет специалистов, особенно в среде государственных чиновников, которые бы видели в сфере совместного ведения не поле для конфликтов, а поле для взаимодействия, а в различиях позиций — не помеху, а источник развития.

Ну и еще. Термины федерализма не всем понятны. Вроде бы и слова одинаковые, а каждый понимает по-своему. Кстати, многие решения федерального центра я действительно не могу объяснить никакими политическими или управленческими резонами, а исключительно психологией. Об этом я вспоминаю, когда чиновники федерального центра говорят, как они устали от необходимости учитывать и согласовывать интересы разных субъектов сразу. Даже Конституционный суд «утомился» принимать отдельные решения для каждого региона. До 2000 года дела о субъектах федерации рассматривались индивидуально. Это была принципиальная позиция. Теперь же не только групповые дела, но даже индивидуальное решение Конституционного суда распространяется по аналогии сразу на несколько субъектов федерации без исследования их конкретной ситуации. Это всё равно, что назначать лечение больным на основании средней температуры по палате.

Грустно всё это. Но я все-таки оптимист. Мне кажется, что на сегодняшний день федерализм в России никуда не пропал, а просто сделался стыдливым. Однако риск возврата к жесткой централизации никуда не делся.

Впрочем, тут есть два момента.

Во-первых, я уверен, что мой кооперативный федерализм все-таки вещь для людей более привлекательная, более прагматичная и живая, чем все остальные конструкции. Ведь если человек почувствовал вкус к реальной кооперации и сотрудничеству, к самостоятельности, к тому, что его мнение имеет значение, то его будет трудно загнать в рамки командно-приказных отношений.

Во-вторых, из-за всех событий последнего времени деньги в казне начали заканчиваться. А раз так — значит, снова вспомнят о федерализме!

Как Россия трижды пыталась перейти к федерализму, а попутно придумала евро

Можно долго обсуждать теорию и практику нашего федерализма, но за формой всегда надо видеть содержание, суть. А суть одна — если Россия в обозримом будущем по-прежнему не примет федерализм как мировоззрение, если этот особый образ мышления не проникнет во внутренний космос нашего общественного сознания, то, скорее всего, федеративный импульс, полученный Россией в начале 1990-х, опять будет растрочен впустую. А это значит, что мы окажемся в позиции проигравших на фоне тех вызовов, которые сегодня возникают перед каждым национальным государством в условиях глобализации.

Почему я говорю «опять»? Да потому, что Россия на протяжении своей истории несколько раз пыталась внедрить идеи федерализма, построить государственное управление и территориальную организацию на федеративных принципах. Однако все предыдущие попытки заканчивались крахом.

Тем не менее история российского федерализма содержит много интересных и славных страниц. Например, после войны с Наполеоном лучшие умы нашей империи вполне прониклись федеративными идеями и разработали проект Уставной грамоты (1819), предполагавшей, помимо прочих либеральных идей, трансформацию России в некий аналог федерации из десяти округов (наместничеств) с зародышами самостоятельной законодательной и исполнительной власти.

Но что особенно интересно, идею «федеративных» денег для Европы предложила в 1813 году тоже Россия. Финансист императора Александра I граф Николай Новосильцев⁷⁴ разработал проект системы финансов, предполагавший выпуск союзниками особых «федеративных» денег. Эта идея и соответствующие документы были вынесены на обсуждение участников Венского конгресса. Фактически речь шла о прообразе современного евро.

Когда я об этом рассказываю своим западным коллегам, то очень горжусь, что с исторической точки зрения идея современной единой европейской валюты была предложена Европе именно Россией.

Вторая попытка перейти к федеративному устройству случилась в 1917 году. После революции и вплоть до середины 1930-х большевики активно использовали идеи и модели федерализма для нового собирания земель рассыпавшейся Российской империи. Они выглядят вполне классическими и в проекте договора об образовании СССР, и в первой советской Конституции. Объективно это был единственный способ построить жизнеспособное государство на руинах прежней многонациональной империи. Однако выбор Сталиным национально-территориального принципа как основы для устройства федерации был достаточно субъективным, и, как оказалось впоследствии, роковым.

Как только проблема удержания власти и обеспечения территориальной целостности страны была решена, то большевики тут же отказались от ценностей реального федерализма и вернулись к привычному централизованному, командно-административному управлению страной.

Начало 1990-х годов — это уже третья попытка России встать на федеративный путь. Чем дело закончится, неизвестно. Остается только с интересом наблюдать и по мере сил способствовать реализации конституционной модели кооперативного федерализма.

Не два, не семь, а одиннадцать

Я твердо считаю, что федерализм — это не только способ сохранения единства и целостности многонациональной страны. Федерализм — это еще и гарантия стабильности политической системы. В федеративном демократическом государстве разделение властей по горизонтали на исполнительную, законодательную и судебную власти дополняется разделением властей по вертикали — между центром и регионами. Поэтому федерализм для нашей страны — это и прививка, и гарантия сохранения демократического политического устройства. А отказ в России от идеи федерализма — это возврат в прошлое.

И в этом плане, конечно, жаль, что был изменен принцип формирования Совета Федерации — «палаты регионов» российского парламента. Когда мы готовили Конституцию, то задумывали Совет Федерации как орган, в котором непосредственно представлены первые лица законодательной и исполнительной власти регионов, которые не законодательствуют, а от имени субъектов РФ одобряют или отклоняют законы, созданные в правительстве и Государственной думе. В такой модели присутствие в Совете Федерации первых лиц регионов означало, что они должны «пропустить закон через себя», соизмерить его со своими региональными возможностями, условиями и интересами и высказать свое мнение, поскольку потом им этот закон надо будет в регионах выполнять.

На мой взгляд, именно Совет Федерации спас Россию от полного распада в середине 1990-х. Ведь тогда был страшный политический кризис: Борис Николаевич болен, правительство слабо, а Государственная дума расколота на части. И в этой ситуации именно Совет Федерации, состоявший из первых лиц регионов, стал тем островком стабильности, который удержал Россию на краю гибели.

Однако с таким Советом Федерации чиновникам было неудобно работать: каждый со своими взглядами, традициями, амбициями. За каждым стоят избиратели региона. И потому ситуацию решили упростить — поменять принцип формирования Совета Федерации, изменив закон. Теперь в верхней палате работают люди, делегированные субъектами. Одного делегирует местный парламент, другого делегирует

губернатор, а теперь еще есть и президентская квота. Что в итоге такой реорганизации получили? Получили удобный и управляемый (в хорошем смысле слова) орган, но — абсолютно не авторитетный.

Одновременно возникла проблема: а что делать с первыми лицами регионов? Из них создали Государственный совет, поскольку всё равно с регионами надо советоваться, надо решать проблемы вместе.

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем следующую картину: Совет Федерации является полномочным органом власти, но не имеет авторитета, а Государственный совет имеет большой авторитет, но не имеет реальных полномочий органа власти.

Примерно то же самое, к сожалению, произошло и с Государственной думой. Создание ситуации, когда у одной фракции есть конституционное конструктивное большинство, позволяющее провести необходимые решения, привело к тому, что нижняя палата из политизированного веча стала управляемым рабочим органом. Но одновременно выяснилось, что ее авторитет в реальном обществе, в реальной политической системе просел.

Начался поиск компенсаторного механизма. Возникла идея создания Общественной палаты. В Общественную палату иногда попадают люди авторитетные, значимые. Но этот орган не имеет реальных властных полномочий.

То есть ситуация снова повторяется: полномочный орган, принимающий решения, не имеет реального авторитета, а орган, в котором собираются авторитетные люди, представляющие разные общественные силы, имеет только совещательный голос.

Но, думаю, не стоит смотреть в будущее с таким пессимизмом. Как я уже говорил, чем сложнее кризис, тем больше шансов на возвращение подлинного федерализма. Раз нет денег — надо дать свободу.

Будь моя воля, я бы вообще законодательно установил, что главы исполнительной власти субъектов по должности входят в федеральное правительство. Вот тогда центральная и региональная власти будут реально и, я бы сказал, на уровне постоянных межличностных контактов и общих интересов состыкованы.

И ничего, что глав регионов много. Расширенное заседание правительства может происходить нечасто — например, один раз в квартал. Тем более что число субъектов медленно, но меняется в сторону уменьшения. Видимо, этот процесс приостановится в тот момент, когда исчезнут с карты России субъекты-матрешки или сложносоставные субъекты, в рамках которых находятся одновременно автономные округа.

Кстати, механизм для «оптимизации» числа субъектов тоже был изначально заложен в Конституции. Принцип простой: если субъекты (неважно сколько — два, три, четыре) хотят объединяться, то они

проводят референдумы на своих территориях, а по результатам принимается федеральный конституционный закон и делается соответствующее уточнение в 65-й статье Конституции, где имеется перечень субъектов.

Первый опыт укрупнения субъектов Российской Федерации мы опробовали с тогдашним губернатором Пермской области Юрием Петровичем Трутневым, объединив его область с Коми-Пермяцким автономным округом. Потом был Красноярский край и Таймырский и Эвенкийский автономные округа, потом Иркутская область и Усть-Ордынский Бурятский автономный округ. Так их и стало 83. Сейчас Республика Крым и город федерального значения Севастополь вернулись, поэтому субъектов в России уже 85.

Кстати, я своим студентам часто задаю вопрос на засыпку: если продолжать линию на объединение субъектов, то какое минимальное число их должно остаться, чтобы не пришлось отменять Конституцию? Кто-то говорит: да хоть все можно в единое целое объединить. Другие, кто поумнее, вспоминают: ой, так страна-то федеративная, значит, меньше двух субъектов нельзя. Но я им предлагаю еще подумать.

И вот находятся светлые головы, которые обнаруживают в Конституции статью номер 5, где перечислены разные типы субъектов федерации. Причем пять из них записаны во множественном числе, а шестой — в единственном: «Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов — равноправных субъектов Российской Федерации». Тогда самый отличник из отличников находит верный ответ: минимальное число субъектов должно быть одиннадцать. Республики, края, области, автономные округа и города федерального значения — не меньше двух, а автономная область — как была, так и есть одна. В итоге и получается — 11.

При этом нужно помнить о главном правиле федеративного государства: каждый субъект должен быть связан и с центром, и с другими соседями. Все должны нуждаться друг в друге. Только в этом случае есть смысл совместного проживания, интеграции, совместной деятельности. Как только у кого-то всего будет вдоволь, не будет нужды в соседях, то в ситуации кризиса этот субъект сбежит себе в даль светлую и головы не повернет, не оглянется и не попрощается.

Вот потому-то не нравятся мне идеи бесконечного укрупнения субъектов федерации в стиле рекомендаций американских политологов. Вместо субъектов получатся феодальные княжества с самодостаточной экономикой. Была бы у Москвы такая возможность, она бы уже ушла, легко.

А в заключение этой большой темы — еще немного об очень серьезном.

В современных условиях любому государству приходится очень трудно. Снаружи давит глобализация, изнутри — стремление людей и регионов

пожить своей жизнью, отдельно от всех этих борений и метаний. Особенно такое оукливание происходит в кризисных ситуациях, как коронавирусная пандемия, которая не только перекрывала внешние границы, но и разрывала связи между городами, между людьми.

Очевидно, что перед лицом глобальных вызовов роль государства должна усиливаться. Но, на мой взгляд, рост централизации, контроля, тенденции к закрытости и отказу от сотрудничества на международной арене делают любое государство не сильным, а хрупким. А нам нужна гибкость, которую дает федерализм. Государство должно научиться использовать «двойные» конкурентные преимущества: с одной стороны, от новых глобальных технологий, с другой — от уникального потенциала, который создает внутреннее разнообразие регионов, идей, людей.

Почему принятие государством федерализма как образа действий и как идеологии означает его усиление?

Да потому, что именно федерализм дает государству множество эффективных инструментов управления, образно говоря, позволяет сочетать «силу льва» и «мудрость лисы» в своей политике. Федерализм как мировоззрение требует плюрализма, свободы и демократии, множественности партий, многообразия культур и регионов, то есть неоднородной общественной материи. Поэтому, в отличие от унификации и централизации, вектор которых направлен в конечном итоге на сокращение разнообразия, федерализм (при правильном употреблении) дает любому государству заметно большую внутреннюю энергетику, потенциал саморазвития, а следовательно, конкурентные преимущества и шанс на исторический успех.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ — МОЯ РОДИНА, ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА — МОЯ БОЛЬ

Сейчас я начну очень длинный разговор о том, каким образом моя биография оказалась связана с тем, что политологи любят называть чеченской проблемой.

Для меня Северный Кавказ и Чеченская Республика — это не абстрактные понятия, и уж тем более не «проблема». Северный Кавказ — это родина моих предков, моего отца, поэтому для меня это очень личная история.

Я уже не раз повторял, что горжусь происхождением из казаков. Но я не донской и не кубанский, а терский казак. Это особый класс казачества, который, собственно, и осваивал Северный Кавказ для Российского государства. Отец занимался историей нашего рода, нашел в свое время много интересного в архивах. Наш род насчитывает уже двенадцать

поколений. Кстати, Екатерина именно терское казачество расселила по высокому берегу реки Терек так, чтобы между ингушами и осетинами стояли казачьи станицы. Учитывался и религиозный фактор. Мы гордимся тем, что именно казачество исстари на Северном Кавказе препятствовало конфликтам вроде тех, что случились уже в наше время в 1992 году. С одной стороны, казаки, конечно, были вооруженной силой. Но, с другой стороны, именно в казачьих станицах активно шла торговля, ярмарки. Опять же было немало, как нынче принято говорить, межнациональных браков.

И когда после революции Яков Свердлов и большевики ликвидировали казачество, именно терские казаки составили основную массу тех, кого уничтожили физически, — почти миллион человек. Казачьи станицы захирели или вовсе исчезли. А потом советская власть выгнала из аулов аварцев, чеченцев, ингушей, представителей других народов Северного Кавказа. Часть из них переселили на казачьи земли. В общем, всё перемешалось, был нарушен баланс.

Так что, когда в 1992 году Ельцин назначил меня главой временной администрации в зоне осетино-ингушского конфликта, я стал действовать по тем принципам, что сохранились в моей «родовой памяти», и просто восстановил традиционный терский принцип взаимоотношений в сложной этнической и военно-политической ситуации.

Но об этой истории расскажу чуть позже, а пока два сюжета: почему Чечня занимает такое место в российской политике и почему конфликт оказался таким затяжным.

Следующая остановка — «Чечня», конечная — «Кремль»

Как известно, феномен вечной чеченской нестабильности возник давно, когда и автора, и читателей еще в помине не было, а попытки «замирить Северный Кавказ» предпринимали все — от царя-батюшки до большевиков, от Сталина до Ельцина и, наконец, Путина. Но сказать, что за давностью лет вопрос стал неактуальным, по-прежнему нельзя. И если кому-то кажется, что сейчас-то у нас все успокоилось и на Северном Кавказе — прочный мир, то, увы, это может оказаться иллюзией.

Так уж сложилось в истории современной России, что путь в Кремль всегда лежал через Чечню. В этом состоит не только особенность, но и трагедия исторического процесса, потому что любая фигура, претендующая стать лидером России, должна была предъявить обществу свое желание и способность решить чеченскую проблему. И это не теория.

Взять, к примеру, всех предполагаемых преемников главы государства, кандидатуры которых до последнего рассматривал президент Ельцин.

Александр Лебедь со своим Хасавюртовским соглашением. Борис Немцов со своим миллионом подписей против чеченской войны. И у того и у другого Чечня — это был осознанный и сильный ход, заявка на российское лидерство.

Кстати, одно время и меня аналитики называли потенциальным преемником, наверное, потому, что я тогда тоже был погружен в дела республики. В шорт-листе потенциальных «наследников» был и Сергей Степашин, который во всех своих должностных ипостасях занимался северокавказскими проблемами.

А самый очевидный пример — состоявшийся преемник, ныне действующий глава государства Владимир Путин, который стал президентом, решительно применив силу во время конфликта в Дагестане и в Чечне.

Но у этой закономерности есть и другая сторона: если путь в Кремль лежал через Чечню, то путь на место лидера Чечни лежал через Москву.

И эти оба обстоятельства по факту мешали решить чеченскую проблему по существу. Как только кому-то удавалось реально что-то сделать, чтобы притушить чеченский конфликт, вспыхивали политические интриги в Кремле, и все с трудом достигнутые договоренности срывались.

То есть чеченская проблема была способом решения главной политической задачи — заполучить в свое распоряжение Кремль, а вопрос о реальном урегулировании ситуации в вечно бунтующей и жаждущей по-своему понимаемой свободы Чечни откладывался на потом.

Получалось, что если удастся утихомирить Кавказ, — отлично, если нет, — хуже, но тоже не беда, поскольку главное — заполучить в руки страну. А уж с Чечней можно будет разобраться попозже. То есть вопрос о власти при решении данной проблемы всегда был первичен. В чем была главная цель и смысл Хасавюртовских соглашений генерала Лебедея? Мир в Чечне — вторично. А первично — претензии на российский трон.

На президентских выборах 1996 года Александр Лебедь поддержал Ельцина и обменял эту поддержку не на пост вице-президента, который мы своевременно убрали из Конституции, а на пост секретаря Совета безопасности. Я знаю, что Борис Николаевич предлагал ему тогда пост министра обороны, но Лебедь отказался, видимо, не хотел погружаться в сложные вопросы военной реформы. После своего назначения Александр Иванович ничем иным, кроме как попыткой решить чеченский вопрос, больше не занимался. И подписанные им 31 августа 1996 года Хасавюртовские соглашения, которые де-факто, а в значительной мере и де-юре признавали самопровозглашенную Республику Ичкерия отдельным от России государством, — главное свидетельство и подтверждение изложенного выше. Уверен, что у генерала Лебедея в мозгу занозой сидела мысль: неважно, что там

написано в этом соглашении. Деталими будем заниматься потом. А сейчас — остановлю войну и на белом коне въеду в Кремль.

Или вот те же миллион подписей против войны в Чечне, с чемоданом которых молодой нижегородский губернатор, любимец президента и на тот момент явный кандидат в преемники Борис Немцов приехал к Ельцину. Метода другая, чем у Лебеда, но суть та же.

Разве Немцов не понимал, в чем природа этой войны — политическая, историческая и прочая? Прекрасно понимал. Поэтому-то он уже тогда таким образом сделал попытку выйти на первую роль федерального уровня. Просто он придумал другой способ «замирить Чечню» и решить целевую задачу: Чечня — Москва — Кремль.

Я Бориса про эту его схему прямо спрашивал, а он и не отрицал особо. Однако стратегия «остановить войну в Чечне через протест россиян» не удалась.

Но дело не в этих деталях, а в том, что факт остается фактом: судьба российского трона решалась не в Москве, а в Чечне.

Что касается Владимира Владимировича Путина, то тут ситуация выглядела несколько иначе. Сначала Борис Николаевич передал ему трон, а вместе с тронem и историческую необходимость решить чеченскую проблему. И нужно сказать, что он ее решил. По-своему, конечно. Так, как мог. Но решил. С помощью личных договоренностей и больших денег страна получила-таки передышку. Полыхавший Северный Кавказ сегодня только дымится, а если где что-то вспыхнет, то «пожарные» быстро зальют. И если честно, то и этот не слишком надежный мир — это уже прекрасно в такой сложной истории.

Но очевидно, что многие застарелые проблемы не исчезнут и через десять, и через пятьдесят лет. То есть вопрос Кавказа в целом и Чечни в частности — это одна из тех проблем, которая, как хроническая болезнь, до конца не вылечивается: есть периоды ремиссии и есть обострения. Слава богу, что уже столько лет мы имеем ремиссию. Хотя сегодня этот мир оплачивается очень большими бюджетными деньгами. И не только ими. Но тут никуда не денешься: за всё надо платить — за мир, за территориальную целостность, за относительный порядок.

Пока эта проблема решена. И как долго будет длиться это «пока»? Думаю, пока Путин и Кадыров находятся в жесткой связке. Ведь у нас по традиции все строится не на принципах, а на личных договоренностях. Поэтому ситуация остается стабильной, пока остаются те, кто договаривался. Придет кто-то новый — все может «обнулиться».

Почему чеченский кризис лечили не теми средствами

От региональных кризисов, в том числе под национальными и религиозными знаменами, не застраховано ни одно современное

государство, даже самое стабильное: испанские баски, итальянский север, проблема католической Ирландии, курды в Турции, Северный Кипр, Квебек в Канаде. Перечислять можно долго. За десятилетия в мире сложился достаточно разнообразный и эффективный опыт урегулирования региональных конфликтов. И казалось бы, наше многонациональное государство вполне могло научиться учитывать чужие ошибки, чтобы не совершать собственных. Но этого, к сожалению, не случилось: Северный Кавказ и Россия вступили на свой собственный трагический путь.

Видимо, прав был Лев Толстой, когда писал, что каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Типичный региональный кризис — чеченский — оказался для молодого демократического государства по-настоящему неожиданным. Он стал испытанием на прочность нашей федеральной власти, нашей правовой и политической системы, всего нашего общества. И к сожалению, результаты этого испытания оказались неутешительными.

За ошибки, безволие, безответственность и неготовность принимать и проводить согласованные решения государству пришлось расплачиваться кровью своих граждан, расплачиваться своим авторитетом и опасностью новых потрясений.

Почему же чеченский кризис оказался настолько острым и трудноразрешимым? Почему федеральные власти так долго не могли его урегулировать?

Если на время отставить в сторону эмоции и обратиться к фактам, то немедленно высветится главная особенность чеченского и всех остальных российских этнополитических кризисов, а именно: предельная сложность и запутанность политической, экономической, правовой, психологической и других составляющих. Поскольку центру не удавалось четко диагностировать ситуацию, то и методы, соответственно, грешили неточностью, отсутствием адресности, а значит, и неэффективностью.

Политическими методами пытались решить то, что решалось только административными мерами; силовыми методами — то, что следовало регулировать чисто экономическим воздействием; общественным мнением пытались создать то, что должно устанавливаться законами и другими нормативными актами. А в результате — десятилетия непрекращающейся напряженности, периодически переходящей в вооруженное противостояние.

Попробуем разобраться, что лежит в основе чеченского кризиса.

Этнополитические региональные конфликты на Кавказе конца XX века — от карабахского до чеченского — при всем своем разнообразии имеют примерно одинаковую природу.

Прежняя внутренняя политика государства, рост социально-экономических трудностей привели к росту напряжения в

полиэтнических регионах страны, которое сопровождалось активизацией национальных элит при ослаблении центральной власти. Процессы передела собственности и власти были усугублены территориальными претензиями, исторически сложившимися на базе царской и сталинской политики переселения народов.

Важнейшая составляющая событий в Чеченской Республике, о которой часто забывают, — трагическая судьба чеченского народа. В XIX веке произошла жестокая более чем полувековая Кавказская война с ее огромными людскими потерями, а затем махаджирством (исходом) в Турцию и на Ближний Восток. В XX столетии — поголовная депортация чеченцев в Северный Казахстан в 1944 году. Всё это не могло не оставить глубоких шрамов в исторической памяти народа и не породить глубокого недоверия не только к центральной власти, но и к власти вообще. Возможность залечить шрамы открывало возвращение чеченцев на родину в 1957 году, но половинчатые, как всегда, решения государственных органов оставили нам в наследство мину со взведенным взрывателем.

Эта мина взорвалась в 1990-м, когда союзный центр запустил свой «план автономизации» и объявил о выравнивании статуса автономий до уровня союзных республик и даже независимых государств. Кое-кто из российских лидеров попытался перехватить инициативу в борьбе за влияние на автономии и, в свою очередь, бросил вызов партноменклатуре национальных республик. «Первый демократ», как себя называл тогда Руслан Хасбулатов, лично поехал в Чеченскую Республику и добился снятия «партократа» Доку Завгаева⁷⁵.

И что в результате получилось? Кто от этой борьбы выиграл? не союзное и не российское руководство, не демократы и не партократы, и уж тем паче не народ. Выиграла предпринимательская группа «Дудаев и К°», которая под лозунгами национального самоопределения и независимости построила на территории Чечни криминальный экономический механизм, исправно превращавший достояние республики, ее граждан, федеральную собственность и средства федерального бюджета в личный доход «концессионеров». Чеченские авизо стали символом финансового беспредела тех лет.

К чеченской экономике издания 1991–1993 годов в буквальном смысле был применим анекдот про некоего товарища, который просил дать ему в собственность один метр государственной границы, потому что этого метра хватило бы на безбедную жизнь и ему, и детям, и родственникам. В собственности у криминальных элементов на территории Чеченской Республики оказался не метр, а сотни километров государственной границы. В самом начале 1990-х по три раза в день из Чечни за границу и обратно летали «неучтенные» рейсы, и контрабандный ввоз товаров в Россию способствовал быстрому обогащению отдельных преступных групп.

Фактически на территории республики был создан мощный финансовый насос, причем не только внутрироссийский, но и международный, с помощью которого в страну и по всему миру — от Европы до Ближнего Востока — пошел транзит контрабанды, валюты, оружия и наркотиков. Вырос целый слой людей, обслуживавших этот механизм, получавших свою (и немалую!) долю от его работы, а потому готовых с оружием в руках защищать свою криминальную кормушку и право на дележ прибыли.

Красивая идея независимости и суверенитета была использована как фиговый листок для прикрытия финансово-экономической аферы. Политические лидеры, создавшие из Чечни криминальную зону, бессовестно сыграли на таких качествах чеченского народа, как свободолюбие, гордость, верность традициям, на законном стремлении восстановить историческую справедливость. По сути, криминальные вожди использовали чеченский народ в своей циничной игре ради достижения корыстных политических и финансовых целей.

Я тогда написал подробную записку, где с фактами и цифрами на руках показывал, что природа чеченского кризиса — экономическая. И если мы сделаем дальнейшее функционирование этой черной дыры в экономике России финансово непривлекательным, то группы сепаратистов потеряют политическое влияние в республике. И такая работа началась.

Во-первых, был сделан ряд шагов на целенаправленное закрытие криминальной экономической зоны. Уже в 1994 году федеральные власти сильно осложнили возможности для несанкционированного вылета самолетов с территории Чечни за рубеж, запретили беспошлинный ввоз товаров, установили жесткий контрольно-пропускной режим для въезда и выезда транспорта. Восстановили банковский, финансовый, валютный контроль.

Во-вторых, российское правительство приняло решение о начале строительства железной дороги длиной 78 километров в обход Чеченской Республики. Это было сделано для нормального снабжения Дагестана и республик Закавказья.

В-третьих, прошла серия активных мероприятий против этнических криминальных группировок и мафиозных групп, действовавших вне территории Чечни. Цель была все та же: свести на нет привлекательность чеченского криминального финансового механизма.

Кроме того, серьезно ограничились возможности для действий бандформирований с территории Чечни, будь то в Минеральных Водах, где постоянно происходили захваты заложников, будь то на каких-то других территориях.

В результате очень быстро появилась реальная надежда на то, что экономическое ослабление дудаевского режима приведет к его политическому падению. Тем более что на фоне перемен антидудаевская

оппозиция стала полноправным участником в политических переговорах по мирному урегулированию конфликта.

Правда, потом на Западе стали кричать, что мы строим экономический «санитарный кордон» вокруг Чечни. В ответ на это я предложил вместо черной экономической дыры создать особую экономическую зону в республике: принять закон, в котором четко оконтурить территорию и урегулировать все экономические вопросы внутри. Как мне казалось, такой подход решал бы одновременно прагматические и имиджевые задачи, демонстрируя всему миру гибкость политики федеральных властей, делающих новый шаг в процессе урегулирования кризиса в Чеченской Республике: федеральный центр предоставляет республике широчайшую экономическую самостоятельность и имеет полное право ожидать адекватных встречных шагов в деле политического урегулирования ситуации.

Борис Николаевич не понял и не поддержал меня. Как так можно — они с нами воюют, а мы им — свободную экономическую зону. Всё время думал: может, я просто плохо объяснил? А потом, когда меня со всех постов отправили, дошло: со своей идеей я перекрыл бы источники обогащения такому количеству хороших людей, что они поспешили меня убрать. Этот ведь закон перекрыл бы людям доход — миллиарды, и не в рублях.

А кто хочет терять деньги? Никто. Поэтому чеченским урегулированием очень быстро занялись совсем другие люди.

МОЖНО БЫЛО РЕШИТЬ МИРОМ...

По природе своей я не усмиритель, а примиритель

Что бы ни писали и ни говорили, но я, по-моему, был единственный, кто всегда стоял за комбинированное решение чеченской проблемы — политическое, мирное, но с позиций силы. Я постоянно предлагал разные схемы и шаги, которые могли бы без применения оружия ослабить сепаратистов и посадить всех, если надо — силой, за стол переговоров.

Собственно, политическую формулу урегулирования чеченского кризиса я написал еще в 1992 году, а потом упорно эту идею двигал, куда только можно. В итоге она прозвучала в февральском 1994 года Послании Президента Федеральному собранию: основой для урегулирования отношений между федеральной властью и Чеченской Республикой «могут стать проведение в Чечне свободных демократических выборов и переговоры по разграничению полномочий с федеральной властью» [\[54\]](#).

Ельцин поручил правительству провести необходимые консультации со всеми политическими силами в Чечне и подготовить Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий[55]. И депутаты нас тогда впервые поддержали[56].

В общем, в силу своего происхождения и традиций моего рода я считал и считаю своим предназначением миссию не усмирителя, а примирителя. И действовал именно так с того самого момента, когда стал главой временной администрации в зоне осетино-ингушского конфликта.

Конечно, решение Ельцина отправить меня разбираться с проблемами Северной Осетии и Ингушетии основывалось не на моих психологических особенностях, а на каких-то более прозаических факторах.

Наверное, роль сыграло то, что к ноябрю 1992 года многие другие назначенцы там уже провалились. Правительство Гайдара просто упустило ситуацию из-под контроля, потому что им было не до региональных конфликтов, необходимо было спасти экономику. До меня на этой должности был вице-премьер Георгий Степанович Хижа, очень хороший профессиональный человек, но ситуация в регионе сложилась такая, с которой он, видимо, объективно не мог справиться.

Я в то время был в отставке, и, видимо, кто-то сказал Ельцину, что вот у нас тут Шахрай без дела сидит, и вдобавок — вырос на Северном Кавказе. Вот меня и отправили исправлять ситуацию.

Я сразу поехал туда, чтобы увидеть все своими глазами. А там... Настоящая бойня. Там ведь не только северные осетины с ингушами воевали, там и чеченские боевики были, тот же Дудаев. Никогда не забуду эту страшную осень 1992 года: каждую ночь по два-три изуродованных до неузнаваемости трупа подбрасывали под окна моей так называемой ставки — железнодорожного вагона, где я жил и откуда руководил.

Надо сказать, что, когда Борис Николаевич вернул меня из отставки, он дал особые полномочия, которых ни до, ни после на этом посту ни у кого не было.

Согласно указу, главе временной администрации должны были подчиняться все силовики — ФСБ, МВД, армия. Причем прямо на месте, а не через Москву. Только так мы могли оперативно действовать, чтобы реально держать режим чрезвычайного положения в зоне конфликта.

Сначала силовики отнеслись ко мне настороженно, как к любому политику того периода. Но я уже в аэропорту Беслана сразу по прилете подписал свой первый приказ, который назывался «Распоряжение № 1», примерно такого содержания: я, глава временной администрации, беру на себя всю юридическую и политическую ответственность за действия военных. И это абсолютно все изменило.

Для силовиков этот документ был очень важен. Потому что к тому времени уже разразились конфликты в Тбилиси, в Нагорном Карабахе, в Вильнюсе, когда политики принимали решение применить силу, а военные потом оказывались крайними. А я сказал, что всю политическую и юридическую ответственность за действия силовиков беру на себя. Военные это сразу оценили, и у нас сложились нормальные отношения.

После этого мне пришлось таким же образом санкционировать около десятка войсковых операций, и они прошли практически без потерь. Военнослужащие брали зону конфликта (населенный пункт) в окружение, а внутрь зоны входил подготовленный спецназ. Причем силовики действовали одновременно и на ингушской и на североосетинской территории. В результате даже особых жалоб не было, потому что люди реально видели, что мы одинаково жестко, но справедливо действуем в отношении обеих сторон конфликта.

Вдобавок и я лично не оставался ни у кого на территории в гостях, на застолье, тем более — не ночевал. Жил тогда либо в поезде, либо внутри нашей военной части. То есть в полном соответствии с казачьими законами и кавказскими традициями.

После этой истории с осетино-ингушским конфликтом мне как-то автоматически передали все остальные проблемы региональной и национальной политики, вместе с чеченскими делами. Что бы ни говорили, я решать эти вопросы сам не рвался. Они ко мне, как говорится, по долгу службы пришли.

Но исторически мне в каком-то смысле повезло. Однажды теплым майским утром 1994 года позвонил помощник Ельцина Виктор Васильевич Илюшин и сказал: Сергей Михайлович, вы отстранены от чеченской проблематики, ею теперь будет заниматься Николай Дмитриевич Егоров⁷⁶. Было обидно страшно, потому что на тот момент ситуация с республикой уже практически была решена. И решена миром. Но разные политологи и конспирологи стали бомбардировать Кремль записками на тему, что тот, кто урегулирует чеченскую проблему, будет следующим президентом страны. Вот, видимо, некоторые товарищи и поторопились...

Правда, потом опыт показал, что лично для меня эта «отставка от Чечни» стала своего рода персональной защитой. А до того мне много бумаг приходило с личными угрозами от сепаратистов.

Тем не менее до этой отставки было несколько эпизодов, которые я считаю очень важными. В октябре 1992 года я был в Грозном. Со мной приехали Рамазан Абдулатипов — тогдашний Председатель Совета национальностей Верховного Совета России и Валерий Шуйков, депутат. И мы, ни много ни мало, подписали с чеченской стороной документ, который можно считать политической формулой урегулирования региональных конфликтов. Эта формула потом, кстати, легла в основу договора с Татарстаном. Она вполне может быть применима, как я уже

писал, для любой страны, где есть национальные автономии с сепаратистскими устремлениями. Речь идет о типичных проблемах между центром и регионом.

Суть решения простая. Мы садимся за стол переговоров и говорим, что все вопросы, по которым договориться невозможно, мы не обсуждаем. Откладываем их на потом. В тех условиях не было никакого смысла дискутировать, какие полномочия принадлежат Грозному, а какие — Москве, потому что каждый всё равно оставался при своем мнении.

Поэтому я объяснял: давайте поступим наоборот: возьмем лист бумаги и перечислим не наши разногласия, а те вопросы, по которым нам хочется того или нет, но придется взаимодействовать. По этим совместным вопросам полномочия мы будем не делить, а делегировать друг другу в той части, где каждая сторона может сделать что-то полезное для другой. Вот и всё. Это очень простая модель решения регионального конфликта: находить и фиксировать точки согласия. А из них потом вырастет всё остальное.

В Татарстане в 1994 году это сработало. Да и в Грозном этот документ в 1992 году был подписан, причем подписан председателем чеченского парламента Хусейном Ахмадовым и парафирован исполнительной властью.

Мы было вздохнули с облегчением, но уже через неделю или две в Москву примчался Зелимхан Яндарбиев, вице-президент Дудаева, и отозвал подписи республики под договором. У нас тогда с ним состоялся очень откровенный разговор. Я спросил: почему вы разрываете договор, мы же сделали практически всё, что вы хотели?

Ответ был очень логичен и очень циничен одновременно: новой власти нужна война, чтобы сломать старую тейповую систему в республике.

Дело в том, что чеченское общество долгое время оставалось традиционным, по сути родоплеменным. И все эти демократические нововведения — с президентом, парламентом, всенародными выборами — на деле не имели значения. Чеченцы подчинялись не президенту и не парламенту, а авторитету старшего в своем тейпе.

Так вот, Яндарбиев, попивая чай в моем кабинете в Белом доме, абсолютно прямо сказал: «Роль Джохара Дудаева сейчас в республике почти никакая, потому что хоть он и генерал, но тейп у него неавторитетный. Чтобы авторитет выборного президента стал непререкаемым, нам нужно сломать тейповые традиции, построить гражданское общество. Для этого нужна война с Россией. В пламени войны у нас родится и укрепится гражданское общество».

И добавляет: «А после войны мы подпишем с вами самый мирный, самый демократичный договор и будем какими-нибудь ассоциированными членами. И всё будет хорошо».

Спокойно так произносит свои резоны, вроде как ничего личного — строим демократию доступными средствами. А у меня мурашки по коже: «Как же так? Что он говорит? Он же не может не понимать, что это кровь и трупы. Ведь образованный человек, поэт, драматург...»

Не знаю, сами они это придумали или зарубежные консультанты насоветовали (а их тогда много крутилось в республике), но факт есть факт. И парадокс в том, что эта идеология уничтожения в стиле Геббельса в итоге во многом сработала. Потому что две чеченских войны разрушили и тейпы, и очень многие основы традиционного общества в республике.

Хасавюртовские соглашения я так и не завизировал...

Хотя я говорю про себя — примиритель, но что касается «Хасавюртовского мира», то я всегда выступал против него.

Помнится, буквально за три дня до вступления Ельцина в должность после выборов 1996 года снова сильно заполыхало в Грозном. Сепаратисты начали операцию «Джихад». Боевики стянули огромные силы, им удалось блокировать Дом Правительства, здания МВД и ФСБ, где вместе с военными в окружении оказалось и большое число журналистов.

10 августа, прямо на следующий день после церемонии инаугурации, Борис Николаевич назначил Лебеда полномочным представителем в Чеченской Республике. Почти две недели длились бои, в которых федеральные силы потеряли больше двух тысяч человек. А еще через неделю Лебедь подписал «Хасавюртовский мир».

Надо сказать, что с Лебедем я был хорошо знаком. Впервые мы с ним пересеклись в августе 1991 года, когда я сидел в своем кабинете в Белом доме на Краснопресненской набережной и смотрел, как прямо под мои окна генерал Лебедь подогнал свой первый танк. Потом мы с ним были внутри Белого дома, потом вместе — в толпе на улице. Так и запомнили друг друга, какой-то контакт сложился. И этот контакт у нас с ним сохранялся и в Совете безопасности, и во время его губернаторства в Красноярском крае — вплоть до той самой трагической авиакатастрофы.

Особенно много мы общались с Александром Ивановичем в 1996 году, во время президентских выборов, но это уже другая история. Хотя... сразу вспомнились встречи у меня на даче с Лебедем и Березовским, который чего-то все комбинировал. Мне, кстати, уже тогда не совсем была понятна и прозрачна логика Лебеда, который сам по себе был достаточно грамотным и сильным человеком, но вдруг оказался в компании каких-то странных людей. Он выбрал свой путь к власти, и при этом немного торопился. Из-за этой торопливости он, как мне

кажется, сделал две стратегические ошибки: первая — очень сблизился с Борисом Абрамовичем и вторая — стал действовать по его сценарию.

Я уже сто раз написал, что путь в Кремль в новой России всегда лежал через Чечню, и Хасавюрт для Лебеда был таким первым шагом. Но получилось совсем иначе. Именно Хасавюртовские соглашения, абсолютно слабые, поспешные и опасные для страны, для сложившейся тогда ситуации, подорвали в итоге авторитет генерала Лебеда в армии и в той части элиты, которая вдруг увидела, на что готов человек ради власти, которая и так шла к нему в руки.

Лично для меня вся эта история была равносильна подписанию большевиками Брестского мира в 1918 году. Согласие на Хасавюртовский мир, на мой взгляд, было почти предательством — и армии, и интересов страны.

Прошло уже очень много лет, страсти улеглись. Можно допустить, что для Лебеда подписание этого документа было просто тактическим решением, некой военной хитростью. Дескать, сейчас согласимся, а потом — отцепим эти «вагончики».

Но я — юрист, и всегда читаю всё, что написано, особенно мелким шрифтом. Просчитываю политические риски и правовые последствия. А последствия были такие, что на глазах у всего мира по этим соглашениям мы признавали, что были не правы, что вся война была зря.

Я наотрез отказался визировать эти соглашения и резко их раскритиковал. За что тогда крепко получил по шапке. Но все равно в итоге я так их и не поддержал. Знаменитый советский «антикризисный управляющий», тогда председатель Российского союза промышленников и предпринимателей Аркадий Иванович Вольский⁷⁷, помнится, на меня сильно наехал за это. Да и Вячеслав Александрович Михайлов — мой бывший замминистра, а на тот момент — министр по делам национальностей и федеративным отношениям тоже уговаривал подписать: «Сергей, это сейчас важно, надо поддержать Хасавюртовские соглашения».

Он хотел компромисса с республикой. А я ему упрямо: «Это невозможно».

Нужно сказать, что с Михайловым мы всё равно остались друзьями, коллегами. А вот Вольский на меня пожаловался Ельцину: «Борис Николаевич, тут ваш Шахрай мешает». Да и Лебедь тоже всем звонил: «Шахрай, такой и сякой, срывает мир на Кавказе».

Но прошло всего три года, и тогдашний премьер Владимир Путин прямо заявил: «Хасавюрт был ошибкой».

**...а вот Конституцию для Кадырова
написал**

Хотя я всегда искал прежде всего мирные решения для Чечни, а до начала вооруженной стадии конфликта Ельцин вообще от национальной политики отстранил, все равно меня все время числили в главных врагах чеченского народа. Но самый разный чеченский народ прекрасно знал дорогу в мой кабинет, причем находили, где бы я ни работал, и приходили с самыми разными вопросами.

И вот в один прекрасный день на пороге моего кабинета в Счетной палате возникает собственной персоной муфтий самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерии и ее новый глава — Ахмат Кадыров⁷⁸. Заходит и сразу заполняет собой и своей папахой весь кабинет.

И смотрит на меня молча. Оценивает, как я понимаю. А взгляд у него такой жесткий, тяжелый взгляд, я бы даже сказал — волчий. Я тоже на него смотрю, соображаю: зачем он здесь появился. Ведь знаком я с ним до этого не был.

Надо сказать, что привел его ко мне наш общий знакомый, один московский чеченец, который очень переживал за события на своей родине. И за Россию тоже. Вот он Кадырова, как религиозного авторитета и перспективного лидера, ко мне и привел.

Смотрю я на своего гостя и понимаю, что тот не сильно счастлив меня видеть и визиту этому явно сопротивлялся. Да и я, собственно, не горю желанием с ним общаться. Но я уважал и ценил моего товарища, который и для Ахмата Абдулхамидовича тоже был авторитетным человеком. Поэтому просто жду, что дальше будет.

А Кадыров-старший идет к моему столу и садится передо мной на стул. Причем прямо в папахе сел. С головы ее не снял. Я смотрю на него и думаю: «Сейчас пойду и свою папаху надену. Я же терский казак, и папаха у меня имеется. В шкафу висит». Но решил не нагнетать: уж очень демонстративно бы вышло. Или даже смешно.

Кадыров веско так помолчал, подержал паузу, а потом все-таки начал говорить. И всё вокруг да около: как дела, как семья и прочее. И вдруг выстреливает фразой: «А можете мне написать договор об отношениях республики с федеральными органами власти? А еще лучше — Конституцию?»

Тут я вздохнул свободно: «Конечно могу. И договор, и Конституцию».

В итоге написал и то и другое. Жизнь, конечно, что-то поменяла, ведь столько лет прошло, но во многом сегодняшняя Конституция Чечни — это тот текст, который был тогда мною написан для Ахмата Кадырова.

Кстати, заказчиком он оказался не строптивым. Принял мой текст хорошо. Внимательно все детали со мной разобрал. Мы с ним сидели, и я ему по каждому абзацу объяснял, почему так, а не иначе написано. Вникал, кое-что уточнял. У нас с ним несколько таких встреч было, рабочих.

И нужно сказать, что в итоге у меня к Кадырову-старшему сложилось очень позитивное отношение. Почему? Потому что этот человек точно понимал, чего хочет. Понимал, чем рискует. И даже осознавал, что в глазах части населения республики будет считаться предателем, потому что пошел на мир с Россией. Но при этом он понимал, что идет на такую жертву, потому что для блага своего народа надо поступить именно так.

Он умел смотреть за горизонт. Вот что для меня было особо удивительно. Задачи свои и цели четко видел. Куда все его шаги республику выведут — это он всё просчитал.

То есть Ахмат Абдулхамидович Кадыров был совершенно на своем месте. Да, сегодня я в этом уверен. Тут и России повезло, и Чечне повезло. Примерно так же, как с Шаймиевым. С Дудаевым и Яндарбиевым не повезло, а вот с Кадыровым-старшим точно повезло.

Как проект договора с Чечней сработал в Татарстане

Конечно, для России начала 1990-х годов чеченский конфликт был самым опасным, но и в Татарстане ситуация тоже была на грани. Федеративный договор в 1992 году республиканские власти не подписали. Выборы российского президента не состоялись, выборы депутатов в федеральный парламент — тоже. Была провозглашена практически и юридически полная независимость Татарстана. Делегация республики сидела в Совете Европы, а Венецианская комиссия [\[57\]](#) со ссылкой на международные нормы обосновывала казанскую независимость и суверенитет.

Мы три года работали над проектом татарстанского договора, который в результате был подписан 15 февраля 1994 года.

Почему так долго шли переговоры? Имели значение два фактора.

Первый фактор: надо было найти решение нерешаемых вопросов, а для этого нужно было, чтобы поуспокоились страсти. В такой ситуации время — лучший лекарь. Я уже не помню, в десятый или двенадцатый раз был в Казани, когда мы во время очередной прогулки с Минтимером Шариповичем «родили» формулу: ассоциированное членство. Согласно толковому словарю формулировка означает договорно-союзнические отношения. Звучит важно, но каждый понимает так, как хочет. Для Татарстана — подчеркивает самостоятельность. Для России означает, что на самом деле республика ассоциирована с Россией, то есть входит в ее состав. В общем, «ассоциированное членство» устроило обе стороны, но при этом было совершенно новым словом в политике и в праве. В результате эта находка позволила Шаймиеву решать проблемы внутри республики, а нам позволила сказать, что найден компромисс.

Второй фактор, почему договор так долго не подписывался, — это необходимость обновления правовой базы, в том числе и на федеральном уровне. Новые федеративные отношения должны стоять на новом конституционном фундаменте. Что было делать с договором, который уже был готов? Его нельзя было подписать по старой Конституции РСФСР. Причем даже если бы мы его и подписали, он не имел бы юридического значения. Был бы чисто политическим. Именно поэтому в проекте Конституции РФ 1993 года специально под договор с Татарстаном в 11-ю статью были заложены два слова. Эта статья о том, что предмет и ведение полномочий разграничивается Конституцией, Федеративным (а Федеративный договор 1992 года Татарстан не подписал) и иными договорами. Вот это и есть два слова: «иными договорами». Как только Конституция России в декабре 1993 года была принята (обратите внимание на хронологию), через месяц, в феврале 1994 года уже был подписан договор с Татарстаном, и он имел юридическую, конституционную основу.

Какой фактор перевешивал? Наверное, оба имели равное значение. Сами переговоры шли очень непросто, мы много раз возвращались к одним и тем же болевым точкам. Может быть, психологически ситуацию сдвинул с места один случай, о котором я часто рассказываю. Однажды делегация республики приехала с новым вариантом договора, и в нем мне бросилось в глаза то, что система мер и весов — метрология — была записана в исключительные полномочия республики. Сидим в красивом зале в Кремле, обсуждаем текст. Я пишу Борису Николаевичу записку: «Спросите, пожалуйста, у Минтимера Шариповича, а чем татарский метр отличается от русского?» Ельцин спросил. Пять секунд паузы, затем раздался хохот. Все, включая татарстанскую делегацию, вдруг поняли, что в отстаивании суверенитета уже дошли до абсурда. А оказывается, русский и татарский метр одинаковы, как, впрочем, и килограммы.

Если чуть-чуть вернуться назад, в 1992 год, когда принималась Конституция Татарстана, то с одобрения экспертов Венецианской комиссии в ней было уже записано и принято, что Татарстан — независимое суверенное государство. Дальше последовала бы точка невозврата. А договор 1994 года возвращал нас к соединяющему стороны мосту, к точке соприкосновения.

Поэтому еще одно значение договора — это восстановление конституционного пространства страны. На основании этого акта республика стала постепенно возвращаться к нормальным отношениям с федеральным центром. В Татарстане состоялись выборы депутатов Государственной думы и членов Совета Федерации, президента России. А это фактически, да и юридически означало признание общенационального суверенитета. С международно-правовой точки зрения всё это означало возвращение Татарстана в конституционное поле Российской Федерации и урегулирование вопроса о суверенитете и целостности государства. В Венецианской комиссии «дело Татарстана» было сразу закрыто.

Думаю, что мирное разрешение конфликта — это заслуга во многом Шаймиева и Ельцина. Модель политического урегулирования сработала, договор так в итоге и был назван: «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий».

С формальной точки зрения Татарстан получил на тот момент большие полномочия, включая сферу налогов, экономики. Но для федерального центра было важнее, что с помощью этих договоренностей удалось остановить эскалацию сепаратизма и качнуть ситуацию в обратную сторону. Договор стал своего рода мостом, или, как нынче принято говорить, «дорожной картой», по которой республика постепенно вернулась в общефедеральное конституционное поле. И если в политических заявлениях республиканских властей, в формулировках их документов еще долго сохранялась некая терминологическая фронда, то на практике всё было вполне адекватно.

Кстати, еще одна заслуга Шаймиева, да и нынешней команды Татарстана заключается в том, что, как я уже писал, они сумели конвертировать политическую самостоятельность в создание необходимых условий для социально-экономического развития. Республика многое успела сделать за эти годы: это и казанское метро, и улучшение нефтедобычи, и поддержка молодых семей. Татарстан стал примером в области эффективного регионального управления. Не зря лучшие кадры республики пришли потом на работу в федеральное правительство и в Большую Москву.

Мне вспоминается еще одна история, показывающая проницательность Минтимера Шариповича. Я уже работал в Счетной палате и привез в Казань проект закона о республиканской Счетной палате, как я его видел.

Шаймиев мне говорит: «Сергей, и зачем нам твоя Счетная палата? У нас в республике и без того дисциплина и порядок, Минфин всё проверяет, контролирует».

Думаю, как же объяснить-то, как убедить, что это неправильный подход, когда Минфин сам себя контролирует?

И нашелся аргумент, который родился тут же, прямо в ходе беседы. Я говорю ему: «Вам нужны инвестиции?»

«Конечно, — говорит, — нужны. Надо развивать КамАЗ, нефтяной комплекс».

«Так вот, — говорю, — если у вас будет сильный закон о независимом финансовом контроле...» Он: «Как независимый?» Я говорю:

«Независимый от Минфина. Контроль будет зависеть от парламента и от вас, по принципу двух ключей. Если у вас будет независимая Счетная палата, то к вам придут иностранные инвестиции».

Он походил по кабинету, говорит: «А это мысль!» И до сих пор у республики лучший закон о Счетной палате среди всех других, даже лучше федерального.

А еще я на всю жизнь запомнил свой самый первый приезд в Казань после путча 1991 года. Думал, что живым оттуда не вернусь.

Всё началось на сессии Верховного Совета Татарстана, в зале заседаний. Татарстан, окрыленный обещаниями союзного центра, требовал от Ельцина статуса независимого государства. Я выступил с позиции центра. Потом были другие выступления, причем больше в защиту руководства республики. А потом мне говорят: что мы тут дискутируем? Вот там — под окнами — на площади собралась огромная, под сто тысяч человек, толпа. И настойчиво так предложили: пойдёмте, посмотрите, послушайте, что народ говорит. Фактически вывели, вернее, вынесли меня в толпу.

Люди были очень возбуждены, потому что прошел слух, что российские войска уже стоят на границах республики. Этого, конечно, ничего не было. Я, как тогдашний член Совета безопасности России, могу ручаться. Но у людей на площади было свое мнение.

В общем, момент был крайне напряженный. Пройти по площади мне не удалось. Я только со ступенек спустился, сделал несколько шагов... Почему-то у меня было ощущение, что сзади был какой-то столб. Люди накупились с вопросами. Много спрашивали, много кричали. Общую суть вопросов озвучил молодой небритый человек с зеленой повязкой на лбу: «Вот вы — вице-премьер, отвечаете за национальную политику в Российской Федерации, видите, как народ относится к вам, потому что наши с Россией отношения всегда сложные. Еще Иван Грозный четыре раза войска к Казани подводил, а потом нас оккупировал. А что вы собираетесь делать?»

Честно скажу, было очень страшно. Я говорю: «Сделаю все, что от меня зависит, хотя я не военный человек. Единственно, что не смогу сделать, так это вывести войска Ивана Грозного».

И тут начался хохот! Слышу, говорят: «А он на татарина похож». И тогда пошел нормальный разговор.

Но мне кажется, тогда история распорядилась сама, даже вот этот выход на митинг, на площадь, вопрос, мне подаренный, и найденный, несмотря на страх, ответ...

Это всё не случайно. Надо это понимать.

Но, повторю, кроме войск Ивана Грозного, никаких иных войск в то время рядом с Казанью и близко не стояло. Сценарии разрешения конфликта с Татарстаном, конечно, рассматривались самые разные. Было несколько совещаний, в том числе с участием членов Совета безопасности. Но хватило ума и выдержки понять, что кроме

политического урегулирования никаких иных методов использовать нельзя.

А ЕЩЕ В РОССИИ ЕСТЬ ЭКСКЛАВ

Раз уж я начал тут писать о федерализме, региональных конфликтах и политике, то отдельно надо написать о Калининграде. Почему? Ну, хотя бы потому, что все мы должны понимать, что для страны это очень важная и особая зона, которую нельзя потерять. А вот чтобы правильно решить данную проблему, нужно четко понимать, как он России достался и что из этого исторического факта вытекает.

Помнится, я выиграл немало споров, спрашивая: какой город расположен ближе к Берлину — Варшава или Калининград? Умный человек быстро сообразит, что раз такой вопрос задается, то правильный ответ должен быть парадоксален: Калининград. А тот, кто не слишком задумывается, обязательно отвечает: «Конечно, Варшава!» Но это тот случай, когда расстояние по прямой практически одинаковое.

Варшава — Берлин по трассе 570 км, Калининград — Берлин 529 км по прямой. Этим вопросом я просто показываю, что Калининград, бывший Кёнигсберг — столица Пруссии, — находится в самом сердце Европы. Как известно, Калининградская область — единственный российский субъект, чья территория отделена от остальной части страны территориями иностранных государств, а административная граница области имеет статус государственной границы Российской Федерации. В силу своего уникального географического положения этот регион имеет особое значение для национальной безопасности России, а также для внешнеполитических, оборонных и экономических интересов государства на Балтике и в Европе в целом.

Мы привыкли называть Калининград анклавом. Но для России это не анклав. Анклав — это часть территории одного государства, полностью окруженная территорией другого государства.

Калининград — российская территория, которая окружена Европой. Так что он — европейский анклав, а для России — эксклав, то есть часть нашей страны, оторванная от основной территории. Вот такая получается лингвистическая тонкость.

Исторически наш Калининград до решения Потсдамской конференции 1945 года величался Кёнигсбергом и был центром немецкой провинции Восточная Пруссия. Кстати, именно Пруссия огнем и мечом в свое время объединила все немецкие княжества. Поэтому, как понимаете, изначально это совсем не российская территория, а наше приобретение по итогам Второй мировой войны.

После распада СССР, когда в условиях глубокого кризиса российский эксклав оказался экономически и фактически отрезан от «материковой» России, остро встал вопрос о статусе Калининградской области. В регионе, исторически имевшем самые тесные связи с Европой, широко

обсуждались идеи его присоединения к Германии, Польше или Литве. И странно было бы, если бы кто-то не хотел присоединить к себе Калининград со всеми его уникальными богатствами: 90% мировых запасов янтаря, большие запасы редкой легкосернистой нефти, угля и каменной соли! Например, еще в 1987 году глава правления Deutsche Bank Вильгельм Кристианс предлагал Николаю Рыжкову — премьер-министру СССР — дать Калининграду статус «самостоятельной особой зоны», а калининградская партноменклатура, кинувшаяся после распада КПСС в бизнес, буквально затаскивала в начале 1990-х немцев на территорию, создавая многочисленные совместные предприятия.

И что из всего этого следует? Да только то, что вопрос судьбы, принадлежности и сохранения Калининградской области в составе России — это вопрос не исторический и не риторический, и решаться он должен каждый день. Включая механизмы экономических связей, социальной поддержки, миграционной политики, решения проблем с обеспечением свободного передвижения калининградцев через территорию Европы в Россию и обратно.

Для того чтобы решить наиболее острые вопросы социально-экономического развития Калининградской области (в первую очередь поддержание определенного экономического потенциала и уровня жизни населения, насыщения региона необходимыми товарами и услугами в условиях изоляции от основной территории страны), еще в сентябре 1991 года гайдаровское правительство создало свободную экономическую зону «Янтарь». В 1996 году вместо нее появилась Особая экономическая зона (ОЭЗ), которая работает до сих пор. Я постоянно был в курсе дел этой зоны — сначала как советник президента по правовой политике, потом как вице-премьер, ответственный за регионы.

Но внешнеполитические и внутривнутриполитические условия очень сильно меняются, Калининградская область остается козырной картой в разного рода геополитических пасьянсах, а потому одной ОЭЗ недостаточно для обеспечения ее прочной связи с Россией. Тем более что процессы экономической интеграции Калининградской области с Балтийским регионом и Евросоюзом продолжают активно развиваться, несмотря на то что отношения России с Европой в последние годы стали более напряженными.

Я считаю, что гарантией сохранения Калининграда в российской юрисдикции и усиления его роли как нашего форпоста в Европе могло бы стать принятие федерального конституционного закона об изменении статуса области. С его помощью нужно придать ей статус территории федерального значения. Для реализации такого решения не требуется менять Конституцию России, потому что в части 5 статьи 66 мы заложили норму, согласно которой статус субъекта Российской Федерации может быть изменен федеральным конституционным законом.

Суть идеи в том, чтобы изменить принципы организации государственной власти и местного самоуправления в регионе таким образом, чтобы глава Калининградской области имел гораздо больше полномочий, чем прочие губернаторы у себя на месте, но при этом был бы сильнее зависим от центра.

Губернатор должен обязательно назначаться президентом и одновременно быть его полномочным представителем в регионе. Такой статус позволяет губернатору области координировать деятельность силовиков, территориальных органов федеральных министерств, обеспечивать федеральный контроль в финансовой сфере, то есть выполнять функции «инструмента федерального вмешательства» в дела Калининградской области. Губернатор должен иметь право назначать глав районов области, а местные руководители силовых структур должны быть по должности заместителями министров соответствующих федеральных министерств и ведомств.

Закон должен дать возможность устанавливать на территории области временные изъятия из общефедерального экономического (налогового, таможенного, бюджетного) законодательства. Кроме того, как форпост, Калининград мог бы получить право раньше, чем Россия в целом, подключаться в качестве ассоциированного участника к процессу расширения Европейского союза (на основе международных договоров и соглашений Российской Федерации, а также соответствующего федерального законодательства).

Есть еще много мер и идей, как поддержать и удержать стратегически важный для России эксклав. Но главное, что многое меняется в лучшую сторону. Осталось вот только закон принять!

Батяня-комбат

Начал я свою историю о Калининграде с геополитики, а закончу рассказом о человеке.

На волне первых лет демократии главой Калининградской области просто не мог не стать какой-нибудь энергичный доктор экономических наук, профессор, ученый. Ну, так получилось, что таким ученым, пришедшим во власть, стал Юрий Семёнович Маточкин⁷⁹. Он был, кстати, моим коллегой, народным депутатом РСФСР. Мы с ним в самом начале 1990-х были в очень хороших отношениях, много общались, обсуждали все эти вопросы с особым значением региона для России и созданием СЭЗ «Янтарь». И мне казалось, что по многим позициям — экономическим, политическим, правовым — мы были с ним на одной волне.

Но потом, когда заработала свободная экономическая зона, появились беспошлинные товары, таможенные коридоры, налоговые льготы, Юрий Семёнович вдруг расхотел действовать с оглядкой на центр. Начались коррупционные истории, чуть ли не вся экономика ушла в тень, а на все

наши попытки вразумить руководство области и навести порядок ответом были демарши в стиле, что Шахрай хочет задушить свободную экономику и превратить Калининград в военный форпост.

В общем, когда подоспело время губернаторских выборов в Калининградской области, я решил, что надо бы сделать так, чтобы Юрия Семёновича народ не переизбрал. На тот момент у меня была куча свободного времени, потому как я был в какой-то своей очередной отставке. Так что собрал свою команду и стал думать над ситуацией.

Главный вопрос — а кого поставить кандидатом? Часть моей команды уговаривала, чтобы я сам пошел, дескать, вице-премьером был, так чего бы областью не поруководить? Но я все-таки отказался. Вернее, отшутился: я на Кавказе родился, в Ростове учился, а в Калининграде для меня слишком холодно.

В итоге нашел подходящего кандидата — Леонида Горбенко⁸⁰, начальника Калининградского рыбного порта. Полная противоположность Маточкину: не рафинированный ученый-экономист, а этакий сам-себя-сделавший российский рыбопромышленник — серьезный, хозяйственный, деловой, крепко стоящий на земле. У него в порту чуть ли не по линейке траву подстригали. Заборы ровные, бордюры покрашены, травка зеленая, корабли ходят, рыбу ловят, зарплату вовремя платят, еще и зоопарк частный. Ну, одно слово — хозяин. Встретились, поговорили.

Он мне и говорит: «Сергей Михайлович, да на кой оно мне это надо?» (Это я, конечно, литературно пишу, а Леонид Петрович выразился покрепче.)

А я ему: «Как? А вот, сказывали мне, что тебе Маточкин сильно мешает».

Он понурился: «Да еще как!»

В общем, через какое-то время созрел наш Горбенко побороться на выборах за пост губернатора. Тогда ведь реально всенародные выборы были в регионах.

Но оказалось, что хороший хозяин — это не всегда хороший публичный политик. Беда с Горбенко приключилась страшная. Как только включалась телевизионная камера или собиралась пресс-конференция, немел мой кандидат намертво, словно его разбивал паралич. Вроде хочет что сказать, а не может. Потом, когда камеру выключали, он сразу отмирал, начинал виниться: дескать, «знав, зная, да забыв...» (он в Черкасской области родился).

В итоге придумал я ему шпаргалки писать. Я или кто-то из помощников всегда вставляли за телевизионной камерой с большими листами ватмана, на которых были написаны огромным шрифтом нужные слова.

Он вроде бы смотрел прямо в камеру, на публику, а на самом деле свою речь с наших листов считывал. Мука страшная была эти листы вовремя

перелистывать. Сейчас-то для той же надобности телесуфлеры есть с прозрачными экранами, а в 1996-м о такой технике и не мечтали.

Надо отдать Горбенко должное: к концу избирательной кампании он так натренировался, так осмелел, что сам выиграл публичные дебаты у златоуста Маточкина. И это при том, что помогать со словами ему никто не мог — телеэфир был прямой, а гаджетов таких, чтобы в ухо чего-то кандидату нашептывать оперативно, тогда тоже не было. Пришлось Леониду Петровичу самому сражаться.

Хотя разные аналитики не давали Горбенко шансов, в первом туре он сразу набрал 22 процента голосов. Это значит — второй тур. И надо было что-то придумывать, чтобы переломить ситуацию в пользу нашего «крепкого хозяйственника».

Как сейчас помню: холодная осенняя ночь, крохотная частная гостиница. А я спать не могу. Ворочаюсь на узкой постельке в этой своей келье, все думаю: что делать, как кампанию выигрывать будем? Вылез часа в три ночи за стол к своим бумагам и включаю тихонечко радио, чтобы фоном что-то шумело (есть у меня такая привычка). А там песня — «Батяня-комбат». И меня как током прошибло: вот она — находка. Еле дождался утра. Встретился со своей командой, спрашиваю: «А как Горбенко свои называют — в рыбном порту, в городе?» А мне в ответ все дружно хором: «Батя!»

Ну что, сделали мы быстро клип, и сразу его в эфир. А там... Шагает молча Горбенко, за спиной — город, порт, прожекторы, портовые краны, а фоном: «Комбат-батяня, батяня-комбат, за нами — Россия, Москва и Арбат»... Из каждого радиоприемника, из каждого телевизора.

В общем, выиграли выборы. Так нам наш «Батяня-комбат» помог, да и сам наш «Батя» не оплошал. Вот ведь интересная судьба у политиков: иногда только одной песни для победы не хватает...

Кстати, Леонид Петрович оказался неплохим губернатором. Хотя и не без ошибок и проблем, но его выручало чутье хорошего хозяйственника.

КТО-ТО СТРОИТ ДОМА, А Я СОЗДАЮ СТРУКТУРЫ

Есть такой классический вопрос: «Вы работаете с кем-то или на кого-то?» В смысле — за идею или за деньги? Так вот, я всегда работал с президентом и премьерами, но не на них. Работал я всегда на государство, на идею государства. И если возникал момент, что ради чьих-то персональных интересов предлагали отодвинуть в сторону интересы государства, то мне становилось скучно и я уходил. Или меня «уходили». А потом опять предлагали вернуться. Чаще всего так было,

если случался какой-то кризис, за решение которого персональных бонусов не ожидалось, а не решать было нельзя, потому как «отечество в опасности!». В результате в парламент, в правительство и в Администрацию Президента России я приходил и уходил из них с десятков раз. Но каждый раз оставлял после себя какие-то новые структуры, модели, документы, которые живут и здравствуют до сих пор.

ГПУ — это не то, что вы подумали, или Почему я теперь всегда проверяю, как звучат аббревиатуры

Одной из таких конструкций стало ГПУ — Государственно-правовое управление Президента Российской Федерации.

Я уже писал, что поначалу мне пришлось довольно долго убеждать коллег из гайдаровского правительства, что в условиях реформ право и правовая защита происходящих перемен играют едва ли не более значимую роль, чем собственно какие-то экономические решения.

Что касается Бориса Николаевича, то он намного быстрее понял, что глава государства выражает свою миссию, свою функцию в своих актах. Акты президента — это тот язык, на котором он говорит с окружающим миром, но не просто говорит, а меняет реальность. В буквальном смысле слова глава государства указывает реальности, какую форму она должна принять, в каком направлении развиваться, чтобы в итоге все вокруг увидели, что будущее, которое описано, запланировано в Конституции, теперь воплотилось в жизнь. Мы в нем живем. Немножко волшебное звучит, но именно так.

А раз акты президента — его главная функция, то нужна структура, чтобы помогать главе государства в ее реализации. Я всё изложил на бумаге, принес Борису Николаевичу записку и картинку со структурой. Главных задач четыре: подготовка проектов президентских указов; подготовка поручений и распоряжений; экспертиза законопроектов, которые идут через парламент, с тем, чтобы понять — одобрить или наложить вето; а также представление и защита интересов главы государства в суде, парламенте и так далее. Ельцин всё одобрил, велел действовать.

И тут начался небольшой скандал. Неожиданно приревновали коллеги: Геннадий Бурбулис, тогда госсекретарь, и Николай Фёдоров — министр юстиции устроили страшный наезд в СМИ, прицепившись к названию. Вернее, к аббревиатуре.

Я-то без задней мысли назвал «Государственное правовое управление», а если коротко — ГПУ. А демократы раскричались: Шахрай возрождает сталинское ГПУ (Государственное политическое управление при НКВД) — самую страшную организацию тех времен с внесудебными

полномочиями. Да еще как на грех разместили нас на Старой площади в Москве в том же самом подъезде, где исторически ГПУ и было.

Сейчас история кажется забавной, а тогда я сильно расстроился. Так мне было обидно. Ну ладно бы чужие устроили этот шум, а то ведь свои же друзья-коллеги! Даже усы мои приплели — дескать, новым Сталиным решил заделаться. А я ведь даже никогда не возглавлял ГПУ, просто «приглядывал» за новой структурой и работал вместе, поскольку был государственным советником по правовой политике.

Кадры отбирал для ГПУ самые лучшие — газеты даже писали, что я увел всех молодых юристов из парламента и министерств. Но не думаю, что так уж и всех. Тем более что зарплаты были не так чтобы сильно выше, чем в других местах. Просто дело было интересное. Кстати, Руслан Орехов⁸¹, который потом шесть лет ГПУ возглавлял, и Александр Маслов⁸² — это мои студенты.

Сначала пришлось непросто. Надо было наладить взаимодействие с юридическими службами во всех ветвях власти, отладить алгоритмы прохождения бумаг, чтобы вовремя отслеживать стадии законопроектной работы и так далее. Не обошлось без конфликтов. Но когда аппаратчики осознали, что если сегодня их условный Иван Иванович не дал в ГПУ нужные бумаги по законопроекту или пропустил сроки, то завтра депутаты получают на этот акт президентское вето, и всем парламентским клеркам мало не покажется, то стали относиться к таким контактам как к нормальному рабочему процессу. А еще нередко бывало, что какой-нибудь важный закон не двигался, потому что юристы Госдумы насмерть поссорились с юристами правительства, и тогда ГПУ становилось арбитром. Тоже вошло в обычай.

С тех пор я взял себе в привычку: если придумываешь название для новой организации, первым делом проверь, как она будет сокращенно звучать, какие ассоциации вызывать. А то ведь правду говорят: как корабль назовешь... Впрочем, ГПУ, несмотря на всю эту историю с названием, прекрасно себя чувствует.

Как я Примакову АРКО насоветовал

За свои годы работы в правительстве я давно понял, что советник премьера, как правило, намного важнее, чем вице-премьер. Когда я сам был вице-премьером, то выступал своего рода координатором, таким медиатором, согласователем позиций разных министерств и ведомств. Проводил бесконечные совещания, составлял протоколы. А дальше эти самые протоколы уходили... к советнику премьера. И уже от него зависело, как глава правительства отнесется к этим результатам, что с ними сделает, какую линию выберет. Получалось, что в должности вице-премьера мне приходилось проводить целые спецоперации, чтобы продвигать события в нужном направлении, а вот когда ты простой

советник, то нужды в этом нет. Потому как ты общаешься с премьером напрямую, без промежуточных звеньев, в жесткой связке.

Взять, к примеру, мою работу советником Примакова.

Евгений Максимович начинал каждый рабочий день с вызова двух советников: меня, который отвечал за законодательство и региональную политику, контакты с парламентом и судами, и Александра Александровича Дынкина⁸³, который докладывал о том, что происходит в экономике страны. Получалось, что день председателя правительства начинался с нашего доклада. Вот эти утренние полчаса или час по факту определяли повестку дел и оперативные решения премьера. Он с нашей помощью вооружал себя информацией и знаниями, а потому мы должны были буквально пахать сутками, чтобы ничего важного не пропустить, все перепроверить. Понятно, что были и другие помощники, эксперты, аналитики, но наши направления были главными. Примаков понимал, что самому всё не охватить, не осмыслить, ведь в сутках всего 24 часа. Поэтому выбирал профессионалов, которым доверял, и давал им карт-бланш на оценки и подготовку решений.

А раз тебе такое серьезное дело доверили, то должен соответствовать. Нельзя ошибаться даже в мелочах. И дело не в том, что ответишь должностью. Хуже, что опозоришься и в глазах премьера, который тебе доверял, и в глазах профессионального сообщества.

В общем, если я поначалу переживал, что по статусу должность советника была, конечно, ниже, чем у вице-премьера, то потом понял, что она куда более ответственная и притом совершенно каторжная.

Советником я был у двух премьеров — у Примакова и у Степашина. С Сергеем Вадимовичем мы до сих пор дружим. Я у него и в Счетной палате аппаратом руководил, и сейчас мы постоянно встречаемся.

А вот про Примакова хочу рассказать отдельно, потому как его правительство — это была просто страница из моего учебника конституционного права.

Почему? Да потому, что именно кабинет Примакова, если сравнивать с моделью, заложенной в Конституции, функционировал почти идеально с точки зрения соответствия конституционной модели. Фактически это было первое в истории современной России правительство, которое по крайней мере в первые месяцы после своего создания пользовалось полной поддержкой парламента. Да и по составу первых лиц оно было коалиционным, не зря кое-кто называл его правительством народного доверия. На ведущие посты пришли многие из «бывших»: первыми вице-премьерами стали бывший член политбюро ЦК КПСС Юрий Маслюков, бывший председатель Ленинградского областного Совета народных депутатов и губернатор Ленинградской области Вадим Густов, «обычным» вице-премьером назначили бывшего главу Межреспубликанского продовольственного комитета СССР Геннадия Кулика. Кстати, тогда же вице-премьером стала Валентина Ивановна

Матвиенко (на тот момент она работала чрезвычайным и полномочным послом России в Греции).

Хотя опыта хозяйственного управления дипломат и разведчик Примаков не имел, однако его высокий личный авторитет государственного деятеля, ученого-международника, министра иностранных дел, по словам журналистов «вернувшего достоинство российской внешней политике», позволил довольно быстро погасить политическое противостояние после дефолта 1998 года, сохранить банковскую систему и экономику.

Но сам по себе примаковский кабинет и аппарат правительства работали не слишком творчески, я бы сказал, кондово. «Вождь седовласых» привел с собой тех, кого знал и кому доверял, в результате средний возраст аппарата за пару недель резко увеличился. Но что касается лично Евгения Максимовича, то в суть проблем он вникал быстро, мог лучше, чем эксперты, спрогнозировать долгосрочные риски и последствия (не зря же столько лет возглавлял нашу внешнюю разведку), а потому важные вопросы решал оперативно. Когда после суверенного дефолта посыпались банки, а их руководители начали убегать за границу, полстраны вкладчиков остались без денег. Особенно ударила по всем история с «СБС-Агро»^[58] Александра Смоленского. Этот банк был вторым после Сбербанка, считался чуть ли не самым надежным. И вдруг оказывается, что «СБС-Агро» — банкрот, и деньги, которые я и еще миллиона два граждан туда принесли, никто не вернет.

Прихожу к Примакову: «Евгений Максимович, надо что-то придумывать. Ситуация ненормальная, денег в казне мало, банки лопаются, вкладчики скоро на баррикады пойдут. Надо как-то ситуацию расшить, как-то подстраховаться».

«Это как?»

«Есть идея. Я обсуждал ее с коллегами из Центробанка. Надо учредить специальное агентство, которое займется проблемными кредитными организациями. Если видно, что банк не выкарабкается сам, то нужно что-то вроде внешнего управляющего, чтобы как-то остановить вывод активов и защитить интересы людей и компаний, которые этому банку деньги доверили. Внешнее управление Центробанка — это нормально, но ему страной надо заниматься, а не каждым банком в отдельности. Должна быть специальная структура».

В итоге я оставил ему записку, как такое учреждение должно работать, какие правовые основания. Так, странички полторы. Кстати, давно понял, что, когда президенту или премьеру что-то советуешь, полторы странички ясного и четкого текста — это самый правильный формат. Одна страничка — несерьезно, три — много, а полторы — в самый раз, чтобы он первую прочитал, перевернул, а всё самое главное было на второй. Написал не только свою идею, но еще и человека предложил. «Есть, — говорю, отличный специалист, кто все это дело потянет». Тоже замечу, что к любой идее «наверх» надо обязательно дать человека —

того, кто ее сможет воплотить в жизнь. И предложил я Примакову кандидатуру Александра Владимировича Турбанова. Кстати, депутатом Госдумы он стал по списку моей партии ПРЕС, а потом от фракции пошел в заместители председателя Центрального банка. Я знал его как настоящего профессионала. Примаков идею оценил. Раздумывать долго не стал. Очень быстро, в конце ноября 1998 года распоряжением правительства было создано Агентство по реструктуризации кредитных организаций. В январе 1999 года его зарегистрировали как открытое акционерное общество с уставным капиталом в 10 млрд рублей (учредителем стал Российский фонд федерального имущества)[\[59\]](#). А в марте, когда были получены необходимые банковские лицензии и оплачен уставной капитал, Турбанов со своим АРКО уже приступили к работе. И мы с этим решением не ошиблись. За несколько месяцев удалось разобраться с самыми сложными случаями. Одни банки были реструктурированы, другим помогли оздоровиться, а третьи — ликвидировали.

Кстати, «СБС-Агро», из-за которого я всю эту кашу заварил, сначала перешел под управление АРКО, а потом и вовсе был ликвидирован.

Правительство Примакова многое успело сделать, но прожило всего девять месяцев. Почему? На мой взгляд, причины две, и они прямо противоположны друг другу. С одной стороны, аппаратчики Примакова абсолютно не умели общаться с прессой, объясняться с людьми, не умели «делать политику». Евгений Максимович сам был очень закрытый человек. В ситуации, когда надо было идти и говорить с обществом, со СМИ, он предпочитал оставаться в тени, так сказать за кадром. А с другой стороны, Ельцин отправил это правительство в отставку как раз потому, что кабинет решил пойти в политику.

Весной 1999-го начался очередной виток с импичментом (у нас вечно всё по весне да по осени активизируется), плюс предвыборный ажиотаж. Евгений Максимович, похоже, поверил многочисленным экспертам, что он по всем прогнозам — будущий президент. В результате его правительство увлеклось собственной политической активностью и не высказало решительно позиции против импичмента. Борис Николаевич обиделся. Но одновременно напряглись и депутаты. Лидеры думской оппозиции заревновали, что Примаков стал очень популярен и вдобавок политику экономическую стал вести по своему разумению, а не ту, что хотели бы левые.

В общем, в итоге Госдума немножко пошумела, когда Ельцин отправил Евгения Максимовича в отставку, но потом согласилась утвердить новым премьером Сергея Вадимовича Степашина.

Завершая разговор о кабинете Примакова, хочу повторить, что именно он был единственным, на сто процентов реализовавшим модель правительства, заложенную нами с Сергеем Сергеевичем Алексеевым в Конституции.

Что значит это самое «на сто процентов»? А то, что это были премьер и правительство, в работу которых не вмешивалась администрация президента. Это был премьер, который первый раз в нашей современной истории опирался на парламентское большинство. Потому что его выдвинули на эту должность и партия власти, и коммунисты, и либералы, и все прочие. А потому он мог выстраивать равноправные отношения с парламентом и не зависел в текущих вопросах от президента, а тем более — от его администрации, поскольку опирался в своей деятельности на парламентское большинство. То есть точно в соответствии с Конституцией: исполнительную власть возглавляет правительство. Именно этим Примаков и занимался. К сожалению, этот период быстро закончился. Но ведь был!

Кстати, когда Владимир Владимирович Путин впервые стал президентом, то он, похоже, примаковскую (читай — конституционную) модель правительства хотел реализовать. Свидетельство тому — его обращение к Федеральному собранию в 2003 году. Владимир Владимирович тогда четко и недвусмысленно сказал: «С учетом итогов предстоящих выборов в Государственную думу считаю возможным сформировать профессиональное, эффективное правительство, опирающееся на парламентское большинство».

Я уверен, что рано или поздно мы придем к этой модели.

Почему же тогда — в 2003-м — ничего не получилось? А потому, что известный олигарх Михаил Борисович Ходорковский тогда слишком политически активен оказался. И «добрые люди» президенту доложили, что группа Ходорковского якобы уже скупила большинство будущих депутатских мест, а значит, именно он автоматически станет председателем правительства, если, конечно, не остановить его и всю эту историю. То есть разные аналитики пугали Кремль тем, что если в 2003 году реализовать модель правительства парламентского большинства, то по итогам мы получим премьера Ходорковского. А премьер у нас что помимо прочего делает? А премьер у нас, в случае чего, становится исполняющим обязанности президента... В общем, опять какая-то нехорошая загогулина получается.

Ну а дальше история пошла так, как она пошла...

Профит, принесенный ветром, или Немного про итоги приватизации

Если уж вспомнил про олигархов, то мысль сразу сворачивает на то, как мы со Степашиным итоги приватизации подводили.

Перед этим мы с ним в правительстве поработали, он — премьером, я — советником.

Кабинет просуществовал всего одно лето, но какое это было лето! Казалось, туда вместились целая жизнь.

Сергей Вадимович сразу заявил, что никакой политической ангажированности правительства не будет, потому что «России сейчас требуется “технократическое правительство переходного периода”, которое должно обеспечить преодоление кризисных явлений в социально-экономической сфере». Он жестко заявил аппарату, что ни члены правительства, ни сотрудники не будут обслуживать интересы никаких политических организаций, а если такое случится — наказание будет суровым.

Степашин успевал заниматься экономикой, гасить конфликт в Чечне и одновременно поддерживать науку и инновации, привлекать ученых к обсуждению государственных решений. Именно он первым реализовал концепцию так называемого открытого правительства. Практически сразу после своего прихода на пост создал Экономический совет при правительстве Российской Федерации, куда наряду с министрами, руководителями регионов, представителями банков и бизнеса вошли ведущие ученые-экономисты самых разных школ и направлений: Леонид Абалкин, Егор Гайдар, Сергей Глазьев, Александр Дынкин, Владимир Мау, Николай Петраков, Николай Шмелёв, Евгений Ясин и многие-многие другие.

Помнится, Александр Волошин, который на тот момент руководил администрацией президента, даже заявил журналистам: «Премьер-министр Сергей Степашин достоин быть будущим президентом России», вдобавок он «гораздо лучше большинства других претендентов представляет, что такое управлять государством и решать масштабные государственные задачи».

А потом наступил август 1999-го, и кабинет Степашина отправили в отставку. Ему на смену пришел Владимир Владимирович Путин. В декабре Сергей Вадимович победил на выборах в Госдуму, а в апреле 2000-го коллеги-парламентарии поддержали его кандидатуру на пост председателя Счетной палаты России. Счетная палата тогда была в самом начале пути к тому независимому и авторитетному органу государственного аудита, какой есть в любой цивилизованной стране. В общем, Сергей Вадимович позвал меня — помочь в этом деле.

Мы много чего сделали для государственного аудита страны, даже вот факультет в МГУ создали. Но пожалуй, одна из самых ярких историй — это подведение итогов приватизации с 1993 по 2003 год.

Почему Счетная палата этим занялась? Да потому, что во всех международных стандартах работы подобных органов записано, что государственные аудиторы не просто вправе, но обязаны участвовать во всех этапах приватизации и давать им оценку, потому что речь идет о государственном имуществе, а значит — о народном добре.

А тут — десять лет без анализа. Больше того, приватизация в России вообще началась за пять лет до того, как появилась Счетная палата, и три четверти предприятий были проданы без контроля.

Когда я готовил доклады Сергею Вадимовичу, то специально подобрал факты, какую пользу для бюджета дает участие государственного аудита в процедурах приватизации.

Например, когда Счетная палата была допущена к проверке предприватизационной документации ОАО «Оренбургская нефтяная акционерная компания», госказна дополнительно получила более 654 миллионов долларов США от продажи акций. И наоборот, когда приватизировали без нас Московский вертолетный завод имени М.Л. Миля, то за все про все государство получило меньше 30 тысяч долларов, тогда как одних вертолетов там стояло больше десятка, при этом каждый стоил около 6–8 миллионов долларов. Надо пояснить, что тогда Счетная палата не могла по своему усмотрению участвовать в оценке стоимости и аудите процесса приватизации того или иного предприятия. Необходимо было поручение парламента или президента.

В общем, в 2004 году вся Счетная палата, все аудиторы и аппарат засучили рукава, исследовали детально всё законодательство того времени, все сделки, доходы, расходы, подготовили тысячи страниц материалов. А потом мы с рабочей группой свели это всё в отчет страниц на двести — с выводами и рекомендациями на тему, что делать, чтобы это больше не повторилось. Причем специально обсудили вопрос, как можно было бы вернуть государству средства, которые оно недополучило за те десять лет приватизации. Ведь очевидно, что предприятия продавались по заниженной цене, хотя и в полном соответствии с тогдашним законодательством. То есть получается, что раз были такие законы, то ответственность лежит не только на «приватизаторах», но и на государстве.

По логике, надо бы побудить новых собственников как-то доплатить государству, а как это сделать законно и так, чтобы не напугать инвесторов и учесть интересы всех экономических субъектов, внешних и внутренних, — вопрос архисложный. Ведь для стабильности экономики важна позиция, которую озвучивали со всех трибун: «Пересмотра итогов приватизации не будет». Только при таком условии можно было привлекать внешние инвестиции, убеждать бизнес вкладываться в производство.

Решили, что выходом мог бы стать опыт Великобритании. Там Маргарет Тэтчер приватизацию еще в 1980-х годах проводила. И хотя делалось всё строго по закону, возникли сомнения в справедливости оценки имущества. В результате через 17 лет после окончания приватизации англичане взяли и ввели специальный налог на сверхприбыль, которую собственники получили вследствие первоначальной недооценки активов. Назвали его «налог на прибыль, принесенную ветром» (windfall profit tax). И мы такой же хотели внедрить, а деньги хранить в специальном фонде, вроде Фонда будущих поколений.

Стали думать, как обнародовать наши результаты. Это ведь не просто очередной отчет, а своего рода историческое событие. Обсудили с

администрацией президента. В том смысле, что если всё правильно сделать, то можно будет одним ударом трех зайцев убить: поставить точку в долгих политических дискуссиях про итоги «грабительской приватизации», зарубежным инвесторам дать позитивный сигнал, да еще и для бюджета «налог на прибыль, принесенную ветром» собрать. Идею очень одобрили, только просили в СМИ заранее информацию не давать. Решили, что схема будет такая: 8 декабря заслушаем отчет Степашина в Госдуме, потому как он обязан регулярно докладывать парламенту о результатах проверок, а по итогам депутаты примут постановление с двумя пунктами. Первый — что «пересмотра итогов не будет», а второй — что надо разработать закон, по которому олигархи будут обязаны доплатить.

Всё вроде должно было получиться, но тут неожиданно журналисты подняли истерику. Кто-то вбросил информацию, что на самом деле принято решение начать пересмотр результатов приватизации за все прошедшие десять лет. Государство решило устроить национализацию крупнейших активов, а доклад Степашина — это просто сигнал к началу кампании. Биржи заволновались, акции всех наших главных компаний, особенно тех, кто участвовал в залоговых аукционах, резко повалились, началась какая-то вакханалия... В администрацию президента двинулись тяжеловесы от экономики и политики: дескать, страна в опасности. Кремль убедил, что доклад Степашина надо сносить, тему гасить, и, соответственно, никакого постановления по итогам приватизации не принимать.

В результате вопрос с выступлением Степашина в Госдуме из повестки дня убрали, а сам доклад еще и засекретили. Кто-то потом шутил, что олигархи решили перенести доклад, чтобы он вышел в свет, когда истечет срок давности по приватизационным преступлениям, а он в тогдашнем Уголовном кодексе был 10 лет.

Я был страшно расстроен, потому что мы потеряли историческую возможность поставить точку в очень болезненном споре, который всех вечно заставлял лезть на баррикады. Думаю, что на самом деле проиграли все. Выиграли только какие-нибудь брокеры, которые на прыжках курсов акций себе денег срубили. Может, собственно, ради этого всё и задумывалось. Часто, когда какое-то большое дело по непонятной причине загублено, ищешь какие-то не менее важные причины, сильных и серьезных противников. А потом оказывается, что это просто мелкий брокер решил чуток заработать.

Сейчас, правда, с приватизацией всё поутихло. Периодически вспоминают про несправедливость, про залоговые аукционы. Но как-то так вяло. Тем более что теперь у нас такие законы, такая система создана, что олигархи сами уже последнее готовы принести. Анекдот в тему вспомнился, правда довольно печальный.

Наши дни. Приходит один из последних олигархов к президенту и говорит: «Владимир Владимирович, докладываю: я все ваши условия

выполнил, предприятия государству вернул, один особняк детскому саду отдал, другой — школе, налоги все пять раз заплатил. Можно мне теперь поехать за границу, чтобы с семьей соединиться?»

А Путин отвечает: «Да, конечно! Только на дорожку надо посидеть».

Про то, как я к «Газпром-медиа» [60] руку приложил

В русских сказках было три богатыря, а в «газпромовской» России 1990-х богатырей было двое. Это Виктор Степанович Черномырдин и Рем Иванович Вяхирев. Оба из тяжеловесов — политических и экономических. Под ними — огромное хозяйство. Думали всегда долго, потому что решения принимали не абы как, а со всей серьезностью и обстоятельностью. И, что важно, оба — и Черномырдин, и Вяхирев — если уж что решили, то готовы были за это лично отвечать. Ничего не боялись, ни на кого ответственность не перекладывали. В общем, серьезные они были — эти газпромовские богатыри.

О Черномырдине я уже писал, а сейчас пару слов о том, как меня однажды свела судьба с Вяхиревым и что из этого получилось.

Помню, было это в конце девяностых, когда я работал советником председателя правительства России. У нас с Вяхиревым шел какой-то довольно длинный доверительный разговор, а я вдруг стал ему рассказывать не про газ с трубами, а про то, сколько СМИ находится на содержании у его любимого детища. Он вещами, далекими от газа, не слишком увлекался, а потому удивился, когда узнал, что Газпром содержит на непонятных основаниях кучу газет — от местных до федеральных, вроде «Труда» и «Рабочей трибуны» (в 1998-м — «Трибуна»), какие-то телеканалы, включая 30% акций НТВ и 3% ОРТ, какие-то радиостанции и прочие местные СМИ — без счета. Как этот массив образовался, никто толком сказать не мог. Видимо, кто-то что-то пролоббировал, кто-то честно поддержать попросил, кто-то немножко пошантажировал — дескать, без покупки этого местного радио мы вам газу в трубу не дадим... А в итоге оказалось, что Газпром выкладывал на СМИ довольно серьезные деньги, но бессистемно и без выгоды для себя.

Когда я Рему Ивановичу картину в красках нарисовал, да еще бумаги показал, как Газпром несколько раз одни и те же акции купил, он крепко задумался и говорит: «Елки зеленые, а я и не подозревал, что так все запущено. И что посоветуешь делать?»

Ну, я и предложил: «Что, если собрать все эти непрофильные структуры в кучу, сделать холдинг и назвать “Газпром-медиа”. Тогда можно будет все эти активы почистить, разобраться с собственностью и правами и решить, что вам оставить, а что продать. А потом специалисты будут

управлять всем этим медиахозяйством на благо Газпрому и его общественной миссии».

Он почти сразу принял решение, и уже в 1998 году холдинг был создан. Генеральным директором «Газпром-медиа» одно время был Александр Астафьев, член моей команды, а я вошел в совет директоров. Не сказать чтобы те, кто подсунули СМИ «на прокорм» Газпрому, сильно обрадовались созданию холдинга. Потому что в мутной воде рыбку ловить было легче. Но у идеи, помимо самого Рема Ивановича, появились серьезные сторонники. Например, очень позитивную роль сыграл Виктор Васильевич Илюшин, который тогда перешел на работу в Газпром. Он, когда это всё увидел и понял, что Вяхирев поддерживает проект, очень активно нам начал помогать, чем существенно ускорил создание холдинга. А в Кремле проекту всерьез помогал Валентин Юмашев, который сменил Анатолия Чубайса на посту руководителя президентской администрации. Он тогда поддержал мое назначение в совет директоров новой компании.

А потом... Потом «Газпром-медиа» стал жить своей жизнью, занимая особое место в медийном пространстве страны. Сколько директоров сменилось... Самые яркие люди возглавляли этот холдинг.

И как все это начиналось, никто уж и не помнит. А у меня где-то в бумагах так и лежит отчет для Рема Ивановича, где на четырнадцатой страничке впервые появились слова «Что такое “Газпром-медиа”»...

Заплати налоги, но — не спи!

Когда я работал в Счетной палате России, то по телевизору часто крутили рекламу, придуманную нашими налоговиками: «Заплати налоги, и спи спокойно». Вроде бы вещь полезная, но уж очень она мне не понравилась. При чем не из-за первой части слогана, а из-за второй.

Что значит — спи спокойно? А разве не интересно, куда бюрократия наши денежки потратит? Кто будет контролировать? Одной нашей Счетной палаты мало.

Так у меня родилась идея создать Российский союз налогоплательщиков. Причем коллеги, с которыми поделился задумкой, сразу сказали: «Ну, ты замахнулся! Получается, что твой союз будет круче, чем любая партия, потому что у нас все налогоплательщики, кроме разве что младенцев!» А что тут плохого?

Наоборот, просто отлично. Мне давно было понятно, что с политическими партиями у нас не вышло. Да и общественность уже на какие-то чисто политические лозунги почти не реагирует. А вот под какое-то важное и полезное общее дело люди вполне готовы собраться. Кстати, с годами этот тренд особенно стал виден. Сколько волонтерских движений появилось, сколько общественных инициатив! А мы ведь одни из первых начинали с таким подходом.

В общем, сказано — сделано.

Учредительный съезд провели 20 декабря 2003 года. Дату выбрали со смыслом — праздник органов госбезопасности. А у нас будет организация, которая помогает обеспечивать безопасность общественных финансов.

Сразу согласовали, что наш союз не является политическим и стоит на позициях партнерства с государством. Юридическую основу я предложил следующую: по Конституции у граждан России есть не только обязанность платить налоги, но и право получать объективную и достоверную информацию о том, куда и как расходуются эти средства. Поэтому наша главная задача — помогать обществу и органам власти в реализации этого конституционного права граждан.

Чтобы было понятно, что за этим стоит, придумал модель, которая хорошо легла в основу нашей идеологии. Я на учредительном съезде и много раз после говорил примерно так:

«Давайте представим, что наша страна — это огромное открытое акционерное общество, а мы, граждане России, его акционеры. Когда мы платим свои налоги, то тем самым создаем капитал общества — наше общественное богатство. Отсюда — два момента.

У каждого ОАО есть органы управления. У нашего акционерного общества по имени «Россия» они тоже имеются. Это президент, парламент и правительство. Но есть один пробел. У нас нет ревизионной комиссии. А она должна быть, иначе такое ОАО никто и не зарегистрирует.

Вот мы с вами и берем на себя такую тяжелую, почетную, ответственную миссию: объявляем себя общественной ревизионной комиссией в открытом акционерном обществе — России. То есть мы понимаем налоги не как обременительную повинность, а как форму участия граждан в управлении государством».

Еще одна линия была такая: если нашу организацию мы считаем независимым контрольно-ревизионным органом открытого акционерного общества — России, то Счетная палата создается президентом и Федеральным собранием, представляющим интересы всех граждан страны, и является высшим органом внешнего финансового контроля или высшим органом государственного аудита. Как орган аудита она также действует от имени граждан-налогоплательщиков и для защиты их интересов. А значит — она наш самый главный партнер и союзник во всех делах.

На Западе, в тех же Соединенных Штатах Америки, Союз налогоплательщиков помогает оптимизировать налоги и уйти от преследования Налоговой службы. А мы, наоборот, объявили, что являемся союзниками не только Счетной палаты, но и налоговиков. Однако это совсем не предполагает наличия соглашательской позиции по части любого роста налогов. Налоги, тарифы, разного рода выплаты в

государственный бюджет должны были разумны, справедливы и обязаны выполнять стимулирующую роль для общественного и экономического развития. Поэтому мы оппонируем тем министерствам правительства, которые отвечают за установление новых налогов и самое главное — за расходы бюджета.

Помнится, мы предлагали ввести День налогоплательщика по аналогии с тем, как это сделано в нескольких странах. В США он называется «День налоговой свободы» (Tax Freedom Day). У этого праздника нет фиксированной даты — каждый год ее рассчитывают по-новому. Суммируются все средства, заработанные населением, и смотрят — хватит ли их, чтобы заплатить все полагающиеся налоги во все бюджеты и фонды. Вот в тот день, когда денег хватит, наступает День налогоплательщика. Потому как после этой даты человек как бы начинает работать на «свой карман», а не на бюджет государства.

Но потом от идеи отказались, так как было видно, что с каждым днем День налоговой свободы наступает всё позже и позже — не только у нас, но и во всех странах мира. В общем, решили пока ограничиться Днем налогового работника. Это профессиональный праздник работников налоговых органов, который с 2000 года отмечают 21 ноября.

Кстати, налоговики, которые поначалу настороженно отнеслись к Российскому союзу налогоплательщиков, потом оценили, что мы не занимаемся критикой ради критики, а реально участвуем в решении проблем: и в том, что касается функционирования налоговой системы, и развития налоговой культуры, и экспертизы законопроектов. Мы даже книжки вместе с налоговиками выпускали — и для взрослых, и для детей, чтобы объяснить, в чем важность и значение налогов и ответственности налогоплательщиков. Еще газету запустили с миллионным тиражом «Народные деньги», и виртуальную общественную приемную. В 2006 году с нами даже «Единая Россия» соглашение о сотрудничестве подписала. Мы хотели, чтобы партийцы помогали нам двигать наши инициативы и экспертизы в парламенте.

Я был доволен, что идея собрать активных граждан не под политические лозунги, а для конкретного дела сработала. В наш Российский союз налогоплательщиков пришло очень много специалистов, креативных, творческих людей, с гражданской позицией, — юристы, адвокаты, налоговые консультанты, журналисты, предприниматели, руководители крупных предприятий, даже представители органов власти.

Сегодня кажется, что так всегда и было, что эти понятия — общественный контроль в бюджетной сфере, открытость и подотчетность органов власти, налоговая культура — существовали всегда. А ведь поначалу и граждане ничего не понимали, и органы власти встречали в штыки, особенно когда мы заговорили о том, что надо бы разработать систему индикаторов для оценки эффективности развития механизмов обратной связи между государством и обществом. А теперь это обычная практика, можно даже сказать, рутина.

Так что нам надо гордиться, что шаг за шагом помогали рождению налоговой культуры в стране, появлению современного налогового администрирования. Даже идея цифрового кабинета для налогоплательщиков тоже родилась в ходе наших дискуссий и общения с налоговиками.

Правда, еще не все инициативы восприняты и реализованы. Вот как, к примеру, можно еще поднять культуру налогоплательщика и понимание того, что человек делает очень важное дело, выплачивая налоги? Да очень просто. Предлагаю два пункта.

Первый. Налог с зарплаты должна платить не бухгалтерия, а сам человек. А то, когда он просто получает заработанное за вычетом НДФЛ, то не ощущает, что отдает в налоги свои кровные деньги. Просто их не видит. А значит, ему неинтересно, кто и как потом их тратит. Вот если бы он сам, лично, своими руками перечислял, то, наверное, появилось бы и желание узнать о судьбе этих финансов.

Второй. Подоходный налог надо платить по месту жительства. Там, где человек живет, где находится его дом, поликлиника, детсад и школа, в которую ходят его дети. То есть если я плачу налоги на своей территории, а качество жизни не улучшается, то у меня сразу возникнут вопросы. И я по-другому буду голосовать за свои власти.

Еще у нас была идея, что на местном уровне право голосовать могут иметь только те, кто платит налоги. То есть на общенациональном уровне — выборы парламента, президента, референдум — должно действовать всеобщее избирательное право, а вот на уровне самоуправления голосуют только налогоплательщики. Школьники и пенсионеры пусть не обижаются. Нам надо приучить людей к мысли: я плачу налоги, значит, я принимаю решения и я контролирую их исполнение. При таком подходе возникает совсем другая налоговая система, другое налоговое законодательство, другая культура.

Кстати, этот придуманный и созданный мной Российский союз налогоплательщиков действует до сих пор. Я там присутствую больше как величина почетная — глава попечительского совета. У руля сегодня стоит молодежь, которая, увы, эту мою философию не понимает. Настроены они больше на малые дела, на конкретику: семинары, консультации. Может, оно и правильно, но если всё время брести, уткнувшись носом в землю, и не задира́ть голову, чтобы посмотреть подальше за горизонт, то можно начать ходить кругами.

Так что я теперь думаю, как бы, выражаясь современным языком, «перезагрузить» этот союз, поставить новые, более амбициозные задачи. Ну вот, к примеру, как бы нам организовать общественный финансовый контроль в цифровой экономике и цифровом обществе? Чем не задача?

И еще в продолжение темы налогов.

Вот скажите мне: почему нам надо все время сажать или обвинять в финансовых нарушениях режиссеров, сценаристов, художников, ученых?

Это же черт знает что. Я, еще когда работал в Счетной палате, выступал за то, что надо по закону развести должности тех, кто творит, и тех, кто обеспечивает и управляет. Условно говоря, главный режиссер не должен отвечать за хозяйство, быть финансово ответственным лицом, а директор театра не должен отвечать за чисто творческие вопросы. Точно так же — и с учеными. Это мы еще после проверки Российской академии наук поняли.

Если кто-то хороший режиссер, хороший актер, хороший ученый, то какой из него директор? Сколько я знал прекрасных ученых, которые волком были оттого, что их назначили на директорскую должность и вместо расчета траекторий звезд они вынуждены заниматься оптимизацией расходов на электричество. А если творческий человек, ставший директором, доверится своему финансисту или бухгалтеру, то ему сильно повезет, если тот окажется честным и порядочным, а самое главное — знающим профессионалом. Но, увы, как правило, бывает ровно наоборот.

Поэтому не надо подставлять людей. Нужно просто творческую функцию отделить от функции финансовой и хозяйственной, и будет кого сажать в случае растраты, не вызывая мирового скандала. Будет кого контролировать, не обижая тех, кто составляет гордость российской культуры и науки.

Мне могут возразить: мол, а сами-то режиссеры готовы к этому? Знаете, когда приходит Счетная палата, налоговики или прокуратура, а потом возбуждаются все эти уголовные дела по факту финансовых нарушений, мы все начинаем требовать: «Отпустите творческого человека!» А зачем было вообще ставить творческого человека в такое положение? Пусть занимается творчеством, а не финансами!

Кстати, если уж продолжать про высокие материи и грубую прозу финансовой жизни, то напишу про еще один больной для меня сюжет.

Речь идет о нашумевшей допинговой истории перед очередными Олимпийскими играми: все эти проверки, обвинения, требования не допустить до соревнований наших спортсменов. Я тогда чиновникам из нашего Олимпийского комитета сказал: «А почему мы это всё молча сносим? Где наше государство? Почему своего родного спортсмена, который на это жизнь положил, не выручает?» В ответ молчание и опущенные долу глаза.

И тогда я предложил, на мой взгляд, абсолютно реализуемую и совершенно логичную юридическую схему.

Суть вот в чем. Ни один спортсмен не может подать иск в Европейский суд по правам человека на Международный олимпийский комитет или Всемирное антидопинговое агентство, потому что их права нарушены не государственными организациями, а общественными. Такой вот порядок. В Европейский суд по правам человека можно подать жалобу только на правительство, на министерство, на какое-то официальное

юридическое лицо. И получается, что ничего спортсмен сделать не может, нет законного пути доказать неправоту тех, кто лишил его права выступать на состязаниях.

Но я считаю, что это не так. Возможности есть. Можно сделать ход конем: пусть наши спортсмены, звезды олимпийские, подадут иск на наше же правительство. А наше правительство, когда станет стороной по делу в Европейском суде по правам человека, сможет привлечь в качестве соответчиков и Международный олимпийский комитет, и ВАДА как организации, из-за неправомерных решений которых были разрушены карьеры, нарушены права людей. А вот когда эти организации окажутся втянуты в процесс и встанут перед дилеммой — отозвать свои претензии к россиянам или доказывать правомерность своих действий перед судом, то, скорее всего, они выберут первый вариант. Потому что сам факт, что ВАДА привели в суд, ударит по репутации организации. А кроме того, вероятное поражение в суде будет стоить им миллионы.

Однако идею мою не поддержали. Наши чиновники не готовы к таким многоходовкам, да и психологически им некомфортно: как так — российский спортсмен судится со своим же правительством? А жаль, результат был бы в нашу пользу!

В общем, эту свою идею я пока не пробил. Но обязательно пробую. Я оптимист. Знаете, как в анекдоте: чем оптимист от пессимиста отличается? Стиральная машинка постирала бельишко — нет носка. Пессимист говорит: «Ну вот, опять надо новые носки покупать». А оптимист говорит: «О, классно — запасной носок появился!»

Так и я: сегодня идея не прошла, значит, у меня всё еще впереди. Продвинем ее завтра!

АВТОРИТЕТ И ПОЛНОМОЧИЯ — В РАЗНЫХ «КОРЗИНАХ»

Помнится, чуть ли не с самого начала 1990-х была у политиков и экспертов любимая тема про баланс полномочий у разных органов и ветвей власти. Вроде бы всё как надо в Конституции установили, все балансы выровняли, принцип «двух ключей» ввели, чтобы система сдержек и противовесов надежно работала. А вот — на тебе! С завидной регулярностью с самых высоких трибун периодически выступают разные важные персоны с обеспокоенными речами. Вот не так давно зазвучал сюжет, что нарушен баланс между исполнительной и законодательной властью. Дескать, чуть ли не всю власть в нашей стране узурпировало правительство. Ну не смешно ли? Неужели кто-то всерьез считает, что у нашего правительства есть какие-то реальные и именно властные полномочия? Такие полномочия надо искать не на Краснопресненской

набережной, а на Старой площади и в Кремле. И если уж говорить всерьез, то дело не в мифическом нарушении баланса между исполнительной и законодательной властью, а в том, что реальная власть сосредоточена в политической структуре под названием «президентская администрация».

С точки зрения практической политики и тактической эффективности ничего в этом плохого нет, напротив, многие решения даже быстрее принимаются. Но вот с точки зрения долгосрочных трендов есть масса рисков для системы в целом. В чем вижу проблему?

Я уже писал, что в нашей стране постоянно возникают «властные двойники»: рядом с Госдумой создается Общественная палата, рядом с Советом Федерации — Госсовет и так далее. Это означает, что авторитет и полномочия, авторитет и власть сознательно или бессознательно разводятся по разным местам. А в случае с администрацией президента всё это сделано еще более прямо и откровенно. Фактически сегодня эта структура играет ту роль, которую раньше играли Центральный комитет КПСС и его отделы.

Кстати, когда мы с Сергеем Сергеевичем Алексеевым писали Конституцию, то уже понимали в целом, как будет развиваться ситуация, и потому сразу конституировали администрацию президента и Совет безопасности. Что значит — конституировали? Это значит, что мы в Основном Законе, описывая место и роль президента, его полномочия в системе власти, указали, что у него имеется своя администрация. То есть в Конституции этот орган прямо упоминается, записан черным по белому. То же самое и с Советом безопасности. Раз эти институты фигурируют в Конституции, то они легитимны. И просто так их уже отменить нельзя.

Тем не менее обязательно находится кто-то из политических оппонентов главы государства, кто начинает предъявлять претензии к этим структурам. Базу подводят глубоко теоретическую, а по факту — просто пытаются ослабить президента, лишить его рабочих инструментов.

Так вот, как-то раз в середине 1990-х годов в очередной раз возбудилось на тему президентской администрации левое большинство в Государственной думе. Фракция коммунистов во главе с Зюгановым и иже с ними обратились в Конституционный суд с запросом: признать неконституционной роль и практику деятельности администрации президента.

А объясняли они свои претензии следующим образом.

Дескать, имеется в стране власть законодательная — это Федеральное собрание, состоящее из Совета Федерации и Государственной думы. Есть также у нас власть исполнительная — это правительство и соответствующие органы исполнительной власти на местах. Кроме того, действует власть судебная со своей иерархией, про которую тоже все

расписано. А что в таком случае представляет собой всесильная ельцинская администрация?

В общем, Конституционный суд начал процесс, стали разбираться.

Коммунисты, как и предполагалось, выступили перед судьями с длинными конспирологическими докладами на тему, как администрация президента рулит вместо Бориса Николаевича страной, и завершили всё вопросом: «А что это за орган государственной власти такой?»

Наша же позиция была очень проста: «А откуда взялась идея про орган государственной власти»? Да, Администрация Президента Российской Федерации, согласно Конституции, является государственным органом, но отнюдь не органом государственной власти, потому как у нее никогда не было, да и сейчас нет собственных властных полномочий. Она создана исключительно для обеспечения деятельности президента, и какие-либо властные импульсы исходят не от президентской администрации, а только от главы государства — в форме его указов, распоряжений и поручений. То, что подразделения администрации участвуют в подготовке этих актов, вопрос не политико-правовой, не юридический, а чисто технический. То есть администрация президента — это люди, которые выполняют технические функции, благодаря чему президент может издавать свои акты и контролировать их выполнение. Ну а в легитимности самого президента, как и в его властных полномочиях, никто не может сомневаться.

События потихоньку развивались, дошли мы почти до финала — когда осталось только заслушать последнее слово каждой стороны и ждать окончательного вердикта судей. Я лично был уверен, что мы процесс выиграли, но тут случилось неожиданное: Государственная дума приняла постановление отозвать свой запрос и попросила Конституционный суд прекратить производство по делу.

Поскольку по закону прекратить процесс можно, только если он не начался, Конституционный суд всё равно вынес свое определение, в котором постановил примерно следующее: дорогие депутаты, хорошо, что вы сами отозвали свой запрос, иначе нам пришлось бы заниматься проверкой, которая «была бы фактически беспредметной и основанной не на анализе норм, раскрывающих реальные полномочия администрации, а на предположениях и гипотезах», и потому недопустимой^[61]. А в кулуарах добавили: если вы хотите чьи-то полномочия расширить или, напротив, ограничить, то не надо беспокоить Конституционный суд, просто примите сами нужный закон.

Таким образом, достаточно принять даже не конституционный, а обычный федеральный закон об администрации президента, чтобы раз и навсегда закрыть дискуссию по поводу якобы «незаконности» этого органа. Всё в ваших руках, коллеги: придайте президентской администрации юридический статус, четко опишите ее полномочия и

правоотношения, укажите, как она должна взаимодействовать с Федеральным собранием, с правительством, с регионами...

И нечего опасаться, что такой закон как-то помешает администрации выполнять ее функции и тем более как-то ограничит президента. Напротив, власть президента только укрепит, потому как роль его администрации, объем полномочий и выполняемые функции не будут зависеть от того, кто конкретно ее возглавляет, какой у этого человека политический вес и особенности характера.

Как снова сделать власть авторитетной, а авторитет — властным

Весь этот разговор про президентскую администрацию выводит на большую и серьезную тему — про Власть и Авторитет, которые сейчас оказались в «разных корзинах».

У нас в науке конституционного права есть известная проблема соответствия юридической и фактической конституций. Иными словами, правоведы изучают, насколько совпадают друг с другом конституция формальная (то есть текст) и реальная (жизнь). Потому что когда разрыв между фактом и текстом становится очень большим, это значит, что наступил конституционный кризис, и необходимо принимать новый Основной Закон.

Следить за этим процессом нужно очень внимательно, потому что у нас в России дело не раз заканчивалось глубокими потрясениями. Вот я, как один из авторов Конституции, и слежу. Слежу внимательно и постоянно. Ведь мы принимали Конституцию как план будущего, как проект построения новой России. А потому главный вопрос в том, принял или не принял общественный организм этот новый орган. Это — как в медицине. Если не принял, то может быть отторжение или аллергия, вплоть до смерти.

Если говорить по-простому, то мы пытались с помощью Конституции 1993 года создать новую государственность и новый социальный порядок, привести власть и общество в новое качество. Из хаоса и разрухи начала 1990-х годов была собрана новая модель государства, новые институты, которые были погружены в социальную реальность, совмещены с обществом.

И на момент, когда в стране происходило строительство новой российской государственности, новых институтов и отношений, Конституция 1993 года была более чем реальной. В этой фазе общественно-политического развития юридическая Конституция творила Конституцию материальную.

Но, как показывают опыт и история, в России всегда предписанные, установленные Конституцией или законом институты и механизмы довольно быстро начинают расходиться с фактическими, не совпадать

с ними. В этом, наверное, главная особенность нашего общества и национального характера. Да, мы вот такие.

Раньше или позже мы начинаем в противовес тому, что записано в Конституции, создавать параллельные, почти зеркальные институты фактического (реального) осуществления власти. Пожалуй, единственный институт, которому удастся избежать такого раздвоения, — это первое лицо — глава государства, и неважно, как он называется — царь или президент.

Думаю, что самая крайняя, самая очевидная раздвоенность власти «писаной» и фактической — это пример Советов и КПСС. Лозунг «Вся власть — Советам!», который звучал в самом начале 1990-х на сотысячных митингах в Москве, был подлинно революционным, потому что означал выступление против всевластной Коммунистической партии, за возвращение власти тем органам, за которыми она была записана в Основном Законе страны.

Кстати, если вернуться к проблеме соотношения «прописанных» и фактических органов власти, то нужно даже похвалить Конституцию СССР 1977 года и ее статью 6, которая гласила: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза».

И далее: «Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма».

Фактически здесь идет речь о попытке записать в Основной Закон правду о реальном положении дел, уменьшить степень фиктивности Конституции и тем самым повысить общественно-политическую стабильность, укрепить власть.

Кстати, в конституционном проекте Никиты Сергеевича Хрущёва, который так и не был воплощен в жизнь, сюжету о КПСС и ее истинной роли в обществе и государстве был посвящен целый раздел. Более того, там даже была закреплена норма о том, что «КПСС должна была действовать в соответствии с Конституцией». Возможно, что эта попытка ввести реальное положение дел в конституционные рамки и стала одной из основных причин «свержения» Хрущёва.

Однако, как показала история, Никита Сергеевич был прав: КПСС была осуждена не за ее злодеяния, а за то, что она подменила собою органы государственной власти.

Сегодня мы снова чувствуем, что реальность начинает расходиться с конституционной моделью. Но анализ показывает, что степень такого расхождения все-таки ещё не слишком высока, хотя старые болезни

опять дали новые всходы. Выражается это в том, что на наших глазах возникают параллельные институты, о которых я уже не раз писал.

Правда, в современной России параллельные структуры, в отличие от КПСС, пока не осуществляют государственную власть вместо конституционных органов, но самим своим существованием деформируют, размывают, ослабляют власть.

Вдобавок чувство неправды раздражает общество, уменьшает поддержку с его стороны власти и государства.

Тем не менее, как я уже говорил, расхождение еще не смертельное.

И на текущий момент в самой Конституции хватает рецептов и механизмов, чтобы исправить ситуацию. Речь идет о таких инструментах, как принятие федеральных конституционных законов: об администрации президента, о Федеральном собрании, поправки в федеральные конституционные законы о правительстве, судебной системе, о Конституционном суде.

Это и есть выход из кризиса Власти и Авторитета.

То есть лечение и лекарство заложены в самой Конституции.

Но для того, чтобы начать срочное лечение, надо сначала быстро и точно поставить правильный диагноз.

В противном случае нарастающая фиктивность описанной в Конституции системы власти и укрепляющиеся механизмы реального, но параллельного осуществления власти приведут не столько к новой Конституции, сколько к ослаблению государства, углублению разрыва между государством и обществом.

Что собой представляет самый главный инструмент в восстановлении единства двух конституционных реальностей?

Я считаю, что это не только принятие законов, дезавуирующих параллельные структуры во власти (или, наоборот, «легализующих» функции параллельных органов).

Это еще и срочная судебная реформа!

Причем речь идет не о реформе как модернизации. А о реформе как о возвращении к истокам и завершении тех процессов, которые были начаты великой Судебной реформой 1864 года, о чем я уже много раз говорил.

Эта реформа не просто создала новую систему судопроизводства, но и радикальным образом изменила настроения масс, поскольку смогла подарить всем слоям общества надежду на лучшее будущее, на возможность справедливости посредством суда «скорого, правого, милостивого и равного для всех».

История в 1991–1993 годах подсказала и показала, что двигаться в правильном направлении возможно только опираясь на опыт и потенциал той великой Судебной реформы. Идеи реформы нашли свое

отражение в Конституции. И вновь особую роль сыграла судебная власть, на этот раз в лице Конституционного суда, который стал, по сути, локомотивом и «юридической лабораторией» конституционных преобразований.

На мой взгляд, такое почти буквальное повторение истории — это уже не случайность, а подлинная закономерность и своего рода подсказка для действующих политиков. И это означает, что именно суд, в первую очередь Конституционный суд, должен приложить все силы, чтобы соединить юридическое и фактическое, чтобы излечить нашу систему организации, а вернее, дезорганизации власти и авторитета от опасной шизофрении.

Почему я считаю, что именно начинать (вернее, продолжать) надо с судебной реформы? Потому что наша собственная история дает огромное количество фактов, которые доказывают, что судебная система является той самой «активной энергетической точкой», правильное воздействие на которую гарантированно приводит к оздоровлению и нормализации всей общественно-политической и экономической жизни в России.

Есть прямая зависимость между повышением качества судебной власти и благоприятными переменами во власти в целом. Эффективная работа судов ведет не только к совершенствованию и активизации законодательной деятельности, но также обеспечивает ее настройку на реальные потребности государства, общества и человека, включая потребности развития экономики — как государственной, так и частного бизнеса.

Анализ современного положения дел показывает, что сегодня конституционная модель судебной системы на практике реализована процентов на шестьдесят, а идеалы Судебной реформы 1864 года до сих пор не достигнуты как минимум по трем принципиальным основаниям. И все они связаны с механизмами обеспечения независимости и самостоятельности судов и судебной системы в целом.

Первое. Судебная реформа 1864 года сознательно разводила границы судебных округов с границами губерний. Этот подход обеспечивал независимость судов от губернских властей. В современной России этот принцип не действует. Суды общей юрисдикции полностью вписаны в границы субъектов федерации. Правда, с недавних пор решили использовать принцип «разведения границ» при работе апелляционных и кассационных судов. Теперь, условно говоря, на рассмотрение кассационной жалобы, поданной на решение суда Московской области, придется ехать в Саратов. Но для понимания, хорошо это или плохо, прошло слишком мало времени.

Второе. Это независимые судебные следователи. Как известно, этот институт возник в России в 1860 году — за год до отмены крепостного права и за четыре года до начала Судебной реформы — и просуществовал до конца 1920-х годов.

Сегодня в России нет следователей, которые находились бы непосредственно в составе суда (уровня субъекта РФ) и были независимы от прокуратуры и Следственного комитета.

Ключевая идея такая, что в судопроизводстве появляется новая фигура — следственный судья. Но сам он не занимается расследованиями. Его миссия — контроль за следствием, защита суда от вовлечения в рассмотрение незаконных и необоснованных дел, а также профилактика злоупотреблений и ошибок.

Очевидно, что наличие следственных судей может эффективно ограничить эксцессы следствия, когда, например, следователь своим решением отклоняет материалы, которые могут свидетельствовать в пользу обвиняемого. Масса случаев, когда адвокату говорят, что его материалы получены не при помощи следственных действий и потому недопустимы. А вот у следственного судьи нет заинтересованности в том, чтобы отвергать материалы защиты, и есть процедуры, чтобы признать их доказательствами.

Идею о судебных следователях, в каком виде она сейчас обсуждается, вполне можно реализовать без какой-либо конфронтации с правоохранительными органами и прокуратурой, так как следственные судьи не занимают ничьего места. Речь идет о более высоком качестве судебного контроля за предварительным следствием.

И тогда не будет такой ситуации, когда из 200 тысяч уголовных дел по экономическим составам до суда доходит меньше четверти — 46 тысяч, а потом 15 тысяч, то есть треть, разваливаются в суде. «При этом абсолютное большинство, 83% предпринимателей, на которых были заведены уголовные дела, полностью или частично потеряли бизнес. То есть их попрессовали, обобрали и отпустили». Это — не мои слова, а цитата из декабрьского 2015 года Послания Президента России Владимира Владимировича Путина Федеральному собранию. И хотя с тех пор прошло немало времени, ситуация практически не изменилась.

И наконец, самое главное — судебная реформа нужна для того, чтобы вернуть атмосферу доверия общества и бизнеса к судам и в итоге к власти в целом.

В сложные социально-экономические моменты, в чем бы ни заключались конкретные причины экономического замедления, на первый план всегда выдвигается необходимость бесперебойности работы институтов развития, которая может функционировать только в атмосфере стабильности «правил игры» и доверия к судебной системе. Это обусловлено, как уже отмечалось, наличием прямой зависимости между качеством судебной власти, экономическим ростом и социальным развитием.

Доверие к институтам власти и суду важно во все времена, но сегодня в особенности. В такой ситуации возрождение института следственных

судей может оказаться очень эффективной первоочередной мерой, реализованной в нужное время и в нужном месте.

ДИАЛЕКТИКА ЖИЗНИ

Как я вернулся в университет и решил поставить высотку МГУ в Китае

Диалектика учит, что развитие идет по спирали. И на очередном витке мы возвращаемся на ту же точку, только на более высоком уровне и в новом качестве. Вот так и моя личная история сделала очередной виток, и в 2006 году я вернулся в МГУ — стал деканом нового факультета: Высшей школы государственного аудита. Мы его создали вместе со Счетной палатой и Российской академией наук. Таких школ больше нигде в России нет, да и на Западе, пожалуй, только в одной-двух странах, да и то в виде кафедры, не факультета.

Смысл факультета очень простой: мы готовим будущих аудиторов, специалистов по государственному финансовому контролю. А это подразумевает глубокое знание одновременно экономики, финансов и права. Вот мы сразу и объединили экономическое и юридическое образование в одном флаконе. Разработали новый образовательный стандарт. Полтора года я потратил, чтобы его защитить в министерстве. Потом все встало на рельсы. Школа постоянно развивается. Например, сегодня мы готовим финансовых следователей, а также специалистов по выявлению цифровых финансовых преступлений.

В первые годы, когда мы только начинали, были проблемы с трудоустройством ребят, а теперь у нас с руками специалистов отрываю. Потому что они способны работать во всех секторах и на всех уровнях — от местного до федерального. Иностранцы тоже постоянно приходят к нам на День карьеры. И это крупнейшие международные аудиторские компании вроде «PricewaterhouseCoopers» (PwC), Deloitte или KPMG. Студентов старших курсов зовут к себе на стажировку, чтобы сразу после выпуска забрать лучших.

Но больше всего я горжусь, что не просто создал новый факультет для своего родного университета, а поставил знаменитую высотку МГУ в самом сердце Китая, правда, не в центре страны, а южнее...

История началась с шальной идеи, которая возникла у меня в голове, помнится, еще в 2012 году, когда я встретился со своим старым другом — выпускником юрфака МГУ профессором Фуданьского университета (г. Шанхай) Ян Синьюем. Он приехал рассказать, что есть китайские бизнесмены, которые хотели бы создать филиал МГУ в городе Сучжоу под Шанхаем. Дескать, для них это не просто бизнес-проект. Они хотели бы продвигать российское образование в Китае, чтобы противостоять экспансии США.

И тогда я пофантазировал и спросил:

«А слабо им построить высотку МГУ на своей китайской земле?»

«Зачем?» — удивился Ян.

«А чтобы сразу было видно, что это — российский университет!»

Этот образ покорила Ян Синъюя. Он сам учился в Москве, и для него, как для многих иностранцев, характерный силуэт Главного корпуса МГУ навсегда стал символом лучшего российского образования.

Через несколько дней он позвонил:

«Инвесторы согласны».

С этой идеей — открыть филиал МГУ в Китае — мы вместе с профессором Яном отправились к ректору МГУ академику Виктору Антоновичу Садовничему. Разговор был долгий и непростой. Но именно этот образ — высотка МГУ, которую мы поставим на китайской земле, — произвел впечатление. Яркий символ перевесил все сомнения и колебания академика. Уже 29 августа 2013 года Виктор Антонович назначил меня своим проректором, ответственным за реализацию проекта.

Когда было принято принципиальное решение о том, что совместному университету быть, я посетил 12 городов в разных провинциях Китая. В финале «победителями» остались Шанхай, Нанкин и Шэньчжэнь. А в итоге выбор был сделан в пользу Шэньчжэня из-за того, что как-то очень удачно сложились самые разные обстоятельства — и объективные факторы, и субъективные, человеческие.

С одной стороны, я и коллеги по проекту поняли, что Шэньчжэнь — это современная зона высоких технологий с одними из лучших показателей в КНР по уровню ВВП, великолепной экологией и прекрасной инфраструктурой. Он стоит напротив Гонконга — как своего рода «витрина» китайских экономических реформ. Влияние на выбор оказали и впечатляющие перспективы города. Ведь Шэньчжэнь — это не просто один из участников проекта «Район Большого Залива». Согласно планам китайского правительства, он должен стать лидером в области инноваций и реформ. То есть нашим будущим выпускникам — программистам, химикам, физикам, математикам, экономистам, аудиторам и многим другим специалистам — обязательно найдется хорошее место работы и интересные задачи.

С другой стороны, мы знали, что это место имеет особое значение для лидера КНР — Си Цзиньпина и его семьи. Ведь отец председателя Китайской Народной Республики считается основателем особой экономической зоны в Шэньчжэне.

Плюс к тому мне очень понравилась искренняя заинтересованность руководства города в совместном проекте. Они выделили под университет и кампус 34 гектара земель в прекрасном, экологически чистом месте, практически полностью взяли на себя финансирование строительства. При этом землю и недвижимость мэрия Шэньчжэня

передала университету в аренду по символической цене в один юань на весь период сотрудничества.

Кстати, именно в Шэньчжэне помимо нашего совместного проекта местное правительство начало создавать целый кластер совместных университетов с другими странами. А это значит, что наш университет будет одновременно и конкурировать, и сотрудничать с самыми передовыми вузами мира. А такая атмосфера очень стимулирует развитие, не дает стоять на месте.

От зарождения идеи до ее воплощения прошло несколько лет. И все это время придуманный мною образ оставался самым сильным аргументом, способным убедить российских участников в исключительной важности проекта и поддержать энтузиазм. Когда не действовали доводы разума или возникали слишком сложные юридические или бюрократические препятствия, я всегда говорил: «Ну, представьте: огромный Китай, чужая страна, а посередине — стоит наша высотка МГУ!»

Первых студентов совместный университет принял в сентябре 2017 года. На церемонии открытия были вице-премьеры России и Китая, ректор МГУ, официальные лица. Памятный камень в основание высотки МГУ на китайской земле заложил председатель оргкомитета этого проекта — Сергей Евгеньевич Нарышкин (на тот момент — председатель Государственной думы).

Три барьера на пути к мечте

Но до того, как мечта стала явью, пришлось преодолеть столько барьеров, что, если бы не стоял день и ночь перед глазами золотой шпиль высотки МГУ посреди Поднебесной, я бы, наверное, давно всё бросил. Правда, потом было бы стыдно смотреть в глаза Путину и Си Цзиньпину, которые поддержали проект двумя руками.

Проблем было огромное количество. Назову, пожалуй, три самые сложные.

Во-первых, мы столкнулись с драматическим несовпадением российских и китайских законов.

Когда все стороны обменялись всеми необходимыми заверениями, соглашениями, рукопожатиями и перешли к делу, оказалось, что по российским законам МГУ не имеет права обучать студентов за рубежом по своим программам (и выдавать дипломы) иначе, как в собственных филиалах. А китайское законодательство принципиально запрещает создавать на своей территории филиалы иностранных университетов.

Поскольку речь идет о законах и принципах, идея должна была умереть в зародыше. Но уже была создана межгосударственная рабочая группа, были встречи и заявления на самом высоком уровне... Поэтому надо было придумывать какую-то схему — как выходить из положения. Попыток было сделано много.

Сначала возникла идея подготовить Межправительственное соглашение, чтобы этим документом разрешить противоречия в законах и создать базу, позволяющую реализовать проект так, как он задуман (совместный университет, в котором студентов обучают по программам МГУ и выдают дипломы МГУ успешным выпускникам). Началась подготовка документа, мы проделали огромную работу с участием Министерства иностранных дел и тогдашнего Минобрнауки России и их китайских визави. Но ничего из этого не вышло.

Лично мне и моим коллегам было непонятно, почему нормальное решение вязнет в согласованиях, если на самом высоком уровне проект был поддержан? Только недавно один из бывших заместителей министра образования КНР признался: «В самом начале у нас была жесткая установка — не помогать, но и не мешать созданию совместного университета».

Стали думать: кто еще может помочь решению? В проект лично включились министр иностранных дел Сергей Викторович Лавров, тогдашний вице-премьер Ольга Юрьевна Голодец, Сергей Евгеньевич Нарышкин, а также Лариса Игоревна Брычева — главный юрист Кремля.

Но даже с такой поддержкой и несмотря на все усилия идея с Межправительственным соглашением умерла.

Тогда мы решили попробовать действовать методом народной, вернее, парламентской дипломатии. Как я уже написал, председателем Государственной думы в те времена был Сергей Евгеньевич Нарышкин, который одновременно возглавил Оргкомитет по проекту создания нашего совместного университета. А в нашем парламенте была Комиссия по сотрудничеству между Федеральным собранием Российской Федерации и Всекитайским собранием народных представителей. Вот в рамках этой комиссии Сергей Евгеньевич встречался со своим китайским коллегой — председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Чжан Дэцзяном и заручился его горячей поддержкой. Но, как выяснилось, даже желания китайских законодателей было недостаточно: слишком разные оказались системы регулирования, чтобы их можно было в обозримом будущем гармонизировать.

Но нашим парламентариям уже загорелось увидеть высотку МГУ, стоящую на китайской земле. А раз китайцы не могут, тогда мы придумаем асимметричный ход!

Я предложил дополнить действующий закон о Московском и Санкт-Петербургском государственных университетах, которые в России имеют особый правовой статус. Схема получилась очень изящная: добавили статью, что два флагманских университета вправе учреждать за рубежом совместные учебные заведения вместе с иностранными партнерами, а возможные несовпадения в правовом регулировании этих новых организаций должны быть сняты в учредительных документах.

Администрация президента Путина одобрила эту идею. С законодательной инициативой выступил лично Нарышкин вместе с двумя председателями думских комитетов — Вячеславом Никоновым (по образованию и науке) и Алексеем Пушковым (по международным делам)⁸⁴. Поправка была принята очень быстро — уже в марте 2015 года^[62]. Это сразу разморозило проект.

МГУ получил возможность самостоятельно определять в учредительных документах совместного университета такие важные вопросы, как порядок приема на обучение на образовательные программы МГУ; статус обучающихся по образовательным программам МГУ в Китае; порядок реализации образовательных программ МГУ и экзаменов, порядок выдачи дипломов МГУ выпускникам... В общем, у нас теперь были правовые инструменты, чтобы решать все вопросы, без которых совместный университет не мог бы работать.

Вторым барьером на пути к мечте стали китайские архитекторы.

Мы стали предметно обсуждать тему высотки МГУ в 2015 году — на стадии утверждения проекта застройки университетского кампуса.

Народное правительство Шэньчжэня, которое взяло на себя основные расходы по проекту, объявило конкурс, чтобы выбрать фирму-застройщика. Победил дизайн-проект, который был выполнен даже не в национальном китайском, а в среднеазиатском стиле.

Для китайских партнеров процедуры с конкурсом на застройку были рабочей рутиной, а потому погружать нас в эти детали они просто не стали. Так что результаты конкурса оказались для меня неприятной неожиданностью.

Приехал я в Шэньчжэнь, партнеры мне гордо показывают проект, я смотрю и понимаю, что плакала моя мечта: конкурс-то уже завершен!

Тогда спрашиваю у чиновника мэрии, ответственного за вопросы строительства (директор департамента соответствующего):

«А почему вы выбрали именно такой проект?»

«Это подходит по климату, да и просто красиво».

«Но ведь это абсолютно не подходит по смыслу проекта! Почему вы с нами не посоветовались?»

На что китайский товарищ отвечает:

«Деньги наши, конкурс проведен по всем правилам, можете оставить свое мнение при себе...»

Ну, я не стал спорить и отправился на обед к мэру Шэньчжэня, где оказался тот же директор строительного департамента. Он нахваливал мэру и другим участникам дизайн-макет, победивший в конкурсе. А я все лихорадочно думал: «Ну и как мне это всё переиграть?» И вдруг вижу: на одной из проекций будущего главного университетского корпуса огромное мозаичное панно с портретом Горбачёва.

Спрашиваю китайцев:

«Коллеги, а почему у вас здесь изображен Горбачёв? Вы разве не знаете, как наш Владимир Владимирович к нему относится?»

«А как?»

«Плохо. Ведь Горбачёв развалил СССР!»

Поскольку китайцы знали, что проект курируют лидеры двух стран, то сильно заволновались.

А через день авторы дизайн-проекта позвонили сами:

«Посоветуйте, что делать? Кто может быть на главном панно?»

Я им отвечаю: «Ломоносов!»

Пока строители и дизайнеры перерисовывали Горбачёва на Ломоносова, я опять отправился обедать с мэром Шэньчжэня — теперь уже с глазу на глаз. И в такой, менее официальной обстановке, я доказал, что победивший дизайн-макет вообще не годится по архитектурному стилю для проекта, потому что он ни российский, ни китайский, и надо найти решение, отражающее традиции обеих стран.

Мэр задумался. А через некоторое время состоялась встреча двух вице-премьеров — Голодец и Лю Яньдун. И не наша Ольга Юрьевна, а китайская вице-премьер «под протокол» заявила, что в облике будущего совместного университета должны быть объединены архитектурные стили двух стран — России и Китая.

Я копию протокола себе взял и при необходимости показывал китайцам цитату из речи их прямой руководительницы. В итоге Народному правительству Шэньчжэня пришлось проводить второй конкурс, потому что мэр теперь уже лично «зарубил» первый проект. В результате утвердили дизайн-макет, где центральное место было отведено высотке МГУ.

В этот раз китайская сторона намного охотнее советовалась с нами. Архитекторы много раз приезжали в Москву, изучали наши здания. Облазили всю высотку. Было много дискуссий по самым разным вопросам.

Например, долго спорили, что должно быть на шпиле главного здания?

Ломали головы, пока я не предложил:

«Давайте пятиконечную звезду!»

«А что, у вас тоже можно звезду?» — облегченно вздохнули китайцы.

«Можно», — успокоил их я.

А, к примеру, Виктор Антонович Садовничий настаивал на том, чтобы в главном корпусе обязательно были суперсовременные лифты.

Потом началась своя, отдельная жизнь трехмерных макетов. Помнится, они стали просто размножаться. Один макет сделали, чтоб показать

Лю Яньдун, Нарышкину и Садовничему. Другой поставили в офисе строительной компании. Третий — в фойе здания университета. Где-то был еще один, но я уже не помню.

А я еще привез китайцам скульптурный бюст М.В. Ломоносова, который уже совсем затерся: они по своей традиции трогали гипсового академика за нос, чтобы получить успех в науках.

Третий, самый трудный барьер — это то, что китайцы в итоге выступили против преподавания на русском языке.

Мы с самого начала исходили из идеи подготовки специалистов на трех языках — русском, китайском и английском. Два языка — стран-учредителей, и английский — как язык глобальной экономики. Пока шли согласования, этот сюжет никто не подвергал сомнению. А как дело дошло до практики, китайская сторона сказала: давайте оставим только китайский и английский, потому что русский — это слишком сложно. Вдобавок высшее образование платное, и никто из китайских родителей не будет платить за лишний год обучения, который обязательно потребуется для изучения русского языка.

А еще одна причина, про которую нам сначала не говорили, — это то, что в Китае, оказывается, очень жесткая специализация провинций — региональная и международная — в части высшего образования. Как выяснилось, преподавать русский язык было дозволено только в Северном Китае. А мы — на юге. Пришлось пробивать специальное разрешение. В итоге мы создали в Шэньчжэне Центр изучения русского языка, проводим олимпиады по русскому языку во всекитайском масштабе, чтобы абитуриентов хороших подбирать, владеющих русским, интересующихся нашей культурой.

Многие поначалу вообще не верили, что китайские юноши и девушки смогут быстро овладеть русским языком. И тем приятнее было видеть изумление в глазах разных начальников из министерств образования России и КНР на встречах с нашими студентами. Когда знание языка становится способом овладения интересной и важной профессией, каждый добивается успеха.

А чтобы не быть голословным, я теперь привожу китайцам в пример их знаменитого государственного деятеля и реформатора Дэн Сяопина, который во второй половине 1920-х годов приехал учиться в Москву по решению Европейского отделения Коммунистической партии Китая.

29 января 1926 года он получил студенческий билет Университета имени Сунь Ятсена, а на следующий день уже сел за парту. Учебный план университета был крайне насыщенным. Дэн Сяопин должен был изучать русский язык, историю развития общественных форм (исторический материализм), историю китайского революционного движения и революционных движений на Западе и Востоке, экономическую географию, политическую экономию, партийное строительство, военное

дело и журналистику. Срок обучения составлял два года, студенты проводили в аудиториях по восемь часов шесть дней в неделю.

Преподавание в группе велось на русском языке, которого Дэн Сяопин вообще на тот момент не знал. Но он упорно и с большим интересом занимался, сидя по многу часов в библиотеке. И в результате очень скоро смог читать на русском труды Ленина и Маркса. В итоге по общественным дисциплинам получил отличные оценки.

Так что теперь я всегда говорю китайским чиновникам: раз ваш Дэн Сяопин смог с нуля выучить русский язык на уровне, достаточном для профессионального общения, то и студенты смогут.

Чему стоит поучиться у китайцев

Я вот сейчас рассказываю о барьерах, и понимаю, что в основном говорю о помехах, которые шли от китайцев. А ведь не только в Китае, но и у нас, в России, не все верили в возможность реализации проекта. И даже мешали.

Думаю, что главная причина была психологическая — из-за разницы в восприятии. У нас все думают, что если студент попал в МГУ, да еще и на бюджетное место, то это значит, больше ему не о чем мечтать и не о чем беспокоиться. Жизнь удалась.

А раз учеба в МГУ — это счастье, то на пути к счастью нужно создать как можно больше барьеров.

В Китае существует совсем другой подход. В стране нет бесплатного высшего образования в принципе. Всё высшее образование — платное, поэтому учиться может любой, если есть деньги, а вот все барьеры — на выходе. Выпускнику надо на экзаменах доказать право быть специалистом. Показать всем, что семья не зря тратила деньги на обучение своего сына или дочери.

Поскольку университет совместный и действует в китайской юрисдикции, то я изначально проводил идею в китайском стиле — брать всех, а уж выпускать только самых лучших. А в МГУ многие с этим были не согласны, потому что в этом случае на преподавателей ложится большая нагрузка. Ведь наши доценты и профессора в Москве привыкли брать только самых лучших, высоко мотивированных и фактически «готовых» студентов. А в Китае нужно реально учить, придумывать какие-то методики, предлагать разные возможности, чтобы студенты могли заполнить возможные пробелы в подготовке. Поэтому пришлось еще наших преподавателей убеждать, что работа в Шэньчжэне — это вызов их мастерству, это интересные творческие задачи. А уж китайские студенты всему миру известны как самые усидчивые и трудолюбивые.

И вообще, я всегда считал и считаю, что китайская система высшего образования все-таки более справедливая и демократическая. Идея сложного барьера на выходе из университета существует с древних

времен. По традиции, которая сложилась еще при Конфуции. Раз в год собираются все желающие и сдают экзамен, чтобы получить право работать на государство, получить путевку в новую жизнь. Такое право имел любой, самый бедный крестьянин, если был талантлив и мог сдать экзамен. Были истории, что целые деревни собирали деньги, чтобы дать образование одному из членов общины. И если он проваливал экзамен на должность госслужащего, он мог покончить жизнь самоубийством. Потому что он не мог вернуться обратно, раз не оправдал надежды своей общины и семьи.

В Китае есть храм Конфуция. И сегодня, как и две тысячи семьсот лет назад, там проводят экзамены. Для китайца стать чиновником — это не бюрократия и коррупция. Это — высокая цель служения государству. И я считаю, что такой подход — самый демократический.

БАДМИНТОН — БОЛЬШЕ ЧЕМ ИГРА

Многие знают, что моя жизнь тесно связана с бадминтоном. Более того, я по факту — главный бадминтонный начальник в России и один из мировых руководителей этого вида спорта.

Как меня занесло в эту тему?

Если особенно не философствовать, то ответ простой: эту игру я очень люблю. А ежели задуматься о высоком, так ведь каждый политик, если присмотреться, сильно смахивает на бадминтонный воланчик. Лежит себе где-то на дне спортивной сумки, красивый такой — с перьями, ждет своего часа. И однажды расстегивается молния, и чья-то крепкая рука извлекает его на белый свет. Потом мощным ударом ракетки придает ему стремительное ускорение и отправляет уверенным ударом строго по назначению. Один вверх взлетит — высоко-высоко, кого-то по кривой пошлют, а кто-то прямо наземь шарахнется...

Так что самое время рассказать о бадминтоне и политике.

Бадминтонная дипломатия

Начну с бадминтонной дипломатии.

Вот возьмем совсем неочевидную пару: Россия и Индонезия. Что у них общего? Ну, к примеру, то, что лично я обе страны очень люблю. Про Россию-то все понятно, но вот если начать уточнять, почему я люблю Индонезию, да так, что возглавил Общество дружбы Россия–Индонезия, то вразумительного ответа у меня нет. Я обычно индонезийцам говорю, что у меня это, мол, где-то на генетическом уровне. Наверное, кто-то из моих предков был с Миклухо-Маклаем в дальнем родстве и страстно

любил Индонезию. Ну, это так, ради шутки. А более рациональное объяснение — это все-таки бадминтон.

Однажды я волею судеб в первый раз оказался в Джакарте, столице Индонезии. И так она меня поразила... До сих пор самые яркие впечатления остались. Особенно удивило, что у них почти нет ни восходов, ни закатов со всеми этими нежными полумраками и постепенно сгущающимися сумерками: просто в шесть утра солнечный свет разом «включают», а в шесть вечера — выключают. Это же экватор: ни вечера, ни утра, просто день и ночь по двенадцать часов. И весь год ровная, приятная температура. Когда приезжаешь из России, где за зиму градусник через ноль то в плюс, то в минус по сто раз прыгает, это производит впечатление. До знаменитого острова Бали я так и не доехал, но вот мой старший сын с женой так в него влюбились, что чуть не остались навсегда. Думаю, моих внуков они оттуда привезли. Так что, можно сказать, в моей большой семье есть маленькая частичка Индонезии.

И вот живу я себе в Джакарте, наслаждаюсь всей этой экзотикой, ни о чем не думаю, расслабился. Но не тут-то было. Рано утром, часов в семь, раздается стук в дверь моего номера. Я удивился, потому что никого не ждал. Открываю. Оказалось — портье. И, лучезарно улыбаясь, мне сообщает: «Господин, за вами приехали».

Думаю, что это какая-то ошибка, пытаюсь выяснить, в чем дело. Причем у меня английский неидеальный, а у него — еще хуже. Но портье стоит на своем и за окно рукой показывает. Я выглядываю — а там внизу стоит огромный лимузин, примерно такой, на каких по Москве новобрачные катаются, только без куклы и без ленточек с воздушными шариками. А рядом — четыре мотоциклиста сопровождения.

Выясняется, что этот лимузин с эскортом и впрямь прибыл за мной. А прислал его главнокомандующий Национальной армией Индонезии, генерал Джоко Сантосо. Он, как оказалось, мой коллега — президент Федерации бадминтона Индонезии, а потому захотел познакомиться. В общем, привезли меня к нему в штаб-квартиру, и мы, вместо дипломатических церемоний, немедленно пошли играть в бадминтон на пару, потом плавали в бассейне, а после пили чай и долго беседовали.

Я во всем этом деятельно участвую, а у самого в голове крутится, что наш посол в Джакарте к моему нынешнему собеседнику уже полгода попасть не может. А попасть надо, потому как именно с этим генералом положено обсуждать все вопросы нашего военно-технического сотрудничества, ведь Джоко Сантосо не просто бадминтонист, а вообще-то третий человек в государстве. И не в каком-нибудь кукольном и крошечном, так, чтобы точка на карте, а в огромной Индонезии, где целых 250 миллионов мусульман проживает.

В общем, воспользовался я ситуацией, и часть вопросов, которые мы полгода решить не могли, за несколько часов решил. Вернулся обратно к себе, очень гордый, что день прожит не зря, а с пользой для

Родины, и тут меня осенило. А ведь бадминтон — это отличный ключ к общению с азиатскими государствами, открывающий огромные переговорные перспективы! Почему? Да потому как обычаи у нас разные, и очень сложно найти точки соприкосновения, чтобы всем было комфортно и приятно. Ну, где обсуждать деликатные вопросы? В ресторане? В русской бане? В мечети? А приглашение поиграть в бадминтон с последующим чаепитием все с удовольствием примут. Бей себе по волану, да обсуждай все вопросы. Тем более что именно в Азии бадминтон страшно популярен. В одной только Индонезии регулярно (раз в два года) проводится Кубок Судирмана — мировое первенство по бадминтону среди смешанных команд.

Вернулся я в Москву, встретился с министром иностранных дел Сергеем Лавровым и с тогдашним мэром Москвы Юрием Лужковым. Все вопросы детально обсудили. В общем, в свое время президент США Ричард Никсон способствовал развитию отношений Америки и Китая через продвижение настольного тенниса. А мы сделали ставку на бадминтон и открыли в Москве Клуб послов юго-восточных стран, где они могли в прекрасных условиях поиграть в любимую игру. В этот клуб сразу же вступил посол Индонезии, чуть позже подтянулись послы Сингапура, Японии, Вьетнама, Таиланда. Китайский посол лично пока не заходит, но несколько человек из посольства играют регулярно.

Собираются в нашем клубе представители крупнейших стран Юго-Восточной Азии, для которых бадминтон — это не просто спорт номер один, но еще и движение, культура, философия и способ проведения досуга, а также занятие, за которым удобно обсуждать разные проблемы.

С тех пор я всегда говорю, что бадминтон — это дипломатия. И самое главное, что наша «бадминтонная дипломатия» прекрасно работает. Не так давно пришлось мне принимать сразу три десятка ректоров индонезийских вузов, в основном частных, с которыми надо было обсуждать вопросы сотрудничества, экспорта образования и прочее. Было немножко напряженно вначале, а как только я сказал, что являюсь президентом Национальной федерации бадминтона России и предлагаю им сыграть товарищеский матч, то сразу почувствовал теплое и дружеское отношение.

Кстати, если опять про Индонезию, то теперь их национальную Федерацию бадминтона возглавляет министр-координатор по вопросам политики, права и безопасности, бывший главнокомандующий Вооруженными силами страны генерал Виранто. Говорят, это будущий президент или, как минимум, вице-президент страны. Пока эксперты прогнозы прогнозируют, мы уже с Виранто подружились. Встречались много раз и в Москве, и в Джакарте, в бадминтон играли...

В общем, при Борисе Николаевиче, помнится, самой главной игрой был теннис. Теперь вот еще и бадминтон. Два ракетных вида спорта, и оба — политические и дипломатические.

Бадминтон избавит мир от близорукости

Когда я стал заниматься бадминтоном всерьез, как руководитель нашей национальной федерации, я сразу понял, что эта игра намного больше, чем спорт.

Я не просто уверен, но у меня и коллег-медиков есть научные доказательства, что бадминтон — это ключ к решению одной из актуальных проблем глобального здоровья, а именно — прогрессивного ухудшения качества зрения у людей всех возрастов, и прежде всего у детей и подростков.

Да, близорукость формально не входит в число смертельно опасных болезней. Но она серьезно ухудшает качество жизни людей, и прежде всего молодого поколения, поскольку, как известно, обычный человек воспринимает окружающий мир на 90% через зрение. Эксперты сравнивают скорость распространения миопии с глобальной эпидемией: если на сегодняшний день, согласно данным ВОЗ, близорукостью страдают почти полтора миллиарда человек, или четверть глобальной популяции, то к 2050 году это заболевание затронет почти половину населения планеты. У нас будет на Земле пять миллиардов очкариков, и подавляющее большинство из них — школьники и студенты.

А вот наша, казалось бы, не слишком серьезная игра может остановить эту глобальную эпидемию! Я на всех уровнях — и в России, и за рубежом — неустанно провожу мысль: бадминтон способен внести реальный вклад не только в профилактику миопии, но даже в ее излечение.

Доказательства?

На протяжении ряда лет наша Федерация бадминтона совместно с Национальным медицинским исследовательским Центром глазных болезней имени Гельмгольца (ведущее российское учреждение в этой сфере) проводила исследования, как влияют занятия бадминтоном на профилактику близорукости у школьников. Мы исходили из того, что во многих случаях близорукость не является врожденным заболеванием. К ее возникновению ведет неправильный, нездоровый образ жизни.

Результаты экспериментов оказались не просто обнадеживающими — они были вдохновляющими. Регулярные занятия бадминтоном по специальной методике привели к тому, что у всех детей, участвовавших в программе, замедлилось развитие болезни, а некоторые вообще сняли очки.

В чем причина? Зрение возвращается благодаря тренировке глазной мышцы и усиленному снабжению глаз кислородом. Ведь когда дети день и ночь не мигая смотрят в экраны своих гаджетов, у них не просто пересыхает роговица, у них затекают мышцы, застаивается кровь в сосудах. В общем, ужас. А когда они начинают играть в бадминтон, то

их глаза вынуждены постоянно двигаться — следить за воланчиком. Плюс — пробежки, наклоны, физическая активность.

Мало кто знает, но средняя скорость у маленького белого парашютика-волана — триста километров в час, а начальная вообще больше четырехсот. Это в три раза быстрее, чем средняя скорость хоккейной шайбы или футбольного мяча — 100–130 км/ч, и больше, чем у мяча теннисного (движется до 240 км/ч). Но самое главное, что волан летит по очень хитрой, изменчивой траектории. И когда глаз за ним следит, тренируются мышцы, ответственные за аккомодацию. А именно от качества аккомодации зависит по большей части качество зрения. Вместо скучных специальных упражнений для глаз — живая, интересная игра, которая намного быстрее дает нужный для здоровья результат.

Инновационную методику борьбы с миопией, основанную на занятиях бадминтоном по специальной программе, мы запатентовали в России еще в 2011 году. А через три года получили международный патент. И мы не положили свои разработки под сукно. Я добился, чтобы бадминтон включили в школьные программы как факультативный предмет. И там, где школы пошли на эксперимент, мы стали обучать преподавателей физкультуры нашей методике, чтобы сочетать спортивные и медицинские результаты.

И в вузах мы занимаемся тем же — открываем бадминтонные площадки в университетах, устраиваем соревнования среди молодежи. А уж от собственных студентов на факультете МГУ я просто в обязательном порядке требую тренироваться. Жестко говорю: хотите у меня учиться, занимайтесь спортом. Снимайте очки, пока не поздно!

А еще я очень горжусь тем, что мы построили специальный Центр бадминтона для спортсменов всех возрастов в одном из крупнейших регионов России — Республике Татарстан. Пришлось приложить немало усилий, чтобы получить поддержку властей. Но в итоге был разработан и реализован типовый проект, который включает и кабинет с офтальмологическим оборудованием. Теперь все это можно просто брать и тиражировать в других регионах России и во всем мире.

Кстати, интересно, что именно наш вид спорта является не просто ракетным, но и в полном смысле слова космическим! В свое время великий конструктор Сергей Павлович Королев выбрал бадминтон основным спортом для подготовки космонавтов. И не случайно: бадминтон не травматичен, физически очень интенсивен — работают все группы мышц, а самое главное — опять-таки тренируется глазная мышца. Как оказалось, несколько аварий произошло во время космических полетов только потому, что в невесомости глазная мышца ведет себя иначе, чем на Земле. А после СССР бадминтон взяли на вооружение и американские астронавты, причем в самом начале их тренировал индонезиец. Мы храним ракетку, которой играл Юрий Гагарин.

В общем, у бадминтона я вижу огромное будущее. Уверен, будут в него играть все — от мала до велика, от школьника до президента. Правда, в России один президент у нас уже поиграл в бадминтон. Но вышло ровно так, как говорил Виктор Степанович Черномырдин: «Хотели как лучше, а получилось — как всегда».

Как Медведев сыграл в бадминтон, а народ обиделся

Случилось это в те времена, когда Дмитрий Анатольевич был президентом, а я носился по всем этажам власти с идеей профилактики миопии путем игры в бадминтон. Удалось мне через Андрея Александровича Фурсенко достучаться с этим проектом до тогдашнего премьера Путина, и Владимир Владимирович дал поручение включить бадминтон во все школьные образовательные программы как третий, то есть факультативный урок физкультуры. А Медведев, как президент, видимо, увидел эту тему.

И как-то так оказалось, что мой тренер, мастер спорта международного класса, шестнадцатикратный чемпион СССР и восьмикратный чемпион России Андрей Антропов, стал тренировать Медведева. Я об этом не сразу узнал, просто заметил, что Андрей стал где-то пропадать. При этом мне он сначала ничего не говорил. Потом-таки я выпытал тайну.

В общем, оказалось, что для Дмитрия Анатольевича бадминтон стал любимым способом снять стресс, поддержать форму. И так он загорелся нашим видом спорта, что в Бочаровом Ручье в Сочи стал втягивать в игру и Путина.

Ну, играли они и играли. И всё бы ничего, но началась избирательная кампания Владимира Владимировича. Насколько помню, Наталья Тимакова, тогда пресс-секретарь президента, знала об увлечении шефа, и с удовольствием поддержала идею записать короткое приветствие для фильма нашей Федерации. Как пишет сама Тимакова: «Ничего особенного в этой просьбе не было. Медведев играет в бадминтон, ему нравится эта игра. Мы разместили отрывок в блоге. И понеслось...»

Людям показалось, что нельзя руководителям страны играть в такую несерьезную игру, как бадминтон. Помню, фото везде были: оба наших руководителя с ракетками, воланчиком и черным лабрадором. И если к Путину не было никаких вопросов, то Медведева просто заклевали.

Не знаю, то ли от обиды, то ли так совпало, но Дмитрий Анатольевич провел очень вредное для российского спорта решение — запретил крупным чиновникам, включая руководителей госкорпораций, возглавлять спортивные федерации. А ведь у нас спорт всегда развивался по принципу поезда: если есть локомотив в виде крупной фигуры, которая занимается этими проблемами, либо по зову сердца, либо по указанию свыше, то состав движется. Нет такой фигуры — вагончики

стоят на запасных путях. В общем, Медведев своим решением отцепил все локомотивы. И спортивные федерации сразу начали хиреть. Никто из чиновников уже не смел их поддерживать.

А я придумал, как мне выйти из этой ситуации. Изобрел себе пост президента. Все финансовые и кадровые вопросы отдал председателю совета и исполнительному директору, а сам остался во главе российского бадминтона. Но юридически — в полном соответствии с решениями «сверху».

Кстати, я не слишком расстраиваюсь, что в России официальная поддержка бадминтона, мягко говоря, не так стабильна, как хотелось бы. У нас и без того имеется куча дел. Вот, к примеру, наша головная структура — Всемирная федерация бадминтона — насчитывает триста двадцать миллионов зарегистрированных игроков. Это же огромная цифра. И я горжусь, что, потратив целых два года жизни, все-таки добился, чтобы русский язык стал одним из официальных языков этой глобальной организации.

Пусть мировой теннис или футбол похващаются, что русский язык стал их официальным языком.

А мы вот в бадминтоне этого добились.

КАК Я ПОПАЛ В ИСТОРИЮ, И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Не знаю, то ли Бог меня наградил, то ли наказал, но я всегда увлекался историей — и вообще, и особенно нашей российской. И в школе, и в университете, и всю жизнь. Помнится, на первом курсе юридического факультета в Ростове я исписал целую школьную тетрадку в 24 страницы — подготовил реферат о первом канцлере Германской империи Отто фон Бисмарке. А потом притащил работу своему профессору — специалисту по истории государства и права Эдуарду Викторовичу Лисневскому.

А сделал я свой реферат с большой душой: Бисмарк мне безумно был интересен. Была у меня какая-то симпатия к масштабу его личности. Канцлер, хоть и не любил Россию, был способен рационально оценивать истинное положение дел, а потому постоянно твердил, что Германии не надо воевать с восточным соседом. Так я этой историей проникся, что не просто текст написал, а еще и кучу картинок нарисовал — и карандашом, и тушью, и еще акварелью раскрасил. Изобразил всю эпоху, как я себе ее тогда представлял.

Не только профессор мою работу хорошо оценил, она еще и на конкурсе победила. И тогда Лисневский предложил мне вариант проучиться не пять лет, а четыре года (закончить юрфак экстерном), после чего поступить в аспирантуру по предмету «История государства и права».

Как сейчас помню, что разговор этот состоялся в пятницу. И я попросил у профессора дать мне время подумать до понедельника. А в субботу мы с друзьями отправились на левый берег Дона с девушками гулять. Посмотрел я на всю эту красоту и вольницу и подумал: и зачем я буду целый год такой классной жизни у себя отбирать? Успеется еще за книжками насидеться. И в понедельник сказал профессору «нет».

В общем, на развилке, где надо было выбирать между правом и историей, я свернул в юристы. Но и после этого судьба постоянно подбрасывала мне разные исторические шансы, порой заставляя самого становиться частью событий, которые нынче во всех школьных учебниках записаны.

И один из самых удивительных подарков судьбы — это участие в возрождении Российского исторического общества.

Зачем ради РИО мы поменяли Гражданский кодекс

Случилось это в 2012 году. Но сама история началась чуть раньше. Когда я стал работать деканом Высшей школы государственного аудита, то, естественно, много занимался делами абитуриентов, анализировал данные по поступающим на факультет. Дело в том, что для поступления к нам выпускники школ должны показывать приличные знания по двум ключевым предметам — обществознанию и истории. И я вижу, что с каждым годом уровень выпускников именно по истории и обществознанию катастрофически падает. Начал разбираться, и понимаю, что дело даже не в том, что у ребят из-за повального увлечения гаджетами давно сложилось клиповое мышление, а потому они объективно не могут больше чем на 20 секунд свое внимание на какой-то теме удерживать, не говоря уже о том, чтобы какие-то логические цепочки выстраивать или мысль развернуто выразить. Проблема на самом деле еще глубже: наши учебники истории, а тем более обществознания, оказались абсолютно несовременны: неинтересны, скучны, а самое главное, там столько ошибок, белых пятен и неточностей, что только диву даешься! Как будто авторы живут вообще в какой-то иной реальности.

Опечалился я сильно, а тут подоспела какая-то очередная историческая дата, по случаю которой президент России (тогда — Дмитрий Анатольевич Медведев) повстречался с нашими учеными-академиками. Обсуждали много разных вопросов, и среди них как раз возникла тема истории: как обстоят в стране дела с историческими исследованиями, освещением научных открытий, с преподаванием истории в школах и вузах, с фальсификацией исторических фактов и так далее. После этой встречи президента с историками я и предложил организационно структурировать всю эту многообразную деятельность — возродить историческое общество.

Меня поддержали многие академики — и Александр Оганович Чубарьян, директор, ныне научный руководитель Института всеобщей истории РАН; и Анатолий Васильевич Торкунов, ректор МГИМО; и Анатолий Пантелеевич Деревянко, научный руководитель Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; и Валерий Александрович Тишков, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, и другие наши главные историки, археологи, политологи, обществоведы. А раз поддержка есть, то стали думать, что делать дальше.

Я порылся в интернете и, естественно, сразу наткнулся на Русское императорское историческое общество, которому с самого рождения в 1866 году покровительствовали лучшие российские умы и царственные особы. Первым председателем общества стал князь Пётр Андреевич Вяземский — поэт, друг и соратник Александра Сергеевича Пушкина. Император Александр II утвердил устав и был почетным председателем общества до 1894 года. Его сын и наследник, цесаревич, — будущий император Александр III — являлся одним из инициаторов создания общества, а позже активно участвовал в его работе. Еще одним из председателей был князь Николай Михайлович, дядя царя Николая II. А сам последний российский император финансировал работу общества из личных средств.

Чем занималось это общество? Сохранением истории и просвещением. Собирали исторические документы, публиковали, формировали и изучали архивы, печатали исторические труды, писали и издавали учебники, привлекали к этому делу меценатов из богатых и при этом просвещенных промышленников, купцов и дворян. Сейчас специалисты говорят, что те 148 томов «Сборника Императорского Русского исторического общества» и 25 томов «Русского биографического словаря», которые общество издало за полвека (1867–1918), можно считать основой современной отечественной исторической науки.

Общество с трудом пережило 1917 год и фактически прекратило свое существование после того, как его последний председатель, великий князь Николай Михайлович, был расстрелян в январе 1919 года во дворе Петропавловской крепости. К 1920 году практически никого не осталось — кто уехал за границу, спасая жизнь, кто погиб от голода и холода в революционном Петербурге, кто был перемолот безжалостными жерновами Красного террора. Отдельные энтузиасты предлагали Академии наук продолжить публикацию исторических трудов, но поддержки не нашли. Потом пытались восстановить общество за рубежом — в частности, в Праге. Да и у нас в начале 1990-х делались попытки.

В общем, зацепило меня и это общество, и его история. Решил, что пора его реально восстанавливать.

Собрал я под разными предлогами у себя в Счетной палате нескольких знаменитых академиков на чашку чая (а все они давно знают, что только

у меня можно особенно редкие и страшно полезные сорта китайского чая попробовать). И под этот чай объяснил свою задумку. Идея всех воодушевила, но немедля встал извечный российский вопрос: а кто возглавит? Вопрос-то серьезный. Потому что еще из старого доброго мультфильма известно, что «как вы яхту назовете, так она и поплывет». А уж тем более на судьбу корабля повлияет фигура, которая встанет у руля.

Естественно, сначала все внимательно посмотрели на себя и на соседей. Прикинули. И стало понятно, что по логике решения подобных вопросов, да и по опыту истории, никого из тех, кто сейчас сидит за столом, во главе будущего общества ставить не нужно. Надо брать выше. Стали перебирать кандидатуры и вспомнили Сергея Евгеньевича Нарышкина, который на тот момент был председателем Государственной думы. Идею единогласно одобрили, поскольку и должность высокая, и человек очень интеллигентный, тонкий, спокойный, выдержанный. Настоящий аристократ. А особенно понравилось, что фамилия уж больно историческая. Очень символическая связь времен получается: из рук Вяземского — в руки Нарышкина.

В общем, поручили мне академики обратиться к Сергею Евгеньевичу с нашей просьбой. Я написал записку, пришел на встречу, да сразу с места и в карьер: «Сергей Евгеньевич, ну вот уверен, не может Нарышкин — фамилия-то российская, известная, историческая! — в России не поддержать идею воссоздания Русского исторического общества!» Он посмеялся, подивился моей прыти, но бумаги забрал. Месяца два было тихо, а потом он неожиданно позвонил и говорит: «Сергей Михайлович, приходите. Ваша идея поддержана президентом Путиным». То есть он с главой государства согласовал инициативу и получил добро на свое участие.

И что очень важно, Сергей Евгеньевич не просто формально, как говорится, дал проекту свое имя, но уже на стадии создания начал активно с организаторами встречаться, участвовал в обсуждениях. Когда дело стало близиться к учредительному собранию, в помощь Нарышкину мы определили двух заместителей — самых активных сторонников идеи — академика Чубарьяна и академика Торкунова. Причем, пользуясь богатством и возможностями русского языка, назвали их сопредседателями. Так научное сообщество увидело, что общество — не чиновничья задумка, а нормальная общественная и научная инициатива.

Но прежде чем мы 20 июня 2012 года на учредительном собрании постановили, что Российскому историческому обществу (РИО) быть, пришлось решить еще кучу сложных правовых проблем.

Сначала ребром встал вопрос о том, в какой организационно-правовой форме наше историческое общество должно существовать. Будет ли это некоммерческая организация, экспертный институт, какое-то объединение? Я считал важным найти такую правовую форму, которая

позволила бы получать бюджетные субсидии. Да, на конкурсной основе, с соблюдением кучи процедур, на общих основаниях, но получать. Пересмотрел кучу бумаг и предложил выбрать форму некоммерческой организации. Все согласились. Так мы получили ассоциацию.

Дальше возник второй, не менее серьезный и практически неразрешимый вопрос: а как нам сделать так, чтобы членами нашей ассоциации могли быть не только организации, но и отдельные граждане? Почему неразрешимый? Да потому, что Гражданский кодекс на тот момент подобной возможности не давал. Если ассоциация — то членами могут быть только организации, а если мы хотим принимать еще и индивидуальных членов, то — никакой ассоциации.

В общем, классический цугцванг. Но нет таких проблем, которые нельзя решить, — в итоге мы взяли и поменяли Гражданский кодекс!

Я написал соответствующую поправку в Гражданский кодекс, которую Сергей Евгеньевич, как председатель Государственной думы, согласился поддержать. И примерно за пару месяцев нам эту поправку удалось внести. Конечно, речь шла не только о Российском историческом обществе, а обо всех аналогичных организациях, которые отныне получали возможность сочетать коллективное членство с индивидуальным.

Почему для нас эти вопросы были так принципиально важны? Потому что все проекты требуют денег, а больших денег изначально у нас не было. И быстро они ниоткуда не могли появиться. Поэтому поначалу мы проводили мероприятия, используя площадки и ресурсы наших коллективных членов — институтов, музеев, архивов. А позже, когда появился Российский исторический фонд и другие бюджеты, мы стали часть проектов сами финансировать.

Очень интересно шел (и продолжает идти!) процесс создания региональных отделений РИО — в Татарстане, на Северном Кавказе, в Сибири, в Крыму. Потому что каждый раз, когда возникает такая инициатива, внезапно появляется огромное число интересных, жаждущих совместной работы и общения людей, заинтересованных и увлеченных, стремящихся объединить свои силы. То есть учреждение нового отделения РИО всегда оказывается знаковым событием не только для историков, но и для общественной жизни региона и России в целом. И пусть не всегда все проходило гладко, но в итоге могу уверенно сказать, что Российское историческое общество состоялось.

Лично мне кажется, что самые красивые заседания у нас были в Остафьеве. В том самом, где жил и работал Пётр Андреевич Вяземский, да не просто работал, а еще его в стихах воспевал. У него в родовой усадьбе в свое время гостили и Пушкин, и Денис Давыдов. В общем, самое что ни на есть историческое место!

А заседали мы там по очень важному поводу: как все-таки преподавать историю в средней школе. Речь шла о создании нового историко-

культурного стандарта, на основе которого потом создаются все учебники истории в нашей стране. И в Русском историческом обществе тогда чуть ли не круглосуточно работали эксперты, и я в том числе. Это была сложнейшая работа. Масса дискуссий. Взять хотя бы историю России не только 1990-х, но и всего прошлого века. Для начала надо было хотя бы в первый раз попытаться восстановить историческую канву и логику событий так, чтобы не выпадали семьдесят лет советской власти, или, к примеру, война с Польшей, или распад СССР.

Событий исторических множество, но и учебники ведь не резиновые. Нужна квинтэссенция, самое ключевое, самое основное, без чего невозможно не просто представление об истории своей страны, но и самоидентификация нашей молодежи как россиян. Были бесконечные споры: что включать, что не включать; кто виноват, а кто прав; что считать историческим успехом и достижением, а что — нет. И еще миллион тонких вопросов. В итоге хочу сказать, что при каких-то отдельных шероховатостях — куда же без этого — в целом историко-культурный стандарт получился. И это признали все.

И теперь наш стандарт стал основой для создания самых разных линейек учебников для школы. А ведь сколько, помнится, было шума и дискуссий: многие боялись, что раз разрабатывают и утверждают стандарт, то будет внедряться одна-единственная официальная точка зрения на историю и, соответственно, один-единственный учебник для всех, очередной «Краткий курс ВКП (б)». Ничего этого не случилось: ни «Краткого курса», ни какого-то другого навязанного сверху единственно правильного взгляда на историю страны. Отнюдь, в самом стандарте было зафиксировано, что не просто допускается, но желательна конкуренция нескольких линейек учебников с разными подходами, идеями. Я, например, тоже сейчас участвую в написании новых учебников по истории — в той части, где речь идет о сюжетах государства и права, о конституционной истории — как говорится, от царя Гороха и до наших дней.

Разведчик лучше, чем историк

Нужно заметить, что, когда Сергей Нарышкин покинул пост председателя Государственной думы и стал директором Службы внешней разведки, все немного напряглись: как среагируют иностранцы на то, что главой нашего общества теперь является разведчик? Но никаких особых проблем не случилось. Сергей Евгеньевич поступил, как настоящий профессионал: он активно продолжил заниматься внутренними делами, но на время очень тактично отошел от публичных, в том числе международных мероприятий. А попутно он сделал очень большое дело: дал доступ ученым ко всей истории Службы внешней разведки, особенно советского периода, благодаря чему в научный оборот вошли многие важные документы, яркие судьбы, написано

множество интереснейших работ. А ведь это тоже история нашей страны, которой мы гордимся и обязаны знать.

Так что, несмотря на то что наш председатель возглавляет российских внешних разведчиков, наши контакты с коллегами за рубежом только расширяются. У нас очень прочные связи с Академиями наук Франции, Италии, Германии, даже с поляками, довольно сложными партнерами, появились совместные работы. Мы нашли общий язык и с китайцами, хотя с ними очень трудно работать, потому что они очень жестко контролируют каждый сюжет, вплоть до названий кораблей, которые заходили или не заходили в Порт-Артур. А какие-нибудь интересные исторические находки вообще могут вызвать совершенно непредсказуемую реакцию китайской стороны.

Помню, как я радовался, когда нашел документы о старшем сыне их лидера Мао Цзэдуна: как этого мальчика в Шанхае нашли, как он воспитывался в России (Сталин очень любил использовать этот механизм, придуманный еще русскими царями и их британскими родственниками, — воспитывать у себя детей элиты других стран), как погиб. Желая поделиться своими новыми знаниями, я выступил с этим сюжетом на огромной конференции в связи с семидесятилетием победы Китая над Японией. Рассказываю, рассказываю... Вдруг понимаю, что в зале застыла гробовая тишина: китайские историки страшно перепугались и, как жена Лота, буквально превратились в соляные столбы. Ничего не понимаю! Я же им про сына их любимого Мао рассказываю, про окончание Второй мировой войны. А потом мне аккуратно объяснили, что тема эта очень деликатная, потому что именно события в конце Второй мировой войны надолго испортили отношения Мао с СССР.

Вдобавок Сталин по разным причинам поддерживал Гоминьдан, то есть буржуазно-демократическую власть Китая, как власть, которая сопротивляется японцам. И оружие, и эксперты из СССР шли в основном туда, а не к Мао и его армии. И этого Мао тоже не забыл. Кстати, хотя документов найти не удалось, но есть сведения, что Сталин разделял позицию Черчилля, который хотел после войны создать два Китая: северный и южный. Эти огромные территории и географически, и ментально, и лингвистически очень различны, а потому план мог быть реализован. Но Рузвельт еще на Тегеранской конференции выступил за единый Китай, и, более того, предложил вписать Китай после войны в постоянные члены Совета безопасности ООН. Тогда, по большому счету, КНР еще не было — там шла гражданская война и война с японцами. В общем, нам до сих пор китайские историки и политики припоминают, что мы сначала во Второй опиумной войне встали на сторону Великобритании, а потом тоже «не с теми» мировыми лидерами дружили...

Но, пока суд да дело, я начал создавать цифровые музеи. Например, к 20-летию российской Конституции открыл виртуальный Музей

конституционной истории России. Перед этим посчитал, что на музей офлайн потребуется минимум 100 миллионов рублей — на все эти помещения, стенды, экспозицию. И тогда всего за полгода мы с коллегами создали музей виртуальный: «первый этаж» — конституционная история до 1917 года, «второй этаж» — советский период и «третий этаж» — современность. Причем этажи эти буквальные: художники и программисты воссоздали интерьеры каждой эпохи, залы, по которым можно «ходить», экспонаты рассматривать, фильмы смотреть. С помощью 3D-сканера оцифровали редкие артефакты. Их теперь можно чуть ли не руками трогать, виртуально конечно. Музей мы передали Президентской библиотеке в Санкт-Петербурге. Работает двадцать четыре часа в сутки, бесплатно, семь дней в неделю. Конечно, не миллион посетителей, как на каналах в YouTube, но и то хорошо, ведь конституционная история — очень специфическая тема. Скоро будем свой музей модернизировать — чтобы молодежи было интересно.

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ДОРОГ И СУДЕБ

Очередная командировка. Аэропорт. Ожидание посадки. И это прекрасно, потому что есть время опять подумать о том, что еще необходимо обязательно написать. Сажу, соображаю, записываю всё, что приходит в голову. Перечитываю написанное и понимаю, что получается такой небольшой калейдоскоп маленьких разрозненных зарисовок, которые могут оказаться теми самыми штрихами к портрету — моему или эпохи, — что добавляют ему яркости и, возможно, высветят что-то важное, случайно забытое или нечаянно пропущенное.

ПРО СВОИХ

По маме я — Горбачёв

Начну эти записи, как водится, от истоков — с истории моих родителей. Без них не было бы и меня — такого, каким я стал, точнее, каким меня они воспитали.

По материнской линии я из Горбачёвых. Так что, видимо, не зря судьба с Михаилом Сергеевичем свела. Мои Горбачёвы проживали в селе Савинском Рыбинской губернии Ярославской области. Где-то в 1914 году дед Алексей Фёдорович Горбачёв в 19 лет отправился в Питер, где стал рабочим Путиловского завода. Может, он тогда и с предками Владимира Владимировича был знаком. Когда началось движение 25-тысячников, дед, как передовой рабочий, попал в Крым. Был там первым

трактористом, ездил на «фордзоне». Там женился на Антонине Дмитриевне, и они родили себе мою маму, Зою Алексеевну, и трех ее сестер — Веру, Лилию и Тамару.

Когда мои родители поженились, маме пришлось долго вести жизнь жены офицера Советской армии. Она, как могла, устраивала и обихаживала семейное гнездо — сначала в гарнизоне, а потом в станице, куда отцу пришлось вернуться с семьей после того, как Никита Сергеевич Хрущёв стал весьма оригинально бороться за мир и в рамках этой борьбы в одночасье резко сократил армию. Станица называлась, да и сейчас зовется Солдатская. Это в Кабардино-Балкарии.

А что такое станичная жизнь начала 1960-х? Это фактически натуральное хозяйство: никаких денег, никаких магазинов нет, да и работы особой для мамы не было.

И нас тогда очень выручало то, что мама прекрасно шила. У нее от ее бабушки остался драгоценный подарок — старенькая машинка «Зингер». Так на этой машинке мама много лет и себя обшивала, и брата, и меня. Отцу ее рукоделье тоже было по душе, потому что никто в округе не мог так пошить папе галифе, как она, да и тот же любимый им френч.

Я это к чему? Да к тому, что до самого десятого класса у меня не было ни одной купленной вещи. Даже зимнее пальто она мне сшила сама: как сейчас помню, серое такое, в черную елочку из очень толстого материала. Как она его пробила на своем «Зингере»? До сих пор не понимаю.

Когда мама что-то для меня шила, то обязательно со мной советовалась. И так, с ее легкой руки, прослыл я в станице страшным модником. Да и на первом курсе в университете одевался я исключительно у личного модельера по имени Зоя Горбачёва в швейной мастерской под названием «Мама и Ко».

А еще маме удалось найти работу сельского библиотекаря. Сначала со мной бабушка дома сидела, а после ее смерти перед мамой встал вопрос: куда деть ребенка, если надо работать? Ответ: забрать его с собой в библиотеку. Что мама и делала. В итоге я вырос в прямом смысле слова между книжными полками. У меня тогда был специальный матрасик, который мама мне сшила. В одной из комнат библиотеки, под которую отдали большой частный дом, я на этом мамином матрасике и жил: спал, ел, играл. И, конечно, читал.

Сначала я перечитал все имеющиеся на полках сказки, потом всю фантастику, потом и более серьезную литературу. И то, что мама брала меня с собой на работу, а я с пеленок жил своей жизнью между книжными стеллажами, сыграло не последнюю роль в моем бессистемном образовании.

И еще. Я всю свою жизнь помнил и помню сейчас ни с чем не сравнимый запах книг, книжной пыли. И лучше его для меня на всем белом свете ничего не существует.

Во времена жизни в маминой библиотеке у меня была разработана своя система чтения. Книги я читал целыми собраниями сочинений, полками, по авторам — в алфавитном порядке. Причем иногда дочитывал начатое из чистого упорства: мне уже и не слишком интересно было кого-то читать, не все же одинаково нравится, но я должен был этого автора добить!

И если продолжать про книги, то есть у меня еще одна история. Когда я учился на втором курсе в университете, денег всегда не хватало, поэтому очень нужна была работа. Так случилось, что в Ростове-на-Дону только-только построили в микрорайоне Западный новый троллейбусный парк. Пригнали чешские троллейбусы, и на всех этих троллейбусах были шелковые такие веревки — толстые, витые, страшно прочные и на вид просто роскошные. За них водитель троллейбуса поднимал или опускал штанги. Так вот эти веревки местные ловкачи повадились срезать. Веревка-то просто шикарная, в хозяйстве всегда пригодится.

И тогда троллейбусный парк кинул клич в студенческом общежитии, мол, кто может — помогите, приходите сторожить. Я на этот отчаянный призыв тут же откликнулся и по ночам отправлялся сторожить эти троллейбусы и гонять злоумышленников, чтоб веревки не крали. Ночи были длинные, особенно осенью и зимой, а спать никак нельзя. Надо что-то делать. Вот я в студенческой библиотеке соседнего университета договорился, что буду брать у них книги. И пока сторожил свои троллейбусы, прочитал всего Оноре де Бальзака — 24 тома. Коричневые такие толстые книжки. Так вот ночами лежал на письменном столе в бытовке и читал Бальзака.

А если вернуться назад, к раннему детству, то я хорошо помню бабушку Сашу — маму моего отца. С которой мы сначала вместе жили, а потом она рано умерла — мне лет семь исполнилось. Когда я был еще под бабушкиным присмотром, у нас в станице не было электричества. Его провели только в 1962 году.

Конечно, мы не сидели при свете лучин, а жили, как все строители коммунизма, кого не коснулся ленинский план ГОЭЛРО, с керосиновыми лампами и керогазом. Керогаз — это плитка на газу, где разогревали еду. Ну а что такое керосиновая лампа — тоже понятно: емкость с керосином, фитиль, который вечно надо было подрезать, и стеклянная колба, защищавшая огонь.

Но зато было у нас радио. Такое, как в фильмах про войну часто показывают: толпа у столба, черная тарелка и голос Юрия Левитана: «От Советского информбюро: наши войска...»

Я на всю жизнь запомнил эту атмосферу, когда мы с бабушкой по вечерам слушали радиоспектакли. Электричества нет, горит только эта самая керосиновая лампа, полумрак, и комната, полная голосов... Тогда, кстати, прекрасно ставили все эти радиопьесы, особенно классику. А еще я любил детективы, Агату Кристи к примеру.

И вот сидим мы с бабушкой, слушаем. А она еще и вяжет, чтобы не терять зря время. Вяжет носки всей семье. Причем к тому времени бабушка стала подслеповата, и у нее не получалось, как надо, пяточку заводить... Когда вяжут носки шерстяные, самое сложное дело — завести пяточку, потому что она же изгибается, потом идет от голени в ступню. Бабушка решила проблему: научила меня это делать — пяточку заводить. Когда у нее вязанье доходило до пятки, она звала: «Внучок...» И я брал её спицы, делал пятку, а она дальше вязала свой носок. Вязала быстро, на автомате, не глядя. Вот картинка на всю жизнь в памяти осталась: вязать пятку носка и слушать радиоспектакль, в полутьме нашей избы, с любимой бабушкой...

Читать, кстати, тоже бабушка Саша меня научила. По Библии. Мне еще пяти лет не было. Как в те времена у нее Библия сохранилась, ума не приложу. После Библии моя первая книга была «Бобик в гостях у Барбоса»[\[63\]](#). Такие вот у меня были разносторонние интересы. Прямо с детства.

Всплывают порой эпизоды из детства, которые вроде не должен помнить. Годика два мне было, а то и меньше, совсем маленький был. Помнится, что я страшно любил яйца всмятку. Мама мешала мне яйца с хлебным мякишем и называла это «гоголь-моголь». Однажды, видимо в суматохе, мама недоглядела — среди кусочков хлеба оказался кусок скорлупы. Он мне попал в горло, да так, что я совсем не мог дышать. Конечно, длилось это недолго — кто-то по спине ударил или я сам как-то справился... Но вот это состояние асфиксии, когда дыхание остановилось, и я вдруг понял, что прямо сейчас умру, как фотография отпечаталось. И я до сих пор всю картину помню: где что лежало, где что стояло, чем пахло... Потом я маме много раз об этом рассказывал. Но она всегда спорила: «Да не мог ты это помнить. Тебе и двух лет не было, всего полтора годика. Рассказал кто-нибудь». А я вот точно знаю, что сам запомнил — и кухню эту, и дом, и все вокруг...

Кстати, дом у нас интересный был. Мы же жили на юге, а потому строили так: по углам вкапывались деревья, спиленные в лесу, а между ними — плетень из орешника. Потом в нем вырезались окна, ножовкой или топором, и с двух сторон залеплялись глиной с соломой. Это и у нас, и на Украине так делали — мазанка называется. И эту мазанку, которая у нас была кухней, я и запомнил. Так, благодаря случаю, я, задыхающийся от нехватки воздуха, сфотографировал в своем мозгу на всю оставшуюся жизнь кусок своего детства.

А по отцу я — терский казак

По отцовской линии я из терских казаков. Дед — Александр Макарович Шахрай и бабушка, которая меня читать научила, — тоже Александра. Их сын, соответственно мой отец, Михаил Александрович поступил после школы в Качинское летное училище под Севастополем. Там, кстати, учился и Василий Сталин, только были они на разных потоках.

Окончил отец училище в 1941 году — и сразу война. Был истребителем. В какой-то момент папу, как отличного летчика, вернули в училище инструктором, чтобы учить молодежь летать. Уже в конце войны случилась страшная авария, молодой курсант не справился с управлением самолетом. Папа получил очень тяжелую травму, полтора года лежал без движения, позвоночник ему врачи собирали по кускам. Но характер у казака-летчика был бойцовский. Он себя как-то упражнениями вытаскивал, стал потихоньку двигаться, потом ходить, и даже успел еще послужить в армии. Конечно, ни в какие летчики его уже не пустили, попал он в артиллерию.

И вот тут-то нагрянуло хрущёвское сокращение армии, когда наш генсек два миллиона военных как ножом срезал. Рубанул этот нож и по моему отцу. Фактически вышвырнули его из армии вон за ненадобность. А у него другой профессии нет, и на руках жена и дети. И куда? Вот он и поехал в родную станицу. Там хотя бы можно было прокормить семью. Мама его, моя бабушка Саша, еще была жива, домик какой-то был, огород. Коров тогда советская власть не разрешала держать, но был поросенок, куры и утки.

Так перебрались мы всей семьей в станицу и начали как-то там обживаться. Папа заочно учился в Сельскохозяйственном институте в Нальчике. Заочно — это значит, что основное время он занимался дома, а зимой и весной уезжал на сессии. Ну а я, когда стал что-то соображать, стал ездить вместе с ним. Хорошо помню, как отец днем работал, а ночами зубрил свои учебники. И опять перед глазами — всё та же керосиновая лампа, всё тот же вечный полумрак.

Папа выучился на агронома, но душа тянулась к механизмам — все время что-то изобретал. Было у него, насколько помню, больше шестидесяти разных изобретений, которые даже на ВДНХ демонстрировались, и гора медалей за них. Он придумал, как автоматически убирать навоз из-под коров и свиней, как их автоматически поить. В общем, постоянно что-то механизировал, автоматизировал, да еще занимался селекцией с большим знанием дела.

А в конце 1960-х в стране стало модным, особенно в таких житницах, как у нас, — Ставрополье, Краснодар, Ростов, — обрабатывать поля химией с самолета. И несколько лет подряд в сезон на пару месяцев к нам в станицу прилетал «кукурузник» — такой маленький самолетик с двойными крыльями, который заправляли на земле из бочек химией, а потом он целыми днями летал, чуть ли не вручную распыляя все это дело на поля. И когда появлялся этот самолетик, мой отец просто

оживал. Вы бы его в эти минуты видели! Папа садился за штурвал и гонял его в хвост и в гриву. Ну, чистый истребитель, а не кукурузник!

Он и меня научил управлять самолетом. И даже один раз разрешил самому взлететь, но вот посадить кукурузник так и не доверил. Говорил: «Нельзя, ветерок дунет, и всё. Это же такой самолет: скорость слишком маленькая, ни от тебя, ни от кого ничего не зависит. Это надо чувствовать». Но вот поднять самолет в воздух дал. И спасибо ему за это огромное, потому что до сих пор я помню это ощущение счастья, когда вдруг земля исчезла, и ты идешь на высоте 100–150 метров, сам держишь штурвал, сам летишь, сам ведешь машину. А еще помню, как страшно удивлялся, что в самолете оказалось намного меньше рычагов и педалей, чем в автомобиле или на тракторе.

В общем, отец и сам очень любил небо, и меня научил самолеты любить. Но когда узнал, что я всерьез захотел летчиком стать, запретил строго-настрого. И велел идти в юристы. Пришлось послушаться.

Как мама напугалась, что я денег заработал

Когда я уехал учиться в Ростов, очень остро встала проблема денег. Надо было на что-то жить. А стипендии мне, естественно, не хватало. А у меня с ранней юности была позиция: не обременять собой родителей. Тогда в стране было достаточно развито движение студенческих строительных отрядов. И я решил, что мне надо получить серьезную рабочую специальность, чтобы летом попасть в такой отряд. Зимой 1973/74 года я по выходным начал ходить на стройку в Ростове и осваивать профессию каменщика: учился класть кирпич, заводить угол, делать раствор, ставить леса. А летом, сдав сессию, мы с ребятами собрались в бригаду и поехали на свою первую студенческую стройку.

Как сейчас помню, это было в Карелии — городок Суоярви. Я там стал настоящим квалифицированным каменщиком, который что угодно построит, и будет стоять на века. До сих пор в Суоярви стоит двухэтажный кирпичный дом, возведенный студенческими руками.

Постоянно вспоминаю это время. Карелия ведь особое место: солнце летом совсем не садится, только сползает до верхушек деревьев — и опять вверх пошло. Сначала мы с ребятами белым ночам страшно радовались, потому что при свете можно было работать быстро и долго. Но где-то на второй неделе стали просто падать с ног от усталости. А уснуть всё равно не получается — светло. Мы же с юга, привыкли к темным ночам. В общем, пришлось добывать одеяла, закрывать ими окна, чтобы хоть несколько часов в темноте побыть и заснуть.

А еще Карелия — это же страна озер. В самом начале сентября водная гладь уже стала покрываться тоненьким прозрачным хрустящим льдом. А карелы свои бани ставят прямо в озере — на сваях в двадцати или

тридцати метрах от берега, потому что глубина небольшая. К самой бане ведет узкий деревянный настил, а в парной в полу находится люк. Ты его открываешь и плюхаешься прямо в ледяную воду. Поплавал, а потом по лесенке назад поднялся. Я тогда стригся наголо, но волосы быстро отрастали и торчали колючками. И вот я плыву, и лед этим ежиком разрезаю. Ледок тоненький, ломается и легонько похрустывает. А потом — опять в парилку. До сих пор помню всё это.

В конце сентября я привез домой тысячу сто рублей, заработанных в моем первом стройотряде. Мама просто пришла в ужас, потому что в жизни не видела таких денег. Сельским библиотекарям вообще мало платили. А отец хотя и был агрономом, а потом председателем колхоза, но за свой труд получал все больше не деньгами, а кукурузой, пшеницей да маслом растительным. Так что живых денег у нас в семье тогда особенно не водилось.

И что моя мама могла подумать? Уехал сын в Ростов, а через год вернулся с тысячей рублей в кармане. Значит, попал в плохую компанию, в какую-нибудь преступную группировку. Одесса-мама, Ростов-папа...

Плачет: «Теперь понятно, почему ты у нас денег не просишь». Стал в деталях рассказывать всю эту историю про строительный отряд, а они мне не верят.

Что было делать? Взял да и обложил наш старый саманный домик (саман — это глина, перемешанная с соломой) настоящим кирпичом. Это называется — облицевать. Кладется белый силикатный кирпич, а через пять рядов — красный кирпич — под расшивочку... И дом становится таким солидным, красивым.

И только тогда, когда я наш дом своими руками привел в порядок, мама поверила, что я каменщик. Кирпич тогда был в дефиците, и облицовка дома шла с перерывами. Так вот в этих промежутках я во дворе еще и баню из туфа построил.

Сам выложил печь, протопил баню в первый раз и родителей пригласил: «Пожалуйста, мои дорогие. С легким вас паром!»

Ну, тогда уже и отец загордился, что сын не только юрист, а еще и настоящий каменщик.

Кстати, спустя много лет решил проверить, как там дом наш, не развалился? А дом стоит. Там же стены толстые, да и землетрясений не бывает.

**«Не толкайся у трона, не тащись
в обозе...»**

Когда меня спрашивают, почему я с Ельциным и его командой держался как-то особняком, семьями не дружил, я всегда говорю, что меня так отец научил: «Никогда не толкайся у трона, но и не тащись в обозе».

Он всегда это говорил. И я эту его любимую фразу запомнил на всю жизнь.

Очень меня, если честно, это выручало в самых разных ситуациях. Вспомнил, что говорил отец, и принял решение. Правильное. А принимать такие решения приходилось часто. К примеру, когда я стал членом Президиума Верховного Совета. Кстати, им я стал сразу и по должности, так как конструкция Президиума Верховного Совета РСФСР была такова, что председатель комитета входил по должности в президиум. А вот заместителем председателя Верховного Совета меня избирали целых три раза, но так и не избрали. Борис Николаевич, насколько я знаю, очень хотел, чтобы меня избрали, потому что к тому времени убедился, что в общем-то (хотя еще всей глубины трагедии не понимал) с Хасбулатовым он дал маху и что лучше иметь в заместителях противовес в моем лице, чтобы был баланс, а не монополия Хасбулатова. Но не сложилось. Я не набрал нужного числа голосов. И в итоге на это дело махнул рукой, собственно.

За что я отцу благодарен очень сильно: от медных труб он меня защитил с самого детства. Я эту мудрость в свое время пытался детям передать, а сейчас вот — внукам.

На практике это означало: никогда чрезмерно не сближайся с лидером. Я этой формуле в отношениях с вышестоящими всегда следовал. К примеру, я никогда не был дома у Бориса Николаевича и хлебосольной Наины Иосифовны. Хотя, по идее, должен был там бывать, и Борис Николаевич часто приглашал. Но как-то постоянно меня что-то уводило. Может, это происходило потому, что я туда никогда и не стремился. Не знаю. То есть между мной и Борисом Николаевичем всегда была легкая дистанция. Президент Ельцин, кстати, хорошо это чувствовал и, думаю, даже ценил, что не лезу в душу. Уставал он порой от соратников.

Но есть и другая сторона медали: если ты всегда будешь отставать, тащиться в обозе, то рано или поздно окажешься никому не нужным. И тогда в один прекрасный момент тебя как старый хлам могут оставить где-то на обочине. То есть надо не только дистанцию держать, но и уметь себя поставить, отстоять свое личное пространство и показать себя, когда это потребуется. Поэтому я философски отнесся к ситуации, когда меня «прокатили» с голосованием на пост заместителя председателя Верховного Совета РСФСР. Но сама по себе история оказалась довольно интересная. Как раз на тему о соратниках.

Как сейчас помню. Декабрь девяносто первого, второй год работы съезда и Верховного Совета РСФСР. И тут мне Борис Николаевич при встрече вдруг говорит, что «со всеми переговорил» и что меня на этом съезде изберут его заместителем в Верховном Совете. Сказал и пропал.

Утром объявили повестку дня — мой вопрос поставлен на 16:00. Ельцин в начале заседания недолго поприсутствовал и куда-то уехал. А дальше случилось то, что продемонстрировало мне — и навсегда — всемогущество аппарата.

Поскольку дело происходило в день смерти Андрея Дмитриевича Сахарова, то Виктор Васильевич Илюшин внезапно объявил, что есть шанс организованно отдать дань памяти человеку, который тогда для каждого демократа и либерала был знаковой фигурой. И прямо в Кремль, чуть ли не к дверям зала, где шло заседание, в полдень было подано несколько автобусов. Всех, кто хотел бы почтить память Андрея Дмитриевича в годовщину его смерти, пригласили занять места, чтобы немедленно и организованно выехать к могиле Сахарова.

В результате больше ста человек — не коммунистов и консерваторов, а именно сторонников президента — уехали на мероприятие. И ровно в это самое время Илюшин поставил вопрос обо мне на голосование.

То есть как только те, кто мог меня поддержать, уехали, то вопрос, заявленный на 16:00, тут же переместился на 12:30. И естественно, голосов в мою пользу не хватило. Нужно было хотя бы человек двадцать «за». И это при том, что полторы сотни, которые «за», только что уехали. Ну, не сложилось. Не судьба. На этом для себя я эту страницу закрыл.

Потом, много позже, мы с Илюшиным подружились и нормально работали вместе. Я ему однажды всю эту историю припомнил. А он мне на это и говорит: «Ну, Сергей, откуда же я знал, что ты нормальный человек? Мне надо было нейтрализовать тебя. Зачем ты был нужен? У нас тогда своя команда была — екатеринбургская. А ты откуда-то из Ростова. Да еще со всех сторон несетя: выскочка, юрист...»

Я отнесся к этому спокойно — как говорится, ничего личного. Виктор Васильевич всегда был профессионалом. При этом очень осторожный и очень встроженный в систему человек. Он умел просчитывать аппаратные ходы, умел эффективно организовать поток людей и документов. И не делал таких ошибок, как, к примеру, Геннадий Эдуардович Бурбулис, который после избрания Ельцина президентом немедленно так перестроил систему контактов, что будь ты самый крутой демократ, но к Борису Николаевичу попадешь не иначе, как только через Бурбулиса и только вместе с Бурбулисом.

То есть он монополизировал доступ к президенту, создал этакое узкое горлышко, через которое далеко не каждый мог пролезть. Я, столкнувшись с этой ситуацией, однажды ему сказал: «Ген, ты же и себя так погубишь, и Бориса Николаевича. Зачем ты Ельцину информационный поток ограничиваешь? Люди же вообще перестанут к нему ходить из-за твоих препон! Вдобавок ты своими руками из союзников делаешь если не врагов, то сильно обиженных людей. Да и “горлышко”, что ты оставил на вход, очень узкое. В сутках только 24 часа, а людей, желающих поговорить с Ельциным, сотни. Ты просто

физически не сможешь за всем уследить». Увы, Бурбулис меня не услышал. Собственно, это потом его и спалило.

Как сейчас помню: я ему всё это вещаю, а он молчит и улыбается, молчит и улыбается. Впрочем, у него, наверное, своя логика была. Он по-своему, по-нашему, по-русски, будучи доверенным человеком, старался защитить царя. То есть делал это все, скорее всего, не со зла. Но получилось при этом то, что получилось. В любом случае считаю, что это была его ошибка и его вина. Потому что Бурбулис в этом случае совершенно осознанно «шунтировал» президента Ельцина от каналов дополнительной информации, от других людей. А возможно, ему просто нравилось быть тем, кто не просто стоит очень близко «к телу», но и управляет им.

В свое время Егор Гайдар говорил, что для него было два Ельцина — до 1994 года и после, когда он отправил в отставку правительство младореформаторов и начал руководить страной, опираясь на «политических тяжеловесов», на компромиссы.

А лично у меня в памяти получилось целых три Ельциных. Один — до событий октября 1993-го, другой — от принятия новой Конституции и до выборов 1996 года, а последний — всё оставшееся время после выборов.

Я считаю, что после событий вокруг Белого дома Ельцин стал более замкнутым и более злым, но во власти он укрепился. Он применил силу — и стал сильнее. И еще он стал более мстительным.

Я на себе это по сюжету с амнистией почувствовал. Для меня события 3–4 октября всегда были эпизодом гражданской войны, когда нет ни правых, ни виноватых. Поэтому предложил я для умиротворения ситуации провести политическую амнистию для Хасбулатова, Лукьянова и прочих. Я это Ельцину объяснил, он вроде бы аргументы услышал, сидельцев отпустил. А потом через Коржакова мне передал, что не простит мне этого никогда.

Но все-таки рубежным для трансформации Ельцина стал 1996-й. Он тогда даже внешне изменился...

Оренбургский казак терского всегда поймет

С Виктором Степановичем Черномырдиным у меня были очень теплые отношения. Лично я считаю, что он — это вообще находка Ельцина. Хозяйственник, директор крупный, Газпром создавал. И при этом в те смутные времена ни разу не предал президента, который его сделал премьером.

К тому же это был человек, способный принимать самостоятельные и довольно рискованные политические решения. Об одном расскажу.

1995 год. Бюджет на год приняли только в конце первого квартала. Экономика в кризисе. Конфликт в Чечне в самом разгаре. Ситуация сложнейшая. А Дума постоянно вставляет палки в колеса, потому что в декабре выборы, фактически вместо работы уже началась предвыборная агитация, надо покрасоваться перед избирателями. Депутаты чуть не каждый день ставят вопрос о недоверии правительству, держат на крючке. Работать просто невозможно.

Виктор Степанович приедет с заседания, лица на нем нет. Я говорю: «Виктор Степанович, между прочим, в Конституции есть на этот случай решение». Он в ответ: «Да какое еще решение?» — «Давайте поставим вопрос о доверии самим себе». — «Зачем? — спрашивает Черномырдин. — Они же нас прокатят».

А я ему говорю, что хуже-то не будет. Зато ситуация быстро разрешится или в ту, или в другую сторону. Потому что если правительство само ставит вопрос о доверии себе, то в течение семи дней должно пройти голосование: либо депутаты выскажут нам доверие, либо нет. Если последнее, то дальше президент будет решать — отправить нас в отставку или объявить о роспуске Госдумы и новых выборах. Самое главное, что мы либо перестанем работать, либо Дума нам перестанет мешать.

В общем, Виктор Степанович решился. Какой же депутаты устроили шум — провокация, шахрайские штучки... Но в итоге в течение недели нашли компромисс: и правительство осталось, и депутаты на досрочные выборы не пошли.

К чему я это? А к тому, что Черномырдин при прочих равных условиях мог идти на самостоятельные и рискованные политические решения и обеспечивал стабильность правительства. А уж его афоризмы до сих пор всем известны. Мне лично больше всего нравится фраза: «Те, кто выживет, сами потом будут смеяться». В общем, не зря шутили, что Черномырдин — это тот случай, когда язык до Киева доведет. Это в том смысле, что Виктор Степанович стал российским послом на Украине. Он, кстати, никогда не обижался на эту шутку.

А ведь поначалу наши отношения складывались ох как непросто! В декабре 1991 года я стал вице-премьером в кабинете Егора Гайдара, а до того представлял президента Ельцина на заседаниях Совета министров РСФСР, которым руководил еще Иван Степанович Силаев. Был я, как во времена большевиков, чем-то вроде комиссара, присматривающего за работой. Это была моя функция как государственного советника, и я ее рассматривал как чисто юридическую, технологическую. Потом в мае 1992-го вице-премьером по топливно-энергетическому комплексу назначили Черномырдина.

А в конце 1992 года случился острый парламентско-правительственный кризис. Ельцина тогда оппозиция еще не трогала, но вот кабинет Гайдара ежедневно и жестоко критиковали. В результате Борис Николаевич принял решение пойти на компромисс с депутатами и поменять премьера.

Стали думать, что делать, чтобы и депутатов как-то успокоить, и человека нормального на пост премьера найти, который реформы не угробит.

Придумали мы тогда модель рейтингового голосования: собрали предварительный список кандидатов по предпочтениям депутатов, чтобы голосовать в несколько туров. На место премьера были представлены несколько кандидатур: секретарь Совета безопасности Юрий Скоков⁸⁵, вице-премьер по энергетике Виктор Черномырдин, исполняющий обязанности главы правительства Егор Гайдар, директор ВАЗа Владимир Каданников⁸⁶ и первый вице-премьер Владимир Шумейко⁸⁷. В первом туре с большим преимуществом победил Юрий Скоков. Он набрал чуть ли не шестьсот с чем-то голосов. На втором месте оказался Виктор Степанович, и на третьем месте с большим отставанием — Егор Гайдар.

Здесь надо сказать, что Ельцин тогда проводил с нами консультации в саду Кремля. И, судя по тому, что он говорил, я понял, что Борис Николаевич в душе уже принял решение пожертвовать Гайдаром, но при этом он совершенно не хотел видеть в кресле премьер-министра Юрия Скокова, как слишком сильную фигуру, имеющую явную поддержку оппозиции. И тогда Борис Николаевич по-русски выбрал меньшее из зол — крупного хозяйственника. То есть, как я понимаю, решение поставить во главе правительства Черномырдина шло не столько от сердца, сколько от расчета: с одним кандидатом приходится расставаться, другого нельзя принимать, а вот есть третий — понятный, авторитетный, вменяемый и действительно симпатичный человек, его и поставлю. И не ошибся! Но сразу хочу заметить, что после того, как решение вступило в силу, Ельцин не просто очень быстро оценил Черномырдина, но и стал его другом.

Когда Виктор Степанович пришел в кабинет министров в новом статусе, я был для него фигурой из другой команды — из предыдущего правительства. Это во-первых.

А во-вторых, так же, как и для Силаева, я выглядел для него «оком Ельцина», что само по себе не могло не вызывать настороженности и неприятия. Вроде как знак недоверия от президента. И опять-таки неизвестно, что у этого Шахрая в голове бродит.

На тот момент я считал, что напряженное отношение Черномырдина ко мне — это плохо. А теперь понимаю, что, может быть, это было и хорошо. Потому как Виктор Степанович, предполагая, что я не сам по себе, а с президентом за спиной, административно на меня старался не давить и даже соглашался со мной советоваться.

Спустя некоторое время, когда все это превратилось в рутину, и мы стали с ним просто в ежедневном режиме работать, то Виктор Степанович однажды внезапно понял, что не все мои предложения... неправильные. А многие очень даже правильные.

В общем, стали мы с ним постепенно срабатываться. И тем, кому Черномырдин начинал доверять, он любил передавать целиком разные вопросы. Особенно сложные.

Так и я однажды получил от него «подарочек» в виде северного завоза. Мне было поручено обеспечить на зиму весь наш Север — от европейской части России — жизненно необходимыми товарами: топливом, продуктами, лекарствами и прочим. Задача была исключительной сложности, потому что, с одной стороны, была разрушена вся инфраструктура, почти не работали финансовая и банковская системы, а с другой стороны, «окно», когда можно завозить, очень короткое — водные пути рано замерзают. Плюс губернаторы еще чудили — мы им уголь вовремя завезем, а они решают, что раз до зимы еще далеко, то наш уголь они быстренько продадут, денежку наварят, потом купят новый, а разницу в карман положат. Но зима, как на грех, каждый раз раньше срока приходит. Вот и начинают губернаторы кричать с трибун, что регион замерзает, а федеральный центр ничего не делает. Приходилось с тех же трибун выступать. С фактами, фотографиями, цифрами в руках показывать, кто тут прав, а кто виноват. И опять-таки выкручиваться, спасать население. Ведь даже если неудачливого бизнесмена-губернатора посадить, топить-то чем-то надо...

А Виктор Степанович потом меня всю использовал, бросая на амбразуру с депутатами — спорить, ругаться, искать компромиссы. Он ведь поначалу сам честно ходил к ним чуть не каждый день, а потом надоело. Потому как толку — ноль. Вот он меня и стал отправлять, потому как знал, что всё будет профессионально, достаточно корректно и при этом в точном соответствии с интересами и правительства, и президента.

Конечно, по сравнению с речами Виктора Степановича мои выступления были куда как менее искрометными. Как известно, Черномырдин порой с трибуны выдавал такие перлы, что сам изумлялся. Взять хоть знаменитую фразу «Парламент — это не то место, где можно работать только языком».

Но, кстати, не один Виктор Степанович отличался способностью к словотворчеству. Помнится, Хасбулатов тоже время от времени рождал разные перлы. Правда, не чета черномырдинским.

Как-то его сильно вывел из себя депутат Носовец, журналист по профессии⁸⁸, и Руслан Имранович ему выдал: «Депутат Носовец, ваше предложение не стоит и выеденного гроша». А вот к депутату Челнокову он относился более бережно и потому увещевал его примерно так: «Ну, сколько можно, Михаил Борисович? Не надо бить по законодательным органам ниже пояса!» Ну и еще его знаменитое: «Не надо равнять всех депутатов под одну копирку»...

Думаю, что именно потому, что у нас с Виктором Степановичем в итоге сложились доверительные отношения, он и согласился на то самое мое предложение: поставить перед депутатами вопрос о доверии

правительству. Тем более что многие доброжелатели тут же кинулись нашептывать, что Шахрай специально толкает Черномырдина на авантюру, чтобы освободить премьерское кресло для себя.

А Виктор Степанович поверил. И действовал быстро: уже на следующий же день после того, как 21 июня 1995 года Госдума вынесла вотум недоверия его правительству [64], сам поставил встречный вопрос о доверии. Тем самым мы перехватили у депутатов инициативу. Никто, конечно, не рассказывал журналистам про нашу внутреннюю кухню, но опытные газетчики писали, что вряд ли кто кроме Шахрая мог придумать такой иезуитский ход, когда депутатская победа вдруг превратилась в унижительное поражение.

Поражение депутатов действительно было полное. Уже на четвертый день лидеры всех фракций приехали в Белый дом к Черномырдину и предложили вместе и дружно поискать компромисс. В итоге дело обошлось лишь уходом из правительства отдельных персон, которые сами написали прошения об отставке в связи с событиями в Буденновске. От должностей были освобождены вице-премьер Николай Егоров, министра внутренних дел Виктор Ерин, директор ФСБ Сергей Степашин и глава администрации Ставрополя Евгений Кузнецов. Дума этим удовлетворилась и подтвердила доверие кабинету Черномырдина. И до конца срока полномочий этой Государственной думы правительство работало вполне спокойно, что, собственно, и требовалось.

Виктор Степанович по итогам авантюры мне сказал: «Ну, ты даешь!» А потом помолчал и поправился: «А чего я, собственно, удивляюсь, ты же сам эту Конституцию писал».

Конституция конституцией, но доверие тоже сыграло свою роль. Может, дело было в том, что Черномырдин — оренбургский казак, а я — терский. Уверен, что оренбургский казак терского казака всегда поймет. Думаю, что, принимая это решение и доверяясь мне, Черномырдин понимал, что я его не предаю. Казачье слово — оно крепче булата.

Мой сосед по даче — Гайдар

У меня в воспоминаниях осталось два, если не три разных Гайдара.

Один — это такой вот умница-ученый, «головастик» во главе реформаторской команды, которая на пятнадцатой даче сидела. Этот один Гайдар — с горящими глазами, что-то постоянно объясняющий с трибуны и в коридорах, причем объясняющий понятно. Это редкое качество — будучи ученым, говорить понятные вещи для депутатов. Это, я скажу, нетривиальная задача.

Второй Гайдар оказался соседом моим по даче. Наши жены постоянно общались, делились женскими семейными заботами и, разумеется, пересказывали нам, своим мужьям. У нас с Егором была еще и эта

семейная ипостась общения. Это продолжалось и позднее, когда мы попали в один и тот же дом на Осенней улице.

А третьего Гайдара я помню, когда уже работал в Счетной палате. Я к нему часто навещался в институт, как правило, за какой-нибудь аналитической запиской. Мы постоянно, и я, и Степашин, запрашивали его мнение по поводу бюджета, брали заключение. А он всегда с удовольствием нам это писал. Когда я с этим к нему ездил, мы разговаривали, пили чай. Это была уже такая аналитическая работа с ученым Гайдаром.

Все три ипостаси Гайдара мне очень нравились. Мы с ним одноклассники. Он мартовский, я апрельский. Знаки зодиака разные, но тем не менее между нами было что-то общее. И вдобавок в молодые годы мы рядом жили — то на правительственных дачах, то в Москве — в одном доме на Осенней улице, и всё время что-то вместе писали.

А познакомил нас с Егором Геннадий Эдуардович Бурбулис. Случилось это на даче под номером 15 в Архангельском. Это был довольно скромный комплекс правительства РСФСР — государственные дачи так называемого второго уровня, поскольку они не предназначались для руководства. Географически это окрестности совхоза «Коммунарка», теперь же — новая Москва.

Вместе с Гайдаром в Архангельском обитала почти вся его команда экономистов: Пётр Авен⁸⁹, Анатолий Чубайс, Андрей Нечаев⁹⁰, Алексей Головкин⁹¹. Кстати, именно Головкин, будучи ближайшим помощником Бурбулиса — госсекретаря РСФСР, познакомил его с Гайдаром. А потом он стал руководителем аппарата гайдаровского правительства — не то Санчо Пансой, не то «смотрящим» при нашем экономическом Доне Кихоте.

Так вышло, что в редкие часы кратковременного отдыха (обычно в воскресенье, потому что по субботам мы все работали) мы с Гайдаром вместе гуляли на воздухе — когда пару десятков минут, когда целый час. Просто гуляли.

Тогда для меня это был не официальный Гайдар — реформатор и фактически премьер, а точнее — исполняющий обязанности председателя правительства РФ, а просто человек, сосед по даче, умный и приятный собеседник, очень симпатичный в общении, интересный и обаятельный.

О чем мы говорили? Да обо всем, что нас тогда волновало. А волновало, конечно, будущее страны. Егор Тимурович всё больше говорил об экономике, а я, помнится, ему доказывал, что закон о референдуме и Конституция — это не менее важные экономические рычаги, чем учетная ставка, налоги, курс валюты и объем денежной массы. Я все время его убеждал: «Егор, ты можешь построить любую, самую правильную экономическую модель, но если эта модель не найдет юридического выражения, не получит правовой защиты и поддержки у элит

и общества, то грош ей цена». Он сначала надо мной посмеивался. И только позже, примерно через полгода, сказал: «Сергей, ты был прав, давай, делай свою юридическую службу».

Я и в правительстве эту работу наладил, и в президентской администрации Государственно-правовое управление создал. Я собрал почти всех лучших юристов, отовсюду, где нашел, — из парламента, прокуратуры, судов. И в итоге из ГПУ получилось такое надведомство с высоким престижем и железной дисциплиной, непривычной депутатам-романтикам[65].

Еще до этого разговора — в декабре 1991 года — Борис Николаевич сделал меня вице-премьером, а потом Егор стал исполняющим обязанности премьера. Я у него в правительстве был заместителем по правовой и политической части, которой он, как не слишком разбирающийся и интересующийся этим человек, сторонился. Но поскольку Гайдар был человек простой и открытый, и мы уже успели познакомиться семьями и подружиться, то он мне доверял. То есть я мог ему и правду-матку сказать, и заявить, что этот проект никуда не годится, а этот надо реализовать. Это отношение сохранилось и потом, в 2000-х, когда я бывал у него в фонде, в институте.

Часто вспоминаю, как мы с Егором писали знаменитое Соглашение о создании СНГ. Опять мы с ним жили рядом. В одном маленьком домике на правительственной даче в Вискулях. Если бы момент не был таким серьезным, то я бы сказал, что мы с ним писали Беловежское соглашение, как Ильф и Петров вдвоем сочиняли свои «Двенадцать стульев». Сначала я охранял рукопись, а он бежал с копией, чтобы показать президенту, а потом наоборот. Он писал экономическую часть, а я политическую. Когда текст был готов целиком, утром пришел Андрей Козырев — решил лично отнести. В итоге отнес его куда-то не туда. Хорошо, что у нас черновик был. Как потом Андрей рассказывал, он спросонья не под ту дверь документы положил...

Тогда мы просто работали, писали, не очень задумываясь, что пишем историю страны. Не до этого было. Запомнил я и его кампанию по поиску за рубежом денег КПСС, так ничем и не закончившуюся. Все мы видели бумаги, когда получили доступ к особой папке, где было указано, что и куда коммунисты отправляли: туда — 10 миллионов долларов, туда — 200 миллионов, а туда — еще больше. И далеко не всегда это были деньги на какую-то конкретную надобность — какую-то акцию, закупку оружия, поддержку «братских организаций». Часто эти средства отправлялись в какие-то подозрительные фонды, на весьма странные и сомнительные проекты.

И однажды кто-то убедил Гайдара, что эти деньги можно поискать и вернуть. Я в те времена был уверен, что если деньги утекли за границу, то вряд ли что-то можно найти. Это сейчас финмониторинг, чуть ли не единым фронтом шерстят банки по всему миру. Да еще и хакеры

помогают. А тогда думал, что всё это из разряда мифов: что золото Колчака, что деньги КПСС.

Но Егор все-таки нанял какую-то зарубежную компанию адвокатскую [66], и те начали, что называется, рыть землю. Но в итоге никаких коммунистических денег вернуть не удалось. Потом еще самого же Гайдара и обвиняли, что, дескать, на самом деле деньги-то он нашел, но забрал себе.

На этой грустной ноте поиски и завершились.

А вообще Гайдар на всякую ерунду не отвлекался, чувствовал, наверное, что не так много ему времени отведено, пытался что-то серьезное успеть сделать. А убило его то, что его отстранили от всего, не дали работать, не дали доделать и завершить то, что он хотел. Да еще вместо спасибо за то, что экономику спас, взяли и назначили стрелочником. И ближнее окружение, и дальнее. И он остался в нашей истории не просто непризнанной фигурой, а каким-то воплощением зла. Вот в такой атмосфере Гайдар сидел себе один на даче, писал свою «Гибель империи». И пока писал — жил, а как дописал — умер...

Есть еще страшно важный эпизод. Ведь когда в центре Москвы 3 октября 1993-го полыхнула настоящая гражданская война, милиция бездействовала и даже частично покинула город, а войска, шедшие на подмогу, притормозили у кольцевой. Дело могло кончиться совсем плохо.

И вот тогда этот типичный интеллигент, совершенно не боец (как все тогда думали), кабинетный ученый Гайдар взял и вывел людей на улицу. Он обратился к москвичам по телевидению. Призвал собираться у Моссовета на Тверской и быть готовыми взять в руки оружие. Потом сам приехал — был с людьми, рассказывал о событиях, выступал, организовывал, опять выступал... Потом пришли известия, что в город-таки прибыли войска, что армия теперь точно находится на стороне Ельцина, и простым горожанам можно пойти по домам.

Поначалу поступком Гайдара все восхищались, а после стали обвинять: дескать, это провокация — вывести безоружную толпу под пули. Людей могли бы расстрелять, и было бы много крови... В общем, сплошные «если бы да кабы»...

Но видите ли, господа-товарищи, Гайдар не просто позвал людей на улицы, он сам вместе с ними пошел — точно такой же безоружный. И это, я считаю, был тот момент, когда маятник истории качнулся в нашу пользу. Еще нас выручило, конечно, то, что тогдашние радикалы-националисты — Макашов, Баркашов и иже с ними — слишком буквально воспринимали идеи Ленина про то, что для захвата власти надо первым делом взять почту, телеграф и телефон. А посему решили штурмовать «Останкино», а не зашли пешком в пустой Кремль.

Утрирую, конечно. Но если бы вооруженные баркашовцы ринулись все-таки в Кремль, то им сначала пришлось бы пройти через всю Тверскую

улицу, а именно туда Егор вызвал, призвал, вывел людей. И это при том, что он совсем не уличный трибун.

Егор же понимал, какую ответственность на себя берет. Он всегда понимал, что делает. И тогда, в 1993-м, и когда решился на радикальные меры, чтоб спасти экономику.

Ведь это сейчас рисуют какие-то галлюцинации на тему, как в конце СССР мы все сытно жили. А почитайте документы — справки и доклады КПСС, КГБ, союзного руководства. Есть было нечего. Перед тем как Егор начал экономические реформы, в Москве и Питере продовольствия было всего на три дня.

Казна пуста, денег нет, запасов нет... Никаких возможностей, кроме как дать свободу, отпустить цены. Кстати, цены-то не Гайдар в 1991-м отпустил, а еще Горбачёв в 1990-м^[67]. Правда, про это уже все забыли.

То, что сделал Гайдар, называли потом «шоковой терапией». Названия разные выдумывать у нас все горазды, а вот взять на себя ответственность в критической ситуации... Но главное слово в этом словосочетании все-таки не «шоковая», а «терапия», то есть — спасение экономики.

И притом не только ресурсов не было, еще и власти не было. КПСС — нет, СССР — нет, союзных органов ни одного не осталось, у России — министерства и ведомства только-только начинают входить в курс всех тех дел, которыми занимались структуры Союза ССР... По факту — страна практически неуправляемая, голодная и холодная, стоящая у края пропасти. И в этот момент надо просто решиться сделать то, что сделал в свое время Ленин в 1920-х годах — ввести НЭП. И Гайдар это сделал. Так что, по сути, рыночные гайдаровские реформы — это тот же НЭП, только 1990-х годов.

Кстати, у китайского экономического чуда ноги тоже из НЭПа растут. Я уже рассказывал, что молодой Дэн Сяопин учился в Москве в 1926–1927 годах. И в это время он повсюду видел плоды рыночных реформ. Только что молодая Россия умирала от голода, а через несколько лет — экономика на подъеме, производство растет, на рынке полно товаров, новые магазины, рестораны, кафе открываются. Дэн Сяопин вспоминал, что в Университете имени Сунь Ятсена, где он учился опыту большевизма, студентов кормили три раза в день. Лучше, чем богачей. Как вспоминал сам архитектор китайских реформ и его сокурсники: один день — рыба, через день — мясо, потом птица, суббота, воскресенье — икра черная или красная. На завтрак — яйца, колбаса, чай с сахаром... И такое обилие не потому, что хотели пустить пыль в глаза китайским товарищам. Просто так жила Москва при НЭПе. И у Дэн Сяопина сложилась четкая картина, что экономическая свобода и твердая коммунистическая власть — это и есть формула скачка к экономическому чуду, если у страны не было буржуазной революции и ста лет буржуазной экономики.

В общем, свои реформы Дэн Сяопин «срисовал» у нас. А мы такую модель не использовали. И вот теперь дружно завидуем-вздыхаем: «Ах, Китай...»

Мэр № 1 и мэр № 2

Очень скучаю по Юрию Лужкову⁹². Закрылась еще одна страница тех самых девяностых, которые, как оказалось, на самом деле являются главным персонажем моих записок. Теперь о Лужкове надо говорить в прошедшем времени. Светлая ему память.

И первая мысль: Юрий Михайлович находится в одном ряду с такими фигурами, как Примаков или Черномырдин, — с людьми, безусловно, яркими и талантливыми, но согласившимися уйти в тень и оставить свое дело только потому, что так сказала Система. Для меня это люди того поколения, в которых сталинская эпоха жесткой рукой вложила внутреннего цензора. Если партия сказала: «надо уйти», значит, надо не бороться, а уйти.

Правда, говорят, что Евгений Максимович пытался недолго сопротивляться, поскольку считал, что его попросил на выход не президент Ельцин, а его окружение. Но когда в дело вмешался тогдашний секретарь Совета безопасности Владимир Владимирович Путин^[68], Примаков быстро ушел.

А Виктор Степанович Черномырдин и Юрий Михайлович Лужков ушли не сражаясь.

Прекрасно помню всю эту историю с отставкой Лужкова. Невооруженным глазом было видно, что его жестко и некрасиво, абсолютно неуважительно убирают. Идет какая-то возня, интриги, после чего Дмитрий Медведев подписывает указ об отставке с поста мэра. И Юрий Михайлович даже не пытается защищаться: беззвучно сдает полномочия, поворачивается и тихо уходит. Сначала в тень, потом — в вечность.

Такая тоска и печаль!

Что же касается истории моих личных отношений с Лужковым, то у нас с самой первой встречи случилась какая-то взаимная симпатия. Конечно, нельзя сказать, что мы стали в полном смысле слова близкими друзьями или единомышленниками (в силу разницы в возрасте, наверное, да и просто из-за различия позиций по отношению к происходящему в стране). Но тем не менее у нас были очень теплые человеческие отношения и доверие. Если мне от него что-то было нужно, я не задумываясь звонил, и Юрий Михайлович всегда откликался. А если Лужкову что-то надо было от меня, я тоже приходил на помощь. Вроде как шли параллельными курсами, но всегда были на одной волне.

С Лужковым меня познакомил его предшественник — Гавриил Харитонович Попов — уже на излете своей мэрской карьеры. Мы тогда

много общались по поводу Устава Москвы, по законодательству о выборах, о статусе столицы и местному самоуправлению. Ведь юридически, как ни странно, в советское время для Москвы ничего подобного проработано не было. Поэтому я, как специалист, участвовал в разработке этих актов, всячески помогал столичным юристам. Вот на одной из встреч он меня и представил Юрию Михайловичу.

Лужков и Попов показались мне абсолютными антиподами. Гавриил Харитонович был публичным политиком, страстным трибуном, а потому, когда стало ясно, что с некоторых пор на посту московского мэра придется заниматься исключительно коммунальным хозяйством, строительством, озеленением и прочей рутинной, он сразу соскучился и был не против отойти от дел. И большое ему спасибо, что он нашел и поддержал такого мэра, как Лужков. Потому что на тот момент если бы Попов возражал против «хозяйственника» Лужкова, то Ельцин никогда бы Юрия Михайловича на эту должность не поставил.

Помимо юридических вопросов у нас с Лужковым было еще одно общее дело. Я в середине 1990-х возглавлял правительственную Комиссию по вопросам религиозных объединений, а московский мэр решил-таки восстановить храм Христа Спасителя.

История эта всем известна — про то, как до начала всей этой строительной эпопеи на месте храма, а вернее, в огромном котловане от несостоявшегося сталинского Дворца Советов, работал бассейн под названием «Москва». Его построили в 1960 году, а закрыли, кажется, в 1994-м. Я в нем, кстати, тоже в свое время любил плавать. Классно было, особенно зимой: бассейн ведь под открытым небом, вода теплая, а снаружи минус 15, пар от поверхности валит. Волосы быстро покрывались легким инеем, а ты опять ныряешь в теплую воду... Забавные ощущения. Каждый раз вспоминаю, когда проезжаю мимо этого места.

Так вот, говорить о восстановлении храма начали еще с конца 1980-х. Помнится, зимой 1990-го даже какой-то гранитный знак поставили в углу бассейна. Вроде как первый шаг к будущему строительству. Но строить-то реально начал Юрий Михайлович Лужков.

И в 1995 году мы заложили первый камень в фундамент этого храма. Мы — это Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, Юрий Михайлович Лужков, Виктор Степанович Черномырдин и я. Лужков, помнится, дал мне мастерок, когда я сказал ему, что в стройотряде каменщиком работал. Журналисты, правда, крупным планом только троих, самых главных снимали. А теперь уже нет ни Черномырдина, ни Алексея, ни Лужкова. Остались только я, храм да этот самый камень — в правом углу, если смотреть на реку.

Но не всё в отношениях с московским мэром было так светло, трепетно и нежно. Юрий Михайлович в то время серьезно воевал с Государственно-правовым управлением президента, и с юристами правительства, и с Минфином, добиваясь от них желаемого. Это было

огромное конфликтное поле, на которое мне по долгу службы тоже приходилось заходить. А потому я нередко оказывался по другую от Юрия Михайловича сторону баррикад. Но вот что важно: мы с ним всегда находили компромиссное решение, и мне всегда хотелось этот компромисс найти как можно быстрее.

В последние годы его работы на посту мэра мы стали встречаться гораздо чаще, но о делах говорили намного меньше. Лужков обычно приглашал меня в свою комнату отдыха, забирался с ногами в кресло — ему это страшно нравилось, и мы начинали чаевничать... А дальше начиналось самое интересное — общение. Очень любил Юрий Михайлович разговоры разговаривать.

Чего я только не узнал от него! К примеру, как надо строить улей. Он с таким азартом и упоением рассказывал всю эту историю, что я слушал как замороженный. У него в комнате отдыха стоял всамделишный пчелиный домик, и Юрий Михайлович, размахивая руками, показывал, куда тут пчелка залетает, где она будет воду пить, где она будет мед откладывать. Да еще подробно объяснял, почему ее дом должен такой-то стороной к свету стоять, а другой — к северу... Вроде бы оба занятые люди и вопросов важных гора накопилась. Но с таким удовольствием он рассказывал, а я слушал, что ничего, казалось, важнее пчелкиного домика на свете на тот момент не было.

Или однажды он меня с места в карьер ошарашил: «Привет, а ты в курсе, что кукурузу можно и в Мурманской области выращивать?»

Я ему, конечно, тут же напомнил про незабвенного Никиту Сергеевича Хрущёва с его кукурузой от «южных гор до северных морей». А он мне в ответ: «Нет, Михалыч, ты не понимаешь». Ушел в другую комнату, принес какой-то чемодан и достал из него непонятные черные шарики, диаметром примерно в пять сантиметров: «Угадай, что это такое?» А сам на меня пристально так смотрит.

Я взял шарик в руку и говорю: «Ну, комок засохшей земли».

Он обрадовался: «Правильно! Но не просто земли, а с удобрениями, и внутри — зерно кукурузы!»

И тут же пошел мне с азартом объяснять: «Смотри, как все просто и гениально. Дескать, картофельный комбайн выходит в поле под Мурманском и высевает эти шарики с зёрнами внутри в землю. Получается, что зерно у нас защищено от мороза, от сырости, от всякой прочей непогоды. И первую стадию вегетационного периода кукурузное зерно, как ребенок в утробе матери, в этом комке земли, перемешанном с навозом и прочими удобрениями, проводит. Когда на севере наступает настоящее лето, солнце восходит высоко, и температура становится приемлемой, это зерно просто выстреливает в рост. И к сентябрю наша кукуруза успевает вырасти, если не до семенного вида, то уж, во всяком случае, шикарная кормовая, богатая, объемная!»

А я вдруг понимаю, что запихнуть зерно кукурузы в навозный шарик, сделать его размером, чтобы он входил в картофельный комбайн, — это ведь Лужков все сам придумал. И не просто придумал, а практически реализовал! Он ведь чужие идеи никогда не озвучивал. Поддерживал часто, но ратовал и переживал только за свои.

Потом он мне еще час, наверное, объяснял, насколько это изобретение поднимет урожайность кукурузы и насколько больше мяса мы в России сможем производить. И самое замечательное было видеть, какое удовольствие от всего этого Юрий Михайлович получал!

А вот еще один проект Лужкова. Он, как человек своей эпохи, прекрасно знал про старую идею поворота рек на юг для орошения засушливых регионов. Это был один из любимых проектов времен «дорогого товарища» Брежнева. Кто только тогда поворотом северных рек не занимался.

Ну, все мы учились в советской школе и хорошо знали, что есть некая территория водораздела: с одной стороны от нее реки текут на север, с другой — на юг. А если взять Обь и Иртыш, то наберется порядка пятидесяти или восьмидесяти километров.

И вот Юрий Михайлович, взяв меня за пуговицу, с упоением делится очередной глобальной идеей: «У нас сейчас в Москве без дела стоят метропроходческие комбайны. Представляешь, можно запустить такой комбайн от Омска в сторону Казахстана, прорываем два-три тоннеля для этих семидесяти километров. Диаметр — шесть метров — ну, труба для метро. На севере делаем водоемы и осенью, и зимой — реки же на север текут — уже все замерзло, так мы накапливаем воду. А весной поднимаем задвижку и продаем эту воду казахам, китайцам, киргизам, узбекам. А?»

И продолжает: «Придет время, и вода будет стоить дороже нефти. Но это возобновляемый ресурс. И если не реки поворачивать, а создать по моей схеме техническую возможность использования этой воды, то можно на ней зарабатывать валюту. Вот к 2035 году нефть и газ кончатся, чем тогда будем торговать? Мы же сырьевая держава! Да вот этой самой пресной водой и будем!»

То есть Юрий Михайлович не просто проблемы видел, но и технические решения сразу находил. Мог сам просчитать экономическую часть, оценить, что рентабельно, а что нет, как всё это дело организовать. Масштабно мыслил. Очень равнодушным был.

И еще он абсолютно не хотел поддаваться старости. Спортом занимался, на лошади каждый день скакал. И к бадминтону моему благосклонно относился.

Я уже рассказывал, как он мгновенно откликнулся на идею создать в Москве клуб со спортивным залом, где мы бы могли заниматься «бадминтонной дипломатией» с послами азиатских стран. С легкой руки Лужкова стоит клуб и до сих пор работает: послы туда ходят, дипломатия работает. Кстати, горжусь, что он ко мне прислушался. Он ведь слушал

только тех, кто, по его мнению, дело говорит. И кстати, очень немногих. Больно критичен был наш московский мэр.

Да, Юрий Михайлович, сильно не хватает мне бесед с вами. Ну, наговоримся попозже, когда я уж к вам приду...

И последнее.

После смерти Юрия Михайловича много вопросов было, мол, почему гроб был закрытый. Мне очень понравилась версия знаменитого журналиста Александра Невзорова, который где-то в эфире сказал, что Лужков на эти постные лица, которые к нему на похороны пришли, просто смотреть не захотел. Думаю, что так оно и было.

А вот «мэр номер два» — глава нашей культурной столицы Анатолий Александрович Собчак — был совсем другим. Совершеннейшая копия Гавриила Харитоновича Попова. Такой же яркий публичный политик, трибун. И это в нем главное. Почувствовал вкус публичной политики, понял, что, швыряя громами и молниями с высокой трибуны, может владеть настроениями и легко заполучить всенародную любовь. Как говорится, вошел в образ.

В этом была основа его успеха, но в этом же крылась и его трагедия как градоначальника. Вот у Лужкова такой проблемы не было. Юрий Михайлович всю эксплуатировал образ крепкого хозяина, но не публичного политика. А вот Анатолию Александровичу с трудом удавалось спускаться с Олимпа до городских нужд. Ему это зачастую не было интересно и не доставляло ни малейшего удовольствия. Собчак сознательно или подсознательно пытался передать кому-то эту скучную рутину. Впрочем, может, это и хорошо — в итоге президента нам вырастил.

Поначалу мы с Собчаком в Верховном Совете и в Президентском совете очень хорошо взаимодействовали. И мне казалось, даже симпатизировали друг другу. Но точно знаю, что никогда у меня с Анатолием Александровичем не было таких доверительных и дружеских отношений, как с московским мэром.

Но я очень Собчаку благодарен за помощь моей семье. У моей мамы так сложилась судьба, что она на старости лет перебралась в Санкт-Петербург, потому что все ее сестры — Вера, Лиля и Тамара — жили в этом городе. Начало 1990-х, ситуация тяжелая, а маме нужна квартира.

Я подумал и обратился к Собчаку: «Анатолий Александрович, хочу для мамы купить кооперативную квартиру, однокомнатную. Поможете?» А он мне в ответ: «Понимаешь, у нас однокомнатные — самый дефицит. Бери двухкомнатную — с ней вообще без проблем!»

А я замялся — очень уж дорого для меня было. Я же не заводы приватизировал, а Конституцией занимался. Краснел-бледнел, а Собчак

посмотрел на меня и говорит: «Ладно, не вопрос! Найдем тебе однокомнатную! Деньги-то быстро соберешь?»

Я только головой кивнул, а он уже помощника своего вызвал. Нашли мы подходящую по цене квартиру в Купчине — этот район тогда еще только начинал застраиваться. За пару месяцев вопрос и решился. И я маму в Питере обустроил.

В общем, в плане человеческих отношений очень я Анатолию Александровичу благодарен. Пока жив, буду его добрым словом помянуть.

А по части политики — тут у нас нашла коса на камень. С такой же энергией, как помогал мне в решении житейской проблемы, Собчак боролся с моей Конституцией. Ну, я уже об этом писал.

Не мне, конечно, взвешивать и оценивать, но все-таки у нашей революции девяностых, как и у революции большевиков, были свои баре и свои товарищи. Помнится, Максим Горький в рассказе о Ленине устами рабочего так прямо и говорил: «Плеханов — наш учитель, наш барин, а Ленин — товарищ наш». Вот и Собчак. Это все-таки был «барин революции». И жизнь его закончилась слишком рано, путано и трагически.

Наш человек в премьерах, или Инвентаризация всей России

Я знавал многих премьеров, но тесные отношения с ними обычно устанавливались на работе, в правительстве. И только с одним сошелся на почве общественных дел. Речь о моем Российском союзе налогоплательщиков и нынешнем председателе правительства Михаиле Владимировиче Мишустине.

Многие твердят, что сегодняшний Мишустин — это некий очередной «технический» премьер. Дескать, когда понадобилось заменить председателя правительства, тасовал Владимир Владимирович тощенькую кадровую колоду, тасовал, и тут случайно выпал Мишустин. Ну, президент и решил, дескать: «Пусть будет, какая разница». Но лично я так не думаю. Выбор этот был осознанный и с далеко идущими планами.

Михаила Владимировича я знаю довольно давно. Познакомил нас в свое время Борис Фёдоров, с которым я дружил и которого ценил как человека и как профессионала. Считаю, что Фёдоров был одним из лучших министров-реформаторов нашей страны. Если искать кого-то похожего в истории, то это фигура уровня Столыпина⁹³ или Витте⁹⁴. Он был очень знающим экономистом, все правильно понимал, тонко чувствовал, не боялся принимать решения.

На тот момент Михаил Владимирович работал в Государственной налоговой службе под руководством Фёдорова. Он был на десять лет меня моложе, но у нас как-то сразу нашлись общие интересы в вопросах информатизации. Я ему рассказал про свою Лабораторию правовой информатики и кибернетики на юридическом факультете в МГУ, а он, оказывается, создавал Московский международный компьютерный клуб и профессионально занимался информационными технологиями. Я его сразу оценил как сильного системотехника, то есть человека, понимающего и строящего алгоритмы, архитектуру компьютерных систем и сетей.

Потом, когда я стал работать в Счетной палате, мы тоже нередко пересекались. Обсуждали, как важно создать электронный кадастр на объекты недвижимости и землю. Помню, как мы со Степашиным говорили: как можно эффективно управлять государственными ресурсами, если мы даже не имеем представления, каков их реальный состав и объем? Когда мы анализировали итоги приватизации, то сразу выявилась проблема гигантской недооценки национального богатства страны. По оценкам экспертов, занижение могло составлять от 40 до 400 триллионов долларов. Плюс еще значительная часть активов России оказалась в «серой», в том числе офшорной, зоне, обороты которой оценивались до 30 процентов ВВП. А еще ведь была огромная группа активов, попросту незарегистрированная — земля, лесные угодья, недвижимость. Это же огромные средства!

Мы настаивали, что надо срочно проводить «инвентаризацию России» — выявить, поставить на учет и оценить все ресурсы страны, чтобы восстановить реальную «размерность» экономики России и дать государству инструменты для развития.

И Михаил Владимирович эту работу сделал! Впервые под руководством Мишустина удалось провести массовую кадастровую оценку земель, создать цифровую систему администрирования налогов, сделать ее более «дружелюбной» для налогоплательщиков. Наверное, по значению эту работу можно сравнить с отменой крепостного права. Потому что правильное юридическое оформление земли, особенно земельных участков под объектами промышленности, сельскохозяйственных земельных участков — это огромный экономический фактор. Без земли нет налогов, без земли нет инвестиций, без земли нет кредитов, без земли нет бюджета. И Мишустин на основе целого ряда решений, компьютерных и системных, единую кадастровую систему создал.

Потом эти же принципы Мишустин стал реализовывать в Федеральной налоговой службе, которую возглавил в 2010 году. И здесь наши пути снова сошлись. Ведь мой Российский союз налогоплательщиков с момента своего создания в 2003-м тесно работал с налоговиками. Потому что, как я уже объяснял, мы поставили главными задачами воспитание налоговой культуры и общественный контроль за правильным расходованием налогов. То есть мы изначально

позиционировали себя как союзники Федеральной налоговой службы с точки зрения построения грамотной и демократичной налоговой системы. Мы с ФНС вместе и учебники с пособиями писали, и акции проводили, и уроки налоговой грамотности в школах, и проекты федеральных налоговых законов анализировали. Много чего сделали. И на этой почве мы очень сблизились с Михаилом Владимировичем, потому, наверное, что это совпало и с его взглядами на суть вопроса. Мы часто встречались, потому что, думаю, он почувствовал, что Российский союз налогоплательщиков — это серьезная штука, только на вырост.

Мишустин вошел в попечительский совет РСН, всегда выступал на съездах, регулярно с нами встречается, поддерживает нашу философию. Все-таки системное мышление — это особая вещь. Он проблемы видит и в деталях, и в целом. По Мишустину налоговая культура должна быть именно культурой, сознательным актом. Дело ведь не в том, чтобы из-под палки заставить людей платить налоги. Важно, чтобы налогоплательщик понимал, что делает, почему это важно для него, для страны, для всех.

В общем, уверен, что президент выбрал Мишустина в премьеры, потому что он большой профессионал, умеет системно мыслить и обладает не только уникальной информацией, но и способен развивать механизмы получения всех этих больших данных, управлять ими, закрывать лазейки для финансовых махинаций. Вдобавок премьер со своими цифровыми инструментами фактически всё и про всех знает — и про чиновников, и про олигархов, и про малый и средний бизнес. А это очень серьезно.

Думаю, что Владимиру Владимировичу очень нравится иметь под рукой системного человека с электронными досье на каждого. Даже те олигархи, которые сейчас живут за пределами Родины, они ведь тоже у Мишустина в базе имеются. То есть у него в руках имеется реальный инструмент управления людьми — через информацию, налоги, финансы.

Я считаю, что за двадцать лет правления назначение Мишустина председателем правительства — это самый грамотный ход нашего президента. Кстати, новый премьер еще и очень глубокий, культурный, интеллигентный человек. В общем, Михаил Владимирович — пример чиновника абсолютно нового поколения — цифрового.

ПРО ЧУЖИХ

Судьба сводила меня со многими интересными людьми мира, и по долгу службы, и по воле случая. Я решил не создавать в своей книге какой-то специальной галереи портретов зарубежных политиков, в конце концов, я же не дипломат профессиональный с их дневниками и хрониками.

Но стоит начать вспоминать про мои встречи с иностранцами, как неожиданно высвечиваются самые разные эпизоды, порой совсем крошечные, но очень яркие. Именно из них, из такой мозаики, по большому счету и состоит твоя жизнь.

А Никсон-то оказался с Урала...

В целом моей душе как-то ближе европейцы, но американцы тоже интересные ребята. Взять вот хоть Ричарда Никсона, 37-го президента США.

Случилась эта встреча в марте 1994 года, когда бывший американский президент приехал в Россию по делам своего фонда поддержки демократии. Мне вряд ли когда-нибудь удалось бы познакомиться с «главным грешником США», если бы не вмешался случай. Не знаю, как это произошло и чья была ошибка, но график визита был составлен таким образом, что по приезду в Москву Никсона первым делом отправили знакомиться и общаться не с кем иным, как с Александром Руцким, которого мы только-только по амнистии выпустили из тюрьмы после октябрьских событий. А потом еще у них был Явлинский, Зюганов, Гайдар — в общем, все, кто к Ельцину встали на тот момент в оппозицию.

Президентская сторона по этому поводу страшно обиделась, хотя визиты важных иностранцев администрация всегда контролировала. Вдобавок поднялся шум в прессе, и в итоге встреча Ельцина с Никсоном вообще сорвалась. То есть по сути президент России и представители его администрации с бывшим президентом США встречаться отказались [\[69\]](#).

И вот тут мне, я считаю, исторически повезло, потому что мне неожиданно позвонил помощник Никсона и попросил о часовой встрече. Я, естественно, согласился: а кто бы на моем месте отказался?

Так бывший президент США, который хотя и ушел с поста после Уотергейтского скандала, тем не менее считался интересным и способным на неожиданные шаги лидером, появился в моем вице-премьерском кабинете на Краснопресненской набережной. И мы с ним проговорили не один час, а целых четыре.

Спросите: почему эта встреча так затянулась? Да потому, что Никсона интересовало буквально все, причем не из дипломатической вежливости, а по-настоящему. Он расспрашивал об истории России и СССР, о нашей экономике, о том, как идут приватизация и переход к частной собственности.

Я с удивлением узнал, что мальчишкой он жил у нас на Урале. Семья Никсон на несколько лет приехала в Россию в середине 1920-х, когда начался НЭП, и западные компании стали по концессии разрабатывать уральские рудники. И свой первый визит в СССР еще в 1959 году он начал со Свердловской области.

Никсон ведь тоже профессиональный юрист, а потому у нас нашлось множество общих тем. Например, его очень интересовали первые российские Государственные думы, те самые, что существовали с 1905 по 1907 год. Детально расспрашивал и про институт президентства в новой России, при этом страшно удивился, когда понял, что у нас совсем другая, не как в США конструкция президентской власти. Как известно, американский президент возглавляет исполнительную власть, где нет правительства как коллегиального органа, а прямо под президентом, в его непосредственном подчинении находятся министерства и Государственный департамент. А в России президент не входит ни в одну из ветвей власти, стоит «над» ними в качестве главы государства, верховного арбитра.

Чтобы объяснить, откуда такая идея взялась, пришлось даже делать экскурс в историю — рассказывать про нашего блистательного законодателя Михаила Сперанского, который еще в самом начале XIX века пытался решить нетривиальную задачу: совместить монархию и демократию. И в итоге Сперанский нашел модель, согласно которой глава государства (на тот момент монарх) выводится из системы реального управления страной. Одновременно создается реальный парламент и ответственное за свою работу правительство, а страна делится на губернии по федеративному принципу. Никсону это было страшно интересно. Он много записывал. Восхитился, что современная Россия взяла на вооружение идеи своих предшественников и таким образом как бы состыковала две эпохи, восстановила связь времен.

Еще помню, что рассказывал своему собеседнику о сложной региональной структуре России, о наших национальных республиках. Его очень интересовало, как мы разрешили конфликт с Татарстаном и что будем делать на Кавказе. Никсон особенно оживился, когда услышал мою любимую формулу, что путь на вершину власти в России лежит через Чечню: несколько раз заставил переводчика переспросить и опять что-то записал. В общем, очень толковый и интересный вышел разговор.

И каково же было мое удивление, когда через день-два вышло большое интервью Никсона в «Известиях». А там среди всего прочего черным по белому было написано, что в России есть такие умные головы, как Сергей Шахрай и Григорий Явлинский, а следовательно, у России есть будущее. А еще Никсон написал что-то вроде того, что за таких политиков, как мы с Явлинским, в России пока вряд ли проголосует большинство, но в любом случае наша генерация знает, что нужно делать со страной. И когда придет наше время, то в России все обязательно будет хорошо.

Не скрою, было приятно читать эту статью и получить такую высокую оценку из уст «классового врага». А на самом деле — из уст очень опытного человека, юриста-профессионала, политика с мировым именем, пусть неоднозначно оцениваемого, но, со всей очевидностью,

одного из самых известных президентов Соединенных Штатов Америки. Получается, что Никсон, который раз десять был в нашей стране и встречался с Хрущёвым, Брежневым, Горбачёвым, во время самого последнего в своей жизни визита встретился еще и со мной. Вот такая историческая «мимолетность».

Про Жака Ширака и Парижскую коммуну

С Жаком Шираком я познакомился буквально за пару месяцев до того, как он стал президентом Франции. Дело было в первые мартовские дни 1995-го. Хотя и Париж, но довольно прохладно. Я — вице-премьер, сопредседатель Российско-французской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Со всеми ведущими странами у нас такие комиссии имеются. И по правилам ежегодно премьеры, в данном случае России и Франции, должны встречаться — то в Москве, то в Париже, чтобы подвести итоги работы и новые планы утвердить.

Чтобы подготовить заседание комиссии, я приехал в Париж на пару дней раньше Черномырдина, который был в Лондоне — обсуждал с банкирами графики выплаты процентов по просроченной задолженности бывшего СССР (если кто не помнит, то к России перешла обязанность заплатить по всем долгам Советского Союза).

Ситуация была сложная, потому как три месяца назад началась первая чеченская война, и Европу больше всего интересовала именно эта политическая тема, а мы приехали решать чисто экономические вопросы, причем гвоздем программы был вопрос о связанных кредитах. Нам надо было как-то уйти от темы Чечни, а самое главное — договориться с французами отказаться от их порочной кредитной практики.

Ведь что такое связанный кредит? Это когда нашей стране в трудный момент дают, условно, миллиард франков, евро или долларов под проценты, но при этом обязывают нас выполнить целую кучу условий: пригласить на эти деньги работать французские компании, купить французские приборы и оборудование, нанять французских специалистов, чуть ли не до уровня младшего научного сотрудника. Фактически мы берем заем у Франции, чтобы истратить его на эту же страну. Сегодня такой практикой особенно злоупотребляет Китай, но подобная схема существовала всегда. И она нам, естественно, не сильно нравилась.

Так именно тогда — весной 1995-го — нам удалось впервые пробить (в том числе и моими скромными усилиями) механизм прямых инвестиций, прямые кредитные деньги для наших проектов без каких-то специальных условий их использования.

Заседание межправительственной комиссии прошло успешно, о Чечне не говорили, со связанными кредитами разобрались, Виктор Степанович был очень доволен, французская сторона тоже, все речи произнесли, всё

шампанское выпили. Собственно, пора в аэропорт. И тут я неожиданно говорю Черномырдину:

«Виктор Степанович, а давайте заедем к Жаку Шираку!»

Он так на меня смотрит непонимающе:

«А зачем нам к мэру Парижа ехать, если мы только что с самим премьером пообщались?»

«Так через месяц выборы, — говорю. — А он точно будет следующим президентом Франции».

«Да брось ты! Все мои эксперты и аналитики говорят, что президентом будет Жоспен. Его же Миттеран выдвинул. А твой Ширак предыдущие выборы продул как раз Миттерану».

Я стал Черномырдину объяснять, что всё не так просто: ну, во-первых, Жак Ширак не лыком шит. Он «под себя» восстановил пост мэра Парижа. После Парижской коммуны мэрию там почти на сто лет упразднили. И чтобы Ширак стал мэром, пришлось повысить статус Парижа в административно-территориальном делении, сделать его целым департаментом. И Ширак как пост принял в 1977 году, так городом до сих пор и рулит, еще со времен «дорогого Леонида Ильича».

Виктор Степанович опять не согласен:

«Ну и подумаешь, что он мэр. Так и останется мэром. Никто его президентом не изберет, потому что столичных мэров никто нигде не любит. Ни в Москве, ни в Париже».

А я стою на своем:

«Виктор Степанович, а спорим, что Ширак победит во втором туре? Ну давайте хоть на полчаса к нему перед отлетом заедем! Я уже договорился!»

Тут мастер народного афоризма Виктор Степанович художественно высказал все, что обо мне думает, но на полчаса заехать к Шираку согласился.

И вот уже перед нами красивый особняк в центре города. Ширак лично нас встречает-принимает. С искренним интересом, с улыбкой. Мне сразу понравился — очень позитивный, доброжелательный человек. А на столе уже чай с какими-то восточными сладостями нас ждет...

Пили чай, беседовали на всякие общекультурные темы. А потом Ширак нас просто убил: вдруг стал читать наизусть главу из «Евгения Онегина» на чистом русском языке.

Мы с Виктором Степановичем от удивления чуть с креслиц своих антикварных не попадали и в один голос спрашиваем: «Так, выходит, вы всё по-русски понимаете?»

Ширак руками машет, дескать, никак нет — русского не знает:

«Понимаю очень мало, а говорить вообще не могу. Просто я так люблю

Пушкина и Россию, что текст фотографирую и кусками запоминаю, как он по-русски звучит, а потом наизусть повторяю. Мне говорят, что произношу почти без акцента».

Ну, мы тоже стали его убеждать, что произношение прекрасное. А он смеется — дескать, наверное, кто-то из предков был попугаем.

В общем, вместо получаса мы с Шираком почти полтора часа проговорили и попрощались фактически друзьями.

Думаю, с того самого момента началась не только дружба Черномырдина с Жаком Шираком, но, возможно, эта встреча стала отправной точкой для будущей дружбы с Ельциным, а потом и с Путиным. Ширак же был президентом Франции аж до 2007 года! Кстати, это он сократил срок президентства с семи лет до пяти, а потому был президентом Франции двенадцать лет подряд: семь, на которые его избрали в первый раз, и пять, которые благодаря ему теперь фигурируют во французской Конституции.

Когда Ширак нас в ту памятную встречу провожал, случился еще один маленький эпизод. Начинаем мы спускаться на выход по огромной мраморной лестнице, а «друг Жак» идет чуть сзади и на прощание напутствует: «Дорогой Виктор Степанович, в этот сложный период я желаю вам и вашему правительству удачи в экономических реформах, чтобы у вас всё получилось».

А Черномырдин внезапно останавливается, поворачивается к нему и говорит с укоризной: «Эх, Жак, если бы не ваша Парижская коммуна, да еще с Карлом Марксом в придачу, у нас бы уже давно все получилось! Вы-то со своими революционерами быстро разобрались, а мы вот со своими семьдесят лет промучились».

Так вот взял и одной фразой вынес приговор всем социалистическим и коммунистическим идеям, да и убыл в Россию.

Я этот момент на всю жизнь запомнил. Жак Ширак смотрит на нас и сказать ничего не может: вроде как Франция получается виноватой за все, что сейчас в России происходит...

Кстати, среди французов у меня был еще один добрый друг — Франсуа Миттеран. Мы с ним много раз встречались — и в бытность его президентом, и после того, как он уже покинул пост. Это были не деловые отношения, а какая-то чисто человеческая симпатия. Миттеран всегда интересовался моими делами, семьей. Когда я часто бывал по делам правительственной комиссии в Париже, то мы всегда встречались с Миттераном. А когда он приезжал в Москву, то именно мне обычно поручали его сопровождать, что я с большой радостью делал. Особенно запомнился визит Миттерана на 50-летие Победы в Москву. Мы тогда вместе с ним смотрели парад на Красной площади и в парк Победы ездили. А еще много фотографировались с ветеранами —

нашими и французами из «Нормандии–Неман»... Кажется, только вчера это было. Миттерана давно уже нет с нами, а Великой Победе в 2020 году отметили 75 лет...

Как сэр Джон Борн выдал самый страшный британский секрет

С англичанами меня свел финансовый контроль. Когда я работал в Счетной палате, то мы не только проверками занимались, но еще и глубоко изучали историю и современный опыт, в том числе и международный. Сергей Вадимович Степашин потом даже международное профессиональное сообщество государственных аудиторов возглавлял — ИНТОСАИ[70] называется.

А самый обширный опыт был у британцев. Как я уже писал, английский парламент в Средние века создали не для того, чтобы он законы принимал, а для того, чтобы проверял, как государственная казна расходует. И примерно в те же времена возникла тамошняя счетная палата. Первые государственные аудиторы были назначены королем Эдуардом II еще в 1324 году. А современная организация называется у них National Audit Office, или Государственный аудиторский офис. Кстати, страшно авторитетная организация. Председателя, который именуется Главным контролером, назначает лично королева по представлению палаты общин, и его нельзя отправить досрочно в отставку, если только он сам не попросится. Часто эту должность занимает кто-то из известных сэров и пэров, то есть человек из особо приближенных и доверенных лиц.

Так вот, пока я работал в Счетной палате, мы очень плотно контактировали со своим английским аналогом. Во-первых, потому что наш госконтроль был еще даже не в детском, а в младенческом состоянии, тогда как тамошняя счетная палата — дама очень солидная. Ей ни много ни мало 660 лет стукнуло. Нам до этого опыта расти и расти. А во-вторых, нам надо было всему миру показать, что российский государственный аудит соответствует международным стандартам, поэтому внешняя оценка нашей работы со стороны всеми уважаемых коллег была бы очень кстати.

Так вот, подружился я на почве этого взаимодействия с тогдашним председателем английской счетной палаты — сэром Джоном Борном. И однажды при встрече я, следуя наказу своей учительницы английского показать умение вести светский разговор и желая проявить какую-никакую свою эрудицию, стал рассказывать, как мне нравится знаменитая на весь мир английская традиция five o'clock. Что по-нашему представляет собой обычное «чайку испить», но строго в определенное время и с раз и навсегда установленным ритуалом.

В общем, делаю умный вид и пытаюсь рассуждать, насколько все-таки нюансы важны: дескать, когда по традиции сначала в чашку наливаєшь

молоко, а потом чай — вкус прекрасный, а вот если в другом порядке — так действительно вкус будет хуже.

И так я ему старательно рассказываю, как все прекрасно и тонко продумано...

Сэр Борн меня слушал-слушал, а потом деликатно так останавливает: «Сергей, прости, но я тебе сейчас один секрет открою. Ты только никому не рассказывай...»

Я ему дал страшную клятву, что никому и никогда.

«Понимаешь, — говорит, — дело не в чае. На вкус совсем не влияет. Просто чашки было жалко».

И объяснил, что поначалу, когда английские аристократы пили чай из привозного китайского фарфора, никто не задумывался, в каком порядке чай и молоко наливать. А вот когда стали делать фарфор сами, то он оказался неважного качества и от кипятка сразу трескался. Потому, чтобы сберечь свои чашки, англичане стали сначала лить молоко, а уж потом чай. И так к этому привыкли, что традиция осталась и после того, как научились фарфор производить не хуже китайского.

В общем, опять напомнил мне сэр Борн, не стоит умножать сущности сверх необходимого. И если есть простое объяснение чему-то, то оно, скорее всего, самое правильное.

Кстати, британская счетная палата дала нашей системе госконтроля высокую оценку, и мы без проблем заняли свое место в международном сообществе государственных аудиторов. А еще наши прочные контакты не раз помогали разрядить напряженность в дипломатических отношениях двух стран. Но об этом как-нибудь в другой раз.

«Представьте, Чарльз, в России тоже есть бадминтон»

А помимо настоящего британского сэра, я встречался еще и с самым настоящим принцем. Случилось это из-за бадминтона.

Я уже несколько лет являюсь консулом Мировой федерации бадминтона и президентом ее российского отделения. Нас, таких консулов, на весь мир всего человек семнадцать — этакое мировое бадминтонное правительство. И это при том, что в бадминтон на Земле играют 320 миллионов человек, причем Национальная федерация бадминтона России — далеко не последняя в мире по численности, финансам, да и по влиянию.

И вот 2012 год. Англия — хозяйка Олимпийских игр. Бадминтон принимает в них участие. Был составлен график, что каждый из консулов — по двое или по трое — должны присутствовать на стадионе во время соревнований по нашему виду спорта.

В общем, как в советское время — дежурство расписали. То есть мы должны были целый день находиться в спортивном комплексе, где шли игры. При этом задача была не только за ходом соревнований следить, но еще и особо важных персон в специальной ложе принимать, обихаживать, на все вопросы отвечать, в общем, поддерживать приятную атмосферу. И оказалось, что на мое дежурство пришелся визит принца Чарльза.

Я спокойно делаю свое дело, ничего особенного не жду, и тут смотрю — паника какая-то, охрана забежала. Сейчас, говорят, придет принц Чарльз.

Приходит. Слава богу, без принцессы и белого коня. Невысокий, без каких-то особых королевских замашек, но очень притягательный, приятный, с яркими такими глазами. На меня этими глазами смотрит внимательно и заинтересованно. Нас представляют: моего коллегу, потом меня. А мой английский, если честно, до сих пор оставляет желать лучшего, а в 2012 году был почти никакой. «Откуда вы?» — спрашивает. Ну, отвечаю, естественно, «фром Раша, президент Национальной федерации, консул». Это я еще мог сказать.

А принц Чарльз вдруг удивленно брови домиком: «Оу! А что, разве в России есть бадминтон?»

Я ему так скромненько в ответ: ну да, немножко имеется. Дескать, вот тут минут двадцать назад пара российских девушек как раз обыграла пару англичанок.

Принц о чем-то со своими пошушукался, должно быть, проверял информацию. Информация оказалась верной. И тут он меня начал с пристрастием через переводчика расспрашивать, и про бадминтон, и про Олимпиаду, и как всё тут организовано.

В итоге он мне говорит: «А знаете, я хочу остаться и посмотреть игру».

Мы пошли в зал, сели там в четвертый или пятый ряд, с которого удобнее следить за кортом номер один. И было видно, что принцу Чарльзу бадминтон нравится, особенно если красивые девушки азартно сражаются.

Посмотрели мы вместе с его королевским высочеством одну игру, а дальше произошло нечто такое, что превратило нашу встречу в историческую. В этот самый момент заканчивался этап соревнований в группах, а дальше, по его итогам, решалось, какой у той или иной команды в дальнейшем будет противник. То есть от распределения мест в группе зависело, с кем ты будешь играть в четвертьфинале. И никто не хотел, чтобы им достались в качестве соперников бадминтонистки из Китая или Японии. Если кто не в курсе: они самые опасные и крутые.

И вот мы с принцем смотрим на площадку и вдруг понимаем, что команды соревнуются не за победу, а за то, чтобы оказаться в проигрыше. Бьют в сетку, бьют в аут, игры никакой нет, зрители начинают шуметь, потом свистеть, возмущаться. То есть спортсменки

бьются за то, кто хуже сыграет, чтобы проиграть и получить в четвертьфинале лучший расклад.

Принц Чарльз понимает, что происходит какое-то безобразие, и обращается ко мне за разъяснениями. Пришлось мне ему честно и подробно все рассказать. Не просто скандал, а публичный позор, да еще в присутствии королевской особы. Пришлось немедленно собирать совет Мировой федерации бадминтона и арбитров. По итогам мы сняли с соревнований обе пары — японскую и китайскую — за неспортивное поведение и нарушение олимпийской этики. Но для России это было к лучшему: в результате наши девочки получили право сыграть в четвертьфинале, вышли в полуфинал, и российская команда привезла бронзовые медали Олимпиады.

Вот и выходит, что визит принца Чарльза толкнул цепочку событий, которая привела к первой бронзовой олимпийской медали для российских бадминтонисток. Так мы оказались с олимпийской наградой, а принц узнал, что в России есть бадминтон.

Немного про немцев

Что касается немецкого «направления», то я в разное время встречался и с Гельмутом Колем, и с Ангелой Меркель. Кстати, я много занимался вопросами государственного устройства этой страны, особенностями немецкой федерации, много читал про Бисмарка... В общем, нам всегда было о чем поговорить с немецкими коллегами, включая историю о том, как я обнаружил свою фамилию на одной из стен Рейхстага.

Случилось это году так в 1994-м, когда мы с лидерами фракций только что избранной Государственной думы отправились с визитом в Германию. А немцы только что отреставрировали Рейхстаг — практически всё заштукатурили и покрасили, только на втором этаже оставили часть стены, где были граффити наших солдат, взявших Берлин. И я поглядел от центра чуть вниз, и вдруг вижу подпись — «капитан Шахрай».

Коммунисты, помнится, нас, президентскую команду, тогда сильно третировали. Обзывали всякими нехорошими словами. Вроде как даже рядом им стоять было со мной невозможно. А я тогда показываю на свою фамилию Зюганову и говорю: «Глядите — мой родственник Рейхстаг брал. А у вас есть тут кто?» Думаю, КПРФ тогда чуть своего лидера не потеряла — так он разозлился, а сказать ничего не мог.

Но это так — парадная часть контактов. А была еще огромная каждодневная работа с коллегами из ФРГ по проблеме российских немцев. Помнится, моим визави был Хорст Ваффеншмидт⁹⁵, который еще с конца 1980-х занимался российскими немцами. Вернее, не только российскими, но и польскими, румынскими, казахскими, украинскими и всеми прочими. Он для них открыл возможность репатриации в Германию, а потому «постсоветские» немцы называли его своим

апостолом. Его статус федерального уполномоченного по делам переселенцев соответствовал моему рангу вице-премьера, поэтому мне поручили заниматься этим вопросом — дескать, тут тебе и национальная и региональная политика вместе.

После распада СССР «немецкий вопрос» стал особенно острым. Дело в том, что русским немцам так и не вернули их автономию на Волге, а потому с падением Берлинской стены одни начали требовать восстановить историческую справедливость на месте, а другие организованно двинулись на историческую родину. Правительство ФРГ, которое в начале 1990-х принимало из постсоветских стран по 200–230 тысяч переселенцев и тратило миллиарды на их интеграцию, быстро поняло, что дешевле решить проблемы русских немцев в России, чем устраивать их в Германии. Вдобавок эти люди хотя и считались репатриантами, но имели уже другой менталитет, традиции: ведь первые немцы появились на Руси еще в IX веке, а в Поволжье Екатерина II их начала массово селить в XVIII веке.

В общем, была создана комиссия, где мы с Хорстом стали сопредседателями. Ездили в Омскую область, Тамбов, Саратов, изучали ситуацию, выслушивали людей. С политической точки зрения наша активность в итоге стимулировала принятие закона о национально-культурной автономии. И это, кстати, стало одним из решений задачи: как обеспечить нации возможности для самоопределения, если не собираемся восстанавливать республику? Как уйти от территориальных вопросов? Потому что, как и в случае с возвращением на родные земли высланных Сталиным чеченцев, немцев тоже никто на их прежней территории особо не ждал. То есть территориальная реабилитация вела к росту напряженности на местах, к межнациональным конфликтам.

Поэтому первая национально-культурная автономия, которую мы создали в 1997 году, была немецкой. Она называется Федеральная национально-культурная автономия российских немцев.

Как китайцы наш опыт на Гонконг примеривали

Китайские коллеги глубоко интересовались переменами в нашей стране еще с конца 1980-х, а с 2012-го мне приходится взаимодействовать с ними просто каждый день, потому что мы «строили-строили и, наконец, построили» совместный университет в Шэньчжэне, где я стал первым проректором и председателем ученого совета.

В свое время, как вице-премьер и министр, отвечавший за регионы, я много и серьезно занимался вопросами Сибири и Дальнего Востока и, соответственно, любимым сюжетом левых и правых про то, что китайцы скоро отберут у нас половину страны. Поэтому, чтобы понимать, что реально происходит, приходилось детально разбираться и в политике нашего «давнего друга и великого соседа», и с разными структурами

встречаться — официальными и общественными, налаживать диалог и взаимопонимание.

Среди калейдоскопа этих событий особенно мне запомнились встречи с Ван Даоханем⁹⁶, очень известным и уважаемым в КНР человеком, соратником Дэн Сяопина, бывшим мэром Шанхая, а на момент нашего знакомства — председателем китайской Ассоциации за развитие связей между берегами Тайваньского пролива. Если говорить прямо, то он занимался по факту вопросами возвращения Тайваня, а попутно Гонконга и Макао под юрисдикцию Китая. Но главное — он был учителем Цзян Цзэминя, китайского лидера тех лет.

Ван Даохань был уже в солидном возрасте, но дай бог любому тридцатилетнему обладать такой живостью ума и любопытством ко всему новому. Его очень интересовали наши проблемы с региональными конфликтами, вернее, как мы их решаем.

Я подробно рассказывал Ван Даоханю о своей методике урегулирования конфликтных ситуаций с помощью договоров. Моего гостя очень заинтересовала идея разграничения полномочий между центром (всем государством) и регионом (частью государства, объявившей о своей независимости). Я показал ему на примере договоров с Чечней и Татарстаном, как эта схема работает.

Он сразу спросил: «А почему же модель с договором не сработала для СССР? Почему не удалось сдержать “парад суверенитетов” союзных республик?» Я ему объяснил, как шла работа над новым Союзным договором, какие факторы повлияли на этот процесс и какие правовые «мины» помешали попыткам сохранить единый Союз. Он вникал во все детали, особенно в мою стратегию и тактику переговоров с «мятежными» российскими республиками.

В частности, я рассказал, как самые спорные, неразрешимые на момент переговоров проблемы в отношениях с Чечней и Татарстаном мы сознательно вынесли за скобки, а встречи с представителями республик посвятили тому, чтобы обсудить и положить на бумагу только те вопросы, что представляли самый насущный и притом совместный интерес. А в заключение заметил, что если перевести эту модель на китайские реалии, то, например, в ситуации с Гонконгом было бы достаточно оговорить закрепление за Пекином (центром) только сферы обороны и внешней политики, а по всем остальным «предметам ведения» оставить этому региону самостоятельность.

Ведь нельзя унифицировать то, что на данном историческом этапе унификации не поддается. Ну не может Гонконг, который жил при капитализме и по английским традициям, немедля стать таким же, как социалистический Китай. Политика — это искусство возможного. Значит, объединять следует лишь то, что на нынешнем этапе можно без особых проблем объединить.

Фактически я предложил китайцам воспользоваться моей формулировкой, которая сейчас живет в статье 73 российской Конституции: вне пределов ведения и полномочий центра вся полнота государственной власти принадлежит субъекту. А потом все проблемы с возвращением Гонконга решать не наскоком, а через постепенное фактическое расширение совместного ведения.

Ван Даохань был очень впечатлен и несколько раз уточнял правовые детали. Он сказал, что наша модель разрешения региональных конфликтов очень похожа на их знаменитую формулу: «Одна страна — две системы», только очень конкретная, воплощенная в практические шаги. В общем, он вдруг осознал, что философский лозунг, предложенный еще Дэн Сяопином, на глазах наполняется практическим смыслом в юридической форме разграничения полномочий.

Очень хочется думать, что эти наши разговоры повлияли на текст будущего Основного Закона о статусе Гонконга (Основной закон особого автономного региона КНР Гонконг). В преамбуле гонконгской Конституции так прямо и записано: «Согласно принципу “одна страна — две системы” социалистическая система и политика не будут устанавливаться в Гонконге». И вдобавок, когда Великобритания в 1997 году ушла из Гонконга, центральному правительству КНР действительно перешли только два полномочия — оборона и международные дела. Своя валюта, свое Законодательное собрание, своя биржа и, самое главное, своя таможенная и налоговая системы, как и англосаксонское право, — все это осталось за Гонконгом на ближайшие пять десятилетий.

Но, увы, история эта развивалась иначе.

Как и у нас, так и в Пекине всегда есть много нетерпеливых и творческих умов, которым не хочется ждать полвека, пока Гонконг плавно вращается в социализм. И они придумали схему, при которой закон об особом административном районе Гонконга не изменяется (что практически невозможно), а обходится. В итоге был принят проект создания «Большого залива», который представляет собой программу объединения экономики вокруг Гонконга. Этот новый экономический макрорегион включает в себя Гонконг, Макао, Шэньчжэнь (тут находится наш совместный университет), Джухай и еще семь городов, где проживает в общей сложности примерно восемьдесят пять миллионов человек.

«Большой залив» — это масса новых экономических направлений, но ключ ко всему — это развитие зоны высоких технологий и соответствующей ей транспортной инфраструктуры. Там уже такие мосты и скоростные дороги построены, что просто XXI век! Но политическая «вишенка» проекта в том, что центром нового экономического района становится уже не Гонконг, а Шэньчжэнь. Что это значит? Это значит, что на бумаге Гонконг остался самостоятельным, автономным, а фактически — включается на тех же основаниях, что и

одиннадцать других городов, в общую экономическую систему, лишается монополии на инфраструктуру, транспортные потоки, финансы. И это при том, что в зону «Большого залива» за последние пять лет уже шесть триллионов долларов инвестиций вложили.

То есть сначала дали Гонконгу особый статус, а потом придумали проект «Большого залива», якобы новую экономическую схему, программу, под которую весь этот свободный Гонконг и заглотили со всеми его потрохами, растворили в мегарегионе. И те волнения, которые в 2019–2020 годах происходили в Гонконге, — это такой глубинный протест местной экономической и политической элиты, которая поняла, что через год-два от них де-факто ничего не останется. Отсюда и демонстрации, и закон об экстрадиции, и требование защитить демократические свободы.

Очень жаль, что империи, насчитывающей не одну тысячу лет, не хватило терпения подождать, как собирались, пару десятков лет. Все проблемы можно было решить тихо и спокойно с помощью этого самого «потом».

А что касается Гонконга, то, думаю, в итоге найдут вариант, который всех устроит. Либо Гонконг выведут из этого экономического района, либо оговорят для него особые условия. И тут же все демонстрации и затихнут.

Кстати, уже писал, что такое же решение я предлагал по Крыму: не делить, не конфликтовать, чей он, а создать особую экономическую зону. Но не услышали, а жаль.

ЧТО ЗА ПОЛИТИКА БЕЗ ШУТКИ?

Тело Ленина в наших руках

На заре российской демократии сюжет «Доколе Ленин будет лежать на Красной площади не похороненный?» был в первой десятке горячих тем для дискуссий. Вопрос логичный, потому что Ленин в данном случае не просто мумифицированное тело конкретного человека, а символ коммунизма, всей его истории и деяний. Раз Мавзолей Ленина стоит на самой главной площади страны, рядом с Кремлем, значит, вся страна и новая власть по-прежнему поклоняются коммунистической идеологии. А если мы хотим реально порвать с коммунистическим прошлым, то, дескать, надо что-то делать с его символами. Вон — памятник Дзержинскому сразу снесли, так как Феликс Эдмундович был одним из зачинателей кровавого Красного террора. А Владимир Ильич, который вообще на семьдесят лет загнал страну на «особый путь» — с лагерями, ОГПУ, расстрелами за три колоска, — почему посреди Красной площади лежать должен?

Хотя демократы, да и многие православные люди, которым мертвое тело, выставленное на обозрение, представляется чем-то языческим, какой-то проблемы с захоронением коммунистического вождя не видели. Приводили в пример и чехов, которые еще в 1962 году, когда началась борьба с культом личности, закрыли мавзолей Клемента Готвальда, а тело его кремировали, и болгар, которые захоронили своего «главного коммуниста» Георгия Димитрова в 1990-м.

Но вот Ельцин так и не вынес Ленина из Мавзолея. Когда кто-то из президентской команды регулярно возникал с предложением предать тело Ленина земле и тем самым «окончательно похоронить коммунизм», он жесткого «нет» не говорил, но и саму идею не поддерживал, уходил от вопроса.

Думаю, с одной стороны, это потому, что Борис Николаевич все-таки почти всю свою сознательную жизнь был коммунистом. И для него Красная площадь с Мавзолеем — это не какие-то абстрактные символы, а часть жизни, часть истории — своей и страны. А с другой стороны, ему уже приходилось участвовать в борьбе с памятниками, в уничтожении истории, которая оказалась неудобна власти. След от этого в душе остался самый тяжелый.

Речь о том, что именно Ельцину пришлось снести в Свердловске дом Ипатьева, где большевики расстреляли последнего российского царя Николая II со всей семьей и прислугой. Тогдашний председатель КГБ СССР Андропов был обеспокоен, что люди, глядя на этот дом, по-прежнему вспоминают убиенного царя, а значит, возможны антисоветские выступления. Вот политбюро ЦК КПСС и поручило Свердловскому обкому партии уничтожить последние следы преступления. В 1977 году под предлогом реконструкции целого квартала дом снесли. Остался один поросший бурьяном пустырь.

Но что интересно, именно это пустое место стало еще больше привлекать к себе внимание: люди понесли цветы, свечи, а уже в 1989-м состоялся первый открытый молебен. Дальше — больше. Как магнитом сюда стало тянуть политически активных граждан, причем с прямо противоположными идеями. Одни ставили крест в память царя, другие его сносили, потом опять ставили... Споры до хрипоты и чуть ли не до рукоприкладства. В общем, как сказали бы ученые-политологи, само место провоцировало гражданские конфликты[71].

Думаю, что этот опыт удерживал Ельцина от решительного шага с выносом тела Ленина из Мавзолея — по сути, от уничтожения еще одного свидетельства нашей противоречивой истории. Конечно, этот вопрос можно было бы повернуть так, что дело не в политических символах, а просто чисто по-человечески, по-христиански нужно предать умершего земле (тем более что самому Ленину всегда нравилась идея кремации, да и его жена, Надежда Крупская, была против бальзамирования). Но, какими бы разумными ни были аргументы в пользу захоронения, всегда оставался риск, что эта история с Лениным

будет использована для раздувания нового гражданского конфликта. А у Бориса Николаевича внутри всегда присутствовал страх гражданской войны, когда брат на брата. Потому что в огромной России это всегда кровь. И допустить даже малой возможности развития ситуации по такому сценарию он не хотел, да и просто права не имел.

Кстати, про риск гражданской войны из-за мумифицированного тела — это абсолютно серьезно. Помнится, еще в 1991 году громкую кампанию затеял Анатолий Собчак: потребовал захоронить Ленина на Волковском кладбище в Ленинграде. Якобы есть такое завещание вождя. Так буквально в тот же день организовался общественный комитет «В защиту Ленина». Народные дружины устраивали пикеты, манифестации и ночные бдения — боялись, что тело тайком вывезут из Мавзолея.

Был, кстати, шанс спокойно похоронить Ленина, если бы Русская православная церковь открыто высказалась: потребовала бы своим авторитетом похоронить коммунистического вождя по христианскому обычаю. Но не сложилось. Хотя РПЦ и говорит, что ей противны коммунистические пародии на церковные мощи, но на выносе тела Ленина категорически и сразу не настаивает, дабы не вызвать гражданских распрей и не оскорбить чувств тех, для кого похороны пролетарского вождя станут трагедией...

Надо сказать, что коммунисты проявили завидную творческую жилку, сочиняя контраргументы против выноса Ленина. То Владимира Ильича трогать нельзя, потому что его тело составляет единый историко-культурный комплекс с Мавзолеем и Красной площадью. То его надо считать уже находящимся «в земле», то есть захороненным, поскольку гроб находится ниже брусчатки, которой покрыта площадь. То из соображений науки — не так много осталось примеров долгосрочного сохранения тел, мумифицированных по советским технологиям[72].

А если уж речь пошла про науку, так у меня на парламентских выборах 1995 года в списке ПРЕС вторым был академик Валерий Алексеевич Быков⁹⁷, бывший министр медицинской промышленности СССР и глава научно-исследовательского центра биологических структур, того самого, который как раз отвечает за хранение тела Ленина. Этот центр — наследник лаборатории, которая была создана при ленинском Мавзолее еще в 1924 году. За время своего существования он не только нашим пролетарским вождем занимался, но и лидеров других стран бальзамировал (Вьетнама, Анголы, Гайаны и др.). Быков мне рассказывал, какие сложнейшие биомедицинские технологии и процедуры нужны, чтобы мумии оставались в сохранности. Например, тело Ленина надо регулярно вынимать из саркофага, проверять, обрабатывать специальными составами...

В общем, как только коммунисты узнали, что Быков у меня в партийном списке, то страшно возбудились, раскричались: «Шахрай купил Быкова,

забирает под себя институт, собирается Ленина выносить!» Нашли себе главного врага по выносу Ленина.

Но я их быстро утихомирил. На всех теледебатах и прочих дискуссиях им говорил: «Товарищи коммунисты! Дело Ленина в ваших руках, а его тело — в наших! Ведите себя прилично!» Так потом избирательный лозунг у ПРЕС появился, шуточный конечно: «Тело Ленина — в наших руках!»

Терские казаки смокинги не носят

В 1994 году (я тогда работал вице-премьером) королева Великобритании Елизавета II приехала к нам в страну с государственным визитом. Это был первый и, на сегодняшний день, единственный раз, когда ее величество посетила Россию. Дело было страшно важное, потому как королева долгое время наотрез отказывалась встречаться с «убийцами своего родственника» (Николай II приходился кузеном Георгу V). Когда Борис Николаевич получил от нее согласие приехать, он был страшно рад, говорил, что это самое высшее признание успеха демократических реформ.

Разумеется, в честь Елизаветы II был устроен официальный прием в Кремле, на котором по должности я был обязан присутствовать. Светских мероприятий не люблю страшно, но тут думаю: «Ладно, интересно же на самую настоящую английскую королеву вблизи посмотреть. Не так часто на нашем пути королевы попадаются».

Но тут президентский протокол сообщает мне ужасную вещь. Оказывается, что на приеме надо быть в смокинге. Только так и не иначе. Дескать, королева сделала нам одолжение своим визитом, а потому российский протокол должен подстроиться под традиции английского двора, даже если они непривычны для принимающей стороны. А в списке этих традиций смокинг — самое маленькое неудобство, даже и говорить не о чем.

Кому-то, может, и мелочь, а лично у меня этого смокинга сроду не бывало. Даже в руках его не держал, хотя теоретически с вопросом знаком — на иностранцах во время серьезных мероприятий видел. Но делать нечего — надо эту светскую униформу где-то срочно добывать.

Спрашиваю у своего помощника: «А нигде в аренду этот смокинг нельзя взять?» Оказалось, увы, что на тот момент такую одежду у нас в России никто в аренду не давал. Видимо, российскому человеку в быту смокинги не сильно требовались, а потому бизнеса такого не было. В общем, пришлось срочно смокинг пошить.

И скажу честно: страшно он мне тогда понравился — и сам смокинг, и полагающийся галстук-бабочка, и рубашка специальная. Надел я все это, глянул на себя в зеркало — хоть сейчас в Букингемский дворец. Подумал, что хоть терские казаки смокинги и не носят, но лично мне он к лицу.

В итоге был представлен и ее величеству королеве, и ее сыну — принцу Уэльскому Чарльзу. Все мило раскланялись, пару слов сказали, как по протоколу и положено.

Но, увы, больше покрасоваться в моем смокинге мне не довелось. Всего один раз в жизни надел. Когда ездил с визитами в Париж или Лондон, брал его с собой на всякий случай. Но как-то обходилось без церемоний: вроде по статусу был не нужен, ну, так и оставался висеть в шкафу. Как-то в Англии с принцем Чарльзом встречался, но там протокол не требовал смокинг в обязательном порядке — можно просто темный пиджак. Ну, я и не стал усложнять.

Так что с тех самых пор я всегда, когда королеву увижу где-нибудь в хронике или про нее читаю, думаю: «Вот, а у меня висит твой смокинг».

Хотя, если честно, никакого особенного трепета от близкого общения с королевскими особами я не испытал. Для меня была непривычна сама эта помпезность, все эти церемонии, игра в королевский протокол. Это было приятно, необычно, но какого-то пиетета не было. Поэтому, когда кто-то заговаривает про то, что русский народ ждет не дождется возвращения монархии, я сразу вспоминаю свое ощущение и думаю: нет, ребята, не будет у нас никакой монархии, даже конституционной. Отвыкли.

Ростовский конституционный парадокс

Есть один загадочный момент, связанный с Конституцией, который я называю «Ростовским парадоксом». Суть в том, что практически все наши конституции написаны выпускниками юридического факультета Ростовского университета. Я часто начинаю или заканчиваю свои лекции этим сюжетом, который непременно вызывает у студентов оживление: те, кто дремал, просыпаются; кто-то возмущается, кто-то лезет в справочники, пытаются спорить. В общем, такая маленькая провокация. Но основанная на подлинных фактах.

Итак, к фактам.

Первой отечественной конституцией была Конституция РСФСР 1918 года. Ее называют ленинской, хотя ни одного слова Владимир Ильич туда не вписал. Ему тогда некогда было. Занимался повседневной борьбой, врагов революции уничтожал. Не до законотворчества тут, не до конституции.

А кто тогда проект написал? Михаил Андреевич Рейснер⁹⁸ — потомок прусского дворянина, выпускник Варшавского университета, юридического факультета.

В Конституционной комиссии ВЦИК он был единственным ученым-конституционалистом, автором ряда серьезных работ в области государственного права. В апреле 1918 года подготовил доклад

«Основные начала Конституции», который раскритиковал Сталин (им обоим было поручено подготовить выступления об основных принципах устройства новой России). Также представил для Конституционной комиссии справку «Компетенция Советов и съездов Советов». В июне Рейснеру поручили свести все имеющиеся наработки по Конституции, которая была принята 10 июля 1918 года.

Почему я его считаю «птенцом ростовского гнезда»? Да потому что в 1915 году Императорский Варшавский университет был эвакуирован в Ростов-на-Дону и стал Ростовским университетом. Кстати, после окончания Первой мировой войны вопрос о возвращении Россией Польше библиотеки Варшавского университета стал одним из пунктов Рижского мирного договора 1921 года. Думаю, это уникальный в мировой истории случай, когда библиотека стала элементом войны и мирного договора.

Так что Рейснера — ключевого участника «проекта» первой большевистской Конституции — можно считать ростовчанином.

Кстати, если вернуться немножко назад, то в период русских революций начала XX века у истоков многих конституционных по сути актов и идей стоял еще один выпускник юрфака Варшавского университета — Максим Моисеевич Винавер⁹⁹. После победы большевиков он уехал в эмиграцию и за рубежом писал проекты конституции для «новой России».

Например, в проекте, написанном в Париже в 1920 году, он предусмотрел для России единое федеративное государство и автономию. Идея парламентаризма, которая уже глубоко укоренилась в России, полагал Винавер, должна быть реализована не только в центре, но и в различных регионах страны. Местные органы народного представительства получают полную свободу действий в области общественного образования, судопроизводства, общественных работ, местного бюджета и всех вопросов местного управления. Их желание учитывается центральной властью при назначении и смещении министров. Для контроля за применением Основного законодательства и информирования центра он хотел ввести институт представителей центральной власти на местах — фактически прообраз нынешних представителей президента в федеральных округах. А разного рода конфликты, затрагивающие интересы центральной или местной власти, предлагал рассматривать Верховным судом, организованным по образцу, существующему в США.

Конституции СССР 1924 года и РСФСР 1925 года пропускаем.

Дальше идет «сталинская» Конституция СССР 1936 года. Ее автором называют Николая Ивановича Бухарина¹⁰⁰, который, конечно, к Ростову отношения не имеет. Но по факту проект был результатом коллегиальной работы двенадцати подкомиссий, и мне говорили, что один из разделов — про судебную систему — подготовил-таки кто-то из выпускников Ростовского университета.

Интересно, что тринадцатую комиссию — редакционную — возглавил лично Иосиф Виссарионович Сталин. Он действительно сам каждую статью проекта правил, комментировал на полях, рисовал цветными карандашами, сравнивал с разными документами. Это вам не Ельцин в 1993 году. Этот каждую формулировку с карандашом лично проверил.

Кстати, идеи Сталина сильно нам аукнулись в девяностых. Особенно одна, которую он тянул за собой еще с Конституции РСФСР 1918 года. Тогда Рейснер со Сталиным схлестнулись по вопросу о принципах федеративного устройства.

Рейснер предлагал строить федерацию не по национально-территориальному, а по хозяйственному принципу, но встретил жесткий отпор Сталина. В результате позиции Сталина, не получившего даже среднего образования (был изгнан из духовной семинарии), были положены в основу Конституции.

В 1918 году было записано, что РСФСР «учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик» с правом на самоопределение и свободный выход. Это — то самое право на сецессию, которое кочевало из текста в текст и в конце концов ускорило гибель СССР.

И в 1936 году Сталин защищал свою идею фикс. Ругал тех, кто предлагал «исключить вовсе из проекта Конституции (1936 года) 17-ю статью, говорящую о сохранении за союзными республиками права свободного выхода из СССР». Говорил: «Я думаю, что это предложение неправильно и потому не должно быть принято Съездом. СССР есть добровольный союз равноправных Союзных республик. Исключить из Конституции статью о праве свободного выхода из СССР — значит нарушить добровольный характер этого союза»[\[73\]](#).

Так что распад Советского Союза — это не Ельцин. Эту мину заложил еще Иосиф Виссарионович Сталин. Понятно, что не он формулу сецессии изобрел, а просто воспользовался идеями теоретиков марксизма-ленинизма. Но это именно он записал такой принцип в российскую, а потом и советскую Конституцию.

Я читал стенограммы 1918 года, где Рейснер чуть ли не кричит (тогда еще можно было критиковать Сталина), что если мы это запишем, то совершим колоссальную ошибку. Но надо сказать, что в те времена Сталин публичной дискуссии старался избегать. Если на заседание конституционной комиссии приходил Рейснер, Сталин не приходил. Появлялся только после ухода Рейснера, а поправки свои присылал в основном письменно. Рейснер волновался, убеждал, что если эти идеи в Конституцию записать, то Россия останется без морей и портов. И в итоге оказался прав. Именно это и произошло в 1991 году. Вот таким боком вышло нам сталинское «право наций на самоопределение вплоть до отделения».

Еще один выпускник юрфака Ростовского университета Александр Евгеньевич Бовин¹⁰¹ оказался причастным к подготовке сразу двух проектов: непринятой «Хрущёвской» Конституции 1964 года и принятой «брежневской» Конституции СССР 1977 года. Я с ним был лично знаком с начала 1990-х и часто встречался.

В 1960-х он вместе с известным юристом и политологом Фёдором Михайловичем Бурлацким¹⁰² подготовил для Хрущёва записку, где предлагалось введение поста Президента СССР, советского парламента, заседающего постоянно, а также суда присяжных. В одной из своих книг Бурлацкий так описал реакцию Никиты Сергеевича при обсуждении этой записки на Президиуме ЦК КПСС: «Здесь какие-то мальчишки хотят переместить меня с поста предсовмина и назначить председателем Президиума Верховного Совета СССР».

Попенять «мальчишкам» попенял, но в целом записку одобрил. Правда, проект так и доделывали до самого момента освобождения Хрущёва от работы «по собственному желанию».

Получается, что в первый раз сюжет об институте президента возник как раз в хрущёвском проекте. Кстати, в нем же впервые появилась формулировка о том, что КПСС действует в соответствии с Конституцией СССР. Я думаю, Хрущёва и отстранили вот за такие либеральные штучки.

После Бовин вошел в группу, которая писала проект Конституции 1977 года. Вместе с ним там работали Владимир Николаевич Кудрявцев (директор Института государства и права АН СССР), Анатолий Иванович Лукьянов (на тот момент — сотрудник ЦК КПСС), международник Вадим Константинович Собакин¹⁰³, административист и теоретик права Борис Михайлович Лазарев¹⁰⁴, а также директор ВНИИ советского законодательства Иван Сергеевич Самощенко (кстати, уроженец Ростовской области)¹⁰⁵.

Тот факт, что Бовин был автором текста брежневской Конституции, подтверждает не только Фёдор Бурлацкий, но также народный депутат СССР Иван Лаптев¹⁰⁶ — известный советский журналист, главный редактор «Известий». Он вспоминал, что ни один тезис не выходил за пределы дачи, на которой писалась новая Конституция, пока по нему не прошла «железная бовинская рука». «Влияние Бовина на текст последней советской Конституции невозможно переоценить. Достаточно прочесть ее преамбулу, чтобы убедиться в этом, — от первого слова до последнего всё там написано Бовиным, и никто не смог ничего изменить в его тексте»^[74].

Ну и наконец, я — выпускник юридического факультета Ростовского государственного университета 1978 года, соавтор действующей Конституции Российской Федерации.

Является ли «Ростовский конституционный парадокс» исторической случайностью? Думаю, что нет. Дело в особенностях истории Дона: я уверен, что материальная основа определяет сознание.

Ведь Дон исторически — это территория свободы. У нас никогда не было крепостного права. Донской характер — это изначально свобода и независимость. Даже пословица про донских казаков есть: «Пусть без штанов и рубашки, зато при ружье и пашке».

На донской земле изначально был очень сложный социальный и межнациональный замес населения, уникальный жизненный уклад, основанный на сочетании индивидуализма и взаимовыручки, который требовал понятных и справедливых правил поведения для свободных людей. Отсюда такое стремление четко и понятно закрепить границы должного во взаимоотношениях друг с другом, права каждого человека.

А если вспомнить переехавший к нам Варшавский университет, то не будем забывать и о влиянии польского конституционного опыта. Первая европейская конституция появилась в Польше — 3 мая 1791 года. Решения в польском сейме XVIII века принимались только консенсусом.

Справедливые и четкие правила нужны только людям свободным и свободолюбивым. А что такое правила поведения? Это какой-то текст. И поэтому у нас всегда пытались написать если не конституцию, то устав какой-нибудь. Свой — ростовский. Так потихоньку и до российской Конституции добрались.

Вот у меня такая теория: почему все конституции написаны юристами с юга России. А остальным и в голову не приходило садиться и писать, если нет указания.

Пятьдесят семь вопросов Ельцину и рыжая обезьяна

Добавлю-ка я еще несколько сюжетов в историю о выборах президента в 1996 году. Этот исторический момент я совершенно сознательно описал не слишком подробно. Почему? Да потому, что про последние выборы Ельцина и без меня очень много написано. Вдобавок чем дальше в прошлое уходит этот сюжет, тем больше нового узнаешь. Читаешь разных авторов, а там такое порой... Словно я в каких-то других выборах участвовал. Ну да бог с ним. У каждого — своя история. А я расскажу свою.

Штаб нашей выборной кампании располагался тогда в Президент-отеле на Якиманке. Место удобное, тем более что я по своей традиции, когда работы много и она срочная и важная, сразу перебираюсь жить в рабочий кабинет. Чтобы не терять времени. Так, к примеру, было, когда я стал депутатом: жил в гостинице «Россия», которую позже снесли. А в Кремле ночевал частенько прямо в Грановитой палате — в углу стелил картонные коробки, газеты и дремал на них, как бомж, до утра Точнее, VIP-бомж из Грановитой палаты. Было столько срочных дел, что не хотелось время терять на поездку домой.

В «Президент-Отеле» я с командой прожил несколько месяцев — с весны и до раннего утра 4 июля. Мы собрали свои вещички и покинули штаб сразу на следующий день после второго тура, когда уже стало абсолютно ясно, что Борис Николаевич победил. В то утро было забавно смотреть, как навстречу нам, вымотанным и полусонным, в президентский штаб бодро маршировали колоннами хорошо выспавшиеся граждане, на ходу провинчивая в своих пиджаках дырочки для орденов.

Тяжелой работы было много, но и веселых случаев хватало. Расскажу про три из них.

Так вышло, что 16 июня случились разом два исключительно важных события — первый тур голосования и день рождения Анатолия Борисовича Чубайса. Стал я готовиться к большому заседанию президентского штаба и искать подарок для своего соратника. И вышел со мной вот такой казус.

Стал думать — а что ж мне ему подарить? Разве можно Чубайса чем-то удивить? Думал-думал, и решил подарить то, что мне самому бы понравилось. А я, надо признаться, очень люблю мягкие игрушки. Ну, есть у меня такая простительная для серьезного и солидного мужчины слабость.

Ищу я подарок для Анатолия Борисовича и где-то натыкаюсь... Короче, что меня дернуло? В общем, попалась мне на глаза огромная — ростом почти с Чубайса — рыжая обезьяна. И в такой восторг я от нее пришел, что, ни минуты не задумываясь, купил это чудо игрушечной промышленности и притащил в зал заседания. Мол, вот вам, Анатолий Борисович, порадуйтесь вместе со мной, какая красота.

Поверьте мне на слово, как на духу клянусь: никакой дурной мысли, поддеть Чубайса или что, у меня не было. Я вообще люблю рыжих и прочее. В общем, приволок я эту громадную обезьяну, сразившую меня в самое сердце, в предвыборный штаб и посадил на то кресло за овальным столом, где обычно Анатолий Борисович сидел. Народ хихикает, перемигивается. А сам Чубайс, как на грех, припозднился.

И вот заседание началось, Борис Николаевич речь держит. Вдруг именинник входит, смотрит на свое место — а оно уже рыжим чудом занято. Ельцин замолк и говорит: «А вы к кому, товарищ? У нас тут все на месте!» — и на обезьяну кивает. Зал, конечно, грохнул.

И вот что самое главное: Чубайс даже глазом не моргнул, у него ни один мускул на лице не дрогнул. Прошел мужественно к своему месту, пересадил мой подарок на другое место. Что называется: «без комментариев». Уж не знаю, куда он потом эту обезьяну дел, но обижаться на меня не стал.

Правда, уже через много лет, когда он в Роснано работал, сказал мне при встрече: «Да, помню я, как ты мне обезьяну приволок».

А если говорить о содержательных вещах, то понятно, что предвыборная дистанция была короткая, и, чтоб всю страну объездить, одного Ельцина, да и времени просто не хватало. Надо было придумать, как сейчас бы сказали, виртуальный образ. Но в 1996 году никакими современными цифровыми технологиями еще и не пахло, не было этого ничего. И тогда я придумал написать брошюру «Пятьдесят семь вопросов избирателей Президенту России». А там — ответы на самые резкие, самые неприятные вопросы, которые могли бы задать люди Ельцину. Вроде того, зачем развалил СССР? Куда дел деньги КПСС? Почему не лег на рельсы? Ну и все в таком духе.

Просто отобрали мы все коммунистические штампы, порочащие и обвиняющие Ельцина, направленные против него, и дали на них от первого лица ответы. Получилась такая синенькая брошюрка. Книжечка вроде и не впечатляющая, не миллион страниц, но дельная и крайне нужная.

Мы вооружили этой брошюрой все региональные штабы и всех президентских агитаторов. Идет человек защищать Бориса Николаевича в дискуссии с его оппонентами, открывает наши «Пятьдесят семь вопросов», и у него на все случаи есть готовые ответы. Причем честные, яркие, да еще с ельцинской интонацией.

Я потом связывался с коллегами с территорий, разъяснял: «Берите любую комбинацию вопросов и ответов. Используйте для дискуссий, для публикаций интервью, вы же представители, уполномоченные, доверенные лица. Мы вам этот текст даем в помощь, и вы имеете право говорить, что Борис Николаевич лично на ваши вопросы ответил именно так. Берете из этой книги вопросы и ответы и публикуете как интервью с президентом во всех газетах». Нужно сказать, вполне технологичное и эффективное решение получилось

А еще я смог убедить штаб, не сразу причем, что в регионах люди больше радио слушают. Ну нет там наших московских технологий. И тогда мы стали каждую неделю записывать радиообращения Ельцина к избирателям на разные злободневные темы. А чтобы люди на местах понимали, что Борис Николаевич лично к ним обращается, президент потом отдельно наговаривал первую строчку приветствия. Ну, к примеру, «Добрый день, дорогие архангелогородцы!» или «Здравствуйте, дорогие жители Казани!» и так восемьдесят девять раз (тогда у нас еще восемьдесят девять субъектов федерации было). Мы эти радиообращения рассылали во все штабы по регионам, и те их ставили в эфир. Вот так мы тогда «размножили» Бориса Николаевича, чтобы он лично говорил со всеми избирателями по всей России. Удачный получился радиопроект.

И надо отдать Борису Николаевичу должное — безропотно и четко отработывал все эти записи. Все эти восемьдесят девять конкретных обращений к жителям каждого региона. Старался, чтоб не сбиться — точно проговорить все названия. Как-то раз выходили вместе из студии

радиозаписи, а Ельцин мне говорит: «Ох, замучился я с этими повторениями! Боюсь, сейчас приду на встречу с бизнесменами и на автомате скажу им — здравствуйте, дорогие олигархи!»

Дураки и дороги

Еще царь Николай I говорил: «Расстояния — бич России», но проблема дорог остается вечной. И как бы мы ни хотели «догнать и перегнать» Запад по части связности нашей территории, ничего пока не получается. Мы всегда будем отставать в этом вопросе от европейцев. Нам, конечно, могут возразить, что отсутствие дорог и зима всегда спасали Россию от иностранных интервентов, но тем не менее без современной инфраструктуры, да еще и при снижающемся количестве населения, проблемы молодежи, нормальной работы, доступности сервисов и общей мобильности нам не решить.

В общем, надо искать какое-то нестандартное решение. Помнится, наш народ уже нашел один вариант: сказочная печь, которая Емелю сама возит «по щучьему веленью». Печь, конечно, штука отличная, но по нынешним временам очень тихходная, а посему, даже если все печи по всей Руси великой ездить вдруг начнут, проблема дорог (а с нею и дураков) решена не будет.

Что же делать? Гравитационный двигатель, дамы и господа. Вот что нам требуется.

«Совсем с ума сошел», — скажет мне любой занудный скептик и выразительно покрутит пальцем у виска. Фантастика? Да. Она самая.

Но... многое в свое время было фантастикой.

Помнится, на одном из первых заседаний Совета безопасности я сказал, что СССР развалила гонка вооружений. Кто только надо мной после этого не подхихикивал. А потом, когда разобрались, то увидели, что это «медицинский факт»: в эпоху позднего Брежнева 88 копеек с каждого рубля уходило на производство оружия. И экономика, естественно, не выдержала. Собственно, потому я и говорил коллегам: нам нужен нестандартный ход. Если новая Россия попытается обеспечивать обороноспособность страны, изо всех сил стараясь догнать США или Китай в производстве военной техники, то мы прямой дорогой и быстрыми темпами пойдем к развалу того, что у нас осталось от СССР. «Поэтому, — сказал я, — давайте испробуем асимметричное решение». И положил на стол перед членами Совета безопасности дискету.

Борис Николаевич глянул так вопросительно на нее и говорит: «Что это у вас?»

«Компьютерный вирус», — отвечаю.

И продолжил, что стране не надо производить ракеты, танки и самолеты, а надо производить компьютерные вирусы, потому что инфраструктура передовых стран, наших потенциальных врагов, сильно завязана

на системы компьютерного управления. И на стол переговоров в следующий раз нужно положить не фотографии, запечатлевшие пуски баллистических ракет, а дискету с компьютерным вирусом. И при этом деликатно так заметить: «Если будете на нас давить, то у вас сразу все отключится, встанет, прекратит работать, и начнется самый настоящий хаос». И если кто-то скажет, что это негуманно, то могу заметить, что ядерное оружие, например, тоже абсолютно негуманно и куда более разрушительно, чем компьютерный вирус. На вопрос Ельцина о том, сколько это стоит, я ответил: «Двести миллионов рублей». Именно такую цифру называли мне тогда специалисты.

Тогда это предложение показалось фантастикой. А сегодня тайные и явные компьютерные войны давно стали рутиной. А уж про то, как какие-нибудь террористы шантажируют весь мир своими вирусами, даже наснимали кучу голливудских блокбастеров.

Так же и с гравитационным двигателем. Сейчас это может казаться чистой фантастикой и даже завиральной идеей, но с точки зрения физики и математики проблема имеет решение. Она нуждается только в технологическом воплощении.

Сложно? Конечно. Но возможно. И даже сама попытка создать гравитационный транспорт как способ решения наших дорожных проблем докажет всему миру, что мы не дураки, а проблема дорог у нас решена.

И еще пару слов на эту завиральную тему. Мне тут довелось открывать в 2019 году новый кампус совместного российско-китайского университета в Шэньчжэне. И я должен был первокурсникам не только рассказать о том, какой университет у нас замечательный, куда и кем они пойдут работать после обучения и насколько будут востребованы, но и поставить перед ребятами какую-то яркую, пока несбыточную, но интересную задачу. Думал я, думал, и придумал: надо решить проблему телепортации. Между Москвой и Шэньчжэнем восемь с лишним тысяч километров. Ужасно много! Так давайте объединим усилия наших факультетов — математики, физики, химии, новых материалов — и обеспечим каждому студенту возможность мгновенно перенестись из Шэньчжэня в московскую лабораторию, а профессору из Москвы столь же мгновенно оказаться в Китае и, прочтя лекцию, убыть восвояси. «Сейчас над нами будут смеяться и говорить, что нам надо обращаться к психиатрам, — подытожил я, — но поверьте, даже не решение, а попытка решения задачи иногда бывает интереснее и важнее, чем результат. Когда вы станете взрослыми, то поймете, что, когда цель достигнута, она перестает быть интересной, а вот дорога к результату — это и есть смысл жизни». Думаю, что речь должна идти не о физическом перемещении человека, а о перемещении сознания в «запасное» тело в Москве или в Шэньчжэне.

В общем, не удивляйтесь, если на вопрос: «Так над чем вы сейчас работаете? Над новой Конституцией?» — я однажды отвечу, что

занимаюсь проблемой телепортации и разрабатываю гравитационный двигатель.

Меню званого обеда — это страшная сила

Началась история с того, что мне неожиданно пришло известие: я стал лауреатом премии «Десять российских и десять китайских выдающихся деятелей гуманитарного сотрудничества» за 2018 год. Оказывается, уже много лет подряд эксперты двух стран выбирают для награждения самых разных людей, которые, по их мнению, оказали наибольшее влияние на углубление российско-китайского сотрудничества.

Русские выбирают китайцев, соответственно китайцы — русских. Меня китайские эксперты выбрали в десятку лауреатов тайным голосованием из 50 тысяч номинантов. Что само по себе очень приятно. А для меня это признание было особенно важным, поскольку я очень давно занимался «народной дипломатией» с КНР, а с 2012 года вел проект первого совместного Университета «МГУ-ППИ в Шэньчжэне».

Это всё — присказка, а сказ начинается с того, что все лауреаты должны были собраться 5 июня 2019 года в Кремле, чтобы в присутствии лидеров двух стран — Владимира Путина и Си Цзиньпина, у которого был государственный визит в Москву, получить свои награды.

Помимо собственно вручения был запланирован торжественный прием и обед от имени нашего президента в честь высокого китайского гостя. И на этом обеде, как положено во время государственного визита, всем присутствующим выдали такую — с золотым гербом — красивую книжечку под названием «Меню». Сидим все, согласно протоколу, за своими пронумерованными столами — в меню заглядываем, едим, беседуем, головами киваем, улыбаемся, приветствия выслушиваем. Оркестр играет, шампанское пенится, блюда радуют глаз и все остальные чувства. Короче, самый что ни на есть торжественный прием на высочайшем уровне.

Я сижу, наслаждаюсь почетом и атмосферой, а сам вспоминаю, как я в этих самых кремлевских палатах в девяностых не только работал, а еще и спал.

Так незаметно пролетело время, обед благополучно завершился, и всем надо было переместиться в Большой театр, куда должны были приехать Путин и Си Цзиньпин. Они со сцены должны были открыть культурную часть программы, а дальше шел концерт. Причем впервые организаторы ушли от принципа, когда каждая страна выступает по отдельности: в каждом номере они взяли и совместили творчество обоих народов. Сначала было непривычно, а потом стало очень даже интересно.

Но до того как я увидел этот концерт, со мной случился маленький инцидент. Вся публика пошла из Кремля в Большой театр пешком, а я

на тот момент был на костылях после операции. Чувствую — не успею допрыгать через Александровский сад. Решил доехать на машине.

И тут выяснилось, что всё не так просто, как я себе это представлял. Раз государственный визит, значит — особая безопасность. И оказалось, что все вокруг оцеплено — от Государственной думы до «Детского мира», стоянки запрещены, а мне ведь надо куда-то машину поставить. Я по привычке повернул направо к зданию отеля Four Seasons, где раньше располагалась гостиница «Москва» на Охотном Ряду. Шлагбаум был открыт, ну я и проехал. Но тут за мной охранник рванул, чуть ли не стреляет на ходу. Останавливает: «Вы куда?»

Я ему: «Так открыто же! А мне срочно в Большой надо».

Он меня держит: «Нет, вам нельзя. Не положено».

А я ему в окошко это самое меню с тисненым золотом гербом со званого обеда, где про Путина и Си Цзиньпина написано, показываю и говорю: «Нет, мне положено. Если я сейчас не перейду площадь и не попаду в Большой театр, то сорву государственный визит китайского главы к нашему президенту».

Он мне козыряет и говорит: «А чего ж вы сразу так не сказали?»

И пустил меня на стоянку.

С тех пор я это меню вожу с собой, потому что решил, что такая серьезная бумага лучше, чем любой пропуск, будет.

Так я прошел сквозь все оцепления и попал на встречу лидеров по меню со званого обеда.

Про то, как я Новый год указом ввел

Ну и напоследок новогодняя история.

Помню канун 1997 года. Время было сложное. Оказалось столько дел, что мы с помощниками почти до полуночи засиделись на Старой площади. Да и в Кремле не спали: президент, руководитель администрации — все на месте.

В общем, мы решили как-то поздравить, расшевелить коллег. Новый год все-таки вот-вот наступит. Быстро изладили на бланке текст — президентский указ о порядке введения Нового года в стране.

Получилось солидно, страницы на полторы. Что-то вроде того: «Ввести новый 1997 год с нуля часов на всей территории Российской Федерации в соответствии с часовыми поясами. Главам субъектов РФ обеспечить порядок наступления Нового года на своей территории. Правительству РФ принять необходимые меры. Контроль исполнения — за Администрацией Президента РФ».

У нас и лингвисты поработали, и все, кому положено, завизировали, даже номер присвоили и отправили в Кремль в качестве поздравления.

А в президентской канцелярии какая-то дама подняла шум, дескать, почему на бумаге нет визы Чубайса — руководителя администрации? Анатолий Борисович в запале не разобрался и тоже начал «гнать волну». В итоге мне позвонил сам Ельцин с претензиями. Я переждал его накат и тихо так говорю — Борис Николаевич, а вы текст-то читали? Он затих в трубке, прочитал, а потом начал смеяться. Говорит: «А чего же я раньше таких указов не подписывал? Столько лет, понимаешь, Новый год бесконтрольно у нас наступал!»

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ, СФОРМУЛИРОВАННЫХ В САМОИЗОЛЯЦИИ (ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ)

Глава нанизывалась на главу, мой рассказ близился к завершению, я уже прикидывал, как буду встречаться с читателями и что им буду говорить после выхода книги в свет, но тут прилетел «черный лебедь» под названием Covid-19. Начался карантин или самоизоляция. Жизнь в одно мгновение притормозила и почти остановилась. И тут оказалось, что избыток свободного времени, которого никогда не было в моей очень бурной и насыщенной событиями реальности? — надеюсь, что те, кто дочитал до этой страницы, с моей оценкой согласятся, — направил мои мысли в такую довольно-таки философскую сторону. А задумался я, представьте себе, не о чем-нибудь, а о высоком — о смысле этой самой жизни.

Ну, в самом деле: часто ли в привычной беготне наших будней мы спрашиваем себя о том, для чего пришли в этот мир? Только честно? Нет, не часто. Всё как-то времени не хватает. А тут вынужденное «обнуление» (такое неожиданное применение я нашел для этого модного нынче в России словечка) поспособствовало тому, что я взял и набросал несколько строк на эту тему на бумаге. В первую очередь — чтобы четче сформулировать для себя самого все то, что я об этом думаю. Во вторую — чтобы в свое время написанное мной прочли мои внуки и, возможно, воспользовались советами деда.

А потом возникла идея сделать из этого моего небольшого эссе послесловие к книге. А что? Логично. Перед глазами читателя предстала вся моя жизнь. Почему бы ему не прочесть и о том, к чему я пришел сегодня — вслед за бессмертным Данте «земную жизнь пройдя до половины».

Итак, несколько мыслей Сергея Шахрая о смысле жизни, записанных в самоизоляции.

Нас с детства учат идти по ступеням, последовательно решать задачи, получать результаты, достигать цели. Сначала мы должны встать на ноги и начать ходить, потом научиться говорить, потом читать и считать. Дальше — получить образование: окончить школу, институт. Еще чуть позже — определиться с любимым делом, найти хорошую работу. Жениться или выйти замуж. Создать семью. Родить детей.

А что мы чувствуем, взяв очередную высоту, добившись важной цели? Радость? Удовлетворение? Увы.

Всё чаще после очередного достижения нас настигает опустошение. Цель достигнута, силы растрочены. Что дальше — непонятно.

Но всё меняется, если ты воспринимаешь жизнь как морское течение, как долгий процесс движения. Тогда ты постигаешь главное — смысл.

А заключается этот смысл твоей жизни и жизни любого человека в том, чтобы каждое ее мгновение, сам процесс ее движения или течения воспринимался как одно большое и настоящее счастье.

Надо жить так, чтобы этот процесс — течение жизни — был максимально качественным, насыщенным. Надо твердо встать на позицию: если мне хорошо, то будет хорошо и тем, кто рядом со мной. Особенно родным и близким мне людям.

И сразу всплыла моя любимая формула, которая уже звучала в книге: «Цель, результат — ничто, движение — всё».

Важно не то, сколько километров я прошел вдоль моря. А то, что я смог их пройти. А еще то, как я их прошел. С улыбкой и с радостью. Любуясь морем, постигая мир вокруг, впитывая в себя его красоту и величие. И при этом чувствуя себя счастливым и довольным.

Кажется, что это так просто. Но на самом деле это очень и очень трудно. И понимать, насколько это сложно, начинаешь только с возрастом. Мой дорогой и любимый читатель: чем раньше ты это поймешь, тем будет лучше для тебя. Поэтому остановись и прочти эти строки еще раз. Может, благодаря им придет то осознание, которое нам всем так необходимо.

А теперь шагаем дальше.

Если в течение жизни сама по себе цель есть НИЧТО, то и поражение, и неудача — тоже НИЧТО! Это не главное. Это просто мгновение, небольшой эпизод, который обязательно пройдет.

Прошрое нам необходимо только для изучения и анализа, потому что ничего уже нельзя изменить. Будущее неизвестно. Быть заложником этой неизвестности, как минимум, неразумно. Планировать, конечно, надо. Но слепо следовать плану — нет. Главное то, что происходит здесь

и сейчас. Поэтому каждый момент жизни надо ценить и проживать, проживать «качественно».

И помните: смысл жизни заключен в самой жизни как в движении мощного морского течения. Поэтому жизнь надо воспринимать именно так: как процесс. Не делайте из нее бег с препятствиями, не превращайте ее в череду целей и высот. Помните, что они не имеют значения.

Просто живите!

ФОТОГРАФИИ

ВНЕ ПОЛИТИКИ

Как же редко мы сегодня заглядываем в старые альбомы с фотографиями. А зря. Есть в этих старых, выцветших, помятых фотокарточках особое обаяние. Проводишь по ним рукой — и чувствуешь, что буквально прикасаешься к другому времени. Именно это я ощутил, когда взялся подбирать фото к своим мемуарам. Вроде знаешь, что именно ищешь, а застреваешь на каждом снимке — и вспоминаешь такие подробности, которые, казалось бы, давно должны были уйти из памяти. Нет, не уходят...

...Первое фото — станица Солдатская, мне 4 года. Таким я себя хорошо помню. Все, что на мне надето, сшила мама на своем «зингере». До 10-го класса у меня не было ни одной покупной вещи

Наверное, у каждого из моих ровесников есть такие «парадные» фото родителей. Вот и мои, похоже, всерьез готовились к съемке. Отец, Михаил Александрович, еще не демобилизовался, в военной форме. Мама, Зоя Александровна, в пальто с каракулевым воротником и каракулевой же шляпке по моде тех лет

На нижнем фото мама уже постарше, но все равно очень красивая. Слева — мой старший брат Саша. Ну и я справа, кажется, узнаваем

Отец при полном параде. Прошедший всю войну летчик, он, как мне кажется, надевал свои боевые награды только в День Победы

В те годы студенческие свадьбы никого не удивляли

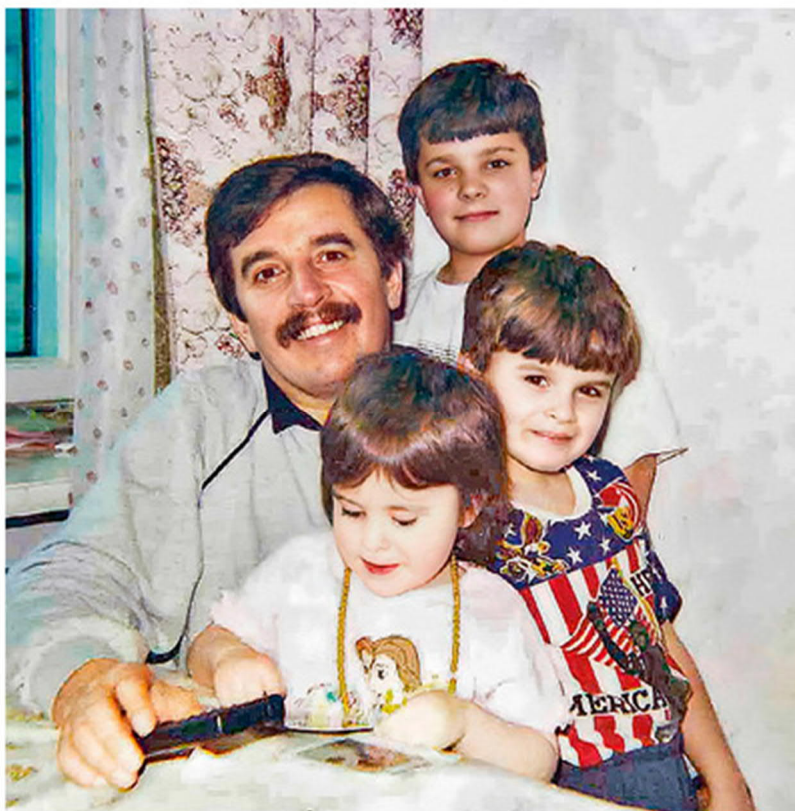

А это мои главные «конституционные» ценности. Старший — мой тезка, средний — Миша, в честь деда, и младшая — Маша

Дети еще не были школьниками, когда я дорос до вице-премьера. Но время на них находил всегда. Не потому что надо, а потому что хотелось

Сережа, наш старший, родился в 1986 году, Миша — в 1989-м, а Маша — в 1994-м. Разница в возрасте нисколько не мешала их дружбе

К рыбалке сыновей я приучил рано. Им нравилось. Я любил наблюдать, какой восторг вызывает у них каждая пойманная рыбешка. А уж если удавалось наловить ведро — счастье было полным

Сережа с самой большой своей добычей

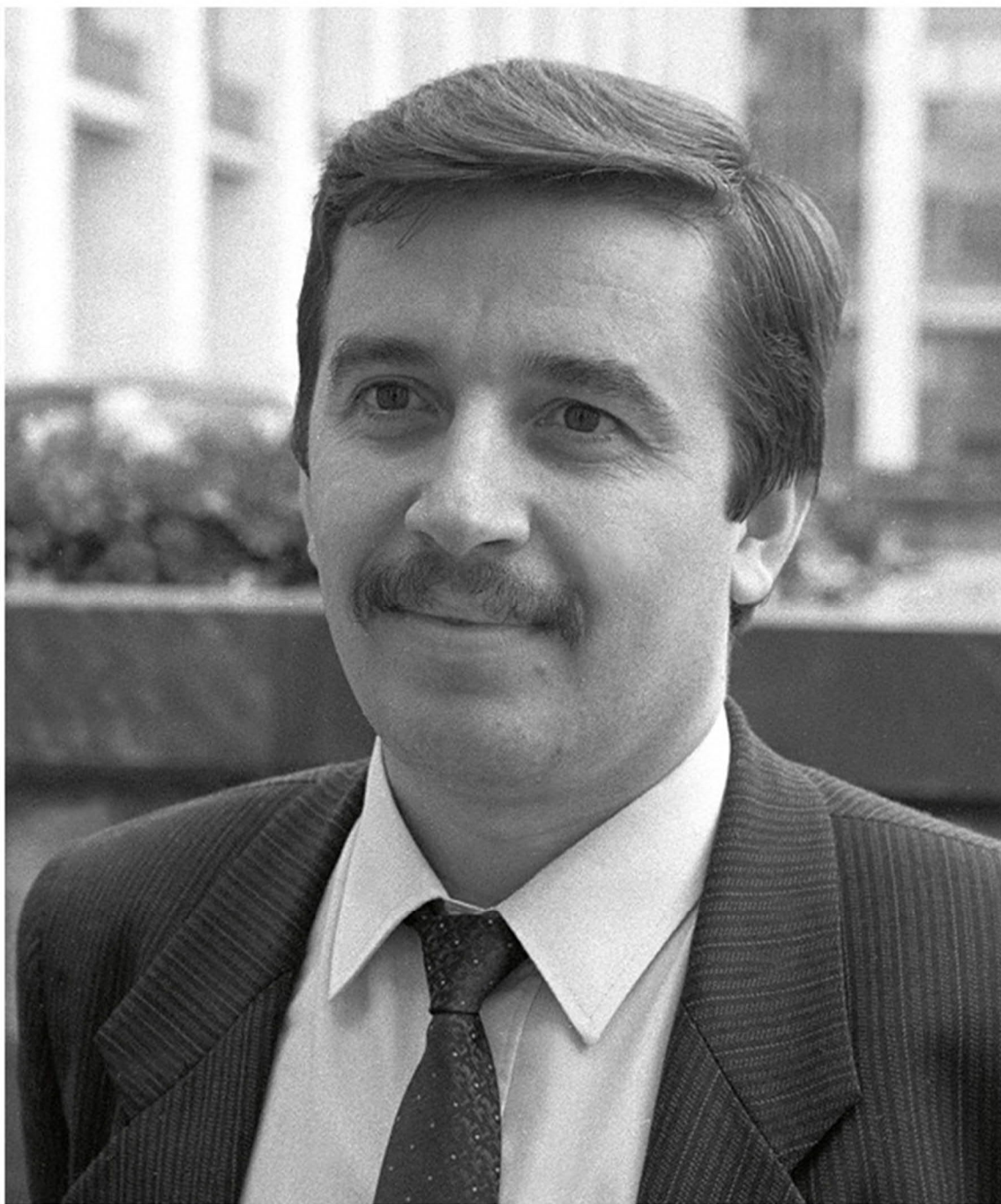

Смотрю на эту фотографию и будто вдыхаю холодный осенний воздух — запах мокрых листьев, хвои, грибов... И даже чувствую усталость от протопанных по лесу километров

В ПОЛИТИКЕ

(1990–1993)

Рабочие фотографии я храню отдельно от семейных — в основном в папках. Нет времени разложить их по альбомам. Что-то сделано любительской камерой, что-то снимали фоторепортеры... Спасибо этой книге — у меня наконец дошли руки заняться своим рабочим фотоархивом. Отобрал те фото, где чувствуется атмосфера и нерв времени.

...1990-й год. Первые в моей жизни выборы и мандат народного депутата РСФСР. Настоящая политика в стране только начинается

После провала ГКЧП мы оказались в новой стране: политическая жизнь бурлила. В самом начале сентября 1991-го собрался V (внеочередной) съезд народных депутатов СССР. Это была попытка осмыслить происходящее — прежде всего, процесс распада СССР, который после путча явно ускорился. Вопросов было много — ответов меньше.

На фото: пресс-конференция в дни съезда. Слева направо: я, тогда член Госсовета РСФСР, председатель Комитета конституционного надзора СССР Сергей Алексеев, руководитель пресс-центра Верховного Совета СССР Аркадий Масленников, мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак

Съезды народных депутатов — союзные и республиканские — в то горячее время шли один за другим. Верхнее фото: рабочий момент IV съезда народных депутатов РСФСР в мае 1991 года. Нижнее фото: выступаю с трибуны V (внеочередного) съезда народных депутатов РСФСР уже после путча — в октябре 1991 года

7 декабря 1991 года. Российская делегация во главе с президентом Борисом Ельциным с официальным визитом в Минске. В этот момент еще никто не знает, что через день в истории СССР будет поставлена точка и на его месте возникнет Содружество Независимых Государств. На фото: по правую руку от президента Бориса Ельцина — госсекретарь РФ Геннадий Бурбулис, я как член Комитета по законодательству Верховного Совета России, министр иностранных дел РФ Андрей Козырев, помощник президента Анатолий Корабельщиков; по левую руку — вице-премьер Егор Гайдар, первый помощник президента Виктор Илюшин

35

М. Горбачеву

демократическое
содружество

Корабельщиков как докладчик
открытого для прессы заседания
о создании Содруества Независимых Государств,
уездного Республик Беларусь, Российской
Федерацией, Украиной, ~~и Казахской~~ Казахской ССР.
8-9 декабря в г. Минске.

О «смерти» СССР лидеры России, Украины и Белоруссии уведомили президента Союза Михаила Горбачева телеграммой

После распада СССР отношения между бывшими советскими республиками надо было выстраивать заново. Это было трудным делом. Одна из таких попыток — встреча глав государств СНГ в Минске в начале 1992 года. Я — по левую руку от президента Ельцина. Рядом со мной — министр иностранных дел РФ Андрей Козырев. На заднем плане — председатель Государственного Комитета РФ по экономическому сотрудничеству с государствами — членами СНГ Владимир Машиц и министр обороны РФ Павел Грачёв

Политика в те годы вершилась не за закрытыми дверями. На вопросы журналистов было принято отвечать — а они всегда были острыми. На этом фото меня «пытает» журналист Радио Свобода Михаил Соколов

VI съезд народных депутатов России в апреле 1992 года. Именно на этом съезде произошли первые острые стычки между депутатами и правительством — прежде всего по экономическим реформам и проекту новой Конституции. Мог ли я промолчать?

Моменты того же VI съезда: мы с заместителем начальника
Государственно-правового управления Александром Котенковым

Моменты того же VI съезда: с заместителем начальника Государственно-
правового управления президента Русланом Ореховым

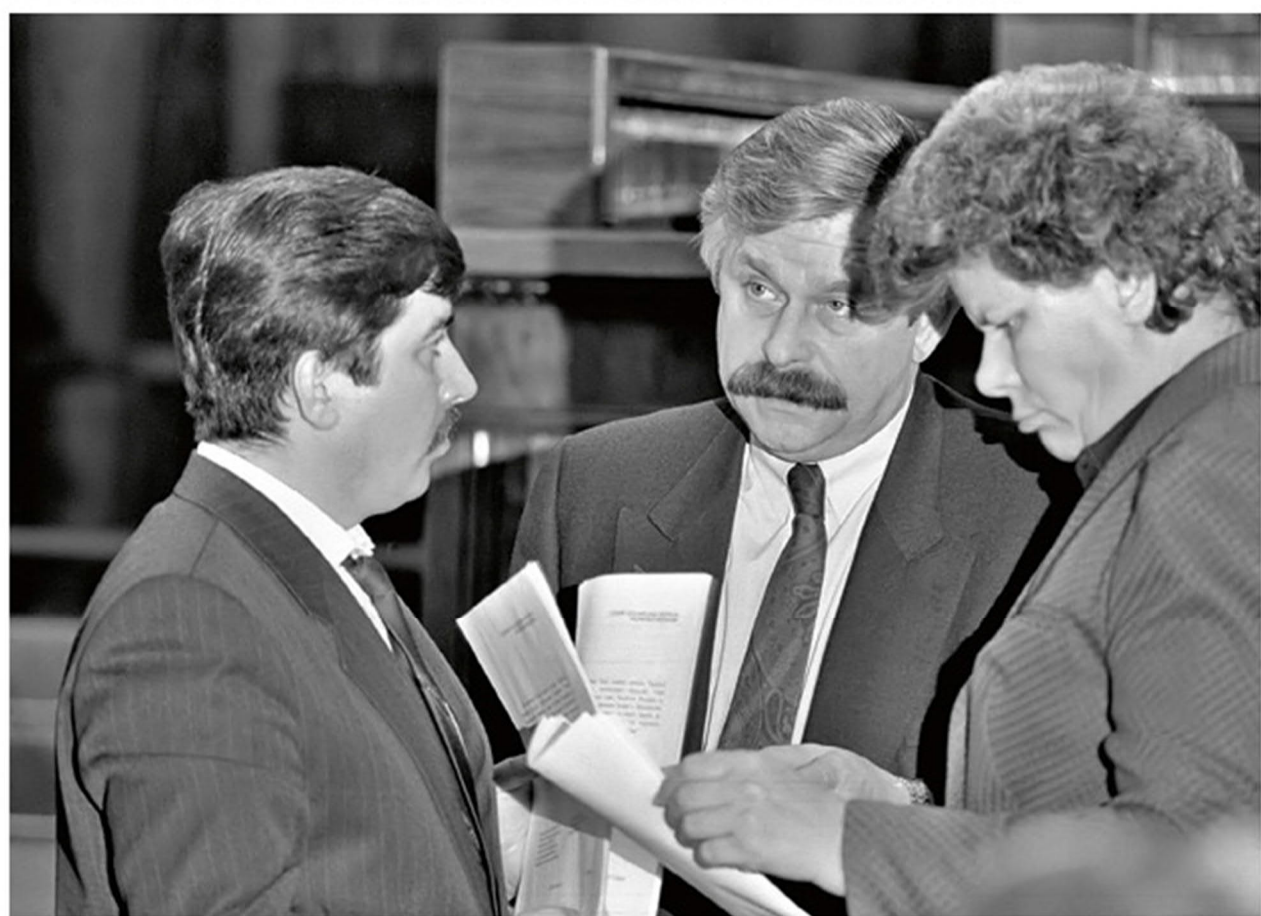
... и с государственным советником президента РФ по политическим вопросам Сергеем Станкевичем

Конституционный суд России в то время был важнейшим правовым институтом и местом, где решались самые важные для страны вопросы. Мне приходилось проводить на его заседаниях много времени. На нижнем фото: рядом со мной госсекретарь РФ Геннадий Бурбулис и заместитель министра печати Михаил Федотов

«Дело КПСС» в Конституционном суде рассматривалось на протяжении нескольких месяцев 1992 года. Решение было вынесено только в ноябре. Я и мои коллеги представляли сторону президента. На нижнем снимке: корреспондент «Правды» Борис Славин просит прокомментировать позицию президента

Во время «процесса над КПСС» вице-президент Александр Руцкой был еще на президентской стороне

Мы с членом Президентского совета Гавриилом Поповым в Кремле в 1992 году

С Виктором Черномырдиным, который стал премьером на VII съезде народных депутатов РФ в декабре 92-го, нас всегда связывали очень уважительные отношения

Ну а сам VII съезд был острейшим. На фото: пресс-конференция в ходе съезда. Слева направо: министр иностранных дел РФ Андрей Козырев, руководитель группы советников президента РФ Геннадий Бурбулис, помощник Бурбулиса Вячеслав Недошивин и я

Эпизоды того же VII съезда. На верхнем фото: голосую за поправки в еще советскую российскую Конституцию. На нижнем: полемика с депутатом Николаем Павловым

Подготовка к процессу в Конституционном суде по «делу КПСС» на госдаче в Архангельском. Этих фотографий у меня не было. Увидел их недавно в Фейсбуке Евгения Кондакова, в то время фотокорреспондента «Московских новостей». На верхнем фото: кроме меня, юристы по профессии и призванию Андрей Макаров, Александр Котенков и культуролог в должности заместителя министра иностранных дел Федор Шелов-Коведяев. На нижнем: та же компания, но уже с Михаилом Федотовым (в центре)

Конституционное совещание 1993 года. Новая Конституция обсуждалась долго, тщательно и на самом высоком уровне — с участием президента Бориса Ельцина и премьер-министра Виктора Черномырдина

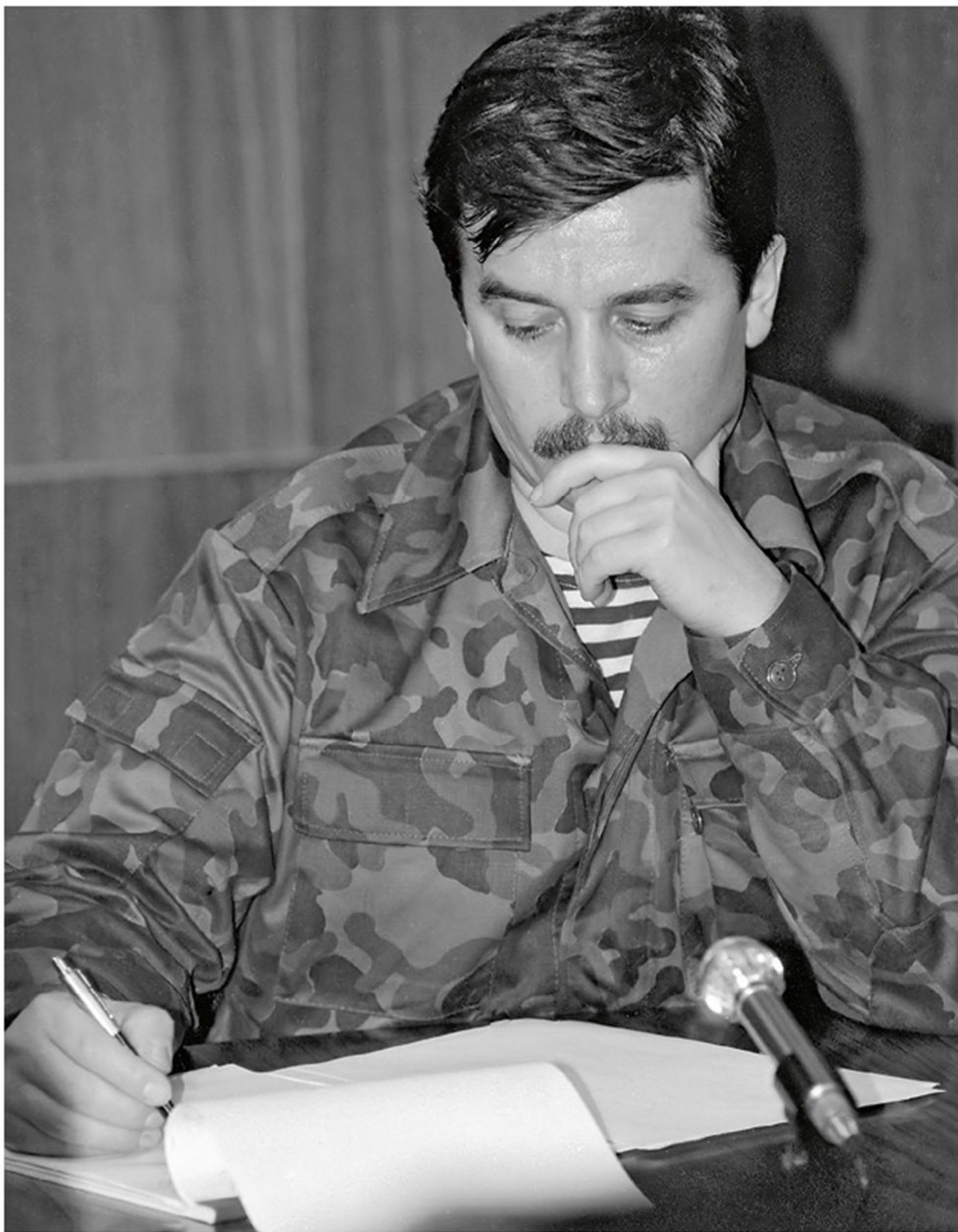

1993 год. Вице-премьером я стал в 35 лет. Мальчишка на фоне такого матерого политика, как Эдуард Шеварднадзе. На фото: мы с председателем Совета национальностей Верховного Совета Рамазаном Абдулатиповым с официальным визитом в Грузии

С генеральным прокурором РФ Валентином Степанковым мы хорошо понимали друг друга, так как говорили на одном — юридическом — языке

Вице-премьеру в те годы приходилось надевать не только пиджак и галстук, но и камуфляжную форму. А куда деваться, если занимаешься урегулированием осетино-ингушского конфликта вокруг Пригородного

района и живешь в казарме во Владикавказе или в штабном вагоне в Назрани

В ПОЛИТИКЕ

(1994–2000)

1994 год был очень тяжелым. Продолжались экономические реформы, шли забастовки, «левая» Государственная дума конфликтовала с президентом. К тому же началась война в Чечне... Но я был молод и искренне верил, что страна быстро справится со всеми проблемами. Многие тогда жили верой в скорые перемены к лучшему. Наверное, это было наивно, но придавало силы

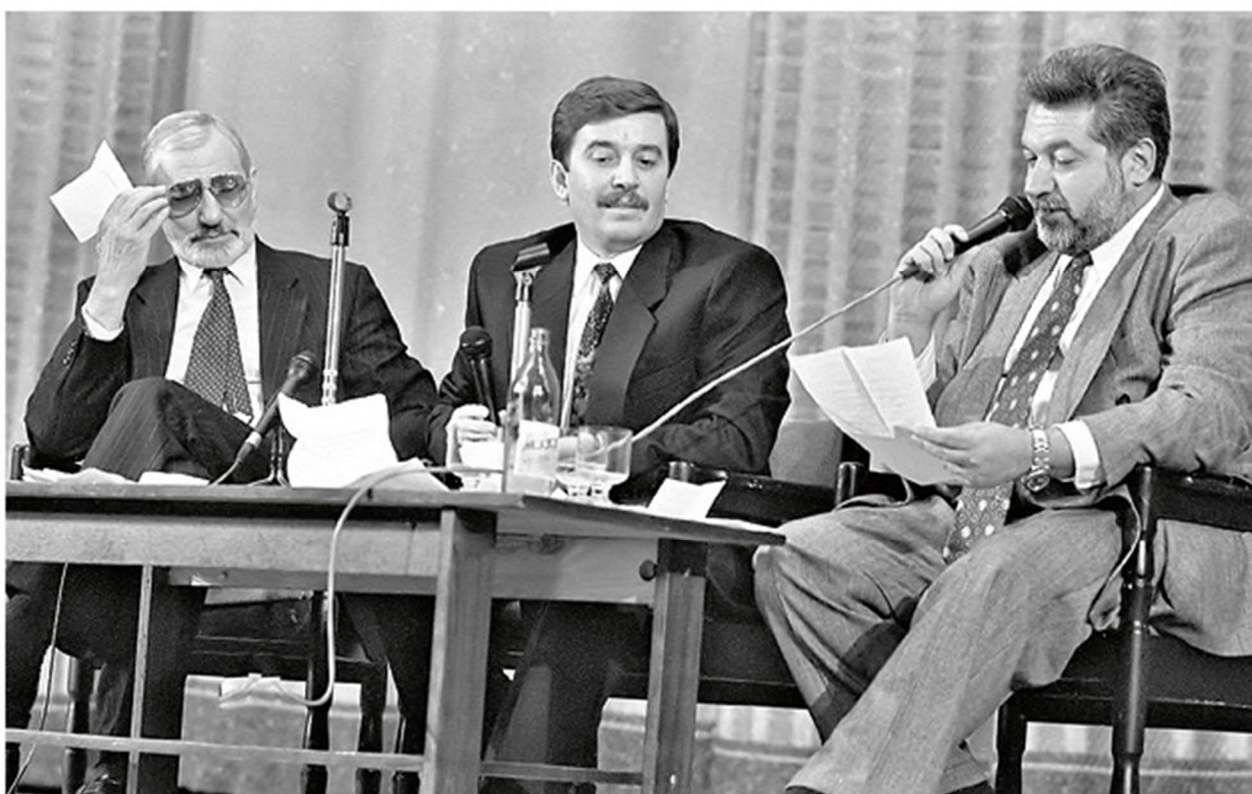
С президентом Ельциным мы встречались довольно часто. 1994 год: я уже не только вице-премьер, но и лидер Партии российского единства и согласия

Встреча в Кремле Президента Б.Н. Ельцина с фракцией Партии
российского единства и согласия в Государственной думе

На работе: в кулуарах Государственной Думы с журналистом
Александром Невзоровым

В свободное время: в Доме кино с режиссерами Виктором Мережко и Юлием Гусманом

Взаимоотношения с регионами в 1994–1995 годах были «горячими». На встречах с лидерами республик и областей обсуждались самые острые темы. Как, например, на этой встрече президента с главами российских областей; по левую руку от президента Ельцина — глава его администрации Сергей Филатов

«Чеченская проблема» до конца 90-х оставалась нерешенной. Тяжелый разговор в здании Правительства на Краснопресненской набережной с делегацией старейшин Чеченской Республики в 1995 году

А на этом любительском фото — мы с Татьяной Дьяченко (теперь Юмашевой) и Анатолием Чубайсом на заседании аналитической группы ельцинского избирательного штаба. 1996 год

А это мы с членом аналитической группы Георгием Сатаровым в нашем штабе, который находился в Президент-отеле. Автор фото — дочь президента Бориса Ельцина Татьяна

Открываю II съезд Партии единства и согласия. Сентябрь 1995 года

ПОСЛЕ ПОЛИТИКИ

В 2000-м я формально ушел из большой политики на «бюрократическую» работу — в Счетную палату. Но тихой гаванью она не стала. Как, впрочем, и все остальные места моей работы с самого первого до нынешнего. То ли судьба такая, то ли я такой... Скучно это: работать без интереса, без драйва, без крутых перемен...

Председатель Счетной палаты, мой старый товарищ Сергей Степашин вручает мне орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени. 2008 год

Высшая школа (факультет) государственного аудита МГУ — мое детище. Какая же это была радость — получить ключи от нового здания, построенного специально для нашей школы и юридического факультета

Бадминтон для меня стал не только увлечением, но и интереснейшей общественной работой в качестве президента Национальной федерации бадминтона России, консула Всемирной федерации бадминтона. На нижнем фото: я с президентом Всемирной федерации бадминтона Поулем-Эриком Хейером Ларсеном

Когда я работал в Счетной палате, в Думе приходилось бывать часто

2012 год. Мое рабочее место в Счетной палате. Волан напоминает о том, что есть и обязанности на ниве спорта

Получаю очередную награду — Почетный знак Министерства спорта «За заслуги в развитии физической культуры и спорта».

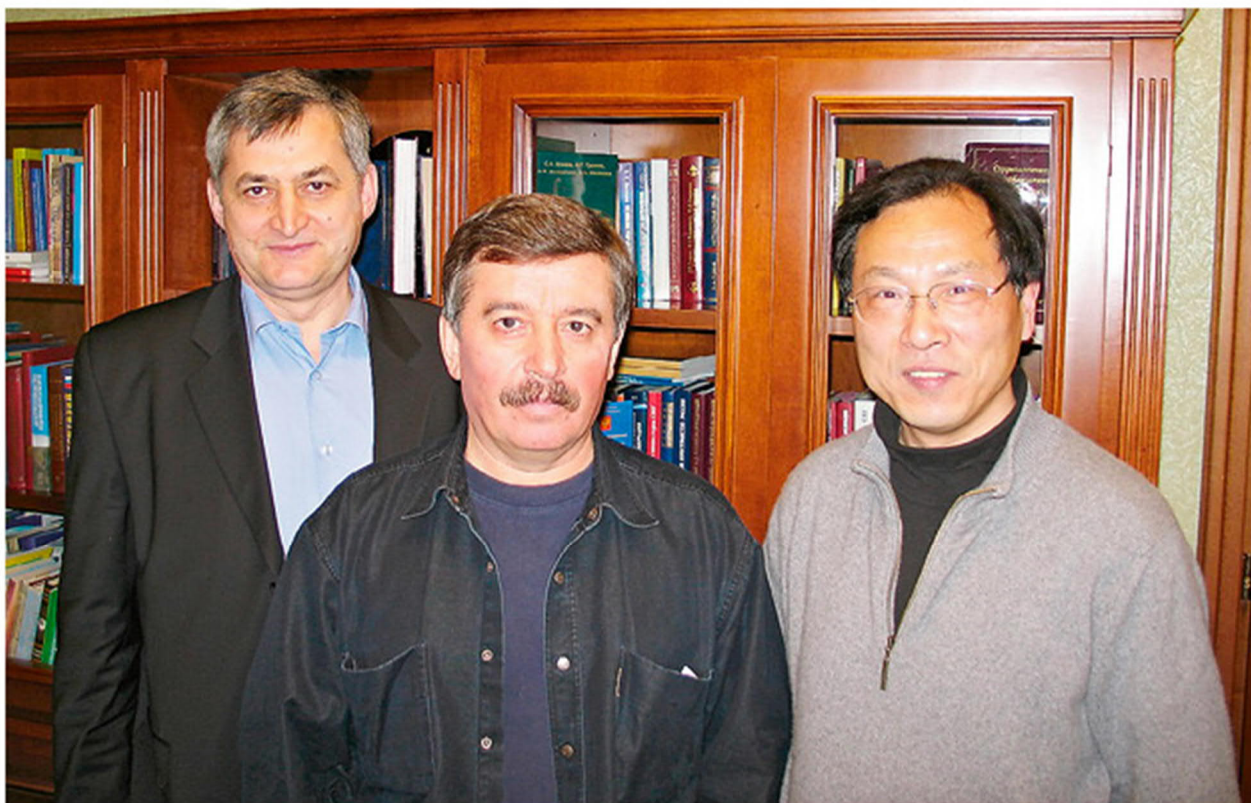
На фото: с председателем Попечительского совета Российского футбольного союза Виталием Мутко и вице-премьером Дмитрием Козаком, август 2013-го

2012 год. На заседании Совета по развитию физической культуры и спорта при президенте РФ, которым тогда был Дмитрий Медведев. Слева направо: вице-премьер Александр Хлопонин, член Совета Федерации Федерального Собрания РФ Вячеслав Фетисов и я, президент Национальной федерации бадминтона России

Говорим о российской Конституции в день ее 20-летия на пресс-конференции вместе с известными российскими юристами Михаилом Кротовым и Жанной Овсепян

Идея российско-китайского университета возникла у меня еще в 2013 году, во время встречи со старым другом — выпускником юридического факультета МГУ профессором Фуданьского университета Ян Синьюем. На фото: мы с Ян Синьюем и профессор МГУ, наш коллега и друг Алик Хабибулин

От мечты до ее воплощения прошло несколько лет. И вот — подписание в 2014 году трехстороннего соглашения о создании совместного

университета с мэром города Шэньчжэнь Сюй Цинем и ректором Пекинского политехнического института академиком Ху Хайянем

Ну а игрок я азартный — и на бильярде тоже

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Златопольский Давид Львович (1919–2002) — советский и российский юрист, специалист по советскому государственному праву и проблемам суверенитета; доктор юридических наук (1963), профессор юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (1964). Заслуженный деятель науки РСФСР (1979), заслуженный профессор Московского университета (1996).

2. Суворов Александр Васильевич (1730–1800) — великий русский полководец, не проигравший ни одной битвы, основоположник русской военной теории.

3. Лубенченко Константин Дмитриевич (р. 1945) — юрист, советский и российский государственный деятель, народный депутат СССР (1989–1992), с 1990 г. — заместитель председателя Комитета Верховного Совета СССР по законодательству, с 1991 г. — член Комитета Верховного Совета СССР по законодательству и правопорядку, последний председатель Совета Союза Верховного Совета СССР (1991–1992).

4. Бурбулис Геннадий Эдуардович (р. 1945) — советский и российский государственный и политический деятель. Государственный секретарь и первый заместитель Председателя Правительства России (1991–1992). Депутат Государственной думы РФ (1993–1999). Вице-губернатор Новгородской области (2000–2001), член Совета Федерации (2001–2007).

5. Исаков Владимир Борисович (р. 1950) — советский и российский правовед. Народный депутат России (1990–1993). Председатель Совета республики Верховного Совета РСФСР, депутат Государственной думы Федерального собрания РФ I созыва.

6. Филатов Сергей Александрович (р. 1936) — российский государственный, политический и общественный деятель. Народный депутат России (1990–1993), первый заместитель Председателя Верховного Совета РФ (1991–1993), руководитель Администрации Президента РФ (1993–1996).

7. Травкин Николай Ильич (р. 1946) — российский политический деятель. Член Координационного совета Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР (1989–1991), создатель Демократической партии России (1990), народный депутат России (1990–1993), один из учредителей Гражданского союза (1992–1993), депутат Государственной думы Федерального собрания РФ I–III созывов (1993–2003).

8. Руцкой Александр Владимирович (р. 1947) — советский и российский государственный и политический деятель, Герой Советского Союза (1988), генерал-майор авиации (1991) в отставке, доктор экономических наук, профессор. Народный депутат РСФСР, член Совета национальностей Верховного Совета РСФСР, член Президиума Верховного Совета РСФСР (1990–1991), вице-президент РФ (1991–1993).

9. Лахова Екатерина Филипповна (р. 1948) — российский политический и государственный деятель. Народный депутат России (1990–1993), депутат Государственной думы Федерального собрания РФ I–VI созывов, Председатель Союза женщин России.

10. Ковалёв Сергей Адамович (1930–2021) — советский диссидент, участник правозащитного движения в СССР и постсоветской России, российский политический и общественный деятель. Народный депутат

России (1990–1993), депутат Государственной думы Федерального собрания РФ (1993–2003). Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (1994–1995).

11. Аслаханов Асламбек Ахмедович (р. 1942) — российский политик, народный депутат России (1990–1993), депутат Государственной думы Федерального собрания РФ (2000–2003), советник президента России по проблемам Северо-Кавказского региона (2004–2008). Член Совета Федерации Федерального собрания РФ (2008–2012).

12. Степашин Сергей Вадимович (р. 1952) — российский государственный и политический деятель. Народный депутат России (1990–1993), член президиума Верховного Совета России (1991–1993), директор Федеральной службы контрразведки (ФСК) РФ (1994–1995). Первый директор Федеральной службы безопасности (ФСБ) РФ (1995). Министр юстиции РФ (1997–1998). Министр внутренних дел РФ (1998–1999). Председатель Правительства РФ (с мая по август 1999 г.). Председатель Счетной палаты РФ (2000–2013).

13. Волкогонов Дмитрий Антонович (1928–1995) — советский и российский историк, философ, политолог и политик. Народный депутат России (1990–1993), советник президента РФ (1991–1994).

14. Хасбулатов Руслан Имранович (р. 1942) — российский политический деятель, ученый и публицист, член-корреспондент РАН (1991), первый заместитель председателя (1990–1991), затем — председатель (1991–1993) Верховного Совета РФ. Основной оппонент и активный участник российского конституционного кризиса до октября 1993 г. С 1994 г. — заведующий кафедрой мировой экономики Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

15. Алексеев Сергей Сергеевич (1924–2013) — советский и российский ученый-правовед, председатель Комитета конституционного надзора СССР, народный депутат СССР (1989–1991), доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР (1987), член-корреспондент РАН (1991).

16. Лукьянов Анатолий Иванович (1930–2019) — советский партийный и государственный деятель, российский политик. Секретарь ЦК КПСС (1987–1988), кандидат в члены политбюро ЦК КПСС (1988–1990). Последний Председатель Верховного Совета СССР (март 1990 — сентябрь 1991). Участник ГКЧП. Депутат Государственной думы Федерального собрания РФ от КПРФ (1993–2003).

17. Челноков Михаил Борисович (р. 1938) — народный депутат России (1990–1993). Награжден медалью «Защитнику свободной России» за активное участие в подавлении путча августа 1991 г. Кандидат технических наук, доцент кафедры физики МГТУ им. Баумана, член-корреспондент Российской академии естественных наук.

18. Пономарёв Лев Александрович (р. 1941) — советский и российский политический и общественный деятель, правозащитник. Доктор физико-

математических наук (1983). Народный депутат России (1990–1993). Депутат Государственной думы I созыва (1994–1995).

19. Якунин Глеб Павлович (1934–2014) — советский и российский религиозный, общественный и политический деятель, диссидент, член Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, политический деятель, народный депутат России, член Совета национальностей Верховного Совета РСФСР (1990–1993), Государственной думы I созыва (с 1993 по 1995 г.).

20. Грызлов Борис Вячеславович (р. 1950) — российский государственный и политический деятель. Министр внутренних дел РФ (2001–2003). Председатель Государственной думы Федерального собрания РФ (2003–2011).

21. Зюганов Геннадий Андреевич (р. 1944) — советский и российский политический деятель, председатель Совета Союза компартий — КПСС (с 2001), председатель Центрального комитета Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) (с 1995), председатель Центрального исполнительного комитета КПРФ (1993–1995). Депутат Государственной думы Федерального собрания всех созывов (с 1993).

22. Шохин Александр Николаевич (р. 1951) — российский государственный, политический и общественный деятель. Министр труда, министр труда и занятости населения РСФСР/РФ (1991–1992), вице-премьер правительства РФ (1992–1994), министр экономики РФ (1994), депутат Государственной думы Федерального собрания РФ (1993–2002).

23. Абдулатипов Рамазан Гаджимурадович (р. 1946) — российский государственный и политический деятель, дипломат. Председатель Совета национальностей Верховного Совета России (1990–1993). Член Совета Федерации Федерального собрания РФ (1993–1996) Первый заместитель министра РФ по делам национальностей и региональной политике (1994).

24. Калмыков Юрий Хамзатович (1934–1997) — российский политический деятель, министр юстиции РФ (1993–1994), юрист-цивилист, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и заслуженный юрист РФ.

25. Прусак Михаил Михайлович (р. 1960) — российский политик, глава администрации Новгородской области (1991–1995), губернатор Новгородской области (1996–2007).

26. Меликьян Георгий Аркадьевич (р. 1947) — российский экономист, государственный деятель, депутат Государственной думы Федерального собрания РФ (1993–1995), член консультативного совета Банка России.

27. Котенков Александр Алексеевич (р. 1952) — российский политик, в 1990 г. избран народным депутатом РСФСР, с апреля 1992 г. по декабрь 1993 г. возглавлял Государственно-правовое управление Президента

Российской Федерации. С 1994 по 1996 г. — заместитель министра по делам национальностей и региональной политики Российской Федерации; 1996–2004 гг. — полномочный представитель Президента Российской Федерации в Государственной думе Федерального собрания РФ; 2004–2013 гг. — полномочный представитель Президента Российской Федерации в Совете Федерации Федерального собрания РФ.

28. Макашов Альберт Михайлович (р. 1938) — советский и российский военачальник, генерал-полковник (1989), политик национал-патриотических взглядов. Кандидат в Президенты РСФСР (1991), сторонник оппозиционного вице-президента А.В. Руцкого (сентябрь–октябрь 1993 г.).

29. Полторанин Михаил Никифорович (р. 1939) — советский и российский журналист и политический деятель, народный депутат СССР (1989–1990). Первый министр печати и информации РСФСР/РФ (1990–1992).

30. Фёдоров Борис Григорьевич (1958–2008) — российский государственный и политический деятель, доктор экономических наук. Министр финансов России (1990–1994), вице-премьер Правительства России (1992–1994), депутат Государственной думы Федерального собрания РФ (1995–1998), руководитель Госналогслужбы (май–сентябрь 1998).

31. Никонов Вячеслав Алексеевич (р. 1956) — советский и российский историк, писатель, политолог, государственный и политический деятель, депутат Государственной думы VI и VII созывов от «Единой России», председатель Комитета Государственной думы Федерального собрания РФ по образованию и науке. Доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ.

32. Кудрявцев Владимир Николаевич (1923–2007) — советский и российский ученый-правовед, специалист в области криминологии и уголовного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР (1973), академик АН СССР (1984), академик РАН (1991), вице-президент Академии наук (1988–2001), народный депутат СССР.

33. Керимов Джангир Али Аббас-оглы (1923–2015) — советский и российский-правовед, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР и РАН, академик Академии наук Азербайджана, лауреат Государственной премии Азербайджанской ССР (1981), главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, член Отделения общественных наук РАН.

34. Топорнин Борис Николаевич (1929–2005) — советский и российский правовед, специалист в области конституционного права и государственного управления, общественный деятель. Доктор юридических наук, профессор, академик РАН (1991). Заслуженный юрист РФ (1994).

35. Кутафин Олег Емельянович (1937–2008) — советский и российский ученый-правовед, специалист в области конституционного права, академик РАН (2003).

36. Барабашев Георгий Васильевич (1929–1993) — советский и российский юрист, специалист по местному самоуправлению в СССР и РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (1970–1993).

37. Шеремет Константин Филиппович (1923–2001) — советский и российский юрист, доктор юридических наук, профессор юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Заслуженный деятель науки РСФСР. Преподавал в Московском юридическом институте, затем на юридическом факультете МГУ (1953–1968), работал в Институте государства и права АН СССР (позже — РАН) (1968–2001). Главный редактор ключевого юридического журнала «Советское государство и право».

38. Колюшин Евгений Иванович (р. 1947) — советский и российский юрист, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, член Центральной избирательной комиссии РФ от КПРФ (с 1994). В 1987–1991 гг. — старший научный консультант, старший референт группы научных консультантов при Президиуме Верховного Совета СССР, заведующий отделом по вопросам законодательства и правопорядка Секретариата Верховного Совета СССР.

39. Туманов Владимир Александрович (1926–2011) — советский и российский юрист, Председатель Конституционного суда Российской Федерации (1995–1997). Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РСФСР (1987).

40. Фёдоров Николай Васильевич (р. 1958) — советский и российский государственный и политический деятель. Доктор экономических и кандидат юридических наук. Первый заместитель Председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ (с 2015); член Совета Федерации (2010–2012, с 2015). Президент Чувашской Республики (1993–2010), министр сельского хозяйства РФ (2012–2015), советник президента Российской Федерации (2015).

41. Хаджиев Саламбек Наибович (1941–2018) — советский и российский нефтехимик, политик, академик РАН (2008), член-корреспондент РАН (1991), член-корреспондент АН СССР (1990). Министр химической и нефтехимической промышленности СССР (1991). Председатель правительства национального возрождения Чечни (1995). Председатель Государственного комитета РФ по промышленной политике (1995–1996). С 1996 г. работал в Институте нефтехимического синтеза имени А.В. Топчиева РАН заведующим лабораторией, с 2008 г. — директором.

42. Собчак Анатолий Александрович (1937–2000) — советский и российский ученый-правовед, доктор юридических наук (1982),

политический деятель, народный депутат СССР (1989–1991), первый и единственный мэр Санкт-Петербурга (1991–1996).

43. Попов Гавриил Харитонович (р. 1936) — советский экономист и российский политик. Один из видных лидеров демократического движения в СССР и России в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Председатель Московского городского Совета народных депутатов (1990–1991), первый мэр Москвы (1991–1992). С 26 сентября 2011 г. — советник мэра Москвы С.С. Собянина.

44. Хохлов Станислав Антонович (1941–1996) — юрист, кандидат юридических наук (1970), заслуженный юрист РФ (1994); директор Исследовательского центра частного права при Президенте РФ (1992–1996), ректор Российской школы частного права (1995–1996).

45. Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — граф (1839), русский общественный и государственный деятель, реформатор, законодворец, основоположник теоретического правоведения в России.

46. Шейнис Виктор Леонидович (р. 1931) — советский и российский политический деятель, экономист, политолог, член Политического комитета партии «Яблоко». В 1993–1994 гг. — заместитель председателя Комиссии законодательных предположений при Президенте Российской Федерации.

47. Солженицын Александр Исаевич (1918–2008) — русский писатель, общественный и политический деятель, жил и работал в СССР, Швейцарии, США и России. Был лишен гражданства СССР в 1974 г. В 1990 г. гражданство было восстановлено указом М.С. Горбачёва.

48. Войнович Владимир Николаевич (1932–2018) — русский прозаик, поэт и драматург. Лишен гражданства СССР в 1981 г., восстановлен в гражданстве в августе 1990 г. указом М.С. Горбачёва.

49. Знаменитая артистическая пара — оперная певица Галина Павловна Вишневецкая (1926–2012) и виолончелист, композитор и дирижер Мстислав Леопольдович Ростропович (1927–2007) в 1978 г. решением Президиума Верховного Совета СССР были лишены советского гражданства. В 1990 г. гражданство было восстановлено.

50. Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) — революционер-большевик, советский военный, государственный и партийный деятель, участник Гражданской войны, один из первых Маршалов Советского Союза (1935), «рекордсмен» среди партийных деятелей по срокам работы в высших органах ЦК КПСС (почти 35 лет).

51. Сосковец Олег Николаевич (р. 1949) — советский, казахстанский и российский государственный деятель. Народный депутат СССР. На момент описываемых событий — первый заместитель Председателя Совета министров — Правительства РФ.

52. Мухаметшин Фарид Хайруллович (р. 1947) — российский государственный и политический деятель. Председатель Верховного

Совета Республики Татарстан (1991–1995). Премьер-министр Республики Татарстан (1995–1998). Председатель Государственного Совета Республики Татарстан с 27 мая 1998 г.

53. Шаймиев Минтимер Шарипович (р. 1937) — советский и российский государственный и политический деятель. Первый Президент Татарстана (1991–2010). Государственный советник Татарстана с 26 апреля 2010 г.

54. Зорькин Валерий Дмитриевич (р. 1943) — советский и российский судья, юрист. Председатель Конституционного суда Российской Федерации (1991–1993 и с 21 марта 2003 г.). Доктор юридических наук (1978), профессор (1979). Заслуженный юрист РФ (2000).

55. Полозков Иван Кузьмич (р. 1935) — советский политический и государственный деятель. Народный депутат СССР (1989–1991), народный депутат РФ (1990–1993).

56. Шушкевич Станислав Станиславович (р. 1934) — советский и белорусский партийный, государственный и политический деятель, Председатель Верховного Совета Республики Беларусь (1991–1994). Один из участников, подписавших Беловежские соглашения в 1991 г.

57. Кравчук Леонид Макарович (р. 1934) — советский и украинский партийный, государственный и политический деятель, первый президент Украины (1991–1994). Один из участников, подписавших Беловежские соглашения в 1991 г.

58. Назарбаев Нурсултан Абишевич (р. 1940) — советский и казахстанский государственный и политический деятель. Первый президент Республики Казахстан (1990–2019).

59. Силаев Иван Степанович (р. 1930) — российский государственный деятель, дипломат. Председатель Совета министров РСФСР (1990–1991). С 24 августа по 26 декабря 1991 г. — руководитель Комитета по оперативному управлению народным хозяйством и председатель Межреспубликанского экономического комитета СССР, заменивших после событий 19–21 августа 1991 г. Кабинет министров СССР, и, таким образом, фактически последний глава правительства СССР.

60. Козырев Андрей Владимирович (р. 1951) — российский государственный и политический деятель, первый министр иностранных дел РФ (1990–1996). Депутат Государственной думы I и II созывов. После ухода с государственных постов — бизнесмен, проживает в США.

61. Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич (1928–2014) — советский и грузинский политический и государственный деятель. Член политбюро ЦК КПСС (1985–1990), ближайший соратник М.С. Горбачёва. Министр иностранных дел СССР (1985–1990). Президент Грузии (1995–2003). На момент описываемых событий — министр внешних сношений СССР (ноябрь — декабрь 1991).

62. Шахназаров Георгий Хосроевич (1924–2001) — советский и российский политолог, политический деятель, писатель, доктор юридических наук, член-корреспондент АН СССР (1987), лауреат Государственной премии СССР (1980). Помощник по международным делам генерального секретаря ЦК КПСС, затем — советник президента СССР М.С. Горбачёва (1988–1991).

63. Дзасохов Александр Сергеевич (р. 1934) — российский и советский государственный политический деятель и дипломат. Член политбюро ЦК КПСС (1990–1991), депутат Верховного Совета СССР, председатель Комитета по международным делам, член Президиума Верховного Совета СССР, депутат Государственной думы Федерального собрания РФ (1993–1997). Президент Республики Северная Осетия — Алания (1998–2005).

64. Бжезинский Збигнев Казимир (1928–2017) — американский политолог, социолог и государственный деятель польского происхождения. Советник по национальной безопасности президента США Джимми Картера (1977–1981). Автор книги *The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*. (Великая шахматная доска: Американское превосходство и его геостратегические императивы (1997).

65. Старовойтова Галина Васильевна (1946–1998) — советский и российский политический и государственный деятель, специалист в области межнациональных отношений, правозащитник. Народный депутат СССР (1989–1991), народный депутат России (1990–1993), депутат Государственной думы России (1993–1998). В описываемый период — советник президента РСФСР по вопросам межнациональных отношений (20 июля 1991 г. — 4 ноября 1992 г.).

66. Крючков Владимир Александрович (1924–2007) — советский государственный деятель. Председатель КГБ СССР (1988–1991). Один из ближайших соратников Юрия Андропова. Член ГКЧП СССР.

67. Язов Дмитрий Тимофеевич (1924–2020) — советский военачальник. Участник Великой Отечественной войны. Министр обороны СССР (1987–1991). Маршал Советского Союза (28 апреля 1990). Кандидат в члены политбюро ЦК КПСС (1987–1990). Член ЦК КПСС (1987–1991). Член Президентского совета СССР (1990). Член Совета безопасности СССР (1991). Член ГКЧП (1991).

68. Абалкин Леонид Иванович (1930–2011) — советский и российский экономист, доктор экономических наук, профессор (1980), академик АН СССР, затем — РАН. Заместитель Председателя Совета министров СССР (1989–1990).

69. Макаров Андрей Михайлович (р. 1954) — советский и российский юрист, российский государственный и политический деятель, депутат Государственной думы Федерального собрания РФ.

70. Федотов Михаил Александрович (р. 1949) — советский и российский юрист, политик, государственный деятель и правозащитник. Заместитель министра печати и массовой информации России (1990–1992). Представитель президента РФ на процессе по делу КПСС. Постоянный представитель России при ЮНЕСКО (1993–1998). Чрезвычайный и полномочный посол РФ (1994).

71. Чубайс Анатолий Борисович (р. 1955) — советский и российский политический, государственный и хозяйственный деятель, экономист. Член «правительства Гайдара». Председатель Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом (1991–1994); заместитель председателя правительства РФ по вопросам экономической и финансовой политики (1992–1994).

72. Степанов Виктор Николаевич (р. 1947) — российский государственный деятель, в 1989–1998 гг. — руководитель Республики Карелия, в 1993–1998, 2001–2006 гг. — представитель республики в Совете Федерации Федерального собрания РФ.

73. Тяжлов Анатолий Степанович (1942–2008) — российский государственный деятель. В 1981–1995 гг. — глава администрации Московской области, в 1995–2000 гг. — первый губернатор Московской области. Член Совета Федерации (1993–1999), депутат Государственной думы Федерального собрания РФ (1999–2003).

74. Новосильцев Николай Николаевич (1761–1838) — русский государственный деятель, член Негласного комитета, президент Императорской академии наук (1803–1810), председатель Комитета министров (1832–1838), председатель Государственного совета (1834–1838). Действительный тайный советник (1823), сенатор, действительный камергер, граф.

75. Завгаев Доку Гапурович (р. 1940) — российский государственный и политический деятель, дипломат, в прошлом — советский партийный функционер. Народный депутат России (1991–1993). Председатель Верховного совета Чечено-Ингушской АССР (1990–1991). В марте 1995 г. вошел в состав Комитета национального согласия Чечни, в октябре — возглавил правительство национального возрождения. В декабре 1995 г. был избран на пост главы Чеченской Республики (получил 95% голосов избирателей). В августе 1996 г. после захвата боевиками Грозного покинул Чечню, продолжал исполнять обязанности главы Чечни в составе России до 15 ноября 1996 г.

76. Егоров Николай Дмитриевич (1951–1997) — российский политик. Губернатор Краснодарского края (1992–1994). Министр РФ по делам национальностей и региональной политике (май 1994 — июнь 1995). Полномочный представитель Президента РФ в Чеченской Республике (с 30 ноября 1994 г.), руководитель Территориального управления федеральных органов исполнительной власти в Чеченской Республике в ранге заместителя Председателя Правительства Российской Федерации (8 декабря 1994 г. — 26 января 1995 г.). Освобожден от этой должности по

состоянию здоровья. С поста министра освобожден после событий в г. Буденновске.

77. Вольский Аркадий Иванович (1932–2006) — советский и российский общественный деятель. Член ЦК КПСС (1986–1991). Депутат Верховного Совета РСФСР (1984–1986). Депутат Верховного Совета СССР (1986–1989). Народный депутат СССР (1989–1991). Член РАЕН. Президент Российского союза промышленников и предпринимателей (1990–2005).

78. Кадыров Ахмат Абдулхамидович (1951–2004) — российский чеченский государственный, политический и религиозный деятель. Муфтий непризнанной Чеченской Республики Ичкерии (1994–2000). Глава Временной администрации Чеченской Республики (2000–2003). Первый Президент Чеченской Республики (2003–2004).

79. Маточкин Юрий Семёнович (1931–2006) — ученый, экономист, политик, народный депутат РСФСР (1990–1991), глава администрации Калининградской области (1991–1996), член Совета Федерации Федерального собрания РФ (1993–1996).

80. Горбенко Леонид Петрович (1939–2010) — российский политический деятель, первый всенародно избранный губернатор Калининградской области (1996–2000).

81. Орехов Руслан Геннадьевич (р. 1963) — в 1993–1999 гг. начальник Государственно-правового управления при Президенте Российской Федерации, в 1996–1999 гг. — заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации.

82. Маслов Александр Васильевич (р. 1963) — в 1991–1999 гг. занимал различные должности в Главном государственно-правовом управлении Президента Российской Федерации (последняя должность — заместитель начальника).

83. Дынкин Александр Александрович (р. 1948) — российский экономист, академик Российской академии наук (2006), директор (2006–2016), затем президент ИМЭМО РАН (с 2017), академик-секретарь отделения глобальных проблем и международных отношений РАН (с 2010), председатель научного совета, член попечительского совета Российского совета по международным делам (с 2011).

84. Пушкин Алексей Константинович (р. 1954) — российский государственный и общественный деятель, председатель Комитета Государственной думы Федерального собрания РФ по международным делам (2011–2016), член Совета Федерации (с 2016).

85. Скоков Юрий Владимирович (1938–2013) — российский государственный и политический деятель, народный депутат СССР (1989–1991), первый заместитель Председателя Совета министров РСФСР (1990–1991), первый секретарь Совета безопасности РФ (1992–1993).

86. Каданников Владимир Васильевич (1941–2021) — советский и российский промышленный и государственный деятель, один

из основных акционеров ЛогоВАЗа, генеральный директор и председатель совета директоров АвтоВАЗа (1988–2005), член Совета директоров ГЛОБЭКС Банка (2012–2017).

87. Шумейко Владимир Филиппович (р. 1945) — российский политический и государственный деятель, заместитель председателя Верховного Совета РФ (1991–1992), первый заместитель Председателя Правительства РФ (1992–1993), председатель Совета Федерации Федерального собрания РФ (1994–1996).

88. Носовец Сергей Анатольевич (1958–2004) — российский политический деятель, журналист. Народный депутат России (1990–1993), член Совета национальностей Верховного Совета РФ (1990–1993). В 1994–1996 гг. возглавлял информационное управление Администрации Президента Российской Федерации. Поддерживал радикальные меры по переходу к рыночной экономике.

89. Авен Пётр Олегович (р. 1955) — российский государственный деятель, предприниматель, коллекционер. Член «правительства Гайдара» (1991–1992) — заместитель, первый заместитель министра иностранных дел РСФСР, затем — министр внешних экономических связей РФ.

90. Нечаев Андрей Алексеевич (р. 1953) — российский государственный деятель, ученый-экономист. Доктор экономических наук (1998), профессор (2002). Первый министр экономики в истории новой России (1992–1993).

91. Головков Алексей Леонардович (1956–2009) — российский государственный и политический деятель. Консультант рабочей группы Высшего консультативно-координационного совета Президиума ВС РСФСР (1990–1991). Советник Государственного секретаря РСФСР Г.Э. Бурбулиса (1991). Руководитель Аппарата Правительства РФ (1991–1993). Депутат Государственной думы Федерального собрания РФ (1994–1999).

92. Лужков Юрий Михайлович (1936–2019) — советский и российский государственный и политический деятель. Председатель Исполкома Моссовета (1990–1991). Мэр Москвы (1992–2010).

93. Столыпин Пётр Аркадьевич (1862–1911) — государственный деятель Российской империи, статс-секретарь Его Императорского Величества (1908), действительный статский советник (1904), гофмейстер (1906). Гродненский (1902–1903) и саратовский (1903–1906) губернатор, министр внутренних дел и председатель Совета министров (1906–1911), член Государственного совета (1907–1911).

94. Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — русский государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1906), председатель Совета министров (1905–1906). Добился введения в России «золотого стандарта» (1897), способствовал притоку в Россию капиталов из-за рубежа, поощрял инвестиции в железнодорожное строительство (в том

числе Великий Сибирский путь). Фактический автор манифеста 17 октября 1905 г., который предполагал начало трансформации России в конституционную монархию.

95. Ваффеншмидт Хорст (*Waffenschmidt Horst*) (1933–2002) — немецкий политик (партия ХДС). Парламентский статс-секретарь в Министерстве внутренних дел ФРГ (1982–1997). Уполномоченный Правительства ФРГ по делам немецких переселенцев (1988–1998).

96. Ван Даохань (*Wang Daohan*, 1915–2005) — известный китайский политический и экономический деятель. С самого начала своей карьеры в правительстве КНР занимался вопросами торговли и инвестиций. В 1965 г. стал заместителем министра государственной комиссии по внешнеэкономическим связям с зарубежными странами, а в 1979 г. — назначен заместителем председателя Государственной комиссии по иностранным инвестициям и заместителем председателя Государственной импортно-экспортной комиссии. Как мэр Шанхая (1981–1985), внес вклад в успех экономических реформ Дэн Сяопина, активно поощряя иностранные инвестиции и совместные предприятия. С 1991 г. возглавлял Ассоциацию за развитие связей между берегами Тайваньского пролива.

97. Быков Валерий Алексеевич (р. 1938) — советский партийный и государственный деятель, министр, а также советский и российский ученый в области биотехнологии растений, биомедицинской технологии и создания фитопрепаратов. Академик РАН (2013), РАМН (1997) и РАСХН (2005), доктор технических наук (1989), профессор (1991). Министр медицинской промышленности СССР (1985–1991), член Центральной ревизионной комиссии КПСС (1986–1990). С 1991 г. — генеральный директор НПО «ВИЛАР» (Всероссийский научно-исследовательский институт лекарственных и ароматических растений) и директор научно-исследовательского центра биологических структур.

98. Рейснер Михаил Андреевич (1868–1928) — русский и советский ученый-юрист, публицист, социопсихолог и историк. Участник революционного движения. Выпускник юридического факультета Императорского Варшавского университета (1893).

99. Винавер Максим Моисеевич (1863–1926) — российский юрист и политический деятель, адвокат, член I Государственной думы, один из лидеров Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), выдающийся судебный и политический оратор, мемуарист. Выпускник юридического факультета Императорского Варшавского университета (1886).

100. Бухарин Николай Иванович (1888–1938) — русский революционер, советский политический, государственный и партийный деятель. Член ЦК партии (1917–1934), кандидат в члены ЦК ВКП(б) (1934–1937). Лидер так называемой правой оппозиции в ВКП(б), последовательный противник политики коллективизации. Академик АН СССР (1929). Расстрелян в 1938 г.

101. Бовин Александр Евгеньевич (1930–2004) — советский и российский журналист, публицист, политолог и дипломат. Спичрайтер генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева (1970–1982). Выпускник юридического факультета Ростовского университета (1953).

102. Бурлацкий Фёдор Михайлович (1927–2014) — советский и российский политолог, журналист, публицист. Доктор философских наук, профессор, действительный член РАН.

103. Собакин Вадим Константинович (1928–2004) — советский и российский юрист, правовед, доктор юридических наук, профессор, внесший значительный научный вклад в развитие конституционных основ внешней политики СССР, права международной безопасности, один из разработчиков концепции коллективной безопасности. Заслуженный юрист Российской Федерации. Дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посланник I класса.

104. Лазарев Борис Михайлович (1930–1995) — советский и российский ученый-правовед, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР.

105. Самощенко Иван Сергеевич (1925–1992) — советский юрист, специалист по теории государства и права. Доктор юридических наук, профессор, директор ВНИИ советского законодательства; первый заместитель министра юстиции СССР; заслуженный деятель науки РСФСР (1975). Один из авторов текста Конституции СССР (1977).

106. Лаптев Иван Дмитриевич (р. 1934) — советский и российский государственный деятель, журналист, доктор философских наук (1981). Работал в газете «Правда» (1978–1984). Главный редактор газеты «Известия» (1984–1990). Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР (1990–1991).

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКЦИИ

[1] Имеется в виду — работал в аппарате Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС).

[2] Министерство по делам национальностей и региональной политике РФ.

[3] По правилам тех времен вступить в гаражный кооператив мог только тот, у кого была машина.

[4] Окончательные результаты голосования были объявлены 30 мая 1990 г.: за избрание Б.Н. Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР проголосовали 535 депутатов, против — 502 (справочно: кворум составлял 531 голос).

[5] *Шахрай С.* А дело у нас одно — Россия // Известия. 12 мая 1990.

- [6] Закон РСФСР от 16 октября 1990 г. № 241-1 «О референдуме РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21. Ст. 230.
- [7] Всероссийский референдум о введении поста президента России прошел 17 марта 1991 г.
- [8] Состоялся 25 апреля 1993 г.
- [9] Для импичмента на тот момент было необходимо 689 голосов. «За» проголосовали 617. Таким образом, для отстранения Ельцина не хватило 72-х голосов.
- [10] Белый дом — облицованное белым мрамором административное здание на Краснопресненской набережной в Москве, где в 1984–1992 гг. располагался Дом Советов РСФСР, в 1992–1993 гг. — Дом Советов РФ; а с 1994 г. — Правительство РФ.
- [11] Если точно — 6,73%.
- [12] Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 29 января 1990 г. № 1124-1 «О составе рабочей группы по подготовке материалов к проекту Конституции СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 6. Ст. 80.
- [13] Речь идет о рабочей группе Конституционной комиссии СССР.
- [14] Сообщение ИА «Интерфакс» от 14.12.1990 «Подготовлен первоначальный вариант проекта Конституции СССР».
- [15] *Алексеев С.С., Собчак А.А.* Конституция Российской Федерации (проект): альтернативный вариант. М.: Новости, 1992; Конституция Российской Федерации. Проект Конституции подготовлен по решению Политсовета Российского движения демократических реформ / Отв. за подготовку член Политсовета А.А. Собчак; авт. разраб. проекта С.С. Алексеев, А.А. Собчак, при участии Ю.Х. Калмыкова, С.А. Хохлова. М., 1992.
- [16] Проекты конституционных актов конца XX в. // История современной России [Электронный ресурс]. URL: http://prohistory.info/ru/documents/by_category/1.
- [17] Конституция (Основной закон) Российской Федерации. Проект, представленный Президентом Российской Федерации // Московская правда. 5 мая 1993.
- [18] *Алексеев С.С.* Уроки: Тяжкий путь России к праву // Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 4: Линия права. Концепция: Сочинения 1990-х — 2009 годов. — М.: Статут, 2010. С. 89.
- [19] *Алексеев С.С.* Уроки: Тяжкий путь России к праву // Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 4: Линия права. Концепция: Сочинения 1990-х — 2009 годов. — М.: Статут, 2010. С. 89.
- [20] Сообщение ИА «Интерфакс» от 03.08.1993: «В Санкт-Петербурге считают, что проект Основного закона РФ, подготовленный

Конституционным совещанием, нуждается в доработке» // Цит. по: 1993 год. Хроники. История современной России [Электронный ресурс]. URL: <http://prohistory.info/chronics/1993>

[21] Сообщение ИА «Интерфакс» от 09.05.1993 «Хасбулатов: У нас действительно неплохая Конституция» // Цит. по: 1993 год. Хроники. История современной России. URL: <http://prohistory.info/chronics/1993>.

[22] Алексеев С.С. Уроки: Тяжкий путь России к праву. С. 101.

[23] Речь идет о статье Конституции СССР 1977 г., устанавливающей в стране верховенство единственной партии — КПСС:

Статья 6. Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу.

Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма.

Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР».

[24] Европейская хартия местного самоуправления — международный документ, определяющий фундаментальные принципы функционирования органов местного самоуправления. Принят в 1985 г. Конгрессом местных и региональных властей Совета Европы. Ратифицирована Российской Федерацией (1998).

[25] Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 23 декабря 1997 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации и части шестой статьи 15 Закона Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации” в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 5930.

[26] Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 15 июня 1998 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 2, 5 и 6 Закона Российской Федерации от 2 июля 1993 года “О выплате пенсий гражданам, выезжающим на постоянное жительство за пределы Российской Федерации” в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3003.

[27] Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 2137 “О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики)”, Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 2166 “О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на

территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта”, постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 1360 “Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа”, Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 года № 1833 “Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации”» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3424.

[28] Баркашовцы — боевые отряды ультраправой националистической, военизированной организации (русские «чернорубашечники»), созданной в 1990 г. под руководством А.П. Баркашова (р. 1953).

[29] У сторонников Хасбулатова и Руцкого, засевших в Доме Советов, в руках уже были сотни единиц огнестрельного оружия, а в 05:30 4 октября 1993 г. началась массовая выдача оружия со склада Департамента охраны Верховного Совета.

[30] General Data Protection Regulation, 2018.

[31] Стенограмма встречи представителей Верховного Совета СССР с неофициальной делегацией Эстонии (представителями русскоязычного населения) (8 сентября 1990 г.) // ГА РФ. Ф. Р-9654. Оп. 7. Д. 1084. Л. 89, 91–95, 110.

[32] Закон СССР от 10 апреля 1990 г. № 1421-1 «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 270.

Закон СССР от 26 апреля 1990 г. № 1457-1 «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 19. Ст. 329.

[33] Декларация Съезда народных депутатов РСФСР от 12 июня 1990 г. «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

[34] Указ Президента СССР от 24 августа 1991 г. № УП-2460 «Об имуществе Коммунистической партии Советского Союза» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 35. Ст. 1024.

[35] Заявление М.С. Горбачёва от 24 августа 1991 г. «О сложении полномочий Генерального секретаря ЦК КПСС» // Медведев В.А. В команде Горбачёва: взгляд изнутри. М., 1994.

[36] См.: Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives. (Бжезинский З. Великая шахматная доска:

Американское превосходство и его геостратегические императивы. М., 1998. С. 115).

[37] День подписания Алма-Атинских соглашений.

[38] Статья 72. За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР.

[39] Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2005. С. 239–240.

[40] Соколов М. Союзный договор в ВС РСФСР: Ельцин и Горбачёв опять не поссорились // Коммерсантъ Власть. № 27. 8 июля 1991. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/71>

[41] Декларация Верховного Совета Северо-Осетинской АССР от 20 июля 1990 г. «О государственном суверенитете Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики».

[42] Декларация Верховного Совета Карельской АССР от 9 августа 1990 г. «О государственном суверенитете Карельской Автономной Советской Социалистической Республики».

[43] Союзный договор. Что несет он народам России // Российская газета. № 137 (183). 2 июля 1991. С. 1–2.

[44] От Министерства обороны СССР в разработке участвовали заместитель министра В.А. Ачалов и командующий Воздушно-десантными войсками П.С. Грачев.

[45] Постановление Верховного Совета СССР от 29 августа 1991 г. № 2371-1 «О ситуации, возникшей в стране в связи с имевшим место государственным переворотом» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 36. Ст. 1038.

[46] Указ Президента РСФСР от 06 ноября 1991 г. № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 45. Ст. 1537.

[47] Указ Президента РСФСР от 23 августа 1991 года № 79 «О приостановке деятельности Коммунистической партии РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 35. Ст. 1149.

[48] Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.): в 2 т. Т. I: Нормативные акты. Официальные сообщения / Под общ. ред. проф. С.М. Шахрая. 2-е изд., испр. и доп. М.: Кучково поле, 2016. — 1120 с. — (История современной России); Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.): в 2 т. Т. II: Архивные документы и материалы / Под общ. ред. С. М. Шахрая; сост. С.М. Попова, А.А. Яник. М.: Кучково поле, 2016. — 824 с. — (История современной России).

[49] Конституция СССР 1977 года (в редакции от 26 декабря 1990 г.), статья 6: «Коммунистическая партия Советского Союза, другие

политические партии, а также профсоюзные, молодежные, иные общественные организации и массовые движения через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в других формах участвуют в выработке политики Советского государства, в управлении государственными и общественными делами».

[50] 3 апреля 1996 г. Сергей Шахрай заявил, что депутатская группа «Российские регионы» поставит на ближайшем пленарном заседании вопрос о ратификации договора о российско-белорусском сообществе, как и «договора четырех» (об углубленной интеграции России, Белоруссии, Казахстана и Киргизии).

[51] Федеративный договор — совокупность актов о разграничении предметов ведения и полномочий внутри Российской Федерации — между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов федерации. Подписан 31 марта 1992 г.

[52] Указ Президента Российской Федерации от 02 июня 1993 г. № 840 «О порядке работы Конституционного совещания» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 23. Ст. 2105.

[53] *Шахрай С.М.* Федерализм и конституционное правосудие. Проблемы теории, методологии, практики: автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.02 / С.-Петерб. ун-т МВД РФ. СПб., 2001. — 52 с.

[54] Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ «Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики)». М., 1994. С. 44.

[55] Распоряжение Президента Российской Федерации от 15 апреля 1994 г. № 189-пр «О мерах по политическому урегулированию отношений федеральных органов государственной власти с органами государственной власти Чеченской Республики» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 16. Ст. 1380.

[56] Постановление Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации от 25 марта 1994 г. № 75-1 «О политическом урегулировании отношений федеральных органов государственной власти с органами власти Чеченской Республики» // Ведомости Федерального собрания РФ. 1994. № 3. Ст. 155.

[57] Венецианская комиссия — консультативный орган по конституционному праву, создан при Совете Европы в 1990 году.

[58] В 1989 г. А.П. Смоленский создал коммерческий банк «Столичный» и был избран председателем правления, а к 1994 г. стал президентом банка. В 1994 г. банк «Столичный» был переименован в Столичный банк сбережений (СБС). В 1996 г. А.П. Смоленский приобрел контрольный пакет акций Агропромбанка, после чего в 1997 г. Столичный банк сбережений был переименован в «СБС-Агро».

[59] Решение Российского фонда федерального имущества от 16.12.1998 «О создании Открытого акционерного общества небанковской кредитной организации “Агентство по реструктуризации кредитных организаций”».

[60] Холдинг «Газпром-медиа» был создан в 1998 г. для управления активами в СМИ, которые на тот момент принадлежали газовому концерну Газпром: 100% акций телерадиокомпании «Прометей АСТ», газета «Труд», контрольный пакет акций газеты «Трибуна», 30% НТВ, 3% ОРТ и около 100 региональных СМИ.

[61] Определение Конституционного суда РФ от 29 мая 1997 г. № 55-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 октября 1996 года № 1412 “Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 22. Ст. 2664.

[62] Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 52-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона “О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете”» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1422.

[63] Автор — Николай Носов.

[64] За проголосовал 241 депутат, против — 72, 20 воздержались. Поводом стала трагедия в Буденновске, вину за которую депутаты возложили на руководителей силовых министерств.

[65] *Поспелова Ю.* Новый начальник ГПУ — Шахрай // Журнал «Коммерсантъ Власть». 1992. № 104. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2742>

[66] Речь идет об американской компании Kroll, Inc. (создатель — Жюль Кролл), которую считают предтечей современной индустрии корпоративных расследований.

[67] Речь, в частности, идет об Указе Президента СССР, в котором объявлено о либерализации цен в промышленности, переходе к договорным ценам. См.: Указ Президента СССР от 04 октября 1990 г. № УП-809 «О первоочередных мерах по переходу к рыночным отношениям» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 41. Ст. 827.

[68] В.В. Путин был секретарем Совета безопасности РФ с 29 марта по 9 августа 1999 г. Е. М. Примаков ушел в отставку с поста Председателя Правительства РФ 12 мая 1999 г.

[69] *Бовт Г., Калашникова Н.* Московский визит Ричарда Никсона: Экспозиционер приревновал экс-президента к экс-вице-президенту // Коммерсантъ. № 42. 1994. 10 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/73172/>

[70] ИНТОСАИ — International Organization of Supreme Audit Institutions (INTOSAI) — Международная организация высших органов аудита, включает счетные палаты 193 стран мира.

[71] Потом, еще в президентство Бориса Николаевича, царя и семью канонизировали как «царственных страстотерпцев», а на месте снесенного Ипатьевского дома заложили Храм на Крови (открыт с 16 июля 2003 г.).

[72] Речь идет о законопроекте «О статусе Красной площади города Москвы», который Государственная дума приняла 4 июня 1997 г., но он был отклонен Советом Федерации.

[73] *Сталин И.В.* О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 140.

[74] *Колесников А.И.* Спичрайтеры: Хроника профессии, сочинявшей и изменявшей мир. М.: АСТ, 2007.

НАД КНИГОЙ РАБОТАЛИ

Фотографии предоставлены Фондом «Президентский Центр Б.Н. Ельцина» и С. Шахраем

Фото: *Дмитрий Донской, Евгений Кондаков, Владимир Кормилкин, Алексей Сазонов, Дмитрий Соколов, Юрий Феклистов, архив Президентского Центра Б.Н. Ельцина, ТАСС, РИА*

Литературная обработка *Лилия Дубовая*

Научный редактор *Виталий Камышев*

Фоторедактор *Александр Манохин*

Руководитель проекта «90-е: личности в истории» *Людмила Телень*

Художественный редактор *Александр Буслаев*

Компьютерная верстка *Алексей Рунов*

Корректоры *Елизавета Платонова, Ольга Левина*

Выпускающий редактор *Анна Ефимова*

Директор издательства *Александр Андрющенко*

Издательство «Синдбад»

info@sindbadbooks.ru, www.sindbadbooks.ru